

ИСТОРИЯ
ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

«О моей жизни» Джироламо Кардано

«О моей жизни»
Джироламо
Кардано

**ИСТОРИЯ
ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА**

**ИТАЛЬЯНСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ**

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

«О моей жизни»
Джироламо
Кардано

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2012

УДК 929Кардано
ББК 72.3
О-11

Издание подготовлено при поддержке
Научного фонда НИУ ВШЭ
(Коллективный исследовательский проект
«Учитель—Ученики» № 10-04-0003)
д.и.н., профессором НИУ ВШЭ
Ю.П. Зарецким и студентками философского факультета
Г.Г. Аванян, М.Ю. Вагиной

«О МОЕЙ ЖИЗНИ» ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

Редактор-составитель: Ю.П. *Зарецкий*
Перевод: Ф.А. *Петровский*, С. *Бартенева*, В. *Бернард*,
Р. *Броль*, Т. *Быкова*, Е. *Волоконцев*
Комментарии: В.П. *Зубов*, Г.Г. *Аванян*, М.Ю. *Вагина*
Вступительная статья: Г.Г. *Аванян*, М.Ю. *Вагина*,
Ю.П. *Зарецкий*

На обложке: портрет Кардано — гравюра Р. Купера
(начало XIX в.) с оригинала XVI в.;
карта звездного неба XVII в. Фредерика де Вита.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	9
Джироламо Кардано и его автобиография.....	II
О МОЕЙ ЖИЗНИ.....	25
Глава I. Родина и предки.....	26
Глава II. О моем рождении.....	28
Глава III. О некоторых чертах и привычках моих родителей.....	31
Глава IV. Краткое описание моей жизни с начала ее до настоящего дня (т.е. до конца октября 1575 г.).....	32
Глава V. Рост и наружность.....	40
Глава VI. О болезнях.....	41
Глава VII. О телесных упражнениях.....	46
Глава VIII. Питание.....	47
Глава IX. О том, как я лелеял мысль увековечить свое имя.....	50
Глава X. Об образе жизни.....	53
Глава XI. О рассудке.....	58
Глава XII. Занятия диспутами и преподаванием.....	59
Глава XIII. Мои нравы, пороки и заблуждения.....	62
Глава XIV. О добродетелях и стойкости.....	67
Глава XV. О друзьях и покровителях.....	71
Глава XVI. О врагах и соперниках.....	74
Глава XVII. Клеветы, сплетни и козни моих обвинителей.....	74
Глава XVIII. Мои увлечения.....	77
Глава XIX. Шахматы и кости.....	78
Глава XX. Об одежде.....	79
Глава XXI. Походка и размышления.....	80

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XXII.	Религия и благочестие.....	81
Глава XXIII.	О соблюдавшихся мною особых правилах.....	82
Глава XXIV.	Дома, в которых я жил	85
Глава XXV.	Бедность и потеря отцовского наследства	86
Глава XXVI.	Мое супружество и дети	87
Глава XXVII.	Несчастливая судьба моих детей.....	88
Глава XXVIII.	О моих постоянных тяжбах	91
Глава XXIX.	О моих путешествиях	92
Глава XXX.	Об опасностях и случайностях, которым я подвергался, а также о многочисленных, разнообразных и непрерывных кознях против меня	95
Глава XXXI.	О счастье.....	108
Глава XXXII.	Почести, которых я был удостоен.....	112
Глава XXXIII.	Мои бесчестия и роль снов в этом отношении. О ласточке в моем гербе.....	120
Глава XXXIV.	Мои учителя	127
Глава XXXV.	Воспитанники и ученики.....	127
Глава XXXVI.	О духовных завещаниях	128
Глава XXXVII.	О некоторых присущих мне от природы свойствах и, между прочим, о сновидениях	129
Глава XXXVIII.	О пяти свойствах, оказывавших мне помощь в жизни.....	140
Глава XXXIX.	О моей учености.....	143
Глава XL.	Успешное лечение болезней.....	147
Глава XLI.	Явления, по-видимому, естественные, но поразительные, которыми отмечена вся моя жизнь, и возмездие сына	159

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XLII.	Моя способность предсказывать как в области медицины, так и в других областях	166
Глава XLIII.	Подлинно сверхъестественные случаи.....	170
Глава XLIV.	Что нового и достойного упоминания я ввел в различные области науки	178
Глава XLV.	Написанные мною книги. О времени, причинах и обстоятельствах их написания	182
Глава XLVI.	О себе самом	196
Глава XLVII.	Дух	198
Глава XLVIII.	Свидетельства обо мне знаменитых людей.....	204
Глава XLIX.	Рассуждение о делах мира сего	209
Глава L.	Изречения, которыми следует руководиться. Плач по умершему сыну	214
Глава LI.	О недостатках, которые я в себе сознаю.....	225
Глава LII.	О переменах во мне в связи с возрастом.....	227
Глава LIII.	Особенности моего обхождения.....	231
Заключение	.....	234

7

ПРИЛОЖЕНИЯ

Джироламо Кардано

Избранные афоризмы

из «Семи сегментов».....239

Общие афоризмы .....

Афоризмы, относящиеся к натальным картам.....244

Афоризмы о революциях.....259

Афоризмы, относящиеся к декумбитурам,
болезням, лекарствам и т.д. 263

СОДЕРЖАНИЕ

Афоризмы об элекциях	270
Афоризмы о кометах и затмениях	272
Афоризмы, касающиеся погоды, метеоров и т.д.	275
Несколько афоризмов, относящихся к земледелию	276
Афоризмы о всеобщих событиях	277
<i>В.П. Зубов</i> Заметки о Джироламо Кардано	279
БИБЛИОГРАФИЯ	334

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«О моей жизни» Джироламо Кардано — безусловно, одно из самых ярких и удивительных автобиографических сочинений итальянского Возрождения. Долгое время оно оставалось в тени более известных автобиографий, созданных современниками Кардано: «Жизни» Бенвенуто Челлини и «Опытов» Мишеля Монтеня. В последние годы, однако, эта ситуация начинает меняться: рассказ Кардано о себе и его фигура в целом привлекают все большее внимание не только специалистов-историков, но и широкого круга читателей.

Английский перевод «О моей жизни» выходит в США с новым предисловием известного историка Энтони Графтона в популярной серии классики, анонсируемой как «новаторский подбор художественной и документальной литературы, предназначенной для проницательных и отважных читателей». Переводы автобиографии Кардано издаются также в Великобритании, Италии, Германии, Испании, Голландии. Наряду с этим публикуются переводы его научных трудов, ежегодно появляются десятки статей и книг, посвященных тем или иным сторонам его научного наследия, а в 2001 г., по случаю 600-летия со дня рождения ученого, в итальянском Университете Инсубрия торжественно открывается Институт высших исследований, носящий его имя (Istituto di Studi Superiori dell'Insubria «Gerolamo Cardano»).

На русском языке автобиография Кардано в переводе Ф.А. Петровского была впервые опубликована в Государственном издательстве художественной литературы в 1938 г. Очевидно, что сегодня эта публикация уже является раритетом, который можно разыскать далеко не во всякой научной библиотеке. Сделать «О моей жизни» доступной широкому кругу современных читателей — главная задача настоящего переиздания сочинения. Это новое издание, подготовленное в результате увлеченной работы выпускниц философского факультета НИУ ВШЭ Г.Г. Аваян и М.Ю. Вагиной, имеет важные отличия от первого. Прежде всего, в соответствии с научно-учебными задачами, в нем существенно дополнены комментарии. В него включены также два приложения, призванные способствовать лучшему пониманию читателем разносторонней и во многом необычной личности ита-

льянского ученого: его астрологические предсказания в переводе, выполненном под редакцией Д. Куталева, и материалы к его биографии В.П. Зубова (1900–1963). Наконец, это библиография работ Кардано и о Кардано на русском языке, публикуемая в конце книги — она будет путеводной нитью для тех, у кого история жизни Миланца вызовет желание узнать о нем больше. Все работавшие над этой книгой надеются, что таких любознательных читателей будет немало. Кроме того, они надеются, что интерес к фигуре и научному наследию Кардано станет отправной точкой для новых плодотворных поисков российских исследователей в самых разных областях гуманитарного знания.

Книга выходит в новой серии Издательского дома ВШЭ «История от первого лица» вместе с тремя другими: «Автобиографические сочинения в Италии XIV–XV веков», «“Жизнь” Бенвенуто Челлини», «Детство в европейских автобиографиях»¹.

Ю.П. Зарецкий

¹ См. ранее выходившие публикации автобиографических текстов Средневековья: История субъективности: Средневековая Европа / сост. Ю.П. Зарецкий. М.: Академический проект, 2009 и История субъективности: Древняя Русь / сост. Ю.П. Зарецкий. М.: Академический проект, 2010.

ДЖИРОЛАМО КАРДАНО И ЕГО АВТОБИОГРАФИЯ

В жизни и посмертной судьбе Джироламо Кардано (1501—1576), итальянского ученого, внесшего значительный вклад в развитие науки эпохи Возрождения, многое поражает. Он написал более сотни научных трудов по различным отраслям знаний: медицине, инженерии, математике, криптографии, астрологии, физике, этике, богословию, однако сегодня ученый известен большинству читателей единственно как изобретатель карданного вала. Он составил историю собственной жизни, в которой задумал рассказать потомкам всю правду о себе, но она только недавно стала привлекать интерес широкой публики.

О ЖИЗНИ КАРДАНО

Джироламо, внебрачный сын адвоката из Милана Фацио Кардано, родился в 1501 г. в Павии. В своей жизни он занимался многими видами деятельности, но по-настоящему прославился как врач. Учился сначала в Павии, затем в Падуе, где в 1525 г. получил степень доктора медицины. Спустя девять лет стал профессором Миланского университета, а еще через некоторое время получил звание почетного гражданина Болоньи. Кардано по праву гордился своими достижениями, поскольку положение незаконнорожденного создавало ему многочисленные препятствия на пути к успеху. В коллегия врачей Милана, например, его приняли только после того, как специально для него — к тому времени уже известного медика — были изменены правила, запрещавшие принимать незаконнорожденных.

В 1531 г. Джироламо женился на пятнадцатилетней Лючии Бандарени, от этого брака у него родились двое сыновей и дочь. Сыновья принесли ему немало страданий: старший был осужден и казнен за покушение на свою жену; младший настолько огорчал постоянным участием в азартных играх и скандалах, что Джироламо лишил его наследства и просил власти сначала посадить его в тюрьму, а потом — приговорить к изгнанию.

На протяжении всей своей беспокойной жизни Кардано не раз увлекался занятиями, выходившими за рамки общепринятого. Будучи астрологом, он, не ограничиваясь пред-

сказаниями для современников и известных людей прошлого, составил гороскоп Иисуса Христа, за что подвергся гонениям церкви и даже был заключен в тюрьму. Чтобы искупить свою вину, в 1571 г. он отправился в Рим и предстал с покаянием перед Папой Пием IV. Пий отказал ему, но спустя два года новый Папа Григорий XIII не только отпустил Джироламо грехи и разрешил заниматься медицинской практикой, но и назначил ему пенсию. Именно в Риме Кардано прожил остаток своей жизни. Последняя дата в его автобиографии — 28 апреля 1576 г. Через полгода, 21 сентября, он умер.

Со смертью Кардано связана легенда. Некоторые биографы считают, что он составил собственный гороскоп и, чтобы доказать, что его прогноз точен, за неделю до предсказанной даты смерти перестал принимать пищу. В итоге Джироламо умер точно в предполагаемый день от полного истощения.

Из-за странностей и необычных увлечений фигура Кардано нередко ассоциируется одновременно с гениальностью и с безумием. Чезаре Ломброзо, обративший внимание на необычность личности ренессансного ученого, посвятил ему одно из своих первых исследований «О безумии Кардано» (1877), в котором привел подробный список симптомов (сны, галлюцинации, мания преследования и проч.), указывающих на психическое нездоровье Джироламо¹.

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КАРДАНО

Фигура Кардано, несмотря на ее яркость и многогранность, в течение долгого времени не была объектом серьезного изучения историками. Впрочем, нельзя сказать, что она оставалась и совсем забытой.

Первая фундаментальная биография ученого, автором которой был британский литературовед Генри Морли, вы-

¹ Схожая характеристика Кардано как гения и безумца одновременно содержится и в самом известном труде Ломброзо «Гениальность и помешательство»: «Кардано, о котором современники говорили, что это умнейший из людей и в то же время глупый, как ребенок, Кардано, первый из смельчаков, решившийся критиковать Галена, исключить огонь из числа стихий и назвать помешанными колдунов и католических святых, этот великий человек был сам душевнобольным всю свою жизнь» [Ломброзо, 1892, с. 62].

шла в середине XIX в. [Morley, 1854], на нее и сегодня ссылаются большинство исследователей его жизни и творчества. В середине XX в. жизнь и труды Кардано привлекли внимание норвежского математика, профессора Йельского университета Ойстейна Уре, опубликовавшего книгу «Кардано: Ученый-игрок» [Ore, 1953]. Помимо описания открытий Миланца в области теории игр в ней содержится перевод на английский одного из его сочинений. Значимым событием в кардановедении стало исследование американского историка Энтони Графтона «Космос Кардано. Миры и труды астролога эпохи Возрождения» [Grafton, 1999], в котором не только рисуется портрет ученого-астролога XVI в. и рассматриваются труды Кардано, посвященные гороскопам, но и воссоздается удивительный мир ренессансной науки.

В последние годы появилась целая серия публикаций о Кардано на русском языке. Как о ренессансном натур-философе о нем пишет историк итальянского гуманизма Л.М. Брагина [Брагина, 1997]. Вышел русский перевод книги астролога XVII в. Вильяма Лилли, сделавшего подборку афоризмов Кардано о предсказаниях и судьбе [Бонатти, Кардано, Лилли, 2005]. Посмертно издаются заметки о Кардано известного историка науки и искусства В.П. Зубова, в которых уделяется значительное внимание математическим открытиям Миланца [Зубов, 2010]. Наконец, публикуется второе издание популярной истории жизни и творчества Кардано Р. Гутера и Ю. Полунова, на настоящий момент это единственная биография итальянского ученого на русском языке [Гутер, Полунов, 2010].

АВТОБИОГРАФИЯ

Автобиографию, написанную на латыни и известную под названием «О моей жизни», Кардано создал на склоне лет. В ней он подробно рассказывает о самом себе, своих научных экспериментах, отношениях с другими учеными, путешествиях, препятствиях на пути к успеху. Особенностью этого сочинения является его специфическая форма: это описание жизни ученого и его размышления о прожитых годах, сопровождающееся «медико-антропологическим анализом собственной индивидуальности» [Кон, 1984, с. 119]. Действительно, ни у одного из итальянских писателей этого време-

ни не найти такого детального отображения собственных привычек, наружности, болезней, телесных особенностей, рациона, нрава, пороков, заблуждений.

При этом темы и сюжеты автобиографических рассказов Кардано не замыкаются на его собственной персоне: из них мы также узнаем о том, как в его время было устроено образование в Павии и Падуе, как складывались отношения между врачом и его сановными пациентами, какая одежда была в моде, каковы были нравы ученой среды, а также о множестве других разнообразных деталей повседневной жизни итальянцев XVI в. Этот калейдоскоп сведений, а также филигранное описание Кардано мельчайших подробностей, относящихся как к окружающему его миру, так и к его собственной персоне, превращают книгу «О моей жизни» в интереснейший исторический документ.

14

Невольно возникает вопрос: что подвигло Джироламо на создание его автобиографического труда? Ответы на него, конечно, могут быть лишь гипотетическими, и все же попробуем их сформулировать. Прежде всего миланец преследовал научные цели — хотел убедиться в правильности составленных им гороскопов и мистических предсказаний. Он считал, что подробное описание жизни человека позволяет выяснить, всегда ли следует доверять астрологическим прогнозам [Зубов, 1938, с. 5]. Можно также предположить, что важным мотивом написания автобиографии было стремление Кардано остаться в памяти потомков на века, о чем недвусмысленно свидетельствуют его собственные слова и поступки. Именно для того чтобы сохранить память о себе, он пытается охватить как можно больше областей научного знания, занимаясь одновременно медициной, математикой, музыкой, астрологией. Автобиография — еще одно средство сохранения памяти о себе, свидетельство о прожитой жизни, способ подведения ее итогов².

² Во времена Кардано написание автобиографий было делом далеко не обычным. Именно поэтому, как бы оправдывая свой поступок, он старается показать, что публичный рассказ о себе имеет традицию, уходящую в глубокую древность. «Пусть это свидетельствует о том, что мы следуем примеру древних, а не затеваем чего-либо нового или нами самими измышленного», — пишет он, под «древними» подразумевая римского императора Марка Аврелия Антонина, Иосифа Флавия, Галена, Луция Суллу, Гая Юлия Цезаря. См.: наст. изд. с. 26.

НАУЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Кардано занимался различными видами научной деятельности, причем в каждом из них достиг определенных результатов. Эта разносторонность ученого имела общее натурфилософское основание: он был убежден, что все в мире взаимосвязано и составляет умопостигаемое единство, в основе которого лежит вечная мировая душа — «активное жизненное начало, которое выявляется в нисходящем с неба тепле» [Брагина, 2007, с. 741]. Однако медицина всегда была для него занятием первостепенной важности, его основным увлечением, профессией и призванием. Сам Кардано говорит о том, что к медицине его привел «вековечный закон природы», а также ее «пригодность для всего земного шара и всех веков» (см.: наст. изд., с. 57). Кроме того, добавляет он, в его времена трудно было найти профессию, которая приносила бы больший доход и уважение в обществе, чем профессия врача. И Джироламо не раз подчеркивает в автобиографии свой успех целителя и свою славу среди врачей. Главной причиной же их он называет умение правильно ставить диагноз благодаря «дару озарения», т.е. некоей своей сверхъестественной способности.

То, что он выбрал путь медика, подчеркивает Кардано, является его собственной заслугой: такое решение он принял вопреки наставлениям отца (Фацио считал, что сын непременно должен пойти по его стопам и стать юристом). Джироламо был убежден, что профессия медика кратчайшим путем приведет его к заветной цели «увекочить свое имя» (см.: наст. изд., с. 50). Он гордится тем, чего добился как целитель, охотно приводит хвалебные слова других в свой адрес, многократно упоминает, что брался за лечение больных, от которых отказывались другие. Он также подчеркивает, что является не только практикующим врачом, но и врачом-ученым: опираясь на труды своих великих предшественников, он глубоко постиг премудрости медицины и щедро делится с коллегами методами лечения, которые сам успешно опробовал на практике.

Единственным направлением медицины, к которому ни разу не обращался Кардано за многие годы своей практики, была анатомия. В одном из своих трудов он признается, что страшится смерти, а вид трупов приводит его в ужас [Гутер,

Полунов, 2010, с. 232]. По этой причине вместо тщательного изучения человеческого тела, на чем настаивал Леонардо и его последователи (в том числе друг Джироламо Андреас Везалий), он выбрал путь Галена и Авиценны: в поисках первопричин нездоровья человека он опирался на философские теории о гармонии души и тела и создавал на их основе причудливые рецепты лекарств.

16 Кардано был также широко известен в качестве автора гороскопов. Он составил их для Франческо Петрарки, Альбрехта Дюрера, Андреаса Везалия и многих других знаменитых людей, а также для своих друзей и знакомых. В этом деле, однако, он был не слишком успешен и не раз предсказывал важные жизненные события современникам ошибочно. В сочинении «*Geniturarum exempla*» (1554) он приводит 12 несбывшихся гороскопов, в том числе гороскоп английского короля Эдуарда VI (1541–1553), пророчащий английскому монарху блестящую карьеру и счастливую жизнь. Вскоре после этого предсказания Джироламо покинул Англию, а Эдуард VI через шесть месяцев умер. Впоследствии он оправдывал себя тем, что нарочно составил гороскоп неверно, опасаясь разделить участь предыдущего астролога Роберта Аллена, который был заключен под стражу из-за того, что напророчил несчастье [Гурев, 1970, с. 110]. Джироламо также увлекался астрологическим объяснением истории религий, исследовал истоки и характер различных ересей, составлял гороскопы многих духовных лиц. Известно, что его услугами пользовался даже Папа Римский Павел III [Grafton, 1999, p. 86].

Безусловно, итальянскому ученому удалось увековечить свое имя, однако не успехами в медицине или астрологии, а благодаря одной новации в механике. Ее история вкратце такова. В 1541 г. во время триумфального шествия императора Карла V в завоеванном им Милане Кардано как ректору коллегии врачей была оказана честь идти рядом с императорским экипажем. В благодарность Кардано предложил на будущее снабдить экипаж подвеской, улучшающей балансировку, это и было то приспособление, которое под названием «карданный вал» известно каждому современному автомобилисту [Гиндикин, 2001, с. 21]. И хотя счи-

тается, что схема этого устройства была известна еще Леонардо да Винчи, тот факт, что Кардано смог первым найти ему практическое применение, неоспорим.

Неоднозначная память о Кардано осталась и в истории математики. Его книга «Великое искусство» («Ars Magna»), важное сочинение по алгебре, содержит первую публикацию решения кубических и биквадратных уравнений, ныне известного как «формула Кардано». Книга эта была чрезвычайно популярна в XVI в.: только при жизни автора она выдержала два издания, в 1545 и в 1570 гг. Примечательно, что в ней Джироламо прямо указывает, что авторство приводимой им математической формулы для нахождения корней кубического неполного уравнения вида $x^3 + ax + b = 0$ принадлежит Никколо Тарталье, и что эта же формула была выведена Сипиано дель Ферро. Однако, несмотря на сделанную оговорку и на то, что авторство формулы Джироламо никогда не пытался приписать себе, она носит сегодня имя Кардано...

Кроме медицины, астрологии, механики и математики Миланец еще живо интересовался криптографией. В 1550 г. издается его книга «О тонкостях» («De subtilitate») с дополнением «О разных вещах» («De rerum varietate»). В этом дополнении описывается способ шифрования, известный как «решетка Кардано». Способ написания тайных сообщений, предложенный автором, в целом был достаточно прост. «Решетка Кардано» представляет собой плотный лист картона или металла, в котором произвольно проделаны различной длины прямоугольные отверстия. Скрытое послание вписывалось через решетку (в каждое отверстие — по букве или слогу), а оставшееся на листе место заполнялось текстом. Для дешифровки адресат должен был иметь идентичную решетку, за четыре поворота которой можно было восстановить сообщение целиком³. Преимуществом «решетки Кардано» было то, что скрытый с ее помощью текст практически невозможно расшифровать без нужного устройства, недостатком — необходимость обладать литератур-

³ Вероятно, такого рода решетка была известна и до Кардано, но она вошла в историю под его именем. Впоследствии этот способ шифрования любил использовать кардинал Ришелье (1585–1642) в частной и дипломатической переписке.

ным талантом (сложность состояла в том, что тайнопись должна была быть скрыта в письме таким образом, чтобы оно казалось незашифрованным)⁴.

КАРДАНО И ЧЕЛЛИНИ

18

Знаменитый историк культуры итальянского Возрождения Якоб Буркхардт, говоря о наиболее ярких автобиографиях Возрождения, поставил труд «О моей жизни» Джироламо Кардано рядом с «Жизнью» Бенвенуто Челлини (1500—1571) [Буркхардт, 1996, с. 222]. Такое соседство представляется вполне уместным и понятным, если взглянуть на биографии обоих авторов: Кардано и Челлини были современниками, к тому же их судьбы имели немало общих черт. Бенвенуто родился в 1500 г. во Флоренции, Кардано — спустя год, в Павии; оба прославились при жизни (один как ювелир и скульптор, другой как врач, математик и астролог); оба много путешествовали по Италии и некоторое время работали в одних и тех же городах (хотя ни разу не встретились); оба гордились своим родным городом: первый любил называть себя флорентийцем, второй — миланцем; наконец, оба ушли из жизни с разницей в несколько лет: Кардано — в возрасте 75 лет, Челлини — 71 года.

И все же в их биографиях мы видим немало различий. Если Челлини стал вести жизнь странника с ранней юности (еще не достигнув 17 лет, он успел побывать в Пизе, Болонье, Сиене), то Кардано впервые надолго покинул Милан лишь в девятнадцать. Кардано женился на дочери соседа, когда ему было тридцать, Челлини — на своей служанке в 60 лет. По-разному сложились и их отношения с детьми: Кардано сильно огорчали его сыновья; Челлини же, ведший в молодые годы богемный образ жизни, в последние десять лет испытывал нежную привязанность к своим пятерым малолетним детям и проявлял о них трогательную заботу.

Разными оказались и судьбы их автобиографий. История жизни Кардано была опубликована в Париже в 1643 г., почти через 70 лет после смерти ее автора. Рассказа о себе Челлини пришлось ждать еще 80 лет: он вышел в 1728 г. в Неаполе. А еще через сто лет был переведен на немецкий,

⁴ Такой способ не шифрования данных, а скрытия самого факта сообщения является составной частью криптографии и называется стеганографией.

французский и английский языки и стал предметом восхищения Гете, Стендаля, Бодлера. Историки литературы конца XVIII — начала XIX в. восторженно отзывались о живом и непосредственном стиле Челлини, причисляя его «Жизнь» к шедеврам итальянской литературы. Автобиография же Кардано, написанная на латыни — языке ученых того времени, никогда не претендовала на литературные достоинства, и сегодня она воспринимается в первую очередь как исторический документ.

И все же читатель, который познакомится с обоими сочинениями, скорее всего удивится тому, как много объединяет их героев. Это сходство, впрочем, станет понятней, если вспомнить, что оба были итальянцами, оба представляли образованную часть общества и оба жили в одну эпоху, породившую целую плеяду выдающихся людей в искусстве и науке. Именно это последнее обстоятельство — принадлежность к одной эпохе — дает сегодня ученым возможность проводить самые разные параллели между фигурами Кардано и Челлини и находить между ними общие, порой самые неожиданные, черты. Так, экономисты, специализирующиеся в области управления рисками, утверждают, что жизненный успех, достигнутый обоими, был обеспечен «свободой мысли, страстью к эксперименту и стремлением взять под контроль будущее», поскольку их объединял свободолобивый дух, решительность и новое отношение ко времени [Бернстайн, 2000, с. 61].

* * *
*

Но, может быть, главным, что их объединяло, было стремление «дать миру весть о себе» (выражение Челлини), т.е. оставить современникам и потомкам «славу доброго имени». Кардано явно много думал о славе, желая предстать перед будущими поколениями известным ученым и достойным человеком — таким, каким он сам себя видел. Его размышления о славе и забвении, исполненные сомнений и надежд, прямо свидетельствуют об этом.

Пусть ты будешь писателем, — говорил я себе, — но каковы окажутся твои писания при чтении их? О чем таком сможешь ты писать, что было бы само по себе настолько значительно

и так хорошо тебе известно, что у читателей могло бы возникнуть желание получить об этом еще более подробные сведения? Какой красотой стиля и каким искусством должен будешь ты обладать, чтобы они захотели продлить чтение твоих произведений? Да и начали бы их читать? И даже если твои писания выдержат это испытание, не может ли случиться, что с годами они со дня на день будут терять свою известность, так что, в конце концов, все написанное тобой окажется если не в презрении, то в пренебрежении?

В итоге Джироламо, желая увековечить свое имя, написал 131 книгу (см.: наст. изд., с. 182—186). Количественный критерий для него исключительно важен — чем больше трудов останется после него, тем больше шансов остаться в истории⁵. Оправдался ли его расчет? Трудно ответить однозначно. Однако мы определенно знаем, что в науке и технике его имя сохранилось на века, хотя и парадоксальным образом: в названии карданного вала, принцип работы которого был известен еще до него, и в названии математической формулы, которую открыл не он.

Его же земная жизнь завершилась 21 сентября 1576 г. в Риме, где Джироламо был захоронен в церкви Святого Андрея. Позднее его прах был перенесен в Милан в собор Святого Марка, где он покойся и поныне рядом с прахом его отца Фацио и сына Джанбаттисты.

Гаяне Аванян, Мария Вагина, Юрий Зарецкий

ЛИТЕРАТУРА

Бонатти Г., Кардано Дж., Лилли В. *Anima Astrologiae* — Руководство для астрологов. М.: Академия мировой астрологии и метаинформации, 2005.

Брагина Л.М. Гуманистические традиции в этико-философской концепции Джироламо Кардано // *Культура Возрождения XVI века*. М.: Наука, 1997.

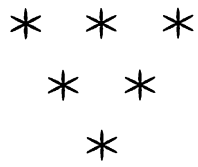
⁵ Кардано, вообще, мыслит преимущественно количественными категориями. В связи с этим исследователи не раз обращали внимание на его склонность к организации различного рода данных в списки: даже свои антропологические и биологические особенности он изображает как длинные перечисления признаков [Rivari, 1906, p. 26].

«О МОЕЙ ЖИЗНИ»
ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

- Брагина Л.М. Кардано // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007.
- Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996.
- Бернштейн П. Против богов. Укрощение риска. М.: ЗАО «Олимп—Бизнес», 2000.
- Гиндикин С.Г. Рассказы о физиках и математиках. М.: МЦМНО, 2001.
- Гурев Г.А. История одного заблуждения: Астрология перед судом науки. Л.: Наука, 1970.
- Гутер Р., Полунов Ю. Джироламо Кардано. Гений времени и места. М.: Энас, 2010.
- Зубов В.П. Джироламо Кардано и его книга «О моей жизни» // Кардано Дж. О моей жизни. М.: ГИХЛ, 1938.
- Зубов В.П. Заметки о Джироламо Кардано // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 3.
- Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.
- Grafton A. Cardano's Cosmos: The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999.
- Morley H. Jerome Cardan: The Life of Girolamo Cardano, of Milan, Physician. London: Chapman and Hall, 1854.
- Ore Ø. Cardano, the Gambling Scholar. Princeton: Princeton Univ. Press, 1953.
- Rivari E. La Mente di Girolamo Cardano. Bologna: Zanichelli, 1906.

ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

О МОЕЙ ЖИЗНИ

И

меня в виду, что из всего того, что может быть достигнуто человеческим умом, нет ничего отраднее и достойнее познания истины и что ни одно из созданий смертных людей не может быть завершено, не подвергнувшись хотя бы в малой степени клевете, мы,

25

по примеру мудрейшего, без сомнения совершеннейшего мужа Антонина Философа¹, решили написать книгу о собственной жизни. Мы заверяем, что ничего не внесли в нее ради хвастовства или из желания что-нибудь приукрасить, но составили ее, изложив в ней, насколько было возможно, как те события, свидетелями коих были наши ученики — главным образом Эрколе Висконти, Паоло Эйфомиа и Родольфо Гельватико, — так и записанные нами исторические события. К этому уже приступал несколько лет тому назад один из моих родственников и учеников Гаспаро Кардано, по профессии врач, но смерть постигла его раньше, чем он мог закончить свой труд.

Сделать это, не заслуживая никакого порицания, допустимо не только Иудею², но и всякому человеку; что же каса-

¹ Имеется в виду римский император Марк Аврелий Антонин (161–180), автор сочинения «К себе самому» (известного также под заглавием «Размышления»).

² Из главы XIII следует, что Кардано имеет в виду Иосифа Флавия (ок. 37 — ок. 100) — еврейского историка и военачальника, который известен сочинениями «Иудейские древности» и «Иудейская война». Кардано ссылается на автобиографическое сочинение «Жизнь Иосифа Флавия», в котором Иосиф защищает свои указы, сделанные в должности правителя Галилеи, от обвинений еврейского историка Юста Тивериадского в возбуждении восстания иудеев против римского господства.

ется меня, то хотя события моей жизни не представляют собою чего-нибудь исключительно важного, однако многие из них поистине достойны удивления.

26 Нам прекрасно известно, что это же пытался сделать и Гален³, но ему представлялось более пристойным разбросать части своего рассказа между другими своими сочинениями; однако из-за косности ученых произошло то, что ни один из классиков не потрудился собрать воедино его жизнеописание, тогда как наше, безо всяких прикрас, не предназначенное никому служить поучением и, заключая в себе рассказ об истинных происшествиях, является описанием подлинной жизни и изложено без всякого беспорядка. Я уверен, что таковы книги Луция Суллы⁴, Гая Цезаря и самого Августа, которые, без сомнения, составили описания своей жизни и деяний. Пусть это свидетельствует о том, что мы следуем примеру древних, а не затеем чего-либо нового или нами самими измышленного.

ГЛАВА I. РОДИНА И ПРЕДКИ

Родина моя — Милан⁵, так как поселок, из которого происходит род Кардано, находится в двадцати четырех милях от этого города и всего в семи милях от Галларате⁶. Отцом моим был юрисконсульт Фацио, дедом — Антонио, прадедом — опять-таки Фацио и прапрадедом — Альдо. У первого Фацио были сыновья: Джованни, Альдо и Антонио, мой дед. У Антонио: Готардо, Паоло — юрисконсульт и епископ, мой отец Фацио и побочный сын, которому также дано было имя Паоло. Из этой линии имеется в настоящее время в живых около тридцати лиц моих родственников. Происходит ли фамилия Кардано от единственного и самостоятельного корня или же, как

³ Гален (ок. 129–199) — греческий медик, написавший около 400 сочинений по медицине, фармакологии и философии, из которых сохранилось около 100, был авторитетной личностью в Средние века. Кардано комментировал многие из его сочинений.

⁴ Луций Корнелий Сулла (138–78 до н.э.) — древнеримский государственный деятель и военачальник, бессрочный диктатор.

⁵ Происхождение рода Кардано берет свое начало в Милане, но сам Кардано родился в Павии.

⁶ Галларате Варезе — город в Италии в регионе Ломбардия.

уверяют некоторые, она является ветвью рода Кастильоне, во всяком случае, нельзя подвергнуть сомнению ни ее благородное происхождение, ни ее древность. Это видно из того, что уже в 1189 г. префектом нашего города был Милоне Кардано, занимавший эту должность девяносто два месяца и ведавший как светскими, так и духовными делами. Он председательствовал не только в гражданских, но и в уголовных судах, как это делают и прочие властители. Власть его распространялась на всю область в тогдашних ее пределах и на все города, в нее входившие. В числе этих городов был и Комо⁷. Но полномочия эти Милоне получил через архиепископа Кривелли, когда тот достиг сана Папы под именем Урбана III. Некоторые уверяют, что к нашему роду принадлежал и Франческо Кардано, главный начальник ополчения Маттео Висконти⁸. Но по фамилии Кастильоне мы еще более знатного происхождения благодаря Папе Целестину IV⁹, принадлежавшему к этому роду.

27

Предки наши отличались долголетием: сыновья первого Фацио прожили один девяносто четыре года, другой — восемьдесят восемь и третий — восемьдесят шесть лет; у Джованни было два сына: Антонио, проживший восемьдесят восемь лет, и Анджеоло — девяносто шесть. Его я в свои детские годы знал уже дряхлым стариком. Джакомо, сын Альдо, прожил свыше семидесяти двух лет, дядя мой Готардо — восемьдесят четыре года (его я тоже видел), а отец — восемьдесят лет. Относительно Анджеоло следует упомянуть, что, когда ему было уже под восемьдесят лет, у него родились два сына, похожих на него, глубокого старика (один из этих сыновей, которому за семьдесят лет, жив и до сих пор), а затем, по достижении им восьмидесяти лет, у него восстановилось утраченное им зрение. Я слышал, да и сам убедился на некоторых из них, что мои предки были высокого роста. Что касается моей матери, то она происходила из дома

⁷ Комо — город в Ломбардии, расположенный в 40 км северо-западнее Галларате.

⁸ Маттео Висконти (1252–1322) — герцог Милана.

⁹ Целестин IV, в миру Пьетро Джофредо Кастильони, был 179-м Папой Римским в 1241 г.

Микери; ее имя было Клара, а деда моего звали Джакомо; он прожил семьдесят пять лет, а брат его Анджело, когда я был еще ребенком, говорил мне, что ему шел уже восемьдесят пятый год. Мой отец и дядя с отцовской стороны, так же как и дед с материнской стороны, отличались как ученостью, так и исключительной честностью поведения, причем отец мой и дед со стороны матери, оба дожившие до глубокой старости, были чрезвычайно сведущи в математике. Дед мой с материнской стороны подвергся тюремному заключению приблизительно в том же возрасте, когда и меня постигла та же участь, т.е. около семидесяти лет. От моего прапрадеда Альдо пошли еще пять линий, носящих фамилию Кардано, а именно линия Антониотто в 1388 г., линия Гаспарино — около 1409 г., линия Райниэри — в 1491 г. и древнейшая линия Энрико — в 1300 г.; из этой линии произошли Верто и Джованни Фацциотто — почти ровесники. Неизвестно, когда жил Гульельмо; мы знаем, однако, что у него были сыновья Доло, Martino и Джованни, жившие в Галларате.

ГЛАВА II. О МОЕМ РОЖДЕНИИ

Как мне рассказывали, после нескольких не увенчавшихся успехом попыток применить некоторые abortивные средства, я родился 24 сентября 1500 г.¹⁰, на исходе первого часа ночи, когда прошло уже более его половины, но шла еще последняя треть. Основные положения светил были как раз такие, какие мы указали для восьмой фигуры гороскопа в конце четвертой части наших комментариев к Птолемею¹¹. По моим расчетам, оба главные светила заходили под углами, и ни одно из них не было в аспекте асценданта¹², так как они находились в шестом и двенадцатом местах; они могли бы находиться и в восьмом при следующих условиях: Луна, в то время

¹⁰ Предположительно описка, так как вместо 1500 г. в четырех других сочинениях Кардано указывает 1501 г.

¹¹ Клавдий Птолемей (ок. 87–165) — древнегреческий ученый, разработавший геоцентрическую систему мира (движение светил вокруг Земли). Кардано написал комментарии к «Тетрабиблосу» Птолемея.

¹² Асцендант (асцендент), или восходящий знак, — знак, поднимающийся над восточным горизонтом в момент рождения человека.

когда она заходит и не является вестником, может считаться заходящей с угла; и хотя бы зловещие планеты и находились в углах, тем не менее, Марс угрожал обоим главным светилам из-за неблагоприятного их расположения и потому, что он был в четвертном аспекте с Луною, поэтому я мог родиться уродом; а так как место предыдущего соединения приходилось на двадцать девятое деление Девы, в котором господствует Меркурий, и так как его положение не совпадало ни с местом Луны, ни с местом асценданта, и он не находился в аспекте с предпоследним делением Девы, то я непременно должен был бы родиться уродом, и даже легко могло случиться, что я выйду из чрева матери разорванным, чего едва и не произошло.

Итак, я родился, а вернее, был извлечен из чрева матери с курчавыми черными волосами и без признаков жизни; меня привели в чувство лишь ванной из теплого вина, что для другого могло бы оказаться губельным; но, тем не менее, я выжил. Мать моя мучилась родовыми схватками целых три дня подряд.

Возвращаясь к вопросу о моей генитуре¹³, следует указать, что и Солнце, и обе зловещие планеты — и Венера, и Меркурий — находились в человеческих знаках, вследствие чего у меня и не обнаружилось отклонений от человеческого образа; а так как в асценданте был Юпитер и во всем гороскопе господствовала Венера, то у меня обнаружились неправильности только в половых органах: случилось так, что я в возрасте от двадцати одного до тридцати одного года оказался неспособен к совокуплению с женщинами и часто горько оплакивал свою участь, завидуя судьбе других людей. И хотя, как я сказал, во всем моем гороскопе господствовала Венера и в асценданте был Юпитер, тем не менее, я был обездолен судьбой: я оказался несколько косноязычен; кроме того, у меня обнаружилось предрасположение (как говорит Птолемей¹⁴), среднее между холодным и гарпократиче-

¹³ Генитурa — устаревшее название натального гороскопа, включающего в себя представление о судьбе, predeterminedной положением небесных светил в момент рождения человека.

¹⁴ Речь идет о приписываемом Птолемею сочинении «Четверокнижие».

ским¹⁵, т.е. способность к стремительному и необузданному угадыванию будущего; эта моя особенность (которую называют более лестным словом «предвидение») обнаруживалась во мне с немалой силой, так же как и способность к другим видам гадания. А благодаря тому, что Венера и Меркурий находились под лучами Солнца, сообщая ему всю полноту своей силы, из меня мог бы выйти весьма незаурядный человек, даже при такой (как указывает Птолемей) несчастной и неблагоприятной генитуре, если бы только Солнце не оказалось в совершенном упадке, заходя в шестом месте и низвергаясь со своей высоты.

30

В результате всего этого мне остались присущи некоторая хитрость и отсутствие свободы духа, а вместе с тем склонность к опрометчивым и необдуманым решениям. Одним словом, из меня вышел человек, лишенный телесных сил; у меня было мало друзей, незначительное наследство и множество врагов, многих из которых я даже не знаю ни по имени, ни в лицо; мне недоставало житейской мудрости, память у меня была слаба, и только предусмотрительности было у меня несколько больше. Поэтому мне непонятно, почему мои свойства, которые должны считаться значительно ниже свойств моей семьи и предков, врагами моими признавались выдающимися и даже вызывали их зависть.

В один день со мною родился в древности Август, во всей Римской империи началось новое счисление, а благородный король испанский Фердинанд и супруга его Изабелла впервые снарядили флот, благодаря которому овладели всем Западом¹⁶.

¹⁵ Из контекста главы XI, в которой Кардано также упоминает выражение «гарпократический», ясно, что этот термин означает дар ясновидения или озарения. У самого Птолемея термин встречается один раз без расшифровки.

¹⁶ Даты не совпадают. По Светонию, написавшему биографию Августа, Август умер «в четырнадцатый день до сентябрьских календ, в девятом часу дня, не дожив тридцати пяти дней до полных семидесяти шести лет». Сентябрьские календы — это 1 сентября, соответственно, Август умер 19 августа, а родился 23 сентября. Колумб, о котором идет речь, отправился в путешествие 25 сентября 1493 г., и не в первое, а уже во второе. Кардано же, напомним, родился 24 сентября, т.е. в день после рождения Августа и до путешествия Колумба.

ГЛАВА III. О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ
И ПРИВЫЧКАХ
МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Мой отец, вопреки обычаям нашего города, одевался в красную суконную одежду, хотя сохранял черный цвет для своего исподнего платья. Он был косноязычен; любил заниматься разными науками; лицо у него было румяное, а глаза белесоватые и способные хорошо видеть в темноте; ему никогда, до последних дней его жизни, не приходилось пользоваться очками. Часто, почти непрерывно, любил он повторять: «Всякое дыхание да хвалит Господа, ибо Он источник всякой добродетели». Так как некоторые части его черепа были у него удалены вследствие полученной им раны, то ему трудно было оставаться долгое время с непокрытой головой; с пятидесятилетнего возраста он лишился всех своих зубов. Особенное предпочтение он отдавал сочинениям Евклида; ходил, согнув спину. Мой старший сын был чрезвычайно похож на него лицом, глазами, походкой и осанкой, но не в такой же степени затрудненностью речи, может быть, вследствие более молодого возраста.

Единственным близким другом отца, несмотря на все различие их интересов, был Галеацца Россо (такова была его фамилия), умерший раньше моего отца; вторым его другом был сенатор Анджело Сельватико, бывший когда-то его учеником и соратником. Однородность привычек и занятий сближала его с первым из них, мастером, который изобрел Архимедов винт¹⁷, когда труды Архимеда оставались еще ненапечатанными, и мечи, сгибавшиеся не хуже свинца, причем они, несмотря на это, могли рассекать металл почти так же легко, как дерево; он же (что еще более замечательно) придумал железные доспехи (я частенько, еще будучи мальчиком, наблюдал за его опытами), которых не могли пробить пули солдатских ружей; они выдерживали и повторные удары пуль, причем даже пятое попадание оставляло на поражаемом месте след в виде лишь небольшой царапины.

¹⁷ Архимедов винт — механизм, использовавшийся для подъема воды в оросительные каналы из низколежащих водоемов.

Мать моя была вспыльчива, обладала очень хорошей памятью и даровитостью, была невысокого роста, скорее тучная, и отличалась благочестием.

Помимо вспыльчивости оба мои родителя имели еще ту общую черту, что они были мало постоянны в своей любви к сыну, хотя оба были снисходительны ко мне до такой степени, что мой отец позволял мне или даже прямо приказывал не вставать с постели раньше второго часа дня¹⁸, что содействовало в значительной мере сохранению моей жизни и укреплению моего здоровья. Позволю себе еще добавить, что отец казался более добрым ко мне и более нежно любил меня, чем мать.

ГЛАВА IV. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ МОЕЙ ЖИЗНИ С НАЧАЛА ЕЕ ДО НАСТОЯЩЕГО ДНЯ (т.е. до конца октября 1575 г.)

32 Может быть, если бы обратил внимание на то, что я передаю, Светоний, он мог бы это добавить к своему сочинению для удовольствия читателей, ибо, как говорят философы, нет ничего такого, что не было бы единственным в своем роде.

Итак, я родился в Павии, и мне еще не минуло и одного месяца, когда я потерял свою кормилицу, умершую (как я слышал) от чумы в первый же день болезни. Ко мне вернулась мать, а у меня на лице вскочило пять нарывов, расположенных в виде креста, причем один приходился на кончик носа. На тех же местах, где были нарывы, три года спустя появилось такое же число прыщей, называемых оспинами. Еще не истек второй месяц моей жизни, как меня, голого, после ванны из теплого уксуса Исидоро деи-Рести, павийский патриций, передал кормилице, которая увезла меня с собою в Мойраго (местечко, расположенное в семи милях от Милана на большой дороге, ведущей из нашего города прямо на селение Бинаско и оттуда в Павию). Так как я там стал сверх меры худеть, причем, однако, живот мой вздулся и стал твердым, и так как было признано, что причиной этого является беременность кормилицы, я был передан другой, более подходящей; я был отнят от ее гру-

¹⁸ Второй час дня соответствует восьми часам утра. Кардано пользуется системой римского исчисления во всей книге.

ди на третьем году. На четвертом году я был перевезен в Милан, где пользовался более внимательным уходом на руках то матери моей, то моей тетки Маргариты — ее сестры, женщины, которая, я уверен, была совершенно лишена желчи. Это, однако, не мешало тому, что меня иной раз либо отец, либо мать секли безо всякой причины, после чего я всегда заболел с опасностью для жизни. Наконец я достиг семилетнего возраста, и мои родители (которые тогда еще не жили вместе) решили впредь меня не сечь, даже если бы я того и заслуживал. Однако даже после этого злая участь не миновала меня, и хотя характер моих злоключений изменился, но они не прекратились. Отец мой, наняв дом, поместил меня в нем вместе с моей матерью и теткой; теперь он начал настаивать на том, чтобы я повсюду сопровождал его, несмотря на слабость моего телосложения, на мое малолетство и на неблагоприятное действие, какое мог оказать на меня такой переход от полнейшего покоя к усиленному и почти непрерывному движению; тогда мне едва минуло семь лет; понятно, что я заболел жестоким поносом с лихорадкой; болезнь эта в нашем городе была в то время эпидемической, хотя и не заразной; а я еще украдкой объелся большим количеством незрелого винограда. Ко мне пригласили Барнабо Кроче и Анджело Джира, но я не ранее обнаружил признаки выздоровления, чем когда оба мои родителя и с ними моя тетка уже оплакивали меня как умершего. Тогда отец, будучи по природе человеком мягкосердечным и благочестивым, решил сначала испытать силу покровительства святого Иеронима и обетом поручить ему мое спасение, прежде чем обратиться к гению-покровителю нашей семьи; считалось, что у нас, очевидно, есть такой, но мне никогда не приходило в голову спросить, на чем основано это убеждение. Я выздоровел как раз в то время, когда французы, победив на берегах реки Адды венецианские войска¹⁹, устроили по случаю своей победы

¹⁹ Имеется в виду война Камбрейской лиги (1508—1516), составная часть итальянских войн — серия военных конфликтов между Римской империей, Францией, Испанией и некоторыми другими государствами. Здесь Кардано говорит о битве при Аньяделло 14 мая 1509 г. — одном из самых важных ее сражений, в которой венецианцы были разбиты французами. Деревня Аньяделло находится между Миланом и Бергамо, между реками Адда и Серио.

празднества, на которые мне позволено было смотреть из окна нашего дома. Одновременно прекратилась и обязанность моя всюду сопровождать моего родителя и связанное с этим постоянное напряжение сил. Но так как гнев Юноны еще не был удовлетворен²⁰, то, не оправившись как следует от перенесенной болезни, я свалился с лестницы (мы жили тогда на улице Майнов), причем ударился головой о молоток, вследствие чего верхняя левая часть лба была сильно ушиблена и рассечена с повреждением черепа; шрам от этого ранения остался и до настоящего времени. Едва только я оправился после этого несчастного случая, как на меня, когда я сидел на пороге нашего дома, упал сорвавшийся с высокой крыши соседнего дома камень, размером с крупный грецкий орех, но не тяжелый, вроде как пробка; он сорвал мне кожу на темени слева, там, где волосы росли более густо, чем в других местах. Считая, что дом, где мы жили, приносит одни несчастья, мой отец, когда мне пошел десятый год, обменял его на другой насупротив, на той же улице; здесь я прожил целых три года.

Но и с переменой дома участь моя не изменилась; вследствие странного упорства — чтобы не сказать жестокости — моего отца он снова стал таскать меня всюду за собой как слугу; однако если принять во внимание то, что случилось со мной впоследствии, это произошло скорее по божественному соизволению, чем по вине отца, тем более что моя мать и тетка были с ним вполне согласны. Впрочем, он стал обращаться со мной снисходительнее, когда взял к себе одного за другим двух своих племянников; благодаря тому, что они ему прислуживали, мое положение стало гораздо легче, так как мне или совсем не приходилось ему сопутствовать, или же я сопровождал его вместе с одним из них. После перемены нескольких квартир, где я постоянно жил вместе с отцом, мы, наконец, поселились, когда мне исполнилось пятнадцать лет, в доме Алессандро Кардано, поблизости от пекарни Босси. Среди родственников отца были два сына одной из

²⁰ Кардано здесь намекает на строки из «Энеиды» Вергилия «Не утаились козни от брата и злоба Юноны» (перевод В. Брюсова), согласно которым Энея преследует гнев Юноны.

его сестер. Одному из них, которого звали Еванджелиста и который был монахом францисканского ордена, было около семидесяти лет от роду. Другой племянник моего отца, Оттоне Кантони, был богатым откупщиком; незадолго до своей смерти он изъявлял желание назначить меня наследником всего своего имущества, но этому воспротивился мой отец, так как считал его состояние приобретенным нечестным путем; поэтому все его имущество по решению пережившего его брата было разделено.

После того как мне исполнилось девятнадцать лет, я отправился в Павийскую академию вместе с Амброджо Тарга; здесь же я провел и следующий год, но без моего товарища; когда мне минул двадцать один год, я снова был вместе с ним в Павии. В этом году я после публичного диспута толковал в гимназии²¹ Евклида; читал там же некоторое время диалектику, а кроме того, начала философии, сперва заменяя брата Ромоло Сервита, а затем в течение более долгого времени некоего медика Пандольфо. Когда мне минуло двадцать три года, я из-за свирепствовавших в нашем краю войн оставался все время на родине. В начале 1524 г. я отправился в Падую; судьбе угодно было, чтобы оттуда я отправился в Милан вместе с Джананджело Корио в конце года, т.е. в августе; здесь я нашел отца угасающим от предсмертной болезни, но он, принимая ближе к сердцу мое благо, чем свое собственное, потребовал от меня, чтобы я как можно скорее выехал обратно в Падую, так как для него было бы истинной радостью знать, что я получил в Венеции так называемый «диплом в искусствах». Как только я вернулся в Падую, я получил письмо с известием о его смерти на девятый день после начала полного воздержания его от пищи, а именно 28 августа, причем он начал воздерживаться от пищи с 20-го числа, каковой день в том году приходился на субботу. К концу двадцать четвертого года моей жизни я был выбран ректором Академии, а к концу следующего года получил диплом доктора медицины. Первое из этих званий

²¹ Имеется в виду Павийская академия.

я получил одним голосом, причем баллотировка была два раза повторена. Второго звания я достиг лишь после того, как дважды моя кандидатура проваливалась сорока семью поданными против меня голосами, но в третий раз против меня было уже подано только девять голосов, а сорок семь было за меня. Хотя я прекрасно знаю, что эти обстоятельства не имеют большого значения, однако мне самому доставляет удовольствие излагать их в том порядке, как они произошли (я ведь пишу это не для других), а вместе с тем тот, кто, может быть, удосужится это прочесть, будет иметь возможность убедиться в том, что и начало и ход великих событий бывают неясны, и что подобное описанному мною легко может случиться и с другими, которые, однако, не обращают на это внимания.

36

Итак, после смерти отца и по окончании исполнения академической должности я в начале двадцать шестого года моей жизни переехал в Сакко, селение, расположенное в десяти милях от Падуи и в двадцати пяти милях от Венеции. Я это сделал по совету и при содействии падуанского врача Франческо Бонафеде, чрезвычайно хорошо и искренне расположенного ко мне, хотя я и не благодетельствовал его ничем и не был его слушателем, несмотря на то, что он вел публичный курс. Я прожил там все то время, пока мой родной город был жертвой всевозможных несчастий. Дело в том, что в 1524 г., помимо того что Милан в течение нескольких месяцев дважды переходил из одних рук в другие²², он подвергался страшной эпидемии чумы, а в 1526 и 1527 гг. из-за губительного неурожая он едва мог выкупить векселя, выданные им под хлеб; кроме того, населению приходилось платить невыносимо тяжелые налоги. 1528 г. также был отмечен повальными моровыми болезнями; единственным утешением при этом служило то, что они свирепствовали повсеместно. Когда в 1529 г. до некоторой степени ослабили причиненные войною бедствия, я возвратился на родину; но тут коллегия врачей отказалась принять

²² 1524 г. был годом тяжелой борьбы между итальянцами и французами; король Франции Франциск I завоевал Павию, но его отвоевали итальянские войска. Борьба закончилась победой итальянцев в 1525 г.

меня в свою среду, и так как я не мог надеяться получить что-либо с семьи Барбиано, а с другой стороны, нашел мать слишком неприязненно ко мне расположенной, то я предпочел вернуться обратно в свое маленькое селение, но уже не таким бодрым, каким я выехал оттуда; помимо того что я был более чем когда-либо подавлен заботами, неприятностями и изнурительными трудами всякого рода, я схватил кашель, вызывавший зловонную и обильную мокроту, которая причинила эмпиему²³ и изнурительное исхудание, так что я пришел в состояние, от которого почти никто не бывает в силах оправиться. Преодолев, однако, эту болезнь благодаря обету, данному Пресвятой Деве, я на исходе тридцать первого года своей жизни вступил в брак с Лючией Бандарени, уроженкой селения Сакко. До указанного времени я заметил, что из всех предпринимавшихся мною дел вполне удачно завершились лишь те четыре, которые я начал (хоть и не думая об этом) до полнолуния. После этого во мне утвердилась надежда как раз в такое время, когда другие совершенно бы ее потеряли и когда, как я сказал, счастье стояло на самом пороге. Кроме того, замечу, что вплоть до шестидесятого года моей жизни почти все мои путешествия начинались в феврале. Что же касается моей супруги, то после двух выкидышей она сделала меня отцом троих детей: двух сыновей и одной дочери, родившейся после первого сына. В конце апреля следующего года я переехал в Галларате, где прожил девятнадцать месяцев, и здесь окончательно восстановил свое здоровье. К тому же я перестал быть бедным, ибо у меня в то время уже не оставалось ничего.

Благодаря расположению ко мне управляющих большим миланским госпиталем и покровительству благородного Филиппо Аркинто, выдающегося в то время проповедника, я начал читать публичный курс математики, уже достигнув в то время тридцатитрехлетнего возраста. Два года спустя мне было предложено место профессора медицины в Павии, но, не надеясь получать следующее мне жалованье, я не принял этой должности. В том же 1536 г. я переехал в Пьяченцу, будучи вызван письмом

²³ Эмпиема — значительное скопление гноя.

того же Аркинто, исполнявшего там обязанности епископа, но еще не посвященного в этот сан. Прийти к соглашению относительно поступления моего на папскую службу, однако, не удалось. Благодаря представительству и настояниям, как я узнал впоследствии, Луиджи Бираго, начальника пехоты короля Франции в Италии, мне предложил службу также вице-король Бриссак; будучи чрезвычайно расположен к ученым и покровительствуя им, он сделал мне исключительно заманчивые предложения, но и эти переговоры также не привели ни к чему. Я заключил условие с коллегией, но в следующем 1537 г. я был из нее исключен вовсе; тем не менее в 1539 г., когда число моих противников убавилось, я был, наконец, вопреки общему ожиданию, в нее принят благодаря содействию Сфондрато и прекраснейшего человека Франческо делла-Кроче.

38

Впоследствии я читал медицину в Милане (с 1543 г.), а когда в следующем году обрушился мой дом, я стал преподавать в Павии, но, хотя у меня не было соперников, денег мне не платили. Поэтому я в возрасте сорока четырех лет уехал оттуда и зажил в Милане со старшим сыном, которому тогда миновало одиннадцать лет; дочери было в то время девять лет, а младшему сыну Альдо — два года.

Тогда-то, именно летом 1546 г., кардинал Мороне, которого я упоминаю здесь, чтобы воздать ему должную честь, предложил мне службу на весьма выгодных условиях. Но я, отличаясь, как упоминал выше, гарпократическим расположением, стал рассуждать про себя, что Папа уже дряхл²⁴; стоит ли поэтому подпирать стену, которая уже рушится, и менять прочное настоящее на непрочное будущее? Я недостаточно оценивал в то время честность Мороне и исключительные богатства семейства Фарнезе; кроме того, я с 1542 г. состоял в тесной дружбе с герцогом Васто, от которого уже получал некоторые beneficia и мог бы получить еще больше, если бы не отказывался принимать их. Между тем по прошествии этого лета я возвратился к преподавательской деятельности; а в следующем году, благодаря представлению

²⁴ Папа Римский Павел III умер в 1549 г.

друга моего, славного мужа Андрея Везалия, мне было предложено датским королем²⁵ восемьсот золотых дукатов в год и даже оплата пищевого довольствия. Я, однако, отклонил это предложение не только по причине суровости тамошнего климата, но и вследствие отличия установленных там религиозных обрядов от наших, из-за чего я или был бы плохо там принят, или должен был бы отречься от законов и обычаев моего отечества и моих предков.

Когда мне минуло пятьдесят лет, то, так как мне не платили вознаграждения за лекции, я не выезжал из Милана; здесь в феврале следующего 1552 г. мне представился случай отправиться в Шотландию. Для этой поездки мне было выдано пятьсот золотых французских дукатов, а на возвратный путь я получил тысячу двести дукатов. Я был в отлучке триста одиннадцать дней; если бы я уступил настояниям и остался там дольше, я мог бы заработать еще гораздо больше денег. С 1 января 1553 г. до 1 октября 1559 г. я прожил в Милане. Впоследствии мне приходилось отказываться от предложений еще более выгодных, чем упомянутые выше; на одно предложение, исходившее от французского короля²⁶, я не согласился из опасения вызвать гнев императорских властей ввиду происходившей в то время между обоими монархами войны; другое же было сделано мне вскоре после моего возвращения от его дяди, герцога Мантуанского²⁷, через посредство дона Фернандо. Еще более выгодным, хотя и не заманчивым из-за его отдаленности, было сделанное мне до этого предложение от имени королевы шотландской, благоволения которой я удостоился вследствие того, что мне удалось вылечить ее деверя, которого я пользовал, не теряя надежды на его выздоровление.

После того как я поселился в Павии в 1559 г., вскоре наступили обстоятельства, причинившие смерть моего сына;

²⁵ Кристиан III, который провел лютеранскую реформу и заложил основы для абсолютизма датской монархии.

²⁶ Генрих II, ведший войны с Римской империей, Италией и Нидерландами.

²⁷ Мантуанское герцогство — государство Италии, находившееся под властью Священной Римской империи и управлением рода Гонзаго.

я, однако, продолжал жить в этом городе до 1562 г. Затем меня пригласили в Болонью, где я прожил до 1570 г., продолжая заниматься своей профессией. Октября 6-го числа я был посажен в тюрьму. Кроме того, что я был лишен свободы, все мое имущество было конфисковано. 22 декабря 1571 г., в тот же час и день, в который я был арестован, т.е. в пятницу в вечерние сумерки, я вернулся домой, но и там я содержался под арестом. Таким образом, если добавить к семидесяти семи дням тюремного заключения еще восемьдесят шесть дней домашнего, получится всего сто шестьдесят два дня.

Я оставался в Болонье до конца сентября следующего года, когда мне уже минуло семьдесят лет; оттуда я выехал в Рим, куда прибыл 7 октября в день празднования победы над турками²⁸. Теперь окончился четвертый год моего пребывания в Риме²⁹ и пятый со времени заключения в тюрьму; с тех пор я живу частным человеком, за исключением того, что 13 сентября я был зачислен в Римскую коллегию³⁰ и что в настоящее время Папа³¹ выплачивает мне пенсию.

ГЛАВА V. РОСТ И НАРУЖНОСТЬ

Я среднего роста, с короткими и широкими у основания пальцев ступнями ног и с настолько высоким подъемом, что я никогда не мог найти подходящей для себя обуви; мне всегда приходится прежде всего ее пригонять по ноге. Грудь у меня несколько впалая, руки довольно тонкие, правая рука потолще, и пальцы ее не сходятся плотно, так что хироманты говорили, что я и груб и глуп; но после того как они со мной знакомились ближе, им приходилось со стыдом отречься от такого заключения. На той же правой руке линия жизни коротка, а так на-

²⁸ В 1571 г. испано-итальянский флот разбил турок при Лепанто. Эта морская битва положила конец их могуществу и была воспета Сервантесом в «Назидательных новеллах». Она также воспринималась как победа христианства над исламом, см. картину Тициана «Испания, пришедшая на помощь религии».

²⁹ Предположительно 1575 г.

³⁰ Коллегия римских врачей.

³¹ Папа Римский Григорий XIII (1572–1585), чье имя увековечено в названии григорианского календаря (разработан Христофором Клавием).

зываемая Сатурнова линия³² длинна и глубоко проведена. Напротив, левая моя рука красива, с тонкими продолговатыми, плотно прилегающими друг к другу пальцами и блестящими ногтями. Шея довольно длинная и худая; подбородок раздвоен, нижняя губа толстая и отвислая. Глаза мои очень невелики и как бы прищурены, исключая те случаи, когда я что-нибудь пристально разглядываю. Верхнее веко левого глаза отмечено на поверхности кожи пятном в виде чечевицы, но настолько маленьким, что оно едва заметно. Лоб мой достаточно широк и лишен волос с боков, там, где он граничит с висками. Волосы на голове и бороде были прежде белокурые; волосы я подстригаю, бороду ношу короткую и раздвоенную по форме подбородка; под подбородком у меня отдельно росли длинные волосы, так что борода казалась гуще. Старость изменила бороду, а волосы на голове — мало. Речь моя звучит настолько громко, что за это упрекали меня те, кто выдавал себя за моих друзей. Хотя голос мой резок и громок, однако при чтении лекций его плохо слышно издалека; выговор не очень приятен и нарочит. Взгляд мой пристален, как у человека, погруженного в размышления; верхние передние зубы велики, цвет лица бледный, с румянцем; лицо овальное, хотя и не в сильной степени; череп суживается к затылку как бы в виде небольшого шара. Из всего изложенного видно, что во мне нет ничего особенного, так что из нескольких художников, приезжавших из более или менее отдаленных местностей, чтобы рисовать меня, не оказалось ни одного, кто бы нашел у меня такие черты, по которым меня можно было бы узнать на портрете. На нижней части горла у меня небольшая опухоль вроде твердого шарика, но не очень заметная; она унаследована мною от матери.

ГЛАВА VI. О БОЛЕЗНЯХ

Мой организм был подвержен заболеваниям вследствие различных причин: по самой природе своей, из-за случайностей и из-за припадков. По природе своей мне особенно

³² В книге «О разнообразии вещей» (XV, 79) Кардано говорит, что эта линия символизирует трудную жизнь и трудолюбие.

приходилось страдать головными болями от катаров³³ то груди, то желудка, так что я считал себя совершенно здоровым, когда страдал только хрипотой или кашлем; ибо как только катар подходил к желудку, то у меня начинался понос и появлялось отвращение к пище, так что я много раз подозревал, не дали ли мне какого-нибудь яда; но затем, когда уже можно было потерять всякую надежду на это, здоровье мое восстанавливалось. Другого рода катар шел в направлении зубов, которые начали выпадать у меня один за другим, начиная с 1563 г., тогда как до того я потерял не более одного или двух. Теперь у меня осталось здоровых четырнадцать зубов и один больной, но я думаю, что и он долго еще сохранится благодаря лечению. Кроме того, я часто страдал от несварения и вялости желудка; начиная с семидесятидвухлетнего возраста, как только я немного превышал обычную норму пищи и питья или принимал пищу не вовремя, или, наконец, пища оказывалась вредной для моего желудка, я заболел. Я указал, какие меры следует принимать против этого, во второй книге сочинения «О сохранении здоровья». В мои юные годы я также был подвержен наследственным сердцебиениям, от которых я совершенно избавился при помощи врачебного искусства. Точно так же и от геморроя, и от подагры³⁴ я вылечился настолько основательно, что мне часто было труднее вызвать новый приступ болезни, чем избавиться от него, когда он наступал. Бывшей у меня паховой грыжей я сначала пренебрегал, пока, по достижении мною шестидесяти двух лет и особенно после того, как я убедился, что унаследовал эту болезнь от отца, мне пришлось пожалеть, что я не боролся с нею раньше. Следует при этом отметить то удивительное обстоятельство, что после появления ее с обеих сторон она в левом паху совершенно исчезла сама собою, а в правом постоянно увеличивалась, несмотря на перевязки и на всякого рода средства. Я также постоянно мучился и другими болез-

³³ Катар — устаревшее название воспаления слизистых оболочек, сопровождающееся обильными гнойными выделениями.

³⁴ Подагра — заболевание, которое в результате нарушения пуринового обмена в организме вызывает избыток солей мочевой кислоты.

нями, между прочим чесоткой. Затем в 1536 г. (кто бы мог поверить?) я стал страдать и даже в чрезвычайно сильной степени истечением мочи, которым страдаю почти сорок лет, выпуская ежедневно от шестидесяти до ста унций³⁵ урины, а вместе с тем продолжаю жить, не хUDEЮ (доказательством этого служат мои перстни) и не испытываю жажды. Из числа многих, которые в этом же году подвергались той же болезни, все, кто не прибегал к врачебной помощи, гораздо дольше страдали от нее, чем обращавшиеся к помощи медиков. Наконец (это десятый мой недуг), я страдаю повторяющейся ежегодно бессонницей, длящейся каждый раз около недели весной, летом, осенью и зимой; таким образом, она отнимает у меня около одного месяца в году, а иной раз и два. Я лечусь от нее обычно посредством воздержания от пищи, не уменьшая ее количества, но избегая некоторых тяжелых, неподходящих кушаний. Однако не было ни одного года, чтобы она не повторялась.

Из болезней, перенесенных мною по несчастной случайности, первую следует назвать чуму, которую я захватил, когда мне было всего два месяца. Во второй раз я заболел ею, не помню точно, на восемнадцатом году или же после того, как мне исполнилось восемнадцать лет; знаю только, что случилось это со мной в августе месяце и что я три дня оставался почти без всякой пищи, бродя по предместьям и садам, а вечером возвращался домой; дома я лгал, уверяя, что я обедал у друга моего отца Агостино Лавициарио. В течение этих трех дней я не сумею сказать, какое количество воды я выпил. На третий день бессонница была настолько невыносима, сердцебиения настолько учащенны и лихорадка настолько сильна, что я воображал себя уже уложенным на одр Асклепиада³⁶, на который беспрерывно, как мне казалось, я то укладывался, то с него сходил; я был уверен в то время, что в эту самую ночь мне предстоит расстаться с жизнью.

³⁵ Унция — мера веса в 28,35 г. От шестидесяти до ста унций — это приблизительно от 1,7 до 2,8 кг.

³⁶ Асклепиад Вифинский (ок. 124 — ок. 40 г. до н.э.) — римский врач, основатель методической школы, известен историей о том, как при встрече с похоронной процессией осмотрел покойника и привел его в чувство.

Наконец, меня одолел сон; на верхнем ложном ребре с правой стороны лопнул нарыв, сначала выделявший немного материи и притом черного цвета (может быть, благодаря тому, что на него накладывали примочки из отечественного средства, которое я принимал и внутрь четыре раза в день); испарина сделалась настолько обильной, что пот проник сквозь постель и оттуда через доски капал на пол. Когда мне шел двадцать седьмой год, я заболел обыкновенной трехдневной лихорадкой, припадки которой сопровождались обмороками только при четвертом и седьмом приступе, после чего я выздоровел. Первый приступ подагры я испытал в Павии на сорок четвертом году; на пятьдесят пятом году мне пришлось болеть ежедневной лихорадкой, продолжавшейся сорок дней и прекратившейся 13 октября 1555 г. благодаря кризису, вызвавшему истечение мочи в количестве ста двадцати унций³⁷. В 1559 г. по возвращении в Павию я два дня мучился коликами.

Припадки у меня были разнообразные. Укажу прежде всего на то, что с семи до двенадцати лет я с криком просыпался ночью, произнося непонятные слова, и если бы мать или тетка, между которыми я спал, не держали меня, я часто сваливался бы на пол. После этих припадков меня сильно било в сердце; но оно вскоре успокаивалось, когда я прижимал его рукой; это является признаком расширения сердца. В тот же период моей жизни и вплоть до восемнадцатилетнего возраста со мной происходило следующее: как только я пытался идти против ветра, в особенности холодного, у меня захватывало дыхание; если же я из предосторожности задерживал дыхание, то это проходило. В это же время, с того часа, как я укладывался в постель и до конца шестого часа, мне никогда не удавалось согреть ноги ниже колен; вот почему моя мать, особенно в разговорах с другими женщинами, считала невероятным, чтобы я прожил долго. Кроме того, в некоторые ночи, после того как я согревался, у меня появлялась по всему телу такая горячая и обильная испарина, что те, кто об этом слышали, отказывались этому верить.

³⁷ 3,4 кг.

На двадцать седьмом году я болел двойным приступом трехдневной лихорадки, разрешившейся на седьмой день, а на пятьдесят пятом году — ежедневной лихорадкой, продолжавшейся сорок дней. В ноябре 1554 г. я, выпив немного уксуса из морского лука, заболел жестокой дизурией, во время первых припадков которой я не принимал пищи в течение тридцати четырех часов, а во время последующих — в течение двадцати часов; я вылечился только путем приема внутрь капель еловой смолы.

Я всегда имел способность (чему многие удивлялись) вызывать болезненные явления, если их у меня не имелось, как я это сказал относительно подагры. Поэтому я очень часто старался идти навстречу припадкам болезней (избегая лишь, насколько возможно, приступов бессонницы), так как полагал, что наслаждение состоит в успокоении предшествующей ему боли, а если боль вызвана по собственному желанию, то ее легко унять. И так как, наблюдая над самим собой, я вижу, что никогда не могу совершенно избавиться от всякой боли, и так как при ее появлении она чрезвычайно тяжело действует на состояние духа, то ничего не может быть важнее, как, насколько возможно больше, пересилить жестокую боль или ее причину, в чем совершенно нет ничего постыдного или опасного. Поэтому я придумывал в таких случаях закусывать себе одну из губ или закручивать себе пальцы, либо щипать себе кожу, или так сжимать слабый мускул левой руки, чтобы выступили слезы. Благодаря таким предосторожностям я до сих пор живу, не испытывая тяжелых мучений.

По своей природе я боюсь возвышенных мест, хотя бы их площадь была и очень обширна. Не менее того я боюсь местностей, которые, как я могу подозревать, заражены собачьим бешенством. Иной раз также меня захватывала такая трагическая страсть, что я помышлял о самоубийстве. То же, думаю, случалось и с другими, хотя они и не признавались в этом письменно. Наконец, когда я был еще ребенком, подозревали, что мне угрожает рак; может быть, предварительным признаком его казалась багрово-красная твердая опухоль на левом соске, как бы от укуса. С приближением к юношескому возрасту опу-

холь сменилась расширением вен, а за ним, по наступлении юности, последовали уже упомянутые сердцебиения. Еще позднее обнаружились геморроидальные явления, сопровождавшиеся обильной потерей крови, чесотка и кожные болезни. От всего этого я избавился вопреки всем ожиданиям и безо всякого лечения, ибо если некоторые из этих недугов и исчезли вследствие приема лекарств, то это происходило оттого, что сама природа изменяла существо болезни.

ГЛАВА VII. О ТЕЛЕСНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ

46 В ранней молодости я предавался с таким увлечением всякого рода телесным упражнениям, что со мной считались даже самые злостные задиры. Я фехтовал иногда одним мечом, не прибегая к щиту, иногда же защищался либо овальным, либо большим или малым круглым щитом; бился я также кинжалом и мечом вместе и не без ловкости вскакивал на деревянного коня, вооруженный мечом и в плаще. Я умел безоружный выбивать у противника обнаженный кинжал; приучая себя к бегу и прыжкам, я в конце концов достиг значительных успехов, каких не мог добиться в рукопашной борьбе, так как руки у меня были слабы. Я не предавался с особым увлечением ни верховой езде, ни плаванию, ни стрельбе из ружья, так как она напоминает треск громового удара, что наводило на меня всегда ужас как проявление божественного гнева. Впрочем, хотя я и был от природы труслив, однако приобретенное мною искусство и опытность в телесных упражнениях придали мне такое мужество, что я даже был завербован в запасные войска.

В тех городах, где мне приходилось жить, я всегда ходил в ночное время, вопреки запрещениям властей, вооруженный. Днем я выходил в башмаках со свинцовой подошвой весом около восьми фунтов, а ночью закрывал лицо черным шерстяным плащом и обувался в войлочные башмаки. Бывало, много дней подряд я с раннего утра и до вечера занимался военными упражнениями, после чего, весь еще обливаясь потом, играл на музыкальных инструментах и часто всю ночь до самого рассвета бродил по улицам. После того как я принялся за лечеб-

ную деятельность, я ездил верхом на лошадях и на мулах, но чаще всего ходил пешком. С 1552 г. в Болонье я стал пользоваться повозкой. Так я продолжаю делать и в Риме, где каждое утро выезжаю в повозке и возвращаюсь домой пешком. С полудня я обыкновенно надеваю легкую одежду, а во время езды — более тяжелую.

ГЛАВА VIII. ПИТАНИЕ

Я привык оставаться в кровати в течение десяти часов, а спать восемь часов, если я совершенно здоров; если же мне нездоровится, — не более четырех-пяти часов; встаю я во втором часу дня. Когда я страдал бессонницей, я вставал и прохаживался возле кровати, думая об орохилии³⁸, и воздерживался от пищи, убавляя более чем наполовину обычное ее количество. Я также воздерживался и от лекарств, кроме либо тополевой мази, либо медвежьего сала, либо масла из водяных лилий: я ими натираю семнадцать различных частей тела: ляжки, ступни, шею, локти, запястья, ключицы, сердце, печень и верхнюю губу.

Утренняя бессонница так ослабляла меня, что я всегда меньше ел за обедом, чем за ужином. После пятидесяти лет я довольствовался за завтраком хлебом, размоченным в бульоне, а до этого — даже в одной воде, и небольшим количеством крупного изюма из критского винограда. Впоследствии я изменил свой стол, но все же для моего завтрака никогда не требовалось более одного яичного желтка и двух унций³⁹ хлеба с небольшим количеством чистого вина, а иногда и без него. По пятницам и субботам я довольствовался хлебом с отваром из крабов или морских раков и кусочком мяса, преимущественно телятины, тушенным в горшке совсем без воды и хорошенько отбитым тупой стороной ножа, это, я считаю, превосходная и наиболее пригодная для меня пища; она дает свой собственный сок и, благодаря своей сочности, лучше и жирнее даже зажаренного на вертеле мяса. За

³⁸ Орохилия (Orohilia) — загадочный термин, употребляемый и в других сочинениях Кардано. Возможно, имеется в виду «считать до тысячи несколько раз» или «сочинять различные истории».

³⁹ 56 г хлеба (примерно 1–2 куска).

обедом чаще всего я ем кушанье из свеклы, а иногда рис и салат из цикория, но предпочитаю колючий осот с широкими листьями и корешки белого цикория. Мясу я предпочитаю рыбу, но только если она хороша и свежа. Из мяса я люблю зажаренный на вертеле филей (но также телячью и кабанью грудинку), а кроме того люблю и мясо, нарезанное тонкими ломтями и поджаренное на огне. За обедом я люблю сладкое и молодое вино; я выпиваю его пол-литра, разбавив его наполовину или даже больше водой. Самая лакомая для меня пища — это крылышки цыплят, куриная и голубиная печенка и вообще потроха. Очень я люблю речных раков, может быть, потому, что когда я был во чреве матери, она подала их в большом количестве; нравятся мне и крабы, и устрицы.

48

Я не только предпочитаю рыбу мясу, но она, кроме того, всегда лучше действует на мое здоровье. Вот рыба, которую я употребляю в пищу: камбала, палтус, косорот, голец, плотва, тригла, или краснобородка, морской еж, морская ласточка, треска, морская щука, хариус, умбрина. Пресноводные: щука, карп, окунь, плотва обоих видов, сарг, пескарь, ерш, тон, сельдь (которую едят свежую, соленою и сушеною). Удивительно также и то, что я нахожу удовольствие есть морских раков, но избегаю употреблять в пищу полезные для здоровья гонголы, или раковины, как будто они ядовиты. Не менее того опасюсь я есть улиток, если только они не очищены; мне нравятся речные раки и всякого рода пресноводные ракообразные, тогда как морские для меня слишком грубы. А угри, лягушки и грибы для меня прямо вредны. Из сладкого я очень люблю мед, сахар, вяленый и зрелый виноград, дыни, с тех пор как я узнал, что они помогают против укуса ядовитых змей, — фиги, вишни, персики и сладкий морс; все эти продукты до нынешнего дня никогда не причиняли мне ни малейшего вреда. Я чрезвычайно люблю оливковое масло — как соленое, так и из свежих оливок. Не менее полезен мне чеснок, но я нашел, что мне особенно хорошо помогала рута как в молодом, так и в старческом возрасте, она является не только предохранительным средством, но и общим противоядием; столь же полезной я признаю и римскую полынь. Я приносил

всегда очень умеренные жертвы Венере, и мне не приходилось вовсе или приходилось в очень малой мере страдать от последствий чрезмерного рвения к этому культу. В настоящее время больше всего, несомненно, я страдаю от желудка и думаю, что хорошим средством против вялости его служит употребление белого мяса, которое само по себе мне по вкусу, а также нежной и непременно свежей дешевой рыбы, поджаренной на рашпере. Не пренебрегаю я также и жирным овечьим сыром. Всем кушаньям я предпочитаю отдельные части карпа от трех до семи фунтов весом. У крупной рыбы я ем голову и брюхо, а у мелкой — спину и хвост; при этом я люблю, чтобы голова и другие части крупной рыбы варились или поджаривались на рашпере; нежную рыбу я охотно ем жареной или вареной, но не переваренной. В мясе четвероногих животных лучшая часть — это белое мясо; а из внутренних частей — твердые: сердце, печень, почки; из мягких же — легкое. Менее питательны части, примыкающие к конечностям; самые мягкие те, которые богаты кровью, за исключением сердца; не очень твердо белое мясо; семенники, однако, мягки; к твердому мясу относятся синеватые его части.

Все самое существенное для нашего режима можно разделить на семь главных родов и пятнадцать видов. Эти семь родов следующие: воздух, сон, упражнения, пища, питье, лекарства и среда; к пятнадцати видам относятся: воздух, сон, упражнения, хлеб, мясо, молоко, яйца, рыба, масло, соль, вода, фиги, рута, виноград и острый лук. Имеется пятнадцать веществ и предметов, служащих для приготовления пищи, а именно: огонь, зола, лохань, вода, сковорода, кастрюля, вертел, рашпер, пестик, острие и спинка ножа, терка, петрушка, розмарин и лавровый лист. К упражнениям относятся: мельничное колесо, прогулка, верховая езда, маленький мяч, повозка, фехтование (хорошо известное оружейникам), седло, мореплавание, лощение бумаги, натирание и омовение — а всего пятнадцать вещей. Все это изложил я вкратце, говоря об этом, как о таинствах, по зрелом размышлении и с глубоким смыслом, а без достаточного освещения могут показаться неясными предметы самые явные и очевидные. Существует пять вещей, которыми человек

может пользоваться сколько угодно, соблюдая умеренность по отношению к ним только в старости, — это вода, хлеб, вино, рыба и сыр; два вещества для врачебных целей: смола мастикового дереза и кориандр, но с большим количеством сахара. Приправ две: шафран и соль, которая вместе с тем относится к элементарным веществам. Умеренность необходима в употреблении четырех родов пищи: мяса, яичного желтка, изюма и оливкового масла, так как в них сокрыт огненный элемент, соответствующий в определенной пропорции элементам небесных тел.

ГЛАВА IX. О ТОМ, КАК Я ЛЕЛЕЯЛ МЫСЛЬ УВЕКОВЕЧИТЬ СВОЕ ИМЯ

50

Желание увековечить свое имя возникло во мне столь же рано, сколь поздно я оказался в состоянии выполнить свое намерение. Во мне не вызывало никакого сомнения то обстоятельство, что жизнь имеет двоякую природу, что от материальной жизни, которая одинакова как у людей, так и у животных и растений, следует отличать собственную жизнь человека, любящего славу и стремящегося совершать великие деяния. В первом роде жизни природа оказалась скупой для меня во всех отношениях и оставила мне только одно желание — сделать ее менее жалкой; во втором же роде жизни я не мог вовсе рассчитывать ни на богатство или власть, ни на телесное здоровье и силы, ни на помощь семьи, ни на свои собственные способности и достижения; я даже недостаточно был знаком с латинским языком, друзей у меня не было, а мои родственники погрязли в бедности и унижениях. По прошествии нескольких лет я имел сновидение, породившее во мне надежду на то, что мне удастся достигнуть желаемого во втором роде жизни. Я, однако, не мог представить себе, как это совершится, и только приобретенное чудесным образом знание латинского языка дало мне основание рассчитывать на успех.

Но так как разум не позволял мне обольщать себя такой надеждой, то возникала необходимость доказать, если я не хотел ограничиться одним желанием, что ничего нет более тщетного, чем эта надежда. «Пусть ты будешь писателем, — говорил я себе, — но каковы окажутся твои

писания при чтении их? О чем таком сможешь ты писать, что было бы само по себе настолько значительно и так хорошо тебе известно, что у читателей могло бы возникнуть желание получить об этом еще более подробные сведения? Какой красотой стиля и каким искусством должен ты будешь обладать, чтобы они захотели продлить чтение твоих произведений? Да и начали бы их читать? И даже если твои писания выдержат это испытание, не может ли случиться, что с годами они со дня на день будут терять свою известность, так что, в конце концов, все написанное тобой окажется если не в презрении, то в пренебрежении? Но пусть даже твои произведения просуществуют годы. Сколько же лет? Сто? Тысячу? Десять тысяч? Найди мне хоть одно такое произведение из стольких тысяч написанных книг. Если даже те немногие произведения, которые уцелели, не смогут в конечном счете не упасть в пропасть забвения, независимо от того, будет ли мир обновляться круговыми периодами, как учат академики⁴⁰, или его ожидает один конец, подобно тому как ему предопределено одно начало, — и в том и в другом случае разве имеет какое-либо значение, длится ли существование произведения десять дней или десять миллионов веков? И что все это в сравнении с вечностью? И ты еще будешь терзать себя надеждами, дрожать от опасений, подрывать свои силы трудами! И упускать при этом все прелести жизни? Вот прекрасно! Но, однако, и Цезарь, и Александр, и Ганнибал, и Сципион, и Курций, и Герострат⁴¹, расточая все блага жизни, рискуя покрыться позором, идя на величайшие мучения, всему предпочитали эту надежду. Пусть так, хотя это ничего не значит, но, не смотря на то, что все они почти достигли своей цели, они

⁴⁰ Намек на так называемый Платонов год (ок. 26 тыс. лет) — полный цикл развития цивилизации, по его окончании все возвращается на круги своя.

⁴¹ Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец; Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.) — полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти; Публий Корнелий Сципион Африканский (235–283 гг. до н.э.) — полководец Второй Пунической войны, победитель Ганнибала; Гай Курций (стал консулом в 445 г. до н.э.) — бросился в расщелину на римском форуме для умиловливания богов; Герострат (IV в. до н.э.) — сжег храм Дианы в Эфесе в 356 г. до н.э., чтобы его помнили потомки.

не обращали внимания на известные философские рассуждения и уж никак не руководствовались ими; и хотя многое облегчало им достижение цели, кто, однако, станет отрицать то, что они были совершенно неразумны? Это подтверждается суждением самого Горация в одной из его од к Меценату (29-я ода книги 3 «Царей тирренских отпрыск!»). Хороши те строфы, где он говорит:

*...Тот проживет, всегда
Собой владея вольно, кому дано
Сказать под вечер: «Прожил: завтра
Небо Юпитер пусть тучей мрачной*

*Обнимет все иль солнцем, — ему нельзя
Владеть прошедшим, как и не в силах он
Разрушить иль вернуть обратно,
Что унесло уж однажды время»⁴².*

52

Впрочем, тот же поэт уже несколько раньше разрешил этот вопрос в немногих словах, говоря: «Лишь о том, что близко, заботься мудро»⁴³, т.е. следует как можно лучше наладить и использовать настоящее. А Цезарь, Ганнибал и Александр задавались целью продлить славу своих имен за пределы своей жизни, в то же время содействуя славе и пользе как своей семьи и друзей, так и своих столиц и провинций, и еще при жизни наслаждаясь плодами своих деяний. Допустим, что они добились своего. Каков же был, однако, результат? Сулла погубил все труды и подвиги древних. Таким же образом разорял и свою семью каждый из тех, кто за ним следовал, пока император Коммод не искоренил весь род Юлиев, ибо было вполне естественно, что всякий, кто считался законным отпрыском последнего, казался подозрительным государю, рожденному развратницей⁴⁴. Где же в самом деле теперь Римская империя? Смехотворное и неслыханное дело: в Германии! Насколько же было бы лучше, если бы

⁴² Гораций. Оды, III, 29, ст. 41–48. — Примеч. пер.

⁴³ Там же, ст. 32–33. — Примеч. пер.

⁴⁴ Коммод Луций Элий Аврелий (161–192) — римский император (180–192), последний из рода Антонинов. Ходили слухи, что Коммод родился от связи матери не с мужем, Марком Аврелием Антонином, а с одним из гладиаторов.

продолжал существовать род Юлиев, славный отпрыск Энея, и если бы римляне продолжали быть владыками мира вместо того, чтобы слава их имени стала уделом негодяев и всякого отребья! При всем том, если душа бессмертна, к чему ей пустой блеск имени, и в чем оно поможет, если душе суждено исчезнуть? Если все поколения должны иметь конец, то все это погибнет, и останутся в конце концов только какие-нибудь кролики да зайцы.

Итак, ничего нет удивительного, что и я был охвачен и горел этим желанием добиться славы; но все-таки изумительно, что, даже усвоив себе все приведенные доводы, я мог поддерживать в себе ту же безрассудную страсть, ибо стремления Цезаря, как и других, были нелепы. Однако моя страсть к славе, среди стольких препятствий и стольких несчастий, была безрассудна, но не так нелепа. Я никогда не был жаден до блеска и почестей; напротив того, я презирал их и желал только, чтобы другие знали, что я такое, а не мечтал о том, чтобы всем было известно, каков я. Что же касается моего происхождения, то мне неизвестно, насколько вопрос о нем исполнен двусмысленности и запутанности и как мало у меня средств, чтобы споспешествовать почету моей семьи. Итак, я жил сам по себе и так, как мне можно было жить; ожидая чего-то от будущего, я презирал настоящее. Если это мое намерение допускает какое-либо оправдание, то я скажу, что оно не имело другой цели, как, насколько возможно, пережить свой век. Такое желание представляется основательным и почтенным, ибо даже если надежда обманет меня, оно, тем не менее, заслуживает похвалы, поскольку оно естественно.

ГЛАВА X. ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Итак, я установил себе образ жизни не так, как я того хотел, а так, как это было возможно: я избрал себе в данном случае не то, что должен был бы избрать, а что почитал за лучшее. Однако этот образ жизни не был всегда одинаков и неизменен; опасности, трудности и несовершенства всякого рода препятствовали этому; но, как мне кажется, мой образ жизни соответствовал каждому

отдельному ее моменту. Отсюда происходило то, что я казался непостоянен и даже, как я говорил, изменчив для тех, кто считает своим долгом мерить других своей меркой; ибо там, где отсутствует разумное основание, коим можно руководствоваться в жизни, мы поневоле должны испытывать много разных способов и действовать различными окольными путями. Повторяю, что цель, к которой я стремился, заключалась в увековечении моего имени, поскольку я мог бы этого достигнуть, а вовсе не в богатстве или праздности, не в почестях, не в высоких должностях и не во власти. Однако всякого рода случайности, козни моих противников, условия времени и мое собственное невежество препятствовали моим стремлениям, между тем как у меня, по правде, не было никаких средств противостоять всему этому. И мои познания в астрологии (поскольку я был или казался в то время осведомленным в ней и поскольку другие уверяли меня в этом) оказались в этом отношении сильной помехой мне, так как они приводили меня к заключению, что я не проживу больше сорока лет и уж во всяком случае не достигну сорокапятилетнего возраста. Между тем я не переставал ежедневно совершать проступки (хотя и намеревался жить честно) то по необходимости, то впадая в соблазн доставить себе наслаждения. Из-за суетной надежды на последние я пренебрегал самым существенным в жизни, заблуждался в своих суждениях и нередко грешил в своих действиях. При таких-то условиях наступил тот год, который, как я считал, должен был быть последним в моей жизни и который, напротив того, оказался ее началом, а именно сорок четвертый год.

Я начал свою новую жизнь с удовлетворения своих страстей, поскольку мне доставляли возможность удовлетворить их мой возраст, природа, миновавшие заботы и случайные события. Когда мне приходилось читать лекции, сначала в Милане, а потом в Павии, я чаще всего читал их рано утром. После того я шел гулять в тени за городской стеной, обедал и затем занимался музыкой; после этого я шел удить рыбу, выбирая для этого место около порослей и рощу неподалеку от города; потом я занимался научной работой и писал, проводя свои вечера

дома. Так прошло шесть лет; но, увы, «блестели некогда и для тебя солнца», как сказал поэт⁴⁵.

После того представился мне случай сделать упомянутое выше длинное и почетное путешествие.

Но к чему были и выгоды, и почести, и чествования, и все эти несвоевременные удовольствия? Я погубил себя, пропал, и выросли трудности и заботы, подобно тени от тиса, как говорится, а мне не осталось иного утешения, кроме смерти. Но, конечно, счастье не может заключаться в наслаждениях, потому что в таком случае оно было бы исключительной долей тиранов, между тем как именно их существование дальше всего от счастья. Как бешеный бык, устремляясь с закрытыми глазами туда, куда уносит его неистовый порыв, в конце концов спотыкается и низвергается, так и я споткнулся и низвергся. Однако еще до всего этого меня поразила ужасная удар: несчастье с моим старшим сыном. Некоторые члены сената признались (но я думаю, что они не самих себя разумели при этом), что он был осужден в надежде, что отец его умрет от горя или сойдет с ума; ведает Бог (и я сам расскажу об этом в своем месте), что со мной едва этого не случилось, но все же их замысел не удался. Я хочу только, чтобы уразумели (так как тут многое было присочинено), какое это было время и каковы были нравы! Ибо я с уверенностью могу сказать, что я никого из них не оскорбил даже тенью подозрения.

Итак, я всячески обдумывал, как бы защитить моего сына; но каково могло быть значение защиты при исключительной озлобленности некоторых из его судей? И, не смотря на то что я был подавлен мыслями о страданиях сына, охвачен ужасом перед угрожавшей ему опасностью, расстроен всем прошлым и обеспокоен будущим, я все-таки начал с того, что воздал хвалу человеколюбию и справедливости сената и напомнил о примерах его милосердия. Я восхвалял его благоволение и милость и в особенности подчеркнул случай с побочным сыном нотариуса Джампьеро Соларио, который, хотя и был изобличен в покушении на отравление двух сестер, законных дочерей его отца, с целью получить наследство,

⁴⁵ Катулл, 8, ст. 3. — Примеч. пер.

был, однако, присужден только к ссылке на галеры. Августа восхваляют за вопрос: «Ты не убивал ведь своего отца?»⁴⁶. Что за жестокость после этого убивать в лице сына невинного и престарелого родителя! Если уважение к отцу когда-то заставляло нарушить требование закона об отдавании сына на растерзание диким зверям, то насколько большего внимания заслуживает тот, кто готов пасть жертвой чужой вины! И к чему будут служить заслуги перед людьми, если они увидят, что такая ценная добродетель, как невинность, терпит жестокое наказание? Разве не худшее из наказаний терзать отца казнью сына, а не казнить его самого? Если вы убьете меня, погибнет один человек, уже готовый умереть и не могущий принести плода, а умерщвляя сына, вы отрезаете вместе с ним всякую надежду на продолжение рода. Представьте себе, что у ваших ног молит вас здесь род человеческий за сына того, кому вы все обязаны, за юношу, одержимого гневом, терзаемого столькими несчастиями, пораженного величайшим позором, обманутого в браке с женщиной, не принесшей ему приданого, с женщиной испорченной и бесстыдной, с которой он сочетался против воли и без ведома отца! Если не все умоляют вас об этом, то разве не потому только, что не все об этом знают? Однако нет никого столь враждебного ко мне или к моему сыну, кто бы не пожелал, чтобы была дарована жизнь тому, чья смерть у самих владык преисподней возбудила бы сострадание. Все это и многое другое было мною высказано, но не привело ни к чему, кроме постановления, что сын мой не будет казнен, если я смогу умолить противную сторону о примирении. Этому, однако, помешала глупость сына, так как он хвастался несуществующим богатством, а те требовали того, чего у него не было. Но довольно об этом.

⁴⁶ Октавиан Август (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.) — римский политический деятель, основатель принципата (специфической формы монархии), снисходительно вершивший суд. Каждому обвиняемому в отцеубийстве он задавал вопрос «Ты, конечно, не убил своего отца?», тем самым давая возможность избежать казни. Казнь же была жестокой: явно уличенного в отцеубийстве зашивали в кожаный мешок вместе с собакой, змеей, петухом и обезьяной, символами непочтительности к родителям, и бросали в море. Явно уличенным считался только открыто признавшийся. (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Биография Августа, 33.)

С самого раннего возраста я утвердился в решении заботиться об устройении своей жизни. Занятия же медицинской скорее и ближе вели к намеченной мною цели, чем профессия юриста; кроме того, медицина одинаково пригодна для всего земного шара и для всех веков; она опирается на доказательства более ясные и менее зависящие от мнения отдельных людей, сообразные с разумом, т.е. с вековым законом природы; вот почему я и посвятил себя ей, а не юриспруденции. Этому решению соответствовало и то, что я, как уже сказал, пренебрегал и даже избегал этим путем заводить дружбу и приобретать богатство, могущество и почести.

После того как мой отец заметил, что я бросил изучать юридические науки, чтобы посвятить себя всецело философским, он не мог удержаться, чтобы в моем присутствии не посетовать, что я уклоняюсь от его карьеры, которую он считал более благородной (он часто приводил в доказательство этого суждение Аристотеля) и более способной доставить богатство и влияние и таким путем возвысить всю нашу семью. А так как он преподавал гражданское право в самом городе и получал за это уже в течение стольких лет вознаграждение в сто дукатов, то он не мог успокоиться при мысли, что эта обязанность не перейдет ко мне (как он рассчитывал), а преемником его будет кто-то другой. Его огорчало и то, что не будут закончены и его комментарии, и что я не буду продолжать и развивать их дальше. Дело в том, что одно время он обольщал себя некоторой надеждой на славу: это было вызвано тем, что после того, как исправил сочинение епископа Иоанна Кентерберийского по оптике или перспективе, было напечатано такое двустиишие:

*Мужа такого иметь Карданову радостно дому:
Все он постиг. Никого нет ему равного днесь*⁴⁷.

Но это было скорее предуказанием для тех, кто должен был выдвинуться своими собственными трудами, чем действительно заслуженная моим отцом похвала; хотя он с отличием (как я слышал) занимался юриспруденцией, но, с другой стороны, он не пошел дальше первых на-

⁴⁷ Ныне, теперь, сегодня (устар. книжн.).

чал математики, ничего нового не придумал и ничего не перевел с греческого языка. Это, однако, происходило у него скорее от изменчивости и непостоянства его занятий и мыслей, чем от отсутствия природных способностей или от косности и недостаточной рассудительности, этими недостатками он совсем не страдал. Что же касается меня, то я твердо держался своего намерения как в силу того, что я его основательно обдумал, так и потому, что я видел, как малого достиг мой отец, несмотря на то, что у него почти не было препятствий для достижения цели. Наконец, я руководствовался в своем решении и некоторыми другими соображениями.

ГЛАВА XI. О РАССУДКЕ

58

Иной раз лучше упорствовать в принятом решении, хотя бы выбор его не мог считаться вполне удачным, чем потом изменять его, стараясь избрать лучшее. Пусть даже такое мнение основано лишь на быстротечности и непостоянстве человеческих занятий, на их изменчивости и тщете. Поставив себе, однако, труднейшую самую по себе задачу и дав себе отчет в той, насколько важно мне вести дело на основе рассудка, я заметил, что эта задача, как и другие задачи подобного рода, в высшей степени легка. Прежде всего потому, что при существовании такого безграничного количества различных предметов и целей и при том, что всякий выбирает то, что ему больше по душе, существует такое множество случайностей, обстоятельств и условий, все это определяющих, что никто по справедливости не осмелится меня упрекнуть, кроме того, кто решится заявить, будто лучше меня самого знает наши задачи и намерения. Однако это совершенно невозможно. И даже если предположить это, какой был бы у него лучший способ для достижения намеченной цели, коль скоро достижение ее будет ему возможно? И еще следует нам взвесить и обсудить, какой способ окажется более удобным для достижения; цели, какой образ действий будет подходящим, чтобы удержать за собой обладание достигнутым, и как, наконец, лучше всего использовать его. Уже с самого начала я заявил о том, как мало у меня *euboulia* или *phronesis*, так как, если эти слова не означают ничего иного, как рассудок,

то это, однако, будет то же самое, если мы скажем «человеческий рассудок», ибо из всех существ, какие нам известны, нет ни одного, которое обладало бы рассудком, кроме человека. Ибо божественные существа одарены сверх того еще чем-то, а именно прозрением, которым не обладает никакое другое живое существо. Я здесь не говорю о гарпократическом даровании, так как это способность иного порядка, но с рассудком дело обстоит именно так. Правда, о видах его разные люди судили по-разному в зависимости от их понимания. И я сознаю, что у меня не доставало и все еще недостает, кроме того, свойственной человеку уравновешенности и проницательности, что немало повредило мне при осуществлении тех моих намерений, о коих я говорил выше.

ГЛАВА XII. ЗАНЯТИЯ ДИСПУТАМИ И ПРЕПОДАВАНИЕМ

59

Я был тем более деятелен и талантлив в этой области, что в Болонье я освоился с импровизированною речью, так как почти всегда читал лекции без подготовки. Поэтому те, с которыми мне предстояло иметь диспут, не решались быть моими оппонентами, в особенности после того как был обнародован мой трехдневный диспут с Камуцио, происходивший перед сенатом в Павии. Уже первое доказательство мое в первый же день диспута заставило моего противника замолчать (об этом свидетельствовали даже мои враги, в большом количестве присутствовавшие на диспуте). Изображение этого диспута высечено на надгробном памятнике самого Камуцио. Этот диспут сделался настолько широко известным всем, что, обсуждая его, не говорили уже о самом предмете спора, а только о силе моих доказательств, которая представлялась несокрушимой. Я думаю, что память об этом диспуте жива и до сих пор. Бранда, бывший, как я сказал, моим наставником, приписывал мой успех моему искусству и таланту, а мои завистники — демону; другие же, более близкие к истине, — некоей лучшей и совершеннейшей причине. Ведь ни в Милане, ни в Павии, ни в Болонье, равно как ни во Франции, ни в Германии, с тех пор как мне минуло двадцать три года, не находилось ни одного человека, который решился

бы или иметь со мной диспут, или противоречить мне. Этим, впрочем, я не хвастаюсь, так как полагаю, что даже если бы я был совершенным чурбаном, они поступили бы так же. Дело тут зависело не от превосходства моих природных качеств и от выдающегося таланта, но от невежества тех, кто должен был состязаться со мною; ведь если каракатица пугает дельфина и обращает его в бегство, то каракатице тут нечем хвастаться, так как это происходит в силу природных условий.

Когда я однажды в присутствии многих ученых мужей отвечал на аргументацию Анджело Кандиано и затем заявил о своем желании сам вызвать его на диспут, он не постыдился мне ответить: «Я заявлял о том, что я хочу аргументировать, а не возражать тебе». И вместе с тем он был учнейшим медиком и удостоился высших почестей как на родине от нашего государя, так и в Бельгии от королевы венгерской⁴⁸; он пользовался величайшим авторитетом и, если это имеет отношение к делу, был очень богат. Ввиду этого, когда я заявлял о своем неумении и неопытности, многие мне говорили: «В одном случае ты, несомненно, лжешь, так как мы знаем, что ты чрезвычайно умелый, а в другом — мы недоумеваем, что ты разумеешь под словом неопытность. И нам крайне странно слышать это от человека, столько раз заявлявшего, что он никогда не лжет».

О примерах моего неподражаемого преподавания надо сказать, что они уже перестали быть удивительными, говоря (как выражаются грамматики) в положительной степени, так как они получили всеобщее признание в степени превосходной. И никто не желал подвергать меня какому-либо испытанию, чтобы убедиться в этом: солнце не перестает существовать и тогда, когда обволакивает его непроницаемая туча. Ты не должен тревожиться, если, когда в твоём покое горит столько великолепных светильников, не желают быть видимыми те, которые находятся вне его; не следует также бояться, что может погибнуть что-либо божественное: цветы

⁴⁸ Мария Австрийская (1505–1558), известная также как Габсбургская, Венгерская, Бургундская, Кастильская — королева Венгрии, королева Чехии, штатгальтер Нидерландов (наместник от рода Габсбургов).

благоговейно устремляются к восходящему солнцу, гараманты клянут⁴⁹ его. И всюду не только проникает божественное провидение, но и сияет вечная его мощь.

Что же касается выполнения моих преподавательских обязанностей без подготовки, то я не только всегда этим отличался, но даже обучал этому других. И хотя это порождало очень высокое мнение обо мне, однако в моей речи отсутствовало изящество и не было истинного красноречия в изложении мыслей, так что можно было бы сказать, что, с одной стороны, у меня отнято столько же, сколько добавлено — с другой. Я был настолько едок в диспутах, что все удивлялись этой моей способности, но избегали испытывать ее на себе; это обстоятельство избавило меня в течение очень долгого времени от обязанности выступать в диспутах, в особенности когда получили известность два случая, происшедшие со мной вопреки всякому ожиданию.

Один из этих случаев имел место в Павии, когда мой бывший наставник в философии, Бранда Порро, вмешался в обыкновенный диспут, который я вел с Камуцио по философским вопросам; дело в том, что, как я сказал, мои противники чаще стали привлекать меня к диспутам в этой области, не надеясь больше извлечь какую-либо честь для себя из диспутов по медицине. Итак, когда мой противник сослался на авторитет Аристотеля и как только он привел его слова, я сказал: «Смотри! Тут недостает отрицания, и это говорит против тебя». — «Ни в коем случае», — возразил Бранда; я же, отхаркивая мокроту, которой у меня всегда много, возражал ему медленно; он, рассердившись, посылает за книгой; я требую ее; он приказывает мне ее дать; я читаю то, что стоит в тексте, а он, заподозрив, что я его дурачу, выхватывает у меня книгу из рук и, крича, что я обманываю слушателей, начинает читать, доходит до спорного места, прочитывает его и умолкает. Все присутствовавшие остолбенели и взирали на меня с изумлением. Случилось

⁴⁹ По-видимому, искаженный пересказ истории Геродота о народе Ливии — атарантах, которых чрезмерно жгло солнце, и к которому они обращались с проклятиями (IV, 184). Гараманты же — это древний народ Сахары, разводивший быков с загнутыми вперед огромными рогами, тоже упоминавшийся Геродотом.

так, что Бранда должен был выехать на несколько дней в Милан, куда сенату было уже сообщено письмом о случившемся; его спрашивают, правда ли это, на что он, как человек искренний и честный, отвечает: «Это, к сожалению, совершенно верно, и я думаю, не был ли уж я пьян в этот день». Тут сенаторы умолкли с открытыми от удивления ртами.

Другой случай произошел в Болонье с бывшим там стариком, профессором практической медицины Фраканцано. Однажды, рассуждая во время вскрытия трупа о каналах, отводящих желчь в желудок, он привел один греческий текст. Я в присутствии всей академии (в то время делалось анатомическое вскрытие) воскликнул: «Недостает частицы оύ!» Он стал уверять, что этого не может быть; на мое возражение, что это так, студенты в один голос потребовали, чтобы послали за книгой; профессор с удовольствием посылает за ней; ее немедленно приносят, он читает и видит, что в книге написано точь-в-точь так, как я говорил; он был этим поражен, и еще более поражены были студенты, которые насильно привели меня на это вскрытие. С этого дня Фраканцано до такой степени избегал видаться со мною, что приказал своим слугам предупреждать его всякий раз, как меня завидят, уклоняясь встречаться со мною даже на улице. И когда однажды меня обманным образом неожиданно привели к нему во время занятий анатомией, он тотчас же убежал, закрывшись плащом, к великому изумлению всех присутствовавших. Вскоре после этого он оставил свою должность, несмотря на то, что с ним был заключен договор еще на много лет вперед.

ГЛАВА XIII. МОИ НРАВЫ, ПОРОКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Если суждения о такого рода предметах представляют сами по себе исключительную трудность, то мы должны признать их еще более затруднительными, приняв во внимание, что читатели жизнеописаний, написанных самими авторами, уже заранее готовы не признавать искренними и добросовестными повествования, подобные тому, к которому я здесь приступаю. Ибо некоторые описывали себя так, как они должны были бы представляться

на самом деле, вроде Антонина; другие, хоть и писали о себе правдиво, но исключали из своего рассказа все относящееся к совершенным ими ошибкам, как Иосиф Флавий. Я же предпочитаю во всех случаях руководиться одной истиной, хорошо зная, что никто не может быть оправдан в прегрешениях в области нравов в той же степени, как и в других областях. Что же могло побудить меня к этому? Может быть, сознание того, что я окажусь тем единственным прокаженным, который возвратился к Господу из числа десяти Им исцеленных? Здесь становится понятной причина, заставляющая медиков и астрологов делать различие между врожденными и благоприобретенными нравами; первые зависят от так называемых первичных свойств, вторые — от воспитания, занятий и общения с людьми. Все это свойственно каждому человеку, изменяясь в соответствии с его возрастом; сюда же относятся и нарушения порядка в жизни. Поэтому прежде всего я займусь рассмотрением этих свойств, поскольку мне позволит сделать это пресловутое «познай самого себя».

63

Мне небезызвестно, что природа создала меня вспыльчивым, непосредственным и любострастным, из этих свойств, как из источника, проистекли, между прочим, гордость, упорство в спорах, суровость, неосторожность, склонность к гневу и чрезмерная мстительность; последняя побуждала к таким поступкам, которые многие (правда, только на словах) предают проклятию, но «жизни приятней самой представляется радость отмищенья».

И, вообще, я не прилагал стараний к тому, чтобы в своем лице опровергнуть изречение, гласящее: «Мы по природе склонны делать зло».

Вместе с тем я был правдив, помнил о благодеяниях, любил своих близких, презирал богатство, дорожил посмертной славой и привык не считаться с обстоятельствами ничтожными, а тем более со всякими пустяками; однако я не пренебрегал никакими случайностями, зная, что даже самые незначительные из них могут иметь значение, если воспользоваться ими в самом начале. Склонный по характеру не только ко всякому злу, но и ко всяческим порокам, за исключением честолюбия, я лучше всякого другого сознаю собственное свое несовершенство. Впро-

чем, из благоговения к Богу и вследствие приобретенного мною убеждения в суетности подобных вещей я даже преднамеренно упускаю представляющиеся мне случаи мести. Боязливый и холодный сердцем, я обладаю горячей головой. Склонный к постоянным размышлениям, я часто обдумываю множество вещей, столь же грандиозных, сколь иной раз и неосуществимых, и притом могу размышлять о двух предметах сразу. Те, которые вменяют мне в похвалу задорную болтливость и несдержанность, обвиняют меня в пороках, присущих другим, но не мне: если я умею оказывать сопротивление, то сам не нападаю ни на кого. К чему, в самом деле, утомлять себя, затевая тяжбы и споры, после того как я столько раз испытывал ничтожество этой жизни? Часто то, в чем можно только оправдываться, люди называют похвальным свойством, не считая это за великое преступление.

Я приобрел привычку всегда обнаруживать в выражении лица чувство, противоположное тому, которое я в действительности испытываю; поэтому я могу притворяться, хотя и не умею скрывать; этой привычки легко достичь, если с ней не соединено никакой надежды на выгоду; но мне она стоила пятнадцати лет тяжелого и непрерывного труда, пока я вполне не овладел ею. Из таких же побуждений я иной раз выхожу на улицу в лохмотьях, а иной раз — одетый с изяществом; я кажусь то молчаливым, то говорливым, то веселым, а то печальным; все это двойственно.

В юности я мало и редко заботился о своей голове, будучи жаден до столкновений с сильнейшими. Походка у меня неровная: то скорая, то медленная. Дома я сижу с голыми до лодыжек ногами. Я не отличаюсь почтительностью, неводержан на язык и очень вспыльчив, чего я стыжусь и в чем себя упрекаю. Я приходил к раскаянию в своих проступках, но, тем не менее, жестоко расплатился за них, тяжко искупив, между прочим, мерзости своей сарданапальской жизни⁵⁰ в тот год, когда я был во главе Падуанской гимназии. Мне может быть вмене-

⁵⁰ Сарданапал — персонаж древнегреческой мифологии, царь Ассирии. В нарицательном значении так называют человека, приверженного к роскошной и изнеженной жизни.

но в похвалу и служить доказательством моей доблести то, что я мудро перенес позор за свои преступления и исправился. Я считаю необходимым рассказать об этих вещах, так как я заслужил бы упрек в неблагодарности, если бы умолчал о благодеяниях Бога, а в еще большей степени — если бы поведал о заслуженных мною карах и несчастиях, не упоминая об образе моей жизни. А еще более было бы это непростительно потому, что то, что я здесь говорю о себе, имеет, как я уже заявлял, гораздо меньшую важность, чем это кажется толпе: все это пусто, вздорно и похоже на те длиннейшие тени, которые отбрасываются предметами при солнечном закате — они уже ничему не служат и вот-вот готовы исчезнуть. Если же кто без пристрастия захочет судить о моих проступках и задумается над тем, как я дошел до них, то этому не следует противиться. Пусть будет принято во внимание состояние моего духа, условия необходимости, стечения обстоятельств, то горе, какого мне стоили совершенные мною ошибки, так как иные совершают еще более тяжкие, не попадая в столь трудные положения, и не дают себе труда ни принести тайного, а тем более открытого покаяния, ни вспомнить о полученных ими благодеяниях, а наоборот, даже совсем о них забывают. Тогда, может быть, приговор, вынесенный мне, будет справедливее. Но пойдем дальше.

Я сознаю, что среди моих пороков исключительным и крупным является тот, который заставляет меня не говорить ни о чем с таким удовольствием, как о том, что, как я знаю, окажется неприятным моим слушателям. И я сознательно и упорно коснею в этом. Я нисколько не скрываю от себя, как много один этот недостаток доставил мне врагов, вот до чего велика сила природной склонности при поддержке длительной привычки! Правда, я воздерживаюсь от нее, когда вхожу в сношения с моими благодетелями и с властью имущими: с меня достаточно не льстить и, по крайней мере, не пресмыкаться перед ними. Но, тем не менее, я никогда в жизни не умел сохранять меру и выдержку, хотя бы и прекрасно знал, как следует и желательно поступать в том или ином случае; и вряд ли легко можно найти другого человека, который

в такой же степени, как я, упорствовал бы в такого рода заблуждении.

Я живу сколько возможно одиноко, несмотря на то, что, как мне известно, Аристотель осуждает такой образ жизни, говоря, что «одиноким человек есть или животное, или божество»⁵¹. Но причину этого я уже указывал. С одинаковым упрямством и с не меньшим ущербом для себя удерживаю я слуг, не только бесполезных, но, как я сам понимаю, даже меня позорящих. Точно так же поступал я и с животными, которых, бывало, мне дарили: овцами, козами, зайцами, кроликами и аистами, которые загаживали весь мой дом. Затем я всегда страдал от недостатка в друзьях, а особенно в друзьях верных. Я допустил много ошибок, на которые подбивала меня моя склонность всюду кстати и некстати сообщать обо всем мне известном. Вследствие этого мне случалось оскорблять даже тех самых людей, которых я намеревался восхвалять; среди таких лиц упомяну об ученойшем и знаменитейшем человеке — президенте парижском, французе Эмаре Ранконете⁵². К этому меня побуждало не только опрометчивое легкомыслие и незнакомство с делами и обстоятельствами других людей (чего, разумеется, было трудно избежать), но и пренебрежительное отношение к тем приличиям, которые в большинстве случаев соблюдаются между людьми благовоспитанными и которые я усвоил только впоследствии.

Я слишком спешил в своих рассуждениях, был слишком неосмотрителен в решениях и в любом предприятии не терпел задержки в его выполнении. Мои соперники, наблюдая эту черту во мне и зная, как трудно поймать меня, если я не застигнут врасплох, ничего так не любят, как заставлять меня спешить; но я сейчас же ловлю их на этом и, остерегаясь как соперников, отношусь к ним как к врагам, каковыми они, впрочем, и являются.

Если бы я не приучил себя никогда не раскаиваться ни в каком деле, предпринятом мною по собственному по-

⁵¹ Аристотель. Политика, I, 1, 9. — Примеч. пер.

⁵² Эмар де Ранконет — адвокат, сведущий в делах литературы, философии и математики, вел с Кардано долгую переписку. Был президентом четвертой Счетной палаты парламента.

буждению, даже в случае неудачного его исхода, то моя жизнь стала бы совершенным несчастьем; но правда, что чаще всего мои бедствия проистекали из-за безрассудства и позорного поведения моих сыновей, а также вследствие нерадивости и взаимной зависти между моими родственниками, чем особенно отличалась наша семья, но что, впрочем, часто встречается среди обывателей провинциальных городов.

С ранней юности я был также страстным игроком в шахматы, которым я обязан тем, что стал известен миланскому герцогу Франческо Сфорца, а также приобрел дружбу многих знатных лиц. Предаваясь усердно игре в шахматы в течение почти сорока лет, я никогда не мог бы выразить в кратких словах, сколько ущерба без всякого за него возмещения причинили они моим домашним делам. Но еще более шахмат повредили мне кости, игре в которые я даже обучил моих сыновей и делал нередко мой дом местом сборищ игроков. Единственным, хотя и ничтожным оправданием этого остается только то, что я родился в бедности, а вместе с тем не лишен был способностей к подобного рода занятиям. Это обычная слабость смертных, хотя одни не хотят, чтобы об этом говорилось, а другие даже прямо этого не выносят; что же, лучше ли они и мудрее ли прочих? Что было, если бы кто-нибудь, беседуя с царями, говорил им: «Нет никого из вас, кому не служили бы пищей черви, мухи, клопы, блохи и вши, или, наконец, еще более отвратительные, испражнения ваших слуг!» Что это такое, как не незнание положения вещей — не хотеть признавать того, что нам известно, и желать насильственно утаивать то, что есть на самом деле? То же можно сказать и о грехах, и обо всем остальном, что отвратительно, тщетно, смутно и неустойчиво и подобно гнилым, упавшим с дерева яблокам. Я не сказал здесь ничего нового, но только обнажил истину.

ГЛАВА XIV. О ДОБРОДЕТЕЛЯХ И СТОЙКОСТИ

Если существует немало вещей, в которых людям свойственно ошибаться, то нет ни одной, в которой они столь легко не обманывали бы себя, как в применении слова «стой-

кость». Прежде всего потому, что истинная стойкость включает в себе нечто божественное, тогда как другие свойства могут быть присущи и глупцам, и безумцам. Уже была осмеяна, как пустая и действительно глупая, стойкость, которая заставляла Диогена летом на солнце зарываться в раскаленный песок и голым обнимать зимой холодные колонны. Напротив того, выдающимся по доблести поступком, достойным вечной славы, было поведение венецианского патриция Брагадино, который переносил такие мучения, что даже в толпе его дерзких победителей не нашлось никого, кто бы захотел быть его палачом. Достоинно бессмертной славы выдержать сдираание с тебя живой кожи, и если он способен был перенести то, что доступно для божества, то, разумеется, пожелал вынести то, что в человеческих силах. И хотя подобная доблесть ярче проявляется в несчастьях, однако не менее часто случается, что она становится достойной удивления также и в минуты благосклонности судьбы. И обратно: даже если иным и не представляется случая проявить себя в этом отношении, они не должны из-за этого почитаться менее других стойкими. При том количестве возможностей, при каком человеку легко сбиться с пути этой доблести, не следует ни кичиться тому, кто оказался способным выдержать испытание, ни осуждать кого-либо за то, что ему не встретилось случая этому подвергнуться; так же как не должны мы считать необходимым для себя то, в чем нам отказано природой. Меня отнюдь не побуждает к такому заключению то, что мне самому в известном отношении представлялось мало таких случаев, ибо я не могу представить себе такого злейшего врага и несправедливого судью, который не стал бы больше удивляться моему терпению в несчастьи и моей сдержанности в счастье, чем вменять мне в вину пренебрежение к тому, что доставляет удовольствие, и мою выдержку при затруднительных обстоятельствах. Я здесь имею в виду наслаждения, зрелища, болезни, слабость телесных сил, клевету и злоречие соперников, малоудачные исходы моих предприятий, споры, нападки и ссоры, угрозы сильных, подозрения, семейные смуты, недостаток многого необходимого, старания разо-

чаровать меня как со стороны истинных друзей, так и тех, кто только выдавал себя за них, а затем опасности стольких угрожавших нам еретических учений. Как бы меня иной раз и ни соблазняла благосклонность судьбы и многочисленные мои успехи, я, тем не менее, никогда не изменял своего поведения и не становился ни заносчивым, ни честолюбивым, ни нетерпимым, ни презирающим бедных, ни забывчивым в отношении прежних друзей, ни грубым или надменным на словах и в беседе. Точно так же я не менял своего платья на более богатое, за исключением тех случаев, когда меня к тому вынуждало занимаемое мною положение, или же когда совершенно изнашивалась та одежда, которую я принужден был носить раньше из-за своей бедности.

Однако в несчастии я был не до такой степени стоек, так как был принужден переносить то, что не соответствовало моим силам, но я преодолевал свою природу искусственным путем. В самых тяжких душевных горестях я бил себя самого розгами по ногам, кусал себе жестоко левое предплечье и постился; очень облегчали меня и слезы в тех случаях, когда мне удавалось плакать, чего я, однако, часто не мог достигнуть. Я искал помощи в оружии рассудка, повторяя себе, что ничего нового не произошло, но что только изменилось и ушло вперед время; разве возможно, чтобы оно не переставало мне благоприятствовать при его вечном течении? Но у тебя выхвачено несколько лет жизни! А что значит эта часть времени в сравнении с вечностью? Наконец, если мне остается прожить лишь немного лет, тут нет большой потери, а если я могу рассчитывать на более долгую жизнь, то, может быть, наступят такие обстоятельства, которые облегчат мою скорбь, и я за нее заслужу вечную славу. А что бы случилось, если бы совсем не возникло этой скорби? Но несмотря на то, что она бывала мне не по силам, как я скажу ниже, божественная благодать явно чудесным образом ниспосылала мне облегчение.

Более чем в чем-либо ином, я был постоянен в занятиях, в особенности в писании книг, так что сколько бы раз мне ни делали самых заманчивых предложений, я не отступал от установленного образа жизни и упорно про-

должал начатое дело. Особенно поддерживало меня в этом смысле то, что я помнил, сколько вреда причиняли моему отцу частые перемены его намерений. Не думаю, чтобы кто-либо поставил мне в вину, что когда я был принят в Павийскую академию аффидагов, в которой было немало высоких особ и знаменитых кардиналов, я, хотя и был смущен страхом, тем не менее не отказался принадлежать к ней, даже находясь в отсутствии, и не допускал мысли о выходе из нее. Когда, однако, мне были преподнесены знаки отличия как главе академии, я отказался от них, указав, что такая пышность мне не подобает. Что же касается доблести, то я могу лишь сослаться на изречение Горация, который говорит, что «доблесть — порока бежать»⁵³.

70

Я никогда сам не порывал уз дружбы, и если их приходилось порывать, то никогда не выдавал тайн своих бывших друзей и не попрекал их; также я никогда не приписывал себе ничего чужого, чем иной раз грешил и Аристотель, а еще более Гален, не погнушавшийся снизойти до самых постыдных споров; я же в этом отношении не уступаю никому, кроме одного Платона. Я могу здесь сослаться на скромнейшего человека — Везалия, который, несмотря на мелкие придирки к нему Корти, ни разу не унизился до упоминания его имени; и хотя тот же Корти обвинял меня в хищении, так как я отказывался возвратить ему залог, который удерживал вместо денег в обеспечение долга, сделанного им без свидетелей, я никогда не завидовал его учености, а руководился только любовью к благородным наукам; отсюда произошло то, что, когда он, уезжая в Пизу, на вопрос сената, способен ли я заместить его, отвечал, что нет никого более меня подходящего, — сенаторы, зная о том, что мы не примирились, передали мне должность профессора. Я не сомневаюсь, что к моей доблести следует отнести и то, что я с самой юности никогда не лгал, что я мужественно переносил бедность, клевету и столько различных несчастий, и что нет такого человека, который мог бы заслуженно упрекнуть меня в неблагодарности. Но довольно об этом.

⁵³ Гораций. Послания, I, 1, ст. 41. — Примеч. пер.

ГЛАВА XV. О ДРУЗЬЯХ
И ПОКРОВИТЕЛЯХ

Первым из друзей моей юности был Амброджо Варадеи, с которым меня связывали шахматы, музыка и сходство наших нравов; затем Просперо Мариноне из Павии, Оттавиано Скотто, миланец, который часто оказывал мне денежную помощь, и позднее Гаспаро Галларати. В селении же Сакко я был связан тесной дружбой с венецианским патрицием Джаммариа Морозини и аптекарем Паоло Далматино. Возвратившись в Милан, я сблизился с тамошним архиепископом Филиппо Аркинто, а через его посредство — с Лодовико Маджи, в помощи которого я нуждался и который мне ее оказал.

Кроме того, я был дружен с ювелиром Джироламо Гуэррино, у которого научился многим тайнам, изложенным впоследствии в моих сочинениях и не заимствованным из книг, как это делают другие. С помощью Гуэррино я приобрел доверие флорентинца Франческо Белотто, а впоследствии — выдающегося юриста, почтенного человека и опытного математика Франческо Кроче, который очень помог мне при моем столкновении с коллегией. Точно так же благорасположение аптекаря Донато Ланца доставило мне дружбу кремонского сенатора Франческо Сфондрато, ставшего впоследствии кардиналом, а через Сфондрато я свел дружбу с другим кремонцем — Джамбаттиста Специари, человеком ученым и исключительно достойным. Благодаря последнему я сделался известен Альфонсо Давалосу, губернатору провинции и начальнику императорского ополчения. Дело того же Сфондрато было приглашение меня читать лекции по медицине в Павии, где меня принял в среду своих друзей Андреа Альчиати, этот превосходный юрист и оратор, а затем и его родственник Франческо, в настоящее время кардинал. Его покровительство, совместно с покровительством двух других кардиналов, а именно мудрейшего Джованни Мороне и Пьердонато Каэзио, в настоящее время поддерживает меня. К этим трем меценатам я должен присоединить и четвертого, а именно происходящего из знатнейшего княжеского рода триентского кардинала Кристофоро Мандрузио, beneficia-

ния и щедрость которого по отношению ко мне совершенно исключительны.

Переходя от этих важных особ к равным мне, я должен сказать, что ценнее всего золота на свете была для меня дружба превосходного аретинца Панецио Бенвенуто, дружба, остававшаяся всегда бескорыстной и неизменной. Затем я был дружен с Таддео Масса, почтенным римским прелатом, отличавшимся редким благоразумием и честностью, а еще раньше — с Джованни Меоне, секретарем губернатора провинции и начальника императорских войск господина Фернандо Гонзага. Что же касается дружбы с кардиналами Карло Борромео и венецианцем Марко Антонио Амулио, людьми исключительных достоинств, и с рядом других лиц, то об этом слишком долго рассказывать; скажу только, что благодаря хлопотам и авторитету Борромео и Альчиати я занял кафедру медицины в Болонье и вошел в дружеские отношения со всем достойнейшим болонским сенатом. Упомянутые благородные люди поразительны своей предупредительностью, культурностью, благоразумием и блестящими качествами. Из числа медиков я исключительно благоволил к двум отличавшимся безупречным поведением и немалой ученостью моленцам, именно к Камилло Монтаньяна и Аурелио Станьи, а кроме того к Мельхиору делла-Валле из Милана и Томазо Изео из Брешии, причем мое дружеское расположение к ним вызвало в других по отношению ко мне самую жестокую вражду. Среди английских кардиналов я пользовался расположением Джона Чека, воспитателя короля Эдуарда VI, бывшего в то время еще в нежном возрасте, так же как и француза Клавдия Лаваля, посланника короля Франции в Англии, и князя Бадольфии. Из моих соотечественников я немалым обязан Лодовико Таверни, мудрейшему городскому префекту. Из профессоров упомяну выдающегося философа, миланца Франческо Викомеркато, а также Андрея Везалия, которого я считаю крупнейшим знатоком анатомии. В детстве я был также близок с двумя друзьями моего отца: Агостино Лавициарио, бывшим тогда докладчиком по прошениям при сенате города Комо, и мастером Галеаццо

дель-Россо, о котором я часто упоминал, а кроме того с падуанским медиком Франческо Бонафедо, о котором скажу в другом месте. Я не упоминаю о других ученых и моих друзьях, ибо и без того они известны всему миру благодаря своей учености. Я хочу, чтобы убедились, что я, испытав на себе благорасположение людей, не забыл тех, чьим именам я хотел бы даровать вечную жизнь настоящим моим свидетельством о них, поскольку это в моих силах. Упомяну еще ученого мужа Гильома Шуля, префекта горной части Нарбоннской провинции, или Аллоброгов, выдающегося юриста и астролога Бонифацио ди-Ровиги и Джорджо Порро из Грзубиндена, Луку Джустиниано из Генуи и знаменитого арифметика Габриэле Араторе из Караваджо. Но особенная близость связывала меня с Джампьеро Альбуцци, медиком и профессором в Милане, с Марко Антонио Майораджи, с болонцем Марио Джесси, а также с каринтийским медиком Лорендо Цезнером; но совершенно исключительной была привязанность ко мне бельгийца Адриана, оказавшего мне всякие благодеяния и услуги. Однако прямо-таки божественным было покровительство князя Мателики, так как оно превосходило все, что можно ожидать от простых человеческих побуждений.

Я уже не говорю о его исключительных душевных качествах, которые сделали бы честь любому государю, о познаниях во всех науках, о любезности характера и благотворительности этого мецената. Что же мне еще припомнить о постоянно благоприятствовавшей ему судьбе, о славе его отца и о его благодеяниях при наших бывших встречах? Что было во мне такого, что могло его привлекать и так привязать ко мне? Конечно, не благодеяния и не надежды, возлагаемые на меня, старика, подавленного несчастьями, поверженного во прах и не обладающего любезным и ласковым характером; если что могло привлечь его, то единственно уверенность в моей честности. За кого же мне считать — за людей или богов — тех, которые отличаются такой любовью к наукам, такой прямоотой и такой благодарной и верной душой; которые посвятили постоянным трудам и осуществлению всяких похвальных предприятий и начинаний столько

же времени и сил, сколько другие посвящают на достижение могущества, на осуществление своих надежд и выгод и на бесконечные старания общаться с людьми, заискивая перед нами.

ГЛАВА XVI. О ВРАГАХ И СОПЕРНИКАХ

Я не буду придерживаться здесь того же способа изложения и перечислять с той же старательностью, какую я применял в отношении друзей, также имена моих врагов и соперников; я считаю, что Гален совершил немалую ошибку, отзываясь с презрением о некоем фессалийце, с коим сводил счеты, так как он тем самым признал за ним известное значение. Если кто-нибудь наносит тебе обиду и вместе с тем это не бездельник, лучше примириться с ним, а если мстить ему, то уж на деле, а не на словах. Поэтому я приучил себя не только презирать своих соперников, но сожалеть об их ничтожестве. Те, кто действовал исподтишка, этим самым доказали свое бессилие, и следует считаться только с теми, кто открыто действовал против тебя в твоём правом деле.

ГЛАВА XVII. КЛЕВЕТЫ, СПЛЕТНИ И КОЗНИ МОИХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

Козни бывают двух родов: одни направлены против доброго имени и чести, о них я и намерен говорить теперь; относительно же другого рода козней я скажу ниже. Решив говорить о кознях, и главным образом о скрытых, я замечу, что те козни, которые как-нибудь обнаружили, нельзя уже называть скрытыми, а если козни велики, то было бы трудно их скрыть; подробно же останавливаться на кознях мелких было бы нелепо, и поэтому я удовольствуюсь рассказом лишь о четырех случаях.

Первый случай произошел в то время, когда меня прочили на место профессора в Болонье. В это время некоторые люди, желавшие подорвать мою репутацию, отправили с этой целью в Павию некоего референдария. Этот посланец, не посещая моей аудитории и не поговорив с моими учениками, неизвестно откуда собрал сведения для нижеследующего донесения или, лучше сказать, приговора, причем сопровождал его невероятными сооб-

щениями по поводу другого преподавателя в надежде, надо полагать, что тот не явится. Вот это донесение.

«Относительно Джироламо Кардано я узнал, что у него нет учеников и что читает он перед пустыми скамьями; человек он дурных нравов и для всех неприятен; отличается тупоумием и весьма развратен; также мало сведущ он в искусстве врачевания и придерживается в нем особых мнений, почему никто не принимает его в его городе, и в своем искусстве он не имеет никакой практики».

Это писание читалось болонским доносчиком в присутствии знаменитого Борромео, бывшего в то время папским легатом в этом городе, и уже начали переговариваться о том, как бы покончить начатое дело. Между тем один из присутствовавших, обратив внимание при чтении на последние слова доноса, где сообщалось, что я не имею никакой практики, заметил: «Как так? Я хорошо знаю, что это ложь; я видел очень важных лиц, которые пользовались его услугами, да я и сам, хоть я и не важное лицо, пользовался ими». Тут вступился и легат и сказал: «Я могу подтвердить это, потому что он вылечил мою мать, хотя все другие врачи признали положение ее безнадежным и отчаялись ее вылечить». На это первый добавил: «Надо думать, что и другие сведения столь же правдоподобны, как и это». Когда с этим согласился и легат, доносчик покраснел и умолк. Поэтому было постановлено, что должность, на которую я был уже приглашен, будет поручена мне на один год.

«Если окажется, что он таков, как о нем написано в доносе, или что по иным причинам он мало полезен академии и городу, ему предоставляется искать себе другую должность; если же это будет не так, то договор может быть подтвержден и установлен размер жалованья, относительно которого есть некоторое разногласие».

Легат согласился с этим, и постановление было утверждено. Однако мои противники, не удовлетворившись этим, добились, чтобы делегат от сената к тем условиям, на которых мы договорились, добавил другие; когда он мне их предъявил, я отказался их принять: размер жалованья был уменьшен, помещение для преподавания не обеспечивалось и не давалось никаких подъем-

ных денег. Так как он не добился моего согласия, ему пришлось отправиться обратно и вернуться ко мне с подтверждением всех ранее предложенных условий. И хотя подобные затруднения, казалось бы, должны сильно вредить, но все случается не так, как полагают в своем заблуждении люди. Человеческие действия имеют целью краткое и преходящее, а вовсе не вечность; поэтому для мудрого достаточно за ними наблюдать и никоим образом не беспокоиться о них, а тем более о средствах для их завершения. Никому не дано ясно видеть, к чему ведут его действия, но исход их ускользает от нас подобно тени сновидения. Все эти действия, если сравнить их с тем, к чему они ведут, достойны совершенного презрения, в точности напоминая детские игры на орехи. И не будет ли глупцом тот, кто взрослым человеком на основании разных сопоставлений причин и совпадений станет рассчитывать добиться лавров, сана и даже царской власти?

После этого, когда я уже приступил к преподаванию, у меня отняли аудиторию, назначив мои лекции в самый час завтрака и предоставив другому профессору читать в тот же час или немного ранее. Тогда я предложил одно из трех: либо чтобы этот преподаватель благоволил несколько раньше начинать и кончать свою лекцию, либо чтобы ему была назначена другая зала и он не мешал мне преподавать в назначенном мне помещении, либо чтобы он продолжал читать в этой зале, а мне взамен того было предоставлено выбрать другую. Так как из этих условий ни одно не было принято, то я обратился с просьбой, чтобы при следующем распределении курсов моему конкуренту было назначено другое помещение. Сколько было у меня из-за этого огорчений и слез! Но все это было прервано предъявленным мне затем обвинением, которое вместе с тем помогло мне избежать гибели от стольких заговоров против меня, а моим врагам не пришлось видеть преподавателем того, кого они так ненавидели.

Наконец, когда срок моего договора уже истекал, были распущены слухи, главным образом у кардинала Мороне, будто я преподаю при почти пустой аудитории. И хотя это было совершенно неверно, а, наоборот, с на-

чала академического года и до самого поста у меня было множество слушателей, но так велико было число моих противников и столько было направлено против меня козней, что под конец, как говорится, судьба одолела добродетель. Поэтому, когда кардиналы под предлогом охранения моей чести убедили меня добровольно отказаться от моей должности, враги мои добились того, что ее занял мой противник. Итак, все это закончилось хотя и в угоду тем, кто этого так добивался, но совсем не в их пользу.

Что же касается клевет и лживых поношений, то они были так упорны, глупы и нелепы, что являлись явно вымышленными слухами, а не обвинениями против меня; и совершенно очевидно, что они гораздо больше мучили совесть их распространителей, чем наносили мне вред. Мне же, напротив того, все эти козни доставили и большой досуг для составления моих книг и содействовали распространению моей славы, а кроме того все это, отстраняя меня от тяжелых трудов, содействовало продлению моей жизни и не только доставило мне удовольствие, но и способствовало приобретению многих тайных знаний. Поэтому я постоянно говорю и повторяю, что я не питаю ненависти к моим обвинителям и что они даже не заслуживают какого-либо наказания за то, что наносили мне вред, так как им не удалось мне его нанести. Что же касается еще более жестоких поступков, жертвой которых я был еще до моей службы в Болонье, то я расскажу о них ниже, в главе тридцать третьей.

ГЛАВА XVIII. МОИ УВЛЕЧЕНИЯ

Я имею особое пристрастие к перочинным ножам, на приобретение коих я истратил больше двадцати золотых дукатов; точно так же я издержал много денег на различных сортах перья, так что могу сказать, что не хватило бы и двухсот дукатов, чтобы приобрести все мои письменные принадлежности. Кроме того увлекался я драгоценными камнями, посудой, медными и серебряными корешками, шариками из расписного стекла и редкими книгами. Насколько я мало был охоч до плавания, настолько я любил рыбную ловлю, которой с увлечением предавался во все время пребывания моего в Павии, и жалею, что

впоследствии я все это забросил. Кроме изучения медицины, больше всего занимало меня чтение исторических книг. В области философии я очень интересовался Аристотелем, Платином⁵⁴ и разными мистическими вопросами. Из итальянских поэтов я больше всего люблю Петрарку и Луиджи Пульчи⁵⁵. Компании я всегда предпочитал одиночество; я знал очень мало компаний, которые не были бы дурны, а мудрой и образованной не знал ни одной. Я говорю это не потому, что сознаю себя преданным науке (я прекрасно знаю, что она — удел немногих); но что может заставить нас терять время? А именно этого я совершенно не выношу.

ГЛАВА XIX. ШАХМАТЫ И КОСТИ

78

Возможно, что я ни в какой области не заслуживаю похвалы, но менее всего достоин я ее за то, что с такой неумеренностью предавался игре в шахматы и кости, и вполне сознаю себя заслуживающим за это справедливого порицания. В ту и другую игру играл я много лет, но в шахматы в течение более сорока лет, а в кости — около двадцати пяти лет, и играл я не только все эти годы, но проводил за игрой, стыдно сказать, целые дни. Из-за этого, кроме потери времени и сил, я утрачивал уважение людей, и нет мне в этом ни малейшего оправдания; разве только тот, кто взялся бы меня оправдывать, укажет, что играл я не из пристрастия к самой игре, но из-за негодования на то, что заставляло меня ей предаваться; а это были клеветы, обиды, бедность, наглость некоторых людей, сословные предрассудки, презрение, болезненная натура и проистекавшая из всего этого недостойная праздность. Подтверждением этому служит то, что как только я получил возможность заниматься достойным делом, я сейчас же бросил играть; итак, это было не пристрастие к игре и не распушенность, а следствие негодования и стремления забыться.

⁵⁴ Плотин (205–270) — основатель неоплатонизма, систематизировал учение Платона о воплощении триады в космосе и мире.

⁵⁵ Луиджи Пульчи (1431–1487) — итальянский поэт-гуманист, ему покровительствовал Лоренцо Медичи. Он был автором героико-комической поэмы «Морганте» о приключениях рыцаря Орланда (Роланда) и его оруженосца Морганте. Творчество Пульчи оказало сильное влияние на Франсуа Рабле.

Хотя я сделал много прекрасных открытий в своей книге о шахматной игре, но некоторые из них исчезли из моей памяти ввиду многочисленных моих занятий; восемь или десять из них, совершенно превосходивших человеческую изобретательность и казавшихся совсем невероятными, я уже никогда не смог восстановить. Я упомянул об этом здесь, чтобы попросить людей интересующихся, если им случится когда-нибудь натолкнуться на подобные открытия (а я надеюсь, это случится), присокупить их в виде приложения или добавления к моей книге.

ГЛАВА XX. ОБ ОДЕЖДЕ

Мое представление о себе самом совершенно совпадает с представлением Горация о его Тигеллии, и даже более того, я сказал бы, что Гораций в его лице прямо изображает меня:

*Не был он ровен ни в чем! — Иногда он так скоро, бывало,
Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет он священную утварь Юноны!
То вдруг двести рабов у него, то не больше десятка!
То о царях говорит и тетрархах высокие речи;
То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть
треногий,
Соли простая солонка, от холода грубая тога!»⁵⁶*

Если ты спросишь у меня о причине или, лучше сказать, о причинах этого, то вот они: прежде всего изменчивость моих мыслей и нравов, затем неуклонная забота о своем здоровье и то, что довольно частые перемены отечества или места жительства принуждали меня к перемене одежды, которую мне не имело смысла ни продавать в убыток, ни понапрасну беречь; законом для меня была необходимость. Есть и другая причина, не менее значительная и существенная, чем упомянутая: занятия заставляют пренебрегать домашними делами, а небрежность слуг ведет к небрежному отношению к одежде, так что многочисленные платья сводятся при употреблении их к немногим. Ввиду этого я не могу не

⁵⁶ Гораций. Сатиры, I, 3, ст. 9–15 / пер. М. Дмитриева. — Примеч. пер.

согласиться с указанием Галена, который учит, что человек должен довольствоваться четырьмя или даже только двумя одеждами, если не считать исподнего платья. Поэтому, так как разнообразие в одежде допустимо и даже необходимо, если оно обусловлено наличием известных обстоятельств и целесообразно, то я держусь того мнения, что достаточно иметь по четыре пары платья: пару теплого, пару самого теплого, пару легкого и пару самого легкого. Таким образом, получится четырнадцать разных сочетаний, а изнашиваться будет только то одеяние, что надевается поверх всех прочих.

ГЛАВА XXI. ПОХОДКА И РАЗМЫШЛЕНИЯ

80

Причиной неровности моей походки были размышления, ибо надо заметить, что движение ног, а еще более рук, отражает тревожный ход мыслей; на походку же влияет и разнообразие занятий, и разные случайные обстоятельства, а также и состояние нашего здоровья: когда мы чувствуем себя хорошо, когда нам легко, когда мы не утомлены, когда мы не озабочены и веселы, мы ходим быстро; при обратных же условиях шаг наш замедляется. Моя походка могла бы войти в пословицу, ибо я иду как попало, когда предаюсь размышлениям, ничего общего не имеющим с тем, что находится у меня перед глазами. Да и, вообще, неровность, которую причиняет тяжелое состояние, свойственна тому, над кем господствуют порывы души и кто, постоянно стремясь к добру, не хочет выносить зла.

Как я уже сказал, во мне постоянно только размышление; но оно не занято всегда одними и теми же предметами; тем не менее оно так напряженно, что я не могу ни есть, ни отдаваться удовольствиям, ни даже чувствовать горя или спать, не предаваясь своим мыслям. И так как это единственное благо, которое вызывает страдания и доставляет успокоение, то я не могу определить, приносит ли оно мне пользу или вред, и что было, если бы это свойство у меня исчезло. В заключение скажу, что хожу я то скоро, то медленно, то подняв голову и плечи, то опустив их, мало отличаясь, но только на первый взгляд, а не по существу, своей осанкой от юноши.

ГЛАВА XXII. РЕЛИГИЯ И БЛАГОЧЕСТИЕ

Родившись в столь смутные времена, подвергаясь стольким опасностям, подавляемый бедностью и сходясь в стольких своих поездках с людьми не только чуждыми религии, но даже враждебными ей, я, однако, устоял твердо и остался ей верен, что надо счесть истинным чудом и приписать скорее небесной мощи, чем человеческой добродетели и мудрости. Правда, что уже с самой ранней юности я вменил себе в обязанность обращаться к Богу с такой молитвой: «Господи, Боже мой, даруй мне в бесконечном Твоем милосердии мудрость и здравие душевное и телесное». Поэтому нет ничего удивительного, что я строго соблюдал предписания религии и почитал Бога. Этому способствовало и то, что мне было даровано многое такое, что явно не зависело от меня самого, а было мне ниспослано: болезненный по природе, я всегда исцелялся от недугов и оказывался гораздо более сведущ в таких знаниях, которых не изучал ни сам, ни с помощью кого-нибудь другого, чем в тех, которыми я занимался с учителями. Мое благочестие дало мне еще больше сил бороться с горем, причиненным мне смертью сына: ему суждено было умереть, и в том же году, если я не ошибаюсь, он едва не погиб, не оставив потомства, теперь же у меня остается от него внук. Но к чему сопоставлять все преходящие несчастья и печали с блаженством вечной жизни? Да если бы даже, сказать откровенно, ничего бы не оставалось от нас после смерти и если бы мой сын не умер тогда, разве он мог бы продолжать жить вечно? Что же из того, что я чего-то лишился? О, безрассудные мысли людей! О, нечестивое безумство!

Я не только постоянно помню о величии Бога, но уповаю и на Святую Деву Марию и на святого Мартина, так как мне было открыто в сновидении, что мне под его покровительством суждена в конце концов спокойная и долговечная жизнь. Я однажды написал пространное рассуждение, которое я излагаю здесь в сжатом виде, о совершенной невозможности сопоставления тягостей земной жизни с тем блаженством, что нас ожидает в будущем; конечно, эти тягости, когда они превышают наши силы, так действуют на нас, что кажутся ни с чем

не сравнимыми и превосходящими наше разумение, но как только они прекращаются, они представляются нам на самом деле как бы сновидением. О, если бы Богу было угодно устранить эту Харибду из моря Его благодеяний! Люди сделали бы тогда более внимательными к указаниям свыше, лучше помнили бы о них, более щедро вознаграждались бы тем удовольствием, которое испытывает тот, кто соблюдает их, вели бы благодаря этому более благочестивую жизнь и служили бы примером для других.

Но я чувствую тяжкие угрызения совести, что дерзнул устанавливать для смертных законы мудрости; но к этому побудили меня благочестие и сострадание к несчастному положению людей; и я полагаю, что мои рассуждения о бессмертии души соответствуют ее естеству и при всей их простоте согласуются как с учением Платона, Аристотеля и Плотина, так и с разумом, и с религиозными установлениями. Но у Платона недостает основательности, у Аристотеля — надлежащего разделения предмета, а у Плотина — указания на награды и, следовательно, на цель бессмертия. Все эти мои соображения принадлежат, однако, не мне, а Авиценне⁵⁷, под суждениями коего, как наиболее близкими к истине среди философских учений, я охотно подписываюсь.

82

ГЛАВА XXIII. О СОБЛЮДАВШИХСЯ МНОЮ ОСОБЫХ ПРАВИЛАХ

Мне кажется, что самое лучшее из моих качеств — это соблюдение известных правил, усвоенных мною в результате долголетней моей жизни и наличия у меня множества противников. Итак, прежде всего, не считая известных детских молитв, начав сознательно относиться к окружающему, положил себе за правило воздавать благодарение Богу за все, что со мною случилось, не говоря уже о Его милостях, за которые постыдно быть неблагодарным не только для человека, но даже и для животного; а мелкие свои невзгоды я почитал за предостережения

⁵⁷ Авиценна (латинизированный вариант имени Ибн Сина, 980—1037) — среднеазиатский философ и врач, представитель восточного аристотелизма, к одному из медицинских сочинений которого Кардано написал комментарий.

мне на будущее. Сколько раз я избегал самых тяжких злоключений благодаря таким предупреждениям! Что же касается более серьезных несчастий, то я полагал, что они случились со мной по заслугам, и не считал за большую беду то, что может быть уничтожено временем, понимая вместе с тем, что все испытания исходят от Бога, и хотя бы даже казалось, что они причиняют мне вред, я не сомневаюсь, что в общем порядке мироздания они являются высшим благом; что же касается неизбежной для всех смерти, то великое количество наших бедствий нам ее только облегчает, и, как сказал Павел Эгинский⁵⁸, «те, у кого удаляется из мочевого пузыря большой камень, меньше от этого страдают благодаря перенесенным ими предварительным мучениям и даже реже умирают из-за этого, чем те, у кого удаляются мелкие камни». В самых же тяжких несчастиях Бог, я убежден, всегда помнил обо мне, благодаря чему я (удивительное дело!) смертью изгнал смерть.

83

Второе из соблюдавшихся мною особых правил состоит в том, что я обращался с мольбами к помощи божией. Даже в своих писаниях взывал я к Всевышнему Богу наставить меня жить, творя Его волю, ибо Он Бог мой. Сколь же благостно и сколь отрадно ниспослал Он мне тройное облегчение в несчастии: дал мне испытать его и потом избавил от него, сохранил меня в бурных волнах моря и даровал мне спокойную жизнь.

Третье мое правило — не считать, что достаточно лишь возмещать потери и убытки, но что необходимо извлекать при этом нечто большее, чего я всегда и достигал. Таким образом, я, пожалуй, единственный человек, которого не только благоразумие, но и опыт привели к тому, что он не проклинал своих невзгод.

Четвертое правило — в высшей степени внимательно относиться к использованию времени: и едучи верхом, и принимая пищу, и лежа в постели, и бодрствуя, и беседуя, я

⁵⁸ Павел Эгинский — известный акушер и гинекологический хирург VII в., практиковавший в Александрии. Автор «Компедиума» в 7 книгах, из которых до нас дошла только 6-я, посвященная хирургии. Вплоть до XV—XVI вв. она была основным руководством по хирургии (на медицинском факультете Парижского университета в это время предписывали преподавать только по Павлу Эгинскому).

всегда что-нибудь обдумывал и соображал, памятуя об общеизвестной поговорке, что «из многих малых выходит одно большое», т.е. образуется целое. Я приведу вкратце маленький рассказ из моей жизни: когда я жил в Болонье в доме Рануцио, там было два помещения: одно темное, но не внушавшее опасений, другое — прекрасное и светлое, но с обветшалой штукатуркой, ежеминутно грозившей обвалиться; пока я жил в этом доме, обвалилось несколько кусков штукатурки, и, находясь я в то время там, это несомненно угрожало бы моей жизни. Из многих там живших я едва ли не один оказался в безопасности.

Пятое мое правило — почтительно относиться к старикам и общаться с ними.

84

Шестое — обращать на все внимание и не считать, что в природе что-либо может происходить случайно; благодаря этому, если я и не нажил состояния, то гораздо более обогатился познанием тайн природы.

Седьмое — по возможности всегда предпочитать верное неверному; это предпочтение приводило к таким счастливым последствиям, что я убежден в том, что ему я обязан удачным окончанием большей части дел, оказавшихся благоприятными для меня.

Восьмое — не упорствовать в проведении того, что шло для меня дурно; и я поступал так даже не столько на основании доводов рассудка, сколько на основании данных опыта, с которыми я считался даже больше, чем со своим соображением и уверенностью в своем искусстве. Это было моим правилом, в особенности при лечении больных; а в других летах я предпочитал предоставлять решение их судьбе и не думал о том, что уже миновало, как это делает большинство: «Что случилось бы, если бы я поступил так, а не иначе»? Какое от этого было бы преимущество? Прибыль, из-за которой теряется большее, не есть прибыль, главным образом из-за потери времени. При лечении больных следует всегда больше считаться с действием лекарства, нежели с приписываемой ему силой; иначе это было бы то же самое, что полую трубку ставить выше того, что через нее проходит, или прописывать молочную сыворотку при водянке.

Если в сношениях с властью имущими или с лицами более высокого сословия, особенно заслуженными, кто-либо из них обращается с тобой дурно, будь с ним тем более вежлив и безукоризнен: во всем надо соблюдать спокойствие. Если я не свободен, то не берусь ни за какое хлопотливое дело не только из-за связанных с этим неприятностей, но и дорожа своим временем. Узы ложной дружбы я предпочитаю лучше мало-помалу распустить, чем разорвать. Когда мне только что исполнилось семьдесят пять лет, я отказался, несмотря на все выгоды, принадлежать к одному обществу раньше, чем мне не будет сообщено, сколько в нем членов и каковы они.

Избегай той близости, что может тебя опозорить. Насколько это было возможно, я не доверялся своей памяти, а старался все записывать.

ГЛАВА XXIV. ДОМА, В КОТОРЫХ Я ЖИЛ

85

Ребенком я жил в Милане у Тичинских ворот, на так называемой Песчаной улице; потом, когда я был еще маленьким мальчиком, — на улице Майнов, в районе крепости и поблизости от нее в доме врача Лаццаро Санчино. Отроком я жил в доме Джироламо Эрменульфо на улице Ронелли, потом в доме Кузано, а затем уже юношей до девятнадцатилетнего возраста я жил в доме Алессандро Кардано.

В Павии я жил в приходах Сан-Джованни-ин-Борго и Санта-Мария, потом у храма Венеры в доме Катанео и в приходе Сан-Грегорио-ди-Монфальконе, в Борго-Олеарио; затем поблизости от университета, неподалеку от дома прокурора Черанова и, наконец, в своем собственном, купленном мною доме рядом с церковью Санта-Мария-ин-Пертика.

В Болонье я жил на улице Гомбру, затем на Галере в доме Ранучио, затем в купленном мною доме около Сан-Джованни-ин-Монте.

В Риме — на Пьяцца-дель-Пополо и на площади Сан-Джироламо близ Сабелльской курии⁵⁹; затем на улице Джулия около Санта-Мария-ди-Монте-Серрато.

⁵⁹ В тексте Кардано, по-видимому, ошибка: правильно курия Салиев (curia Saliorum), находившаяся на Палатинском холме.

До этого в Милане я жил в доме, купленном моей матерью, рядом с церковью Сан-Микеле-алла-Кьюза, затем у Восточных ворот, а потом у Пяти дорог; затем после ремонта обвалившегося дома у Сан-Микеле я снова переехал туда.

ГЛАВА XXV. БЕДНОСТЬ И ПОТЕРЯ ОТЦОВСКОГО НАСЛЕДСТВА

Бедный, не жадный до наживы, не одержимый пустым и тщеславным честолюбием, подавленный домашними несчастьями, когда родина моя была угнетаема почти непрерывной войной и невыносимыми налогами, обремененный многочисленной семьей, терзаемый ненавистниками, упорно отвергаемый коллегией, я часто бывал расточителен и легкомыслен; телосложение у меня было слабое, состояние мое расхищалось, а сам я все свои деньги тратил на покупку книг; при постоянной перемене места жительства я даже не знаю, что я делал чаще: переселялся ли из города в город или из дома в дом. Пребывание мое в Галларате было совершенно бесплодно: за все девятнадцать месяцев, что я там прожил, я не мог заработать даже двадцати пяти дукатов, чтобы заплатить за наем дома; в игре мне не везло: я принужден был заложить не только драгоценности жены, но и свою домашнюю обстановку, так что на самом деле удивительно, как я мог продолжать свое существование, ниоткуда не получая никакой поддержки, а еще более удивительно то, что я не побирался, как нищий, и к тому же не совершил и не замыслил ничего позорного ни для памяти моих предков, ни для своего доброго имени, ни для тех почестей, которыми пользовался до этого и которых удостоился впоследствии; я твердо переносил все эти несчастья в течение целых пятнадцати лет и даже упорно отказывался от должности врача-ассистента. «Но, — спросишь ты, — на каком основании? Не давал ли ты частных уроков?» — Нет. — «Не брал ли ты займы без залога?» — Нет. — «Не просил ли ты подарить тебе денег?» — Да где бы я нашел такого человека? И если бы даже нашел, мне было бы стыдно просить об этом. — «Ну так, может быть, ты стал меньше тратить на еду?» — Тоже нет. — «Так что же ты делал?» — Я со-

ставлял альманахи, читал публичные лекции, кое-что получал за лечение больных; обыкновенно имели заработок и некоторые из моих домашних, а иной раз помогал мне своими подарками дом Аркинто; кроме того я давал платные консультации и вообще брался за все, что только подвертывалось мне под руку, уподобляясь подбирающим на жнивье колосья; я соблюдал крайнюю скромность в одежде и благодаря всему этому перенес удары судьбы и научился лучше пользоваться обстоятельствами и тогда, когда судьба стала мне благоприятствовать.

ГЛАВА XXVI. МОЕ СУПРУЖЕСТВО И ДЕТИ

Раньше я жил в поселке Сакко, веселый, довольный и не ведая никаких невзгод. Быть может, это покажется не совсем кстати, но я сообщу здесь о своем сне, имеющем, однако, прямое отношение к моему дальнейшему рассказу. Представьте себе смертного, перенесенного в область вечной жизни или, лучше сказать, в самое лоно блаженства. Вот что я испытал, когда однажды ночью мне привиделось, будто я нахожусь в каком-то прелестном саду, благоухающем множеством цветов и преисполненном самых разнообразных плодов; веял легкий ветерок, и все было так упоительно, что никакой художник, ни сам поэт Пульчи и никакое воображение не могли бы представить ничего подобного. Калитка в преддверии сада была открыта, а на противоположном конце его виднелся другой открытый выход. И вот увидел я девушку, облаченную в белую одежду. Я обнимаю ее, целую, но не успел я ее поцеловать, как садовник запер вход. Я бросился к нему с мольбой отпереть его и меня пустить — тщетно: мои просьбы ни к чему не привели. И вот я, опечаленный, держа в объятиях девушку, принужден был остаться у входа.

Несколько дней спустя в одном доме вспыхнул пожар; нас разбудили, и я увидел, что горит дом Альтобелло Бандарени, который в то время был комиссаром по набору венецианского ополчения в Падуанской провинции. Я не пошел на пожар, так как едва знал Бандарени в лицо, но судьбе было угодно, чтобы он после этого снял дом,

смежный с моим; это было мне очень неприятно: я хотел иметь совсем не таких соседей, но что же было делать? Между тем не прошло и двух-трех дней, как я заметил с улицы девушку, как две капли воды похожую лицом на ту, которую я видел ночью во сне, и одетую совершенно так же. «Но как мне быть с этой девушкой? — говорил я себе. — Ежели я захочу на ней жениться, то ведь я беден, а за ней ничего нет, тем более что у нее множество братьев и сестер. Я и так едва свожу концы с концами, а уж тогда совсем погибну. Если же я попытаюсь соблазнить ее тайком вступить с нею в связь, то раз отец занимает такое видное положение, всегда найдутся доносчики, а военный комиссар не снесет оскорбления. Что же мне делать и в том и в другом случае? О, я несчастный! Даже если бы все удалось как нельзя лучше, мне все-таки придется спасаться бегством». Пока я на все лады все это обдумывал, мне казалось, что уж лучше умереть, чем вести такое существование; с этого дня меня охватила уже не любовь, а пламенная страсть. В конце концов, обдумав все обстоятельства, я решил, что для моего брака не может быть препятствий. И вот мы поженились с обоюдного согласия, причем ее родители даже хлопотали об этом браке и предлагали в случае надобности мне всяческую помощь, а эта помощь была немаловажна. Но мой сон оправдался не только относительно моей невесты. Его значение выяснилось главным образом на моих сыновьях. Жена моя прожила со мною пятнадцать лет, но этот несчастный брак был причиной всех бед, постигших меня в жизни. Не знаю, была ли на то Божья воля или же я сам расплатился либо за свои собственные проступки, либо за проступки своих предков. Будучи, однако, одарен железным характером, я оказался способным преодолевать всякие злосчастные обстоятельства.

ГЛАВА XXVII. НЕСЧАСТНАЯ СУДЬБА МОИХ ДЕТЕЙ

Без сомнения, весь смысл и значение моего сна обнаружили на моих детях. Прежде всего две первые беременности моей жены окончились выкидышами двух мальчиков на четвертом месяце, так что я уже совсем отча-

ялся иметь потомство, а кроме того подозревал, что тут еще замешано колдовство. Наконец жена родила мне моего первого родного сына, необычайно похожего на моего отца, как обнаружилось в его юношеские годы. Он был добр, ласков и прямодушен, но был, однако, глух на правое ухо; глаза у него были небольшие, белесоватые и все время бегающие; на левой ноге (если не ошибаюсь) у него срослись два пальца — третий и четвертый, считая от большого; он был сутуловат, но это его не уродовало. Пока не пошел ему двадцать третий год, он жил спокойно, но после того как получил диплом бакалавра, влюбился он в Брандонию Саронна и женился на ней, не получив никакого приданого. Мать его, как я уже сказал, давно скончалась, а еще гораздо раньше матери умер и ее отец, проживший после нашей свадьбы всего несколько месяцев; так что с материнской стороны у моего сына оставалась в живых только его бабка — Таддеа.

89

Тут-то и начались всякие печали и скорби, ибо, хотя я и много претерпел невзгод при жизни его матери, но они, наконец, окончились, а тут наступило время, когда на меня стали всячески нападать, да еще предъявлено было обвинение моему сыну в том, что он покушался на отравление своей жены во время ее родов. 17 февраля он был взят под стражу, а пятьдесят три дня спустя, 13 апреля, он был казнен в тюрьме отсечением головы. Это было первое и величайшее из постигших меня несчастий, из-за которого я не мог с честью оставаться на своей кафедре, хотя и не мог быть лишенным ее без достаточных оснований; мне нельзя было ни продолжать спокойно жить на родине, ни покинуть ее, не подвергаясь опасности; опозоренный, бродил я вокруг города, обращая на себя презрительные взоры; неприятный для друзей, я их избегал; мне не приходило в голову, что мне делать; мне некуда было укрыться, и я не знал, что было больше: мое ли несчастье или возбуждаемое мною отвращение.

За этим последовали безумства, скандалы и превосходящие всякую меру безобразия моего младшего сына, так что я был принужден неоднократно сажать его в тюрьму, а потом просить приговорить его к изгнанию и лишить

права наследования отцовского имущества (наследство матери уже давно было растрчено).

Единственная дочь моя не причинила мне никаких беспокойств, если не считать расходов на ее приданое, но этот свой отцовский долг я исполнил с удовольствием и не обделил ее.

От моего старшего сына у меня осталось двое внучат, но вместе с тем дом мой в течение нескольких дней был свидетелем трех похорон: моего сына, снохи и внуки моей Диареджинны; едва не погиб и младший внук мой.

Таким образом, судьба всех моих детей оказалась чрезвычайно плачевной, ибо и дочь моя, на которую только я и возлагал какую-то надежду, вышедшая замуж за богатого и прекрасного юношу, миланского патриция Бартоломео Сакко, осталась бесплодной. И вот не осталось у меня никакой надежды, кроме как на внука.

90

Я нисколько не скрываю от себя, что все это может показаться будущим и особенно чуждым мне поколениям не заслуживающим внимания, но, как я уже сказал, нет ничего в нашей смертной модели, что не было бы суетно, ничтожно и похоже на тени сновидений; и что такое, как не прах, все дела смертных, все их создания, их жизнь и все, что случается с ними? Но раз уж сам отец красноречия Цицерон искал утешения в смерти дочери у Крантора⁶⁰, то, памятуя, что подобные тяжелые обстоятельства могут легко возникнуть так или иначе у каждого человека, не следует пренебрегать тем, что я передаю, и считать это бесполезным и ненужным. Впрочем, мне прекрасно известно, что достойным внимания считается только то, о чем пишется в книгах, как, например, цепь великих событий, возникших из ничтожных обстоятельств, излагать которые полагается либо не растягивая их, либо располагая отдельные из них так, чтобы все повествование явилось в виде настоящей картины; если же приводятся примеры великих дел, порожденных или доблестью, или постыдным поступком, или случаем, то надо излагать их как можно более сжато, если только они не относятся к области какого-нибудь искусства или философии. Но в наши дни — о времена!

⁶⁰ Цицерон. Тускуланские беседы, I, 48, 115. — *Примеч. пер.*

о нравы! — мы не пишем ничего, кроме постыдной лести, хотя и могли бы восхвалять истинно доблестных и безупречных людей, подобно тому как Плиний восхвалял Траяна⁶¹, а Гораций — Мецената. А рассуждая о том, что они должны были бы сделать, мы поступаем глупо. Но восхвалять кого-нибудь в надежде на выгоду и взаимно льстить друг другу, иначе говоря, чесать друг другу спину, как это делают мулы, отвратительно. Но если хвалы воздаются по заслугам? — В этом случае достаточно о них упомянуть мимоходом, как о вещи всем известной, подобно тому как поступали Плиний Младший и Марциал. Не должна ли быть книга, которую следует купить, превосходна по своей мудрости и красоте изложения? А превосходна та книга, в которой все, от начала до конца, изложено в стройном порядке, ничего не упущено, ничего не добавлено некстати, в которой соблюдена соразмерность отдельных частей, которая все разъясняет и в которой все обосновано, или же если в ней так же совершенно иллюстрированы произведения великого мастера, как у Филандера иллюстрирован Витрувий⁶².

ГЛАВА XXVIII. О МОИХ ПОСТОЯННЫХ ТЯЖБАХ

Со смерти отца и вплоть до сорок шестого года моей жизни, т.е. в течение двадцати трех лет, я почти постоянно вел тяжбы: сначала с Алессандро Кастильоне (прозванным Гатико) из-за нескольких лесных угодий, потом с родственниками, затем с графами Барбиано, с коллегией и с наследниками Доменико делла-Торре, который был моим крестным отцом. Из всех этих процессов я вышел победителем. Удивительно, что я одержал верх над Алессандро Кастильоне, несмотря на то, что один из судей был его дядей, и он уже имел приговор против меня,

⁶¹ Плиний Младший (61–113) — древнеримский политический деятель и адвокат. Его многочисленные речи были популярны, но до нас дошел только «Панегирик императору Траяну».

⁶² Марк Витрувий Поллион (I в. до н.э.) — римский архитектор, теоретик архитектуры и инженер. Его единственная сохранившаяся работа — «Десять книг об архитектуре» — посвящена императору Августу. Гийом Филандер (1505–1563) — гуманист, известный комментариями к вышеупомянутому трактату Витрувия и «Риторическим наставлениям» Квинтилиана.

вступивший в законную силу (как выражаются юристы); несмотря на это, я заставил его возместить все мои деньги. Равным образом благоприятствовала мне судьба и в приговоре ректоров коллегии, откуда я был исключен несколькими постановлениями; и, тем не менее, в последний приговор было включено условие, чтобы я был восстановлен членом коллегии и был подведомствен ей; итак, несмотря на все противодействия, я был в нее принят, хотя и не в качестве одного из ректоров. Также и в деле с графами Барбиано: после многих споров, угроз и других неприятностей я пришел с ними к соглашению и по получении от них обусловленной суммы денег был освобожден от всякого дальнейшего ведения тяжбы.

ГЛАВА XXIX. О МОИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ

92

В несколько поездок я объехал почти всю Италию, за исключением Неаполя, Апулии и примыкающих к ним местностей. Точно так же я посетил Германию, главным образом нижнюю Швейцарию и землю ретов⁶³, наконец Францию и так называемую Англию и Шотландию. Мне хочется рассказать, что при этом произошло. В то время архиепископом Сент-Андрюса, одного из главных городов Шотландии, был Гамильтон, побочный брат вице-короля, папский легат и примас. Он страдал затруднениями дыхания, повторявшимися в виде припадков, сначала через довольно продолжительные промежутки времени, а затем, по наступлении сорокалетнего возраста, через каждую неделю. Эти припадки настолько мучили его, что он казался едва ли не умирающим, хотя уже по прошествии одних суток он освобождался от них или сам собою, или с помощью самого легкого лечения. Он напрасно беспокоил придворных медиков как Карла V, в то время императора, так и короля Франции Генриха V; наконец, услышав обо мне, он послал через своего врача в Милан сначала двести дукатов, с тем чтобы я приехал в Лион или, в крайнем случае, в Париж, куда и он предполагал прибыть. Будучи в то время свободен

⁶³ Земля ретов — древнеримское название, соответствующее Швабии, Баварии, Тиролю и части Швейцарии. В некоторых переводах можно встретить ошибочное упоминание только Тироля.

от преподавательских обязанностей, как я указал выше, я охотно на это согласился. Итак, 22 февраля 1552 г. я пустился в путь, причем проехал Домодоссолу и Сион и прибыл в Женеву через Симплонский перевал; оставив Женевское озеро, я достиг Лиона 13 марта. Это был тот день миланского карнавала, который обычно считается шестым. Здесь я провел в ожидании сорок шесть дней, не видя ни самого архиепископа, ни его врача, которого поджидал. Я, однако, прожил здесь с выгодой для себя, так как там находился Луиджи Бираго, известный миланский дворянин и начальник королевской пехоты, с которым я вступил в такую тесную дружбу, что, если бы я захотел поступить на службу вице-короля Бриссака, он предлагал мне по тысяче дукатов в год. Тем временем прибыл туда же Гульельмо Казанато, врач архиепископа, привезший мне еще триста дукатов, которые он мне и вручил с тем, чтобы я ехал в Шотландию, причем предлагал мне также деньги на возмещение путевых издержек и обещал и другие дары. Итак, по реке Луаре прибыл я в Париж, где мне удалось видеть Оронция, но он отказался посетить меня⁶⁴. Под руководством Маньена я осматривал сокровищницу королей Франции в соборе Сен-Дени⁶⁵, причем нашел, что слава ее ниже действительности и что, по моей оценке, она стоит больше, в особенности ввиду хранящегося в ней цельного рога единорога⁶⁶.

После того я сошелся с королевскими медиками, и мы завтракали вместе, но они не могли добиться того, чтобы я говорил после завтрака, так как они пожелали, чтобы я первый говорил до завтрака. Итак, я снова пустился в путь, после того как успел подружиться с Фернелем, Сильвием и другим медиком короля, которых я оставил в Париже. Я отправился в Булонь, а оттуда поехал в Кале в сопровождении четырнадцати вооруженных

⁶⁴ Оронций Финеус (1494–1555) — французский математик. Несмотря на руководство в Королевской коллегии кафедрой, в течение всей жизни боролся с постоянной нуждой, потому переиздавал свои сочинения на разных языках, под разными заглавиями и в разных формах.

⁶⁵ Собор Сен-Дени находится в 7 км от Парижа.

⁶⁶ Чаще всего под именем «рога единорога» продавался рог нарвала.

всадников и двадцати пехотинцев по настоянию князя Серпонта. Там я видел возвышающуюся до наших дней башню Цезаря⁶⁷. Переехав морской пролив, я прибыл в Лондон 29 июня и затем в Эдинбург к архиепископу. Здесь я оставался до 13 сентября, причем получил еще четыреста золотых дукатов, золотую цепь стоимостью в сто двадцать пять дукатов, прекрасного иноходца и множество других подарков, и никто не вернулся с пустыми руками. Я возвратился через Брабант и посетил во Фландрии города Гравелин, Антверпен, Брюгге, Гент, Брюссель, Лувен, Малин, Лиру, Ахен, Кельн, Кобленц, Клеве, Андернах, Майнц, Вормс, Шпейер, Страсбург, Базель, Нейштадт, Берн, Безансон, внутреннюю часть земли ретов⁶⁸ и тамошние города Кур и Кьявенну; затем, переехав озеро Комо, я возвратился в Милан 30 декабря 1552 г. Из всех перечисленных мест я останавливался дольше только в Антверпене, Базеле и Безансоне, причем жители Антверпена всеми силами старались удержать меня. В Лондоне я имел аудиенцию у короля и принял от него в подарок сто дукатов, но отказался от пятисот, а по словам некоторых — тысячи дукатов (я никогда не мог узнать правды по этому вопросу); причиной отказа моего было мое нежелание подтвердить своей подписью титул короля, изложенный в форме, неприемлемой для Папы. В Шотландии я сблизился с французским наместником, князем Дюкселль. В Базеле я едва не попал в зараженную чумой гостиницу, не предупреди меня Гульельмо Граттароло. В Безансоне я был хорошо принят епископом диоцеза Лизье, как я уже упоминал в другом месте, и богато одарен им, не говоря уже о подарках, полученных мною в других местах.

Итак, в Риме я прожил четыре года, в Болонье — девять, в Падуе — три, в Павии — двенадцать, в Мойраго — первые четыре года, в Галларате — один, в поселке Сакко — почти шесть лет, в Милане — около тридцати двух лет в три приема и, наконец, три года я, так сказать, блуж-

⁶⁷ Башня Цезаря, по-видимому, сооружение мифическое: город был основан в IX в., доныне сохранились две башни X в.

⁶⁸ Под «внутренней частью земли ретов» Кардано понимает кантон Граубюнден на юго-востоке Швейцарии.

дал с места на место. Кроме описанного путешествия, я также посетил Венецию, Геную, Рим и города, находящиеся на путях к ним, как-то: Бергамо, Кремону, Брешию и другие, также Феррару и Флоренцию, Вогеру и Тортону. Короче говоря, я объездил почти всю Италию, за исключением королевства Неаполитанского и прилегающих к нему провинций, именно: Алулии, Лациума, Пицена, Умбрии, Калабрии, Великой Греции, Лукании и Абруцци.

Но, — спросишь ты, — к чему перечислять столько городов? От этого великая польза, — отвечу я, — если ты как-нибудь станешь изучать учение Гиппократ⁶⁹ (ибо ты ознакомишься с природой местности и с нравами жителей и узнаешь, в какой части города могут царить болезни, а также какая часть удобнее для жительства, так как случается, что тот или другой квартал раньше был необитаем из-за холода, а в настоящее время еще более из-за междоусобных распрей), а также обратишься к изучению вопросов исторических и в особенности, — при помощи описывающих эти предметы математиков — к изучению природы, происхождения растений и животных и к описаниям путешествий⁷⁰. По этим предметам у нас имеются напечатанные на итальянском языке книги, сообщающие как указанные сведения, так и расстояния между отдельными пунктами.

95

ГЛАВА XXX. ОБ ОПАСНОСТЯХ И СЛУЧАЙНОСТЯХ,
КОТОРЫМ Я ПОДВЕРГАЛСЯ,
А ТАКЖЕ О МНОГОЧИСЛЕННЫХ,
РАЗНООБРАЗНЫХ И БЕСПРЕРЫВНЫХ
КОЗНЯХ ПРОТИВ МЕНЯ

Я подвергался нижеследующим случайностям, о которых я расскажу. Когда я жил в доме Катанео⁷¹, я однажды рано утром шел на занятия; земля была покрыта снегом; я остановился справа от одного студента у полуразвалив-

⁶⁹ Кардано имеет в виду приписываемый Гиппократу трактат «О воздухе, воде и местностях», к которому им был составлен комментарий.

⁷⁰ Возможно, Кардано имеет в виду изданный Джованни Баттистой Рамузио трехтомный сборник «Libro dei viaggi» (Венеция, 1550–1556).

⁷¹ В Павии.

шейся стены, чтобы помочиться. Едва только тот пошел по нижней части дороги, со стены упал камень. Я избегнул этой опасности только благодаря снегу, потому что я не мог идти по верхней части дороги, несмотря на настояния моего спутника. В следующем, если я не ошибаюсь, 1540 г., когда я однажды шел по Восточной улице, мне вздумалось безо всякой видимой причины перейти с левой стороны улицы на правую. Как только я перешел, огромный кусок штукатурки упал с высокой, выступающей части крыши на противоположной стороне на таком расстоянии от меня, что, не перейди я с одной стороны улицы на другую, я был бы раздавлен. Так я избегнул опасности по соизволению Божию.

Вскоре после того и недалеко от того же места я ехал верхом на муле позади большой повозки. Так как я спешил по делу и меня раздражало невольное замедление, то мне захотелось объехать повозку с правой стороны; но тут я сказал самому себе: «А что ежели она опрокинется?» Очень скоро после того, пока я еще был задержан позади, повозка действительно опрокинулась. Нет сомнения, что я был бы задавлен ею и, наверное, был бы поранен и даже мог бы подвергнуться серьезной опасности. Я не тому удивляюсь, что так случилось, но тому, что когда я столько раз изменял направление пути, я никогда не делал этого сознательно. Однако, может быть, я не обращал внимания еще и на другие подобные же случаи, когда я подвергался опасности. Но эти события не должны были бы возбуждать удивления, если б у нас не было налицо частых примеров.

Однажды, когда я еще мальчиком, если не ошибаюсь, одиннадцати лет, вошел во двор благородного Донато Каркано, маленькая собачка с мягкой шерстью укусила меня в живот и затем покусала меня еще в пяти местах; хотя укусы были и незначительны, однако раны от них почернели. Об этом случае я не могу сказать ничего другого кроме того, что для меня оказалось весьма благоприятным мое неведение об опасности заражения бешенством; если бы этот случай произошел со мной, когда я был постарше, возможно, что одна боязнь заражения сделала бы то, чего не сделала бы сама болезнь.

В 1525 г., когда я сделался ректором, я едва не утонул в волнах Лаго-ди-Гарда, когда я вопреки моему желанию пустился в путь с наемными лошадьми: у судна сломалась мачта, так же как и руль и одно из весел, а на малой мачте разорвался парус; все это произошло с наступлением ночи. Наконец мы были спасены в Сирмипроне⁷², когда у моих спутников не оставалось уже никакой надежды, а у меня — очень мало. Если бы мы опоздали причалить к берегу даже на сороковую долю часа, мы погибли бы, ибо буря так свирепствовала, что даже железные засовы в окнах гостиницы были погнуты. Что касается меня, то я, обнаруживший с самого начала нескрываемый страх, когда увидел, что на стол подана огромная щука, с удовольствием поужинал, между тем как прочие не так наслаждались едой, за исключением того, кто первый побудил нас к рискованному предприятию и при наступлении опасности мужественно с нею боролся.

Когда я был в Венеции, мне случилось под праздник Рождества Богоматери проиграть много денег, в том числе и отложенные на следующий день; я находился в доме своего противника по игре; когда я заметил, что карты были крапленые, я выхватил кинжал и нанес ему, хотя и не тяжелую, рану в лицо. Здесь же находились двое молодых его родственников, под потолком висели два копья, а дверь дома была заперта на ключ. Но мне удалось захватить не только свои собственные, но и его деньги, свою верхнюю одежду, а также кольца, проигранные мною накануне и теперь, таким образом, отвоеванные. Я хотел было отослать все это со своим слугой к себе домой, но потом по доброй воле оставил своему противнику часть денег, принимая во внимание его раны. Затем, обратившись к его слугам, которые не смели обнажить оружие, я, уступая их просьбам, согласился даровать им жизнь под условием отпереть дверь дома. Хозяин, видя происшедшее замешательство и скандал и считая, что всякое промедление может оказаться подозрительным, потому что (как я думаю) он беспокоился за то, что обыграл меня краплеными картами, и, рассудив, что при данных

⁷² Сирмипроне — рыбацкое селение на южном берегу Лаго-ди-Гарда (античного Бенака).

обстоятельствах мало будет разницы между выигрышем и проигрышем, приказал отпереть дверь, и я ушел. В тот же день, опасаясь, как бы меня не задержала претура за оскорбление одного из сенаторов, я спрятал под одеждой оружие, но во втором часу ночи, поскользнувшись, упал в море; не теряя присутствия духа, я протянул правую руку и схватился за какой-то шест; в это же время и спутники мои помогли мне спастись, и я влез в лодку, в которой к крайнему моему удивлению нашел того самого человека, с которым я играл в карты; лицо его из-за нанесенной мною ему раны было забинтовано. Он сам предложил мне надеть матросское платье, в котором я затем и доехал вместе с ним до Падуи.

В Антверпене мне вздумалось купить выставленный в одной лавке драгоценный камень (не знаю, с какой целью и почему он находился в этой лавке); войдя туда, я провалился в какую-то яму, причем зашиб и поранил себе левое ухо; так как я не получил более серьезного ранения кроме ссадины кожи, то я легко примирился с происшедшим случаем. В 1566 г., когда я был в Болонье, я свалился на полном ходу с повозки, возница которой не мог удержать лошадей. При падении я сломал себе безымянный палец на правой руке и так сильно зашиб верхнюю ее часть, что не мог ее согнуть. Так продолжалось несколько дней, после чего боль перешла в левую руку, а правая к моему удивлению оказалась здоровой и невредимой. Но еще более изумительно то, что по прошествии девяти лет боль снова возобновилась в правой руке в качестве какого-то грозного предзнаменования, и до настоящего времени она продолжает меня беспокоить; между тем палец безо всякой врачебной помощи сам сросся так, что я не испытываю никакой боли, и в нем осталась только небольшая кривизна.

Но что сказать об опасности заражения чумой, которой я однажды подвергся? Это случилось в 1541 г., когда я был вызван к одному из домочадцев полковника даль-Изола, знатного генуэзского дворянина. Больной только что возвратился из Швейцарии, где он спал между двумя заболевшими чумой, которые оба умерли. (Не подозревая об этом ничего, я вскоре после этого в качестве ректора коллегии медиков нес багдахин при въезде в Милан

императора.) Когда стало известно об опасности заражения, полковник стал требовать, чтобы мы спрятали умирающего за городом, ибо он был уверен, что больной не выживет. Я не согласился его скрыть, так как ничего не опасался так, как обманывать или быть обманутым. Но Бог помог, больной выздоровел, даже вопреки моим ожиданиям, хотя и не без помощи моих чисто отеческих забот о нем.

То, что случилось со мной однажды в 1545 г., может быть признано едва ли не чудесным. Я, еще не вполне освободившись от беспокойства, возвращался из одного дома, где накануне подвергся нападению собаки, которая меня слегка укусила, хотя и не прогрызла мне кожу; однако, так как она сделала это исподтишка и не залаяв, то я боялся, не бешеная ли она, тем более, что, когда ей подставили воду, она не стала пить, хотя и не убежала; но когда я распорядился бросить ей лапку каплуна⁷³, она ее съела. Вдруг я вижу очень крупную собаку, которая с достаточно большого расстояния бежит прямо на меня. Был день Святого креста Господня, очень веселый апрельский день; по обеим сторонам улицы тянулись зеленеющие изгороди и деревья. «Что это у меня за встречи с собаками и вчера, и сегодня? — сказал я сам себе. — Вчера я отделался одним пустым страхом, а кто знает, не бешеная ли эта собака?» Пока я так размышлял, собака все приближалась ко мне и, наконец подбежав, бросилась прямо на меня, прыгнув через голову моего мула, прежде чем я успел опомниться; так как я ехал на муле небольшого роста, то единственное средство спастись, которое тут же пришло мне в голову, заключалось в том, чтобы пригнуть голову к шее мула; собака перескочила через нее, оскалив зубы, но не только не поранила, но даже и не тронула меня, что может почитаться истинным чудом. Ни о чем так часто и во многих местах моих книг я не сообщал, как именно об этом происшествии, и я мог бы думать, что я это видел во сне или что мне это только привиделось. Но взглянув назад, чтобы увидеть, не возвращается ли собака снова, чтобы напасть на мальчика-слугу, следовавшего за мной на другом муле

⁷³ Капун — специально откормленный на жаркое кастрированный петух.

слева около изгороди, я позвал его и спросил (собака исчезла, унесенная стремительной силой своего бега): «Скажи мне, видел ли ты, что сделала эта собака, и не укусила ли она тебя?» — «Я совсем не пострадал от нее, — отвечал он мне, — но видел очень хорошо, что она проделала с тобой». — «Скажи же мне, пожалуйста, — спросил я его снова, — что же она сделала?» — «Она прыгнула прямо над твоей головой, — отвечал он мне, — но так как ты нагнулся, то она перескочила через тебя и тебя не поранила». Тогда я сказал самому себе: «Нет сомнения, что мне ничего не привиделось, но дело это такого рода, что оно может любому человеку показаться совершенно невероятным».

100

Вообще говоря, можно отметить четыре случая, когда я подвергался крайней опасности, т.е. такие, которые, если б я не принял вовремя мер, стоили бы мне жизни, а именно: первый случай, когда я рисковал утонуть, второй — когда я подвергался опасности заражения собачьим бешенством, третий — когда обвалилась штукатурка, менее опасный для жизни, так как я избежал его, не испытав на себе, и четвертый — столкновение в доме венецианского дворянина. Я могу считать, что таково же было и число несчастных стечений обстоятельств и неприятностей, которым я подвергался: во-первых, моя временная неспособность к брачному сожителству, во-вторых, ужасная смерть сына, в-третьих, мое заключение в тюрьму и, в-четвертых, гнусное поведение моего младшего сына. В таком порядке и должен быть рассматриваем мой жизненный путь. Я при этом не упоминаю о бесплодии моей дочери, о продолжительной распри моей с коллегией медиков, а также о стольких несправедливых и незаконных преследованиях, которым я подвергался, о слабом моем здоровье и постоянном недомогании, о том, что у меня не было ни одного разумного и честного близкого мне человека; ибо если бы у меня был такой человек, он во многом облегчил бы мне жизнь и сумел бы уберечь меня от многих мелких неприятностей.

Что же касается козней, имевших целью лишить меня жизни, то я расскажу многое, совершенно удивительное. Прошу тебя, читатель, будь внимателен, так как это исключительно любопытная история. Я был преподавате-

лем в Павии, причем читал лекции у себя на дому; мне прислуживала одна случайно нанятая служанка; кроме того у меня жили молодой Эрколе Висконти, два других мальчика и, если не ошибаюсь, один слуга. Один из этих мальчиков был писцом и музыкантом, другой — рассыльным. Был 1562 г., в течение которого я решил покинуть Павию и отказаться от своей профессорской должности, но сенат очень неохотно отпускал меня, считая, что я действую как озлобленный человек. Между тем в Павии было два доктора, из коих один, человек хитрый, был некогда моим учеником, другой же преподавал медицину в качестве экстраординарного профессора и был человек простой и, я думаю, не дурной; но до чего может довести жадность к деньгам и к почестям, в особенности тогда, когда она соединяется с желанием вести почетные научные занятия! Последний из указанных медиков был незаконнорожденный. Между тем мои враги прилагали все старания, чтобы я покинул город, и, казалось, были готовы на все, лишь бы исполнилось это их желание. Поэтому, не рассчитывая на то, что сенат сам уволит меня, хотя я и просил об увольнении, они возымели намерение убить меня, но не оружием, опасаясь огласки и наказания со стороны сената, а хитростью, ибо мой конкурент видел, что он не будет в состоянии занять первое место, если я не уступлю его сам. Ввиду этого они начали приводить свой план в исполнение издалека. Прежде всего они написали мне как бы от имени моего зятя и будто бы даже по наущению моей дочери невероятно дерзкое и отвратительное письмо, в котором мой зять признавал родство со мной постыдным для себя и заявлял, что и сенат, и коллегия медиков стыдятся моей принадлежности к ним и ожидают, что я буду признан недостойным нести обязанности преподавателя и буду уволен от своей должности. Пораженный таким бесстыдным и дерзким порицанием, вынесенным мне моими близкими, я не знал, как поступить, что сказать и что отвечать; вместе с тем я не мог себе объяснить, какую цель преследует этот бесстыдный и дерзкий выпад. Я не сомневался, что он исходит из того же источника, который изобрел и следующую выходку, ибо несколько дней спустя мне было доставлено письмо от

имени Фиораванти следующего содержания: он-де сам стыдится перед родиной, коллегией и советом профессоров за меня, так как всюду распространяется слух, что я насилую мальчика и что одного мне недостаточно, а я взял себе и другого; это вещь совершенно неслыханная, и поэтому он от имени всех моих друзей умоляет меня, чтоб я принял меры против публичного ошельмования, ибо в Павии только и говорят об этом и уже намечены дома тех граждан, где эти вопросы будут обсуждаться.

Прочтя это письмо, я обомлел: я не мог поверить, чтобы его писал этот дружественно ко мне расположенный и скромный человек. Между тем я не мог забыть и того письма моего зятя, о котором я говорил выше, ибо тут я стал понимать, что он никогда не мог бы мне его написать и что ему и в голову не могло прийти это сделать, так как с того времени и до настоящего дня, был ли он дружески расположен ко мне или негодовал на меня, он, тем не менее, всегда относился ко мне с почтением, никогда не был плохого мнения обо мне и не обнаруживал ни следа таких нелепых взглядов, какие содержались в письме. Не говорю уже о том, что даже если бы этот во всех отношениях благоразумный человек поверил чему-либо подобному, он не доверил бы этого письму, которое могло попасть на глаза многим, и не стал бы укорять своего тестя в преступлении, которое было, по меньшей мере, не доказано, рискуя оказаться посрамленным и заслуживающим самых тяжких упреков.

Я немедленно приказал подать себе одеться и пошел к Фиораванти. На мой вопрос о письме он сознался, что писал его он. Я тут пришел в еще большее изумление, так как я не только не заподозривал его в участии в интриге, но даже не допускал этой мысли. Я начал тогда пытаться у него истину всякими средствами и спрашивал его, где будут собираться эти пресловутые совещания. Он стал путаться и, не зная, что сказать, только ссылаясь на общее мнение и на суждение ректора академии, Дельфино, которому он был всецело предан. Тем не менее, когда он увидел, что дело может обернуться так, что скорее он сам попадет в трудное и опасное положение, вместо того чтобы я попал под подозрение в преступном деянии, он одумался и отступился от своих слов, так как,

хотя он, как я сказал, был человек простой, он все-таки понял, насколько это дело может оказаться для него чреватым дурными последствиями. Так с этого дня эти козни прекратились, и хитросплетения рухнули. Скажу, однако, для чего было затеяно все это, как я впоследствии уразумел: волк с лисицами убедили того ягненка, второго медика, что если меня не будет больше, то сенат немедленно постановит, чтобы обязанности профессора в Павии были возложены на него в качестве второго заместителя, ибо сам конкурент мой претендовал на первое место в силу некоего старого и общепринятого обычая преемства, надеясь захватить его при помощи такой лисьей хитрости. Но случилось не так, как он рассчитывал, что показали последующие события.

Итак, по завершении первого акта трагедии начался второй, проливший свет на смысл первого. Прежде всего, мои враги позаботились о том, чтобы тот, кто должен был бы быть позором для родины, семьи, сената, миланской и павийской коллегий, совета профессоров и, наконец, для студентов, был принят в Павийскую академию аффида-тов, в которой было несколько выдающихся теологов и две владетельных особы: герцог Мангуанский и маркиз ди Пескера. Так как враги мои никак не могли дождаться этого, то, чтобы вырвать мое согласие, они прибегли к угрозам. Что же мне было делать в такую минуту, когда я был подавлен столь ужасной судьбою сына? Испытав на себе всякого рода несчастья, я, наконец, уступил, тем более что мне было обещано через несколько дней освободить меня от обязанностей читать лекции в академии; но тогда я не проникал еще в тайный план моих врагов, которые якобы хотели принять к себе того, кого (не прошло еще и двух недель) все сословия хотели исключить из своей среды как супруга всех мальчиков. Всемогущий Боже! Что за бессердечие смертных! Что за вероломство друзей, что за гнусность предателей, бесстыдство и жестокость, превосходящая жестокость змей!

Что же дальше? При первом посещении мною академии я заметил бревно, положенное так, что оно могло бы свалиться и убить всякого, вошедшего без предосторожностей. Не знаю, было ли это сделано с умыслом или случайно. Как бы то ни было, но я заходил в академию

по возможности реже, приводя для этого различные вымышленные предлоги, а когда посещал ее, то делал это не в назначенное время и не будучи ожидаем; при этом я внимательно наблюдал за упомянутой мышеловкой, но никакой попытки воспользоваться ею я не замечал либо потому что мои враги не считали возможным прибегнуть к такому явному для всех преступлению для осуществления своих намерений, либо потому, что они задумывали что-то другое. Замечу только одно: несколько дней спустя меня позвали к больному сыну хирурга Пьермарко Троно; над входной дверью был положен кусок свинца как бы для того, чтобы сдерживать камышовые занавески; что бы там ни было, но я не могу понять, каким образом и для чего было сделано так, что этот кусок мог упасть; он и действительно упал, и если бы он свалился мне на голову, я бы не уцелел. Одному Богу известно, как близка была опасность. После этого в меня закралось подозрение, но я не знал еще тогда, чего именно мне следует остерегаться, настолько велико было мое ослепление.

Но выслушай, читатель, третий акт, который способствовал раскрытию всего дела. Вскоре после того пришел ко мне тот ягненок, о котором я говорил, чтобы просить меня отпустить на исполнение новой мессы двух моих мальчиков-музыкантов. Было известно, что эти мальчики отведывали у меня кушанья; поэтому мои враги вошли в соглашение со служанкой, чтобы она дала мне яду в их отсутствие. А уже раньше они пригласили участвовать в празднестве Эрколе Висконти; он было обещал, ничего не подозревая дурного, но когда увидел, что требуют и мальчиков, он заподозрил тут злой умысел. Поэтому он ответил, что музыкантов имеется только один, а не два. Тогда Фиораванти, человек грубый и горячо желавший увести обоих мальчиков, сказал: «Отпустите обоих, ведь мы знаем, что и тот музыкант, и хотя он, может быть, и не очень сведущ в музыке, он вместе с другими будет участвовать в хоре мальчиков и увеличит его». На это Эрколе ответил: «Погодите немного, господа (их было двое), пока я не поговорю с хозяином». Он пришел ко мне и осведомил меня обо всех обстоятельствах дела,

так что, если б я не был в этот момент совсем лишен здравого смысла и даже в каком-то безумии, мне легко было бы разобраться в их замыслах, о которых, однако ж, и тут я не догадался. Поэтому я удовольствовался только тем, что вследствие увещаний Висконти не решил отпустить мальчиков на торжество. Пришедшие ушли ни с чем, так как Эрколе сказал им, что второй мальчик не знает ни одной музыкальной ноты. Не прошло и двух недель или, может быть, несколько больше, как те же лица вернулись с просьбой, чтобы я отпустил обоих мальчиков участвовать в комедии. Тогда Эрколе пришел ко мне, говоря: «Теперь вся история раскрылась; они хотят увести всех твоих домашних, прислуживающих за столом, чтобы извести тебя ядом. Поэтому следует внимательно следить не только за такого рода умыслами, но и за малейшей случайностью: ведь нельзя больше сомневаться в том, что эти люди ищут всяческих способов погубить тебя». Я ему сказал, что и я так думаю, хотя и не мог допустить такую вещь. «Какой же дать ответ?» — спросил я. Эрколе ответил: «Вели сказать, что тебе твои слуги самому нужны». Так и было сделано, и те ушли.

Наконец, после многих, как я думаю, совещаний враги мои пришли к решению окончательно погубить меня. Было это, если не ошибаюсь, в субботу 6 июня. Я проснулся среди ночи и почувствовал, что у меня нет кольца, в которое был вставлен гиацинт; я велел мальчику встать и искать кольцо, но его поиски не привели ни к чему. Тогда я сам встаю и велю ему зажечь свет; он уходит, затем возвращается и говорит, что огня нет; я с угрозой набрасываюсь на него и требую, чтобы он снова пошел за огнем; он весело возвращается, неся щипцами уголек; я ему говорю, что этого мало и что огонь не разгорится; он отвечает, что другого нет. Я приказываю ему дуть на уголек; после того как он три раза дунул и уже не было надежды, что уголек разгорится, вдруг вырывается сильный язык пламени, когда свеча уже была отставлена, и зажигает ее. Я говорю: «Ты видел, Джакомо Антонио?» (так звали его). — «Видел», — отвечает он. — «А что ты видел?» — говорю я. — «Я видел, что свеча,

хотя от уголька никакого пламени не было, все-таки зажглась». — «Смотри же, — говорю я, — чтобы она снова не погасла». Мы снова принялись искать кольцо и нашли его на полу под кроватью, куда оно не могло попасть иначе, как ударившись с большой силой о стену и отскочив от нее. Ввиду этого я дал обет не выходить из дому на следующий день; случайно обету этому благоприятствовали обстоятельства, так как день был праздничный и у меня ни одного больного не было. Поэтому, когда рано утром ко мне явились четыре или пять моих учеников, которые принесли мне сапфир и стали просить меня, чтобы я принял участие в обеде, на котором будут присутствовать все профессора университета и наиболее знатные члены академии, я заявил, что не могу принять приглашения. Они же, зная, что я не имею обыкновения обедать рано, и думая, что это и было причиной моего отказа, говорят: «Мы ради тебя перенесли обед на поздний час». Но я снова ответил им, что ни в коем случае не могу прийти. Они спросили о причине моего отказа, и я им рассказал о чуде и обете, данном мною. Все они изумились, но двое из них пристально поглядывали друг на друга и снова стали приставать ко мне с просьбой, чтобы я не расстраивал моим отсутствием такую славную пирушку. Я отвечал, как раньше. Спустя час они возвратились и с еще большей настойчивостью стали просить; я отвечал, что не хочу нарушить обет и что бесповоротно решил не выходить из дому. Тем не менее вечером, когда стемнело, я вышел из дому, чтобы посетить одного больного и бедного мясника, что не возбранялось данным мною обетом.

Так я продолжал жить, находясь в непрерывной тревоге, пока не покинул родину, и, как только это стало известно моему конкуренту, этой ничтожной лисице удалось получить от сената должность профессора. Он прыгал от радости, когда это с ним произошло; но такова тщета всех человеческих надежд: едва успев прочесть три или четыре лекции, он заболел, как я слышал, тяжелым недугом, продолжавшимся около трех месяцев, и умер, угрызанный совестью за единственное свое преступление. Как я после того узнал от одного из близких ему людей, он предназначался быть виночерпием на пирушке и был

одним из участников заговора против меня. В том же году умер Дельфино, а несколько позже — Фиораванти. Та же самая судьба и даже, пожалуй, еще более жестокая, постигла и нескольких медиков, которые приняли участие в кознях, затеянных против меня в Болонье. Они, злоумышлявшие против моей жизни, умерли; и если Бог все-таки попустил, чтобы я претерпел столько бедствий за все благодеяния, которые Он не перестает изливать на род человеческий, то эти бедствия были отомщены. Я же научился с тех пор остерегаться такого рода случаев, ибо я не мог забыть ни моего дядю Паоло, погибшего от яда, ни отца, который дважды был отравляем, но оплатился только потерей зубов.

Сколько же бед случилось со мной впоследствии, примерно в то же самое время? В июле месяце того же года, когда я жил в Милане, я принужден был отправиться в путь по случаю тяжелой болезни малолетнего внука, находившегося в Павии. В эту поездку я заразился рожистым воспалением лица⁷⁴, страдая одновременно сильнейшей зубной болью; мне едва не пришлось подвергнуться вскрытию вены, если бы болезнь продолжалась еще после новолуния; однако с новолуния я почувствовал себя лучше и, таким образом, избежал двойной опасности — как от самой болезни, так и от лечения ее. Затем один из моих слуг покушался на мою жизнь из-за денег; я только за несколько часов узнал о покушении и избежал смерти. После того я заболел тяжелой и длительной подагрой. Уже в семидесятидвухлетнем возрасте мне пришлось подвергнуться серьезным опасностям по причине задуманных против меня козней из-за того, что я плохо знал как улицы Рима, так и варварские обычаи римских жителей, вследствие чего многие врачи уже оплатились жизнью, хотя были более осторожны и более опыты, чем я. Поэтому, когда я убедился, что божественное провидение охраняет меня лучше, чем я мог бы это сделать по собственному разумению, я перестал так беспокоиться об опасностях, которые могли угрожать мне в будущем. Но кто не увидит во всем этом предвестия или

⁷⁴ Рожь — инфекционное заболевание, которое сейчас больше известно под названием «опоясывающий лишай».

некоего рода обеспечения моей будущей славы? Об этом свидетельствуют те восемь лет преподавания в Болонье, которые закончились в 1562 г., когда я жил там в почете и с пользой для других, после того как наступил некоторый перерыв в стольких моих бедствиях и испытаниях, и когда жизнь моя потекла спокойнее и приятнее.

ГЛАВА XXXI. О СЧАСТЬЕ

Хотя самое понятие «счастье», кажется, мало свойственно нашей человеческой природе, однако будет довольно близко к истине, если мы скажем, что счастье может быть достигнуто частично; поэтому и я также могу считать себя не обойденным счастьем, прежде всего потому, что все мне, в конце концов, удавалось, тогда как у многих людей, если они начинают или оканчивают что-нибудь в ненадлежащее время — или слишком запаздывая, или же торопясь, — все идет прахом.

Второй признак того, что я пользовался счастьем, может быть обнаружен, если сравнить известный период моего существования со всей моей жизнью в целом; таково, например, время, прожитое мною в селении Сакко. Подобно тому как, если между гигантами один непременно меньше всех остальных, а между пигмеями один больше других, такой гигант не может быть, однако, «маленьким», а пигмей — «большим», точно так, хотя пока я жил в Сакко, я и был счастливее, чем в другое время, из этого не следует, что я вообще когда-либо был счастлив. Я там предавался играм и музыкальным упражнениям, гулял, пировал и, хотя и немного времени посвящал научным занятиям, никакие неприятности меня не постигали и никакие опасности мне не грозили: я пользовался общим уважением, вел знакомство с благородными венецианцами и был в расцвете своих лет и сил. Ничего не было приятнее такой жизни, которая продолжалась пять с половиной лет: с сентября 1526-го до февраля 1532 г. Я был в дружеских отношениях с претором⁷⁵, и казенный дом, занимаемый им, был одновременно и

⁷⁵ Претор (лат. praetor, от praeitor — идущий впереди, предводительствующий) — в Древнем Риме государственная должность, во времена Кардано — судья.

царством моим, и трибуной. Признаком того, что это блаженное состояние не только исчезло, но и самая память о нем изгладилась и свелась к одному отдаленному ощущению испытанных наслаждений, являются сны, в которых я только и переживаю эти приятные воспоминания.

Третий и наиболее яркий признак счастья заключается в том, что, не будучи в состоянии быть тем, чем ты хочешь быть, ты достигаешь того, что для тебя возможно; а наиболее полного счастья ты достигаешь тогда, когда добиваешься самого лучшего из того, к чему ты стремишься. Поэтому важно, чтобы мы отдавали себе отчет в том, чем мы обладаем, и из того хорошего, что имеется в нашем распоряжении, выбирали только самое лучшее для нас: важно горячо возлюбить и пожелать каких-нибудь два или три предмета и стремиться к обладанию ими не только ради них самих, но также и ради достижения других. Наконец, для того чтобы мы могли обладать ими наилучшим образом, необходимо различать самое обладание, высшее качество обладаемого предмета и наилучший, т.е. наиболее совершенный способ обладания им. Конечно, не окажется недостатка в лицах, которые, я в этом уверен, будут считать эти рассуждения парадоксальными; но для человека, сознающего тщету всех человеческих дел и помнящего все происходившее в прошлом, легко будет понять, что они не только в высокой степени верны, но даже превосходят предел наших желаний. Если даже ты не признаешь их истинными, время все обнаружит и покажет, что это действительно так, а не иначе. Возьмем для примера Августа, Марка Скавра, Сенеку и Ацилия. Нет сомнения, что Август был человеком, испытавшим самую блестящую судьбу и счастливейшим в глазах людей; но что же в настоящее время осталось от него? Ни потомства, ни памятников; все это исчезло. Может быть, сохранились от него какие-нибудь кости, но кто захочет иметь их у себя или будет мечтать об этом? Кто станет негодовать, если имя его будет упоминаться с упреком и поношением? Но даже если бы это было не так, какая от этого для него польза? Ты можешь сказать: при жизни он был счастлив. Но что же досталось на его долю в большем количестве,

чем прочим счастливым людям, кроме тяжких размышлений, гневных выходок, взрывов ярости, страхов и убийств? Дом его был вечно средоточием тревог и смут, двор его — полон мятежей, близкие его злоумышляли против него; если он не спал, он был несчастен, а если спал, то сон его был скорее похож на бодрствование; если же сон, который сам по себе безразличен, лучше бодрствования, то бодрствование есть зло.

А осталась ли от Марка Скавра⁷⁶ с его сокровищами, представлениями, безумными тратами хотя бы даже тень всего этого? Для чего же иного, как не для того, чтобы позднейшие авторы могли приводить примеры и доказательства, послужили пережитые им в его жизни смуты, беспокойства и бессонницы; и не служили ли представления и роскошь его более наслаждению других, чем его самого? Какое счастье мог ощущать Ацилий⁷⁷, когда богатства его были растрочены и вместо наслаждений он стал испытывать страдания, так же как и бедность вместо богатства? Я не буду терять время на доказательство того, что Ацилий был несчастлив, ибо нет более яркого свидетельства самой несчастной жизни, как когда человек прежде жил весело и богато, а потом влачит жалкое существование. А что осталось в наше время от Сенеки⁷⁸, кроме дурной славы? Не может быть блаженна душа человека, когда ему приходится возвращаться в толпе развратников, когда человек ест на столах из кедра и слоновой кости и владеет такими огромными садами, что они даже вошли в поговорку, а в то же время вся Италия задыхается в тисках ростовщичества. В чем же счастье Сенеки, если он из страха быть отравленным Нероном должен был питаться одним хлебом, плодами и водой, взятой прямо из источника? Он своим примером свидетельствует, что ни у кого нет недостатка в пище, чтобы жить счастливо, лишь бы он этого хотел, после того как

⁷⁶ Марк Эмилий Скавр (ок. 96 — после 52 г. до н.э.) — римский государственный деятель (в 58 г. до н.э. занимал должность курульного эдила), растратил все свое состояние на роскошные постройки, зрелища и игры.

⁷⁷ Ацилий — вероятно, речь идет о Мании Ацилии Глабрионе, римском консуле (67 г. до н.э.).

⁷⁸ Сенека (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) — римский философ-стоик, государственный деятель.

даже ему, самому роскошному среди сынов Рима, было достаточно столь малого количества пищи; ибо все, что сверх этого, служит для наслаждения, но не для поддержания жизни. Но что может лучше подтвердить мои заключения, как не глупая похвальба Луция Суллы⁷⁹, который после убийства младшего Мария велел именовать себя «счастливым», тогда как на самом деле он, сложив с себя государственные должности, был в высшей степени несчастен, состарился, был запятнан убийствами и проскрипциями и окружен бесчисленными врагами? Если это называется быть счастливым, то тогда и я тем более могу считать себя достойным наименования счастливого человека.

Итак, будем жить довольные судьбой, если смертным не дано истинного счастья и если все, что им принадлежит, по самой природе своей недолговечно, суетно и ничтожно. Если же есть что-либо хорошее, чем мы можем украсить свою жизненную сцену, то мы этого отнюдь не были лишены. К подобным украшениям жизни принадлежат: мир, спокойствие, скромность, умеренность, порядок, разнообразие, веселость, театральные представления, общество, сон, пища, питье, верховая езда, плавание, прогулки, знакомство с новыми предметами, размышление, созерцание, воспитание, благочестие, супружество, пирушки, стройный ряд воспоминаний о прошлом, изящество, вода, огонь, слушание музыки, приятные зрелища, речи, рассказы, история, свобода, воздержание, птички, щенята, кошки, примирение со смертью, сознание неминуемого и одинакового для счастливых и несчастных течений времени и того, что все — и неудачи, и счастье — преходяще. Сюда же относятся и надежды на то, чего человек не ожидает, и упражнения в любом искусстве, ему доступном, и множество различных перемен, переживаемых им, и обширность земного шара. Что же, наконец, может быть дурного при таком множестве благодетелей и мудрецов, благодаря которым нет уголка, откуда бы не светила надежда? Итак, мы не живем на земле несчастными, и если бы только обычное

⁷⁹ Похвальба Луция Суллы — намек на рассказ о триумфе Суллы в 83 г. до н.э. у Плутарха (биография Суллы, гл. 32–34).

состояние людей не препятствовало этому, я осмелился бы предсказывать широкое распространение счастья; но было бы постыдным и пустым намерением лгать, чтобы обманывать других.

Если же мне дано было бы право выбрать место, где я желал бы жить, то я переехал бы на житье в одно из таких приятных мест, как Аквилея⁸⁰ или Порто-Венере⁸¹, если же мне предстояло бы поселиться вне Италии, я выбрал бы местом жительства или гору Эрик в Сицилии, или Диепп на реке Дюрансе, или Темпейскую долину⁸² в Фессалии; но возраст мой не вынес бы жизни в Киренаике⁸³ или на горе Сион в Иудее и не допустил бы меня искать места для житья на острове Цейлон в Индии. Впрочем, говорят, что местность не делает людей счастливыми.

ГЛАВА XXXII. ПОЧЕСТИ, КОТОРЫХ Я БЫЛ УДОСТОЕН

Я не был жаден до почестей, не мечтал о них и не любил их как человек, хорошо понимавший, как много зла вносят они в жизнь. Гнев есть большое зло, но временное, а вред от почестей действует постоянно. Прежде всего погоня за почестями разоряет нас, заставляя избегать труда и тратить средства на роскошную одежду, на богатые пиры, на содержание множества слуг. Кроме того, она подвергает нас опасности смерти столькими различными способами, что их и не перечесть: мы рискуем жизнью на поединках, на войне, в ссорах, при нечестных тяжбах, от постоянного пребывания на глазах государей, во время разгульных пиров, при сожительстве с супругами или гетерами; мы совершаем плавания по морю и считаем почетным сражаться за отечество; Брутам было свойственно жертвовать собой в боях, а Сцевола сжег

⁸⁰ Аквилея — город в Северной Италии, который находится на реке Натисон недалеко от Адриатического моря.

⁸¹ Порто-Венере (Портовенере) — небольшой город в итальянском регионе Лигурия, в провинции Специя.

⁸² Темпейская долина — живописная долина в Фессалии (северо-восток Греции) между Олимпом и Оссой, по которой протекала река Пеней.

⁸³ Киренаика — историческая область в современной Ливии.

свою правую руку⁸⁴, и Фабриций отверг предложенное ему золото⁸⁵; это последнее, быть может, и свидетельствует о его разумности, но зато поступки других обнаруживают примеры безрассудства или даже безумия людей. Нет никакого основания гордиться своим отечеством. Ведь что такое отечество, как не союз ничтожных тиранов для угнетения невоинственных, робких и в большинстве случаев совершенно безобидных людей (говорю это главным образом о римлянах, карфагенянах, спартанцах и афинянах, у которых под прикрытием этого слова «отечество» злые стремились господствовать над добрыми, а богатые — над бедными).

О, сколь велико бесстыдство смертных! Можно ли думать, что люди настолько пренебрегают жизнью и готовы лишиться ее, что охотно идут на смерть за отечество ради одной чести? Нет, люди простые и бедные всегда думали про себя: «Кто несчастнее меня? Но если я возвращусь живым, я буду считаться среди первых лиц в государстве и буду владеть чужим добром, как такой-то или такой-то, подобно тому как ныне другие владеют моим добром; если же я умру, потомки мои от плуга будут призваны на колесницы и триумфы». Вот к чему сводилась любовь к отечеству и в чем было поощрение к исканию почета. Я не хотел бы, чтобы обвинения такого рода ложились на те города, которые борются за свободу, или на тех государей, для коих главная цель их властвования — установить и охранять справедливость, заботиться о добрых, возвышать несчастных, поощрять добродетель и делать лучшими своих близких и всех тех, которые уже достигли вершины могущества, так чтобы только труд служил наградой за такого рода честь. Точно так же я не ставлю в упрек городам, если они не стремятся господствовать, или гражданам, если они не хотят главенствовать над другими, но считаю, что не-

⁸⁴ Сцевола Гай Муций — герой античного предания, юноша, пробравшийся в лагерь этрусков с целью убить царя Порсену. Будучи схвачен, стремясь показать свое безразличие к боли и смерти, он опустил свою правую руку в огонь.

⁸⁵ Гай Фабриций Лусцин (III в. до н.э.) — римский полководец, который отверг золото, серебро и рабов, предложенных самнитами (Юлий Фронтин. Военные хитрости. IV, 3, 2).

обходимость поддержания порядка порождает законную власть, а недобросовестность — тиранию.

Но вернемся к вещам хотя и самым обыкновенным, но, тем не менее, мало кем признаваемым; почет отнимает время: ввиду того, что нам приходится выслушивать стольких людей и столько приветствий, он не позволяет предаваться занятиям мудростью, больше всего приближающим человека к божеству. Сколько существует людей, не заслуживающих даже названия учеников, которые, посвяти они наукам те два часа в день, которые тратят на причесывание и на украшение себя, могли бы через два-три года уже выступать в качестве учителей. Вот награда за почет и за те преимущества, которые он доставляет. Он же мешает как следует заботиться о своих домашних, даже о сыновьях. Что может быть безрассуднее этого? Почет делает нас предметом зависти, зависть порождает ненависть и соперничество, а они, в свою очередь, вызывают общенародное осуждение, преследования, обвинения, смерть, потерю имущества и казны. Таким путем теряем мы большую часть нашей свободы, если не лишаемся ее целиком. Более того, почет отнимает у тебя возможность самого наслаждения, если ты склонен, согласно с общим мнением, признавать наслаждение единственным благом, которое оставлено на нашу долю в этой жизни. По этому пути мы, отягченные почетом (и как бы под его покровом), постепенно приближаемся к самому вредному и губительному из пороков, а именно к праздности. На этот путь вступают распутные юноши, и он приводит к потрясению и ниспровержению основ семейной жизни. Все то, что носит название блага, содержит в себе нечто действительно благое, но почет сюда не относится. Сыновья являются залогом продолжения рода, дружба доставляет немалую долю счастья, богатство — всякого рода удобства, добродетель подает утешение в несчастии, а в счастье служит украшением; все доброе способствует соединению людей в общества и в полезные для них союзы и всегда доставляет величайшую безопасность как в настоящем, так и в будущем.

Что же в таком случае: должны ли мы постоянно избегать почестей и отстраняться от них? Никоим образом. Пре-

жде всего потому, что почести способствуют увеличению богатства, могущества и прибылей, например, у судей, врачей, художников и вообще у всех лиц, посвящающих себя искусствам. Недаром поэтому говорят, что почести питают искусства. Затем почет ограждает человека от опасностей, в особенности в коллегиях и конгрегациях⁸⁶, где часто царит жестокая зависть людей друг к другу и где сочиняются ложь, клевета и вздорные сплетни. В-третьих, почет усиливает могущество, в особенности у людей, занимающихся военным делом, и при занятии некоторых общественных должностей, которые замещаются, как говорится, по выбору или в последовательном порядке от низшей степени к высшей. Вообще говоря, почести оказываются полезными либо для уничтожения следов позора и бесчестия (ибо и то и другое гораздо хуже почета), либо из-за благ, которые проистекают из соединенных с почестями преимуществ, либо когда приходится действовать там, где тебя никто не знает. Наконец, в-четвертых, почет является благом, когда ты можешь пользоваться им не в ущерб добродетели и когда этому не препятствует в сильной степени та работа, которую ты несешь.

115

В отношении почестей моя судьба не оказалась скупой для меня. Еще мальчиком, как я припоминаю, меня окружали многие, как бы в предвидении моей судьбы. Когда я достиг познания латинского языка и литературы, я немедленно сделался известен во всем нашем городе; при переезде моем в Павию многие по собственному желанию сопровождали меня; если бы я в то время принял предложенную мне должность, для меня была бы открыта дорога к величайшим почестям под покровительством Папы Пия IV⁸⁷. Я не без успеха вел диспуты; ради чести сразиться со мной выступал против меня Маттео Корти. Прочитав в течение одного только года, ввиду роспуска академии, курс математики, я в 1536 г. был приглашен к Папе Павлу III⁸⁸. До этого я читал в течение двух лет математические науки: геометрию,

⁸⁶ Конгрегация — союз, совокупность, орден.

⁸⁷ Пий IV — Папа Римский (1559–1565).

⁸⁸ Павел III — Папа Римский (1534–1549).

арифметику, астрологию и архитектуру⁸⁹. В 1546 г. мне предложено было достопочтенным кардиналом Мороне читать лекции в Риме с выплатой вознаграждения из средств Папы. В следующем году Андрей Везалий⁹⁰ и датский посланник предлагали мне по триста золотых венгерских дукатов в год и еще по шести из налогов на дворянские грамоты; эти дукаты на одну восьмую часть своей стоимости оцениваются ниже наших королевских дукатов: кроме того, они выплачиваются там с опозданием, выплата их не обеспечена полной гарантией и зависит часто от случайных обстоятельств. К этому вознаграждению добавлялось продовольствие для меня, для пяти моих слуг и для трех лошадей. Третье предложение было сделано мне из Шотландии; мне даже совестно указать предложенную мне сумму вознаграждения, ибо благодаря ей я в несколько лет сделался бы богатейшим человеком. Первое предложение я не принял из-за холода и сырости климата Дании, а также из-за грубости нравов ее жителей и значительной разницы в таинствах и учении их церкви по сравнению с Римской; от второго я отказался потому, что из Шотландии нельзя было бы пересылать через курьеров или переводить через банкиров заработанные деньги не только во Францию или в Италию, а даже и в Англию.

Последнее из указанных предложений было сделано мне в августе месяце 1552 г.; в октябре месяце того же года в высшей степени благосклонно расположенный ко мне князь Бадольфии и секретарь короля Франции Виландер предложили мне другую должность с содержанием в восемьсот дукатов в год, причем, если бы я только решился, как принято выражаться, поцеловать руку короля и немедленно двинулся в путь, мне была обещана цепь стоимостью в пятьсот золотых дукатов. Другие соблазняли меня службой у императора, осаждавшего в то время

⁸⁹ Слова о том, что Кардано читал архитектуру, противоречат дальнейшему свидетельству (гл. XXXIX): «я не предавался занятиям... архитектурой». Однако в сочинении Кардано «О собственных книгах» («De libris propriis», т. I) сообщается, что он составил комментарий к «Десяти книгам по архитектуре» Витрувия (до нас не дошедший).

⁹⁰ Андреас Везалий (1514–1564) — врач и анатом, основоположник научной анатомии.

Мец⁹¹ (иначе называемый Диводуром). Но я не принял ни того, ни другого предложения, потому что я видел, что император находится в очень затруднительных обстоятельствах (бóльшая часть его войск погибла от голода и холода), а служить королю Франции я не считал возможным, так как это значило бы покинуть своего государя, чтобы передаться его врагу.

Когда я, покинув Антверпен, прибыл в Багель, меня принял в своем загородном доме благородный Карл Аффетат и всячески старался, вопреки моему желанию, заставить меня принять в дар породистого мула стоимостью не менее ста золотых дукатов. Он был человеком исключительной любезности и свободы духа и любил людей выдающихся. Во время того же путешествия благородный женевец Ацалин предложил мне в дар иноходца (англичане на своем языке называют таких лошадей *obinus*); меня удерживал стыд, иначе я принял бы этот подарок, так как ничего нельзя было представить себе более красивого и статного, на мой взгляд, чем эта лошадь; она была вся чисто белая и чрезвычайно стройная; было еще две таких же точно лошади, и он предоставлял мне выбрать любую. В следующем году мне было предложено князем доном Фернандо (как было принято его называть) тридцать тысяч дукатов с тем, чтобы я поступил навсегда на службу брата его, мантуанского государя (или, как его называют, герцога); кроме всего прочего, мне была бы отсчитана с первого же дня тысяча дукатов; однако я не согласился на это предложение к большому удивлению и крайнему неудовольствию дона Фернандо, тем более что он соблазнял меня заключением в высшей степени почетного для меня условия; однако увещания его на меня не подействовали, и он готов был даже обратиться к угрозам; но, в конце концов, он понял, почему я предпочитал (по примеру горностаев) умереть, чем запятнать себя, и с этого времени искренне полюбил меня, как это свойственно людям с благородной и возвышенной душой. Шестое предложение, как я упоминал раньше, сделано было мне в 1552 г. вице-королем Брисаком, который готов был предложить мне какие угодно

⁹¹ Мец — город на северо-востоке Франции.

условия, главным образом побуждаемый к тому нашим гражданином, благородным Луиджи Бираго. В то время как другие желали залучить меня в качестве врача, Бриссак приглашал меня как механика; но его желаниям не суждено было исполниться.

Прежде чем закончить беседу на эту тему, я хотел бы в кратких словах объяснить, почему мне сделаны были столь щедрые предложения таким крайне бедным королем, каков шотландский, у которого, как говорят, не более сорока тысяч золотых дукатов в год дохода. Ему подчинены благородные вассалы, число коих, говорят, доходит до четырнадцати тысяч, хотя я не думаю, чтобы их было столько. Они обязаны ежегодно в течение трех месяцев служить вооруженными в королевских лагерях; иные говорят, что они несут эту службу из милости. Когда же кто-либо из них умирает, король (или тот, кому это право предоставляется королем в силу обычая) делается опекуном детей умершего до тех пор, пока старшему из них не пойдет или не исполнится двадцать один год. До этого времени весь их доход, за вычетом расходов на пропитание и на одежду, принадлежит опекуну, который не обязан никаким отчетом в нем, так как он замещает самого короля. Более того, опекун может соединить брачным союзом своих подопечных, как мужского, так и женского пола, с кем ему заблагорассудится, лишь бы невеста или жених были благородного происхождения; он же определяет размер приданого не в зависимости от состояния своего подопечного, а от положения той, с кем заключается брачный союз.

Возвращаясь к повествованию о себе. Я был три или четыре раза приглашаем в Павию миланским сенатом и три раза — болонским, хотя последнее приглашение не имело никаких результатов. Моего возвращения из Шотландии поджидали в Париже сорок дворян, чтобы испытать мое искусство в лечении болезней; один из них предлагал мне тысячу дукатов с тем, чтобы я посвятил себя исключительно ему; но я и так-то едва мог проехать свободно через Париж и не решался задерживаться там дольше. Об этом свидетельствует письмо парижского президента Эмара Ранконета, человека, как я уже упо-

минал в другом месте⁹², в высокой степени сведущего в латинском и греческом языках. При проезде моем через Францию и Германию со мной происходило всюду то же самое, что было некогда с Платоном в Олимпии⁹³.

Что же касается испытания перед Павийской коллегией, о коем я говорил выше, то свидетельством о нем служит отчет, прочитанный мною у префекта города. Не многим отличалось от этого испытания то, которому я подвергся в Венеции, где можно было выдержать его только в том случае, если ни одного голоса не будет подано против, и где, несмотря на то что было более шестидесяти голосовавших, я собрал все голоса. В болонском сенате при двадцати девяти голосовавших я получил двадцать семь избирательных голосов, причем, чтобы быть избранным, нельзя было получить менее двадцати пяти голосов.

Не только во всех странах стало известно мое имя, но обо мне узнали даже государи, короли и императоры всего земного шара; и даже если это может быть названо бессмысленной и пустой похвальбой, тем не менее нельзя отрицать, что если отдельные обстоятельства моей жизни заслуживают упрека, то все они, взятые в целом, отнюдь не могут быть достойными презрения. Моя осведомленность во многих отраслях знания, путешествия и опасности, которым я подвергался, должности, выполнявшиеся мною, делавшиеся мне предложения, дружба государей, слава, мои книги, чудесные исцеления больных, исполнившиеся предсказания, в других случаях редкие, почти сверхъестественные явления, наконец, выдающаяся одухотворенность и познание света истины — таковы основания всех тех почестей, которых я удостоился и к которым следует добавить еще мою принадлежность к трем коллегиям — в Милане, в Павии и в Риме. Изю всех почестей я ни единой не испрашивал себе ни одним словом, за исключением просьбы о принятии меня в Миланскую коллегию, куда я был принят в конце августа 1539 г., и о предоставлении мне кафедры в Болонье, причем в обоих случаях меня заставляла это

⁹² См. гл. XIII.

⁹³ Имеется в виду то, что Платон дважды был победителем на Олимпийских играх.

сделать необходимость, и я не действовал под влиянием пустого честолюбия. Кроме того, я был удостоен болонским сенатом звания гражданина Болоньи. Вообще же говоря, как я утверждал и раньше, почести — пустая и маловажная вещь для смертных, однако могу сказать, что я добился даже гораздо большего, чем ожидал; сюда относится и упомянутое выше почетное звание. Но обратимся теперь к изложению позорящих меня случаев.

ГЛАВА XXXIII. МОИ БЕСЧЕСТИЯ И РОЛЬ СНОВ
В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ.
О ЛАСТОЧКЕ В МОЕМ ГЕРБЕ

120

Причины позорных случаев должны быть объяснены совершенно иначе, чем основания получения почестей. Если многие склонны всячески избегать почестей, то сносить бесчестия никто обычно не считает полезным и почетным, и каждый постоянно повторяет: «Снося обиду, ты другую вновь зовешь».

Ибо, если ты будешь сносить оскорбления безропотно, на тебя будут нападать как на человека, заслуживающего только презрения, и затопчут тебя. Здесь не может быть речи о детском возрасте, которому несвойственно самому наносить и нести бесчестие; но если бы даже это и было так, к этому возрасту лучше всего можно приложить стих Горация по поводу даваемого отцами воспитания:

*Сам он, отец мой, всегда при мне неподкупнейшим стражем
Возле наставников тут же сидел*⁹⁴.

Как я сказал, переносящий бесчестие и позор прежде всего испытывает те же неудобства, какие порождает и почет, но в еще большей степени; а в особенности тяжело сказываются позорящие обстоятельства тогда, когда они связаны с женщинами. Когда же бесчестия и почести соединяются вместе в одном человеке, то участь его подобна участи зачумленного, ибо почести прикрывают лишь его кожу, а внутри он истощается бесчестием; глупцы и толпа его превозносят, люди достойные его презирают, а дерзкие над ним издеваются. Напротив того, жизнь тех, кого почитают за внутренние качества и кем прене-

⁹⁴ Гораций. Сатиры, I, 6, ст. 81 сл. — Примеч. пер.

брегают за их наружный вид, может протекать спокойно и безопасно, если только они умеют быть довольны своей судьбой. Положение же тех, кого презирают и по существу, и по наружности и кто совершенно лишен всякого почета и утеснен, можно сравнить с положением у нас носильщиков или землепашцев: если они ведут жизнь справедливую и достойную, они пользуются достаточным благополучием, особенно когда соединяются вместе в один дружеский союз. Наконец, те, кто удостоивается и наружного почета, и почета по существу, больше всех подвергаются опасности клеветы, козней и обвинений со стороны отдельных лиц, не рискуя быть, однако, обвиненными открыто, ибо оскорбление, нанесенное людям, заслужившим славу справедливых, может вызвать ненависть народа, так что самим обвинителям пришлось бы опасаться за собственную жизнь.

Когда я находился в Болонье и шла речь о заключении со мной договора, ко мне два или три раза ночью приходили некоторые лица от имени сенаторов и судей с просьбой, чтобы я подписал заявление об освобождении от наказания женщины, уже осужденной за безбожие и отравление или колдовство как гражданской властью, так и именем Папы; главным поводом для ее освобождения выставлялось соображение, что, по мнению философов, никаких демонов не существует. В другом случае меня просили распорядиться об освобождении из тюрьмы женщины (она еще не была осуждена судьями) на том основании, что бывший на ее попечении больной умер не на ее руках, а на руках врачей. Мне также приносили свидетельства о рождении, чтобы на их основании я давал заключение о людях не в качестве профессора медицины, а в качестве какого-то отгадчика и прорицателя. Впрочем, все эти лица, обратившиеся ко мне, не добились ничего иного, кроме бесполезной траты времени и того, что сами себя опорочили.

Первый из случаев, к которым я теперь перехожу, произошел, когда мне было всего двенадцать лет; я разряжал ружье, заряженное порохом, и поранил бумажным пыжом почтенную супругу одного музыканта; я за это получил такую затрещину, что свалился с ног. Затеянный мною сверх моих сил и способностей диспут в Милане

окончился очень неудачно для меня. Несколько медиков насильно заставили меня в 1536 или 1537 г. заключить условие с коллегией на очень постыдных для меня условиях; но некоторое время спустя, как я сказал выше, а именно в 1539 г. условие это было расторгнуто, и я был восстановлен всецело в своих правах.

В 1536 г., когда я был домашним врачом в семье Борромео, я однажды на рассвете увидел во сне огромных размеров змея, который навел на меня смертельный ужас. Вскоре после того явился ко мне посланец с приглашением прийти осмотреть сына графа (как его называли) Камилло Борромео, человека, принадлежащего к высшей знати. Я отправился; на первый взгляд мальчик, которому было всего семь лет, не казался тяжелобольным, но когда я стал прощупывать его пульс, то нашел, что на каждом четвертом биении он дает перебой. «Как он себя чувствует?» — спросила меня графиня Корона, его мать. Я ответил, что, по-видимому, лихорадка не сильна, однако перебои в пульсе при каждом четвертом биении заставляют меня опасаться чего-то, что мне непонятно (у меня в то время еще не было сочинения Галена о распознавании болезней по биению пульса). Так как положение больного оставалось во всех отношениях без перемен вплоть до третьего дня после начала болезни, то я решил прописать ему лекарство под названием «диароб» вместе с турбитом, для приема его небольшими дозами. Я уже написал рецепт, и посланец собирался идти к аптекарю, когда я вдруг вспомнил свой сон. «А что, — сказал я сам себе, — если мальчику суждено умереть от прописанного лекарства? (После появления сочинения Галена я узнал, что так и случилось бы.) Другие врачи, столь враждебно ко мне расположенные, несомненно, припишут этому лекарству смерть больного». Я позвал обратно посланца, который едва на четыре шага успел отойти от входной двери дома, и сказал, что в рецепте недостает кое-чего, что мне надо добавить. Я незаметно разорвал написанный раньше рецепт и написал другой — на порошок из жемчужин, толченных с костью единорога и с драгоценными камнями. Порошок был принят больным, но его вырвало. Тогда окружающие поняли, что мальчик очень опасно болен; были вызваны три

наиболее известных в городе врача; один из них, вместе со мной участвовавший в лечении⁹⁵ сына Сфондрата, был довольно хорошо расположен ко мне. Они взглянули на мой рецепт, и что же? Хотя по крайней мере двое из них были враждебно настроены против меня, Бог не попустил моего посрамления: они не только в один голос одобрили лекарство, но даже предписали вновь дать его. Это меня спасло. Когда же я пришел к больному вечером, я все понял. На следующее утро на рассвете меня снова вызвали; я увидел, что мальчик находится при последнем издыхании. Отец его, подавленный горем и плача, говорит мне: «Вот ведь ты говорил, что он не болен (как будто я когда-либо это говорил); по крайней мере не отходи от него, пока он еще жив». Я обещал остаться, а между тем, немного спустя, заметил, что два дворянина силой задерживают отца, а он, рыдая, старался вырваться из их рук; они его не пускали, а он обвинял меня. Что же сказать еще по этому поводу? Если бы возымело действие средство, прописанное мною, т.е. диароб с турбитом (какое, несомненно, было небезопасно), то со мной было бы покончено, так как и без того отец, пока был жив, так жестоко бранил меня, что все меня избегали, как будто в меня «Ведьма Канидия яд вдохнула, змеиною хуже»⁹⁶. Так я избегнул смерти, а ущерб, понесенный вследствие бесславия, обратил себе даже на пользу, предавшись научным занятиям, так что впоследствии не имел причины раскаиваться в том, что произошло.

Я не думаю, чтобы рассказанный сон и все то, о чем я сообщал, было случайностью, но как легко убедиться, что это было предупреждением, данным человеку благочестивому, подавленному многими, разного рода бедствиями, которого Бог не захотел покинуть в несчастьи. Однако я был очень взволнован этим знамением, когда убедился, что бывшее у меня сновидение находилось в связи со следующими обстоятельствами: дело в том, что дом Борромео на площади Санта-Мария-дель-Павоне был весь расписан змеями, а в старинный герб рода Борромео входит гадюка. У нашего рода Кардано в прежнее вре-

⁹⁵ Вероятно, Лука дела Кроче, ср. гл. XL.

⁹⁶ Гораций. Сатиры, II, 8, ст. 95. — *Примеч. пер.*

мя в гербе изображен был красный замок с такими же башнями, а сверху, в середине, находилась небольшая башенка черного цвета; вокруг замка поле герба было белое. Эта башенка служила для того, чтобы отличать наш герб от герба рода Кастильоне, самая фамилия которых указывает на «замок льва». Кроме того, повелением императора на золотом поле сверху в гербе Кардано было добавлено изображение орла черного цвета (за исключением клюва) с распростертыми крыльями (иногда он изображается одноглавым, иногда двуглавым). Некоторые покрывают оба поля шафранной краской или золотой, другие же по старому образцу покрывают поле, где нарисован орел, шафранной, а то, на котором написан замок, — белой краской. А я в тот самый день, как был задержан и посажен в тюрьму, решил присоединить к своей печати и изображение ласточки, поющей под крышей или навесом, тем более что воспроизводить на печати наш герб было бы затруднительно вследствие разнообразия цветов. Я взял эмблемой ласточку, ибо считал ее во многих отношениях олицетворяющей мой собственный нрав и привычки: она не причиняет людям никакого вреда, не избегает жить в соседстве бедных, постоянно обитает среди людей и, тем не менее, никогда не делается ручной, перелетает в другие страны, часто вылетает и прилетает обратно, живет семейной жизнью, но сохраняет свободу движения и не держится стаями, услаждает пением хозяина дома и не выносит неволи. Ее прищуренные глаза обращаются к солнцу, хотя она очень невелика, у нее в желудке находятся прелестные камешки; на нее необыкновенно благоприятно действуют мягкость воздуха и тепло. Она проявляет особое искусство в постройке своего гнезда, так что из всех птиц уступает в этом отношении только зимородку. У нее белая грудка и брюшко, а сверху она черная; она всегда возвращается к приютившему ее дому, как будто помнит гостеприимство и благодарна за него; ни одна птица, даже хищная, не преследует ее, и ни одна не может сравниться с нею или превзойти ее в быстроте полета. Но возвращаюсь к своему повествованию.

В селении Сакко мне привелось испытать посрамление от двух случаев лечения: благородная женщина Ригона,

наша согражданка, умерла на седьмой день болезни после того, как я накануне ее смерти пустил ей кровь из ноги; другой больной, бедный человек, призреваемый церковью (как принято говорить), на обязанности которого лежало звонить в церковный колокол, или било⁹⁷, умер, если не ошибаюсь, в ту же ночь, когда я дал ему лекарство. Причиной неудачи лечения в обоих случаях было то обстоятельство, что мне никогда не приходилось наблюдать те болезни, которыми болели оба указанные лица. Это едва меня не опорочило настолько, чтобы вызвать самые дурные последствия, тем более что и прочие мои обстоятельства (как домашние, так общественные) находились в то время в полном расстройстве. Но случай с Виньяни, хотя он и не окончился его смертью, также причинил мне вред; он отказался от моих услуг, хотя я вылечил в его же доме девять человек, которых я пользовал. Таким образом, я всего три раза совершил ошибки за пятьдесят один год моей медицинской практики; между тем Гален ни разу в своих сочинениях не обвинял самого себя, хотя он сделал столько ошибок, что для него трудно было бы найти оправдание.

Таким образом, я не подвергся ни разу какому-либо публичному посрамлению, и когда распространились позорящие меня слухи, в особенности в Милане и в Болонье, никто не решался признать себя их автором или распространителем. Я, напротив того, думаю, что оба эти города обязаны большой благодарностью мне как своему гражданину; не могу сказать того же про Павию, хотя я такой же гражданин этого города, как и родившийся в нем и приобретший там дом. Подобно тому как лихорадка разрешает некоторые болезни и избавляет от смерти таких больных, которые иначе никак не могли бы поправиться (как на это указывает Гиппократ в своих афоризмах), так и заключение мое в тюрьму заставило замолчать всех тех, кто кричал о моих бесчисленных преступлениях, так что не осталось даже и следа подозрения против меня; это яркое доказательство того, какие последствия может иметь зависть. А вы, врачи, скажите мне: что я вам

⁹⁷ Било — металлическая доска для отбивания времени ночными сторожами, созыва монахов в монастыре и т.п.

сделал? Когда вы рассчитывали, что тут-то и начнутся позорящие меня обвинения и положения, и те, и другие сразу прекратились. Но оставим этот разговор о дурной репутации, позоре и сплетнях, которые в моем возрасте более свойственны женщинам, чем мужчинам. Разве не замечательны были толки по поводу диалога, ходящего по рукам в Болонье под названием «Меланфрона», т.е. человек с темной и черной мудростью? Но этот диалог был так нелепо составлен и неудачно опубликован, что одно ознакомление с ним показывало, что сочинитель ее не обладает ни белой, ни черной мудростью, вследствие чего участвовавшие в его составлении вынуждены были сами уничтожить свой труд.

Возвращаясь к моему родному городу, я должен отметить, что я там был удален из госпиталя Св. Амвросия, который доставлял мне в год всего семь золотых дукатов; вознаграждение это никогда не доходило до восьми дукатов. Мне в то время было, если не ошибаюсь, тридцать семь лет. Уже на тридцатом году моей жизни я покинул должность врача в селении, или местечке Караваджо. Должность эта приносила мне едва восемьдесят золотых в год, причем приходилось работать, как вьючному животному. Между тем у меня уже был заключен договор с жителями Мадженты; вознаграждение составляло около пятидесяти пяти дукатов; как только кончился срок моего договора, я потихоньку уехал, чтобы не подвергнуться опасности совсем погибнуть или дожить там до старости. Приблизительно в том же возрасте, двадцати девяти лет, я, несмотря на хлопоты друзей, не принял предложенной мне должности врача в Бассано, городке Падуанской провинции, с вознаграждением в сто золотых дукатов. Но самым замечательным было предложение Чезаре Ринчо, одного из наиболее выдающихся врачей в нашем городе: он предлагал мне, если я пожелаю взять на себя практику в одной деревне в Новарской провинции, на расстоянии пятидесяти миль от нашего города, вознаграждение, помнится, в двенадцать дукатов в год. Поэтому нечего удивляться, что я ничего не зарабатывал в селении Сакко, продолжая в нем пребывать в течение целых пяти лет. И Джампьеро Покобелло в Монце, и Джампьеро Альбуцци в Галларате получи-

ли состояние приблизительно в двадцать золотых. Так случается с теми, кто женится в надежде на наследство; хотя ни тот, ни другой не вступил вторично в брак, так как первые их жены были живы.

ГЛАВА XXXIV. МОИ УЧИТЕЛЯ

В раннем детстве, когда мне было около девяти лет, мой отец обучал меня дома началам арифметики и некоторым тайным знаниям, неизвестно откуда почерпнутым им. Вскоре после того он начал учить меня и арабской астрологии и вместе с тем пытался искусственным образом развить мою память, но я оказался совершенно неспособен к этому упражнению. По наступлении двенадцатилетнего возраста он же заставил меня изучать первые шесть книг Евклида, но при этом не трудился объяснять мне то, что я мог понять сам. Вот те знания, которые я приобрел без помощи школьного обучения и без знания латинского языка. Как только мне исполнилось двадцать лет, я поступил в Павийскую академию; в конце двадцать первого года я выступил на диспуте под председательством Корти, выдающегося профессора медицины, который удостоил меня чести вступить со мною в спор, на что я никак не смел надеяться. Я слушал также лекции Бранда Перро по философии, а потом и новарца Франческо Теджи. В 1521 г. я слушал в Падуе лекции того же Корти и Мемория по медицине; там же обучался я у Джироламо Аккоромбоне, преподававшего так называемую практическую медицину. Среди профессоров были в то время Тозето Момо и некий испанец-философ⁹⁸, пользовавшийся громкой славой.

127

ГЛАВА XXXV. ВОСПИТАННИКИ И УЧЕНИКИ

Первым по времени моим учеником был Амброджо Виджеверо, человек талантливый и смелый, ставший капитаном одного рагузского корабля. Вторым был Луиджи Феррари, болонец, преподававший математику в Милане и в своем родном городе и отличавшийся исключи-

⁹⁸ Испанец-философ — вероятно, Джованни Испанец (Giovanni Spagnolo, или Джованни Монтесдока, ум. в 1532 г.).

тельными познаниями в этой науке. На третьем месте стоит Джамбаттиста Босконе, бывший докладчиком сената при императоре Карле V. Четвертый — Гаспаро Кардано, мой племянник, сын другого Гаспаро, моего двоюродного брата; он был врачом и читал публичный курс медицины в Риме. Пятый — Фабрицио Боцци, служивший в милиции Туринской провинции, хотя и считался миланцем. Шестой — Джузеппе Амато, секретарь проконсула нашей провинции. Седьмой — Кристофоро Сакко, ставший государственным нотариусом. Восьмой — Эрколе Висконти, музыкант (прекрасный и талантливый юноша). Девятый — Бенедетто Катанео, родом из Павии, посвятивший себя юриспруденции. Десятый — Джампаоло Эйфомиа, музыкант и человек выдающейся образованности. Одиннадцатый — Родольфо Сельватико, болонец, сделавшийся врачом и практикующий в Риме в настоящее время, когда я пишу эту книгу. Двенадцатый — болонец Джулио Поцци: он один отказался явиться на мой суд. Тринадцатый — Камилло Данолино, также болонец, музыкант и государственный нотариус, отличавшийся исключительно изящными манерами и вежливым обращением. Наконец, четырнадцатый — калабриец Оттавио Пиццо, находящийся сейчас при мне. Из всех перечисленных наиболее выдающиеся — второй, четвертый и одиннадцатый; но из них двое первых умерли еще сравнительно молодыми: второй — в возрасте сорока трех, а четвертый — еще не достигнув сорока лет:

*Необычайным дан век короткий и изредка старость.
То, что ты любишь, желай, чтобы не нравилось так*⁹⁹.

ГЛАВА XXXVI. О ДУХОВНЫХ ЗАВЕЩАНИЯХ

До настоящего дня, т.е. до 1 октября 1576 г.¹⁰⁰, я составил несколько духовных завещаний, причем последнее было составлено при участии болонцев Якопо Макелли и Томазо Барбиери; другое было написано в Милане

⁹⁹ Марциал. VI, 29 / пер. А. Фета. — Примеч. пер.

¹⁰⁰ По-видимому, присутствует опечатка: глава IV называется «Краткое описание моей жизни с начала ее до настоящего дня» (т.е. до конца октября 1575 г.).

при участии Бартоломео Сормани, Джироламо Амацци и Джанджакопо Кривелли. Ныне я решил сделать новое завещание, которое будет и последним и к которому я уже составил дополнительные пункты.

Главное содержание моих завещаний сводится к тому, что я желал, чтобы мое имущество перешло, будет возможно, к моим сыновьям: но так как мой младший сын так отвратительно вел себя, то я предпочитаю, чтобы имущество мое перешло к моему внуку от старшего сына. Второе условие заключается в том, чтобы мои наследники, по некоторым известным мне основаниям, как можно дольше находились под опекой. Третье условие — чтобы все имущество находилось в ведении душеприказчиков и в случае, если у меня не останется прямых наследников, чтобы все родовое наследство, по возможности целиком, перешло в вечное владение моих родственников. Четвертое условие — чтобы сочинения мои были выправлены и напечатаны, дабы они могли служить пособием для рода человеческого, с каковою целью они и были задуманы мною. Пятое условие — чтобы в случае пресечения моего рода дом мой в Болонье перешел во владение коллегии имени фамилии Кардано. Что же касается шестого условия, то оно подлежит изменению в зависимости от обстоятельств.

ГЛАВА XXXVII. О НЕКОТОРЫХ
ПРИСУЩИХ МНЕ
ОТ ПРИРОДЫ СВОЙСТВАХ
И, МЕЖДУ ПРОЧИМ, О СНОВИДЕНИЯХ

Первым признаком, свидетельствовавшим о моей природной, так сказать, аномалии, было самое появление мое на свет с длинными черными и курчавыми волосами; в этом, конечно, не было особого чуда, но, тем не менее, это было явно ненормально; но самым существенным было то, что я явился на свет без признаков жизни.

Второй признак сказался на четвертом году моей жизни и проявлялся в течение почти трех лет. По предписанию отца я оставался в постели до третьего часа дня¹⁰¹, а если

¹⁰¹ До третьего часа дня по римскому исчислению значит до девяти часов утра.

просыпался раньше, то все время, остававшееся до указанного срока, проводил в блаженном созерцании всегда и неизменно являвшихся мне образов. Образы эти были разнообразны и являлись в виде каких-то воздушных тел; они казались состоящими из каких-то мельчайших воздушных колечек, вроде колечек кольчуг, хотя я тогда еще ни разу не видал кольчуги. Они поднимались с правого угла в ногах моей кровати, медленно сходя полукругом к левому углу, и здесь пропадали совершенно. Появлялись замки, дома, животные, всадники верхом на лошадях, растения, деревья, музыкальные инструменты, театры, люди, одетые в разнообразные одежды и разного вида, главным образом трубачи, как будто игравшие на трубах, но не издавая при этом никакого звука; затем видел я воинов, толпы народа, поля и такие предметы, которых я и по сей день никогда не встречал; луга, леса и множество других вещей, которых я уже не могу и припомнить; и хотя одновременно скоплялось множество образов, но так, что они не смешивались, а лишь спешили сменить друг друга. Все они были прозрачны, так что могло казаться, что их вовсе нет, и вместе с тем они были и не настолько плотны, чтобы сквозь них не было ничего видно. Сами кольца, из которых они казались составленными, были темнее, а пространство между ними было прозрачно. Я с большим увлечением предавался этому созерцанию и с таким напряженным вниманием следил за возникавшими чудесными образами, что как-то тетка моя спросила меня, уж не вижу ли я чего-нибудь? Как ни был я еще мал, но сообразил, что, если я признаюсь, она может рассердиться, запротестует против этого великолепия и лишит меня этой радости: ведь мне являлись и всякие цветы, и животные, и всевозможные птицы, хотя и были они лишены окраски, так как состояли из воздуха. Поэтому я, никогда не имевший привычки лгать, ни в юности, ни в старости, долго молчал, прежде чем ей ответить. Тогда она опять спросила меня: «На что же это ты, сынок, так пристально смотришь?» Не помню уж, что я ей ответил, а вернее, даже совсем ничего не сказал.

Третьей моей особенностью было указанное мною выше свойство, что у меня никак до самого утра не могли со-

греться ноги ниже колен. Четвертой особенностью было то, что я во сне обливался горячей и обильной испариной. Пятая особенность заключалась в том, что я очень часто стал видеть во сне петуха и боялся, как бы он не заговорил человеческим голосом, что вскоре после и случилось: петух стал произносить какие-то угрожающие слова, но я не помню, что именно он говорил во всей этой смене сновидений. Как перья, так и гребешок, и борода у петуха были красные, а видел я его, думаю, раз сто.

Впоследствии, с наступлением юности, все эти видения прекратились, но зато обнаружились другие два моих свойства, проявлявшиеся почти постоянно, да и теперь еще обнаруживающиеся, хотя, после того как я написал свои «Проблемы» и распространил их между друзьями, одно из них на время исчезло. Оно заключается в том, что каждый раз, как я поднимаю глаза к небу, я вижу луну, и действительно вижу ее перед собою, даже когда она находится на противоположной от меня стороне; причину этого явления я объяснил в указанном сочинении. Другое мое свойство, на которое я как-то нечаянно обратил внимание, заключается в том, что когда я по счастливой случайности застаю какие-нибудь столкновения, то они обходятся совсем без пролития крови; когда я это заметил, я стал нарочно вмешиваться в драки и распри, и никогда при этом никто не бывал ранен. Если же я присоединялся к охотникам, то никогда ни одна зверь не бывал ранен ни копьем, ни собаками. Я наблюдал это несколько раз, когда (впрочем, довольно редко) присутствовал на охоте, и, должен сказать, это свойство никогда в этих случаях мне не изменяло. Достаточно сказать, что однажды, когда я сопровождал на охоте в Виджевано герцога Васто, затравлен был заяц, который, когда его отняли у собак, оказался совершенно нетронутым их зубами, к немалому удивлению присутствующих. Только во время добровольных кровопусканий и при публичных казнях мне не дано проявлять этого своего, я бы сказал, удивительного свойства. И еще, когда один раз под аркой Миланского собора на какого-то человека напали его враги, повалили его наземь и нанесли несколько ран, а я прибежал на его крик, то в этот момент один из них ударил его и сейчас же бросился бежать вслед за

другими, так что я не знаю, был ли он ранен этим последним ударом.

Восьмая моя особенность состоит в том, что мне удавалось выпутываться из всяких затруднений, когда уже, казалось, нельзя было рассчитывать ни на чью помощь. Это, конечно, можно признать и вполне естественным, но если принять во внимание то, как это происходит и насколько часто и неизменно повторяется, то уже нельзя ни называть, ни считать этого естественным. Я допускаю, что то, что я видел во сне петуха, не представляет собою ничего особенного, но видеть его столько раз и все в том же виде, и при таких же условиях, конечно, с полным основанием может быть признано чудесным. Так и при игре в правильные кости совершенно естественно выкинуть подряд два раза по три очка, но когда это же повторяется три или четыре раза, это может вполне вызвать подозрение у всякого человека, обладающего здравым смыслом. Подобным же образом и я добивался успеха не иначе как тогда, когда уже была потеряна всякая надежда на него, так что удачный исход в таких случаях следует приписывать исключительно Божьему произволению. По этому случаю я приведу два достаточно показательных примера.

Был 1542 г. от Рождества Христова; время было летнее, когда я имел обыкновение ежедневно посещать дом патриция нашего города Антонио Викомеркато и там посвящать целый день игре в шахматы. Мы играли по одному, а иногда и по три или четыре реала за каждую партию; при этом, так как я обычно выходил победителем, то уходил домой каждый день, выиграв около дуката, а то и несколько больше. Таким образом, он ради удовольствия входил в издержки, а за мной оставались и поле сражения, и выигрыш. Это настолько меня избаловало, что я в течение двух лет и нескольких месяцев не заботился ни о медицинской практике, ни об изыскании иных источников дохода, кроме только что упомянутого, пренебрегал мнением о себе других и забросил занятия наукой. Наконец, однажды в конце августа хозяин мой отказался играть — или потому, что ему досадили его постоянные проигрыши, или же потому, что он считал это справедливым по отношению ко мне, и никакие до-

воды, никакие просьбы и настояния не могли заставить его отказаться от этого решения; он даже заставил меня поклясться, что я никогда уже больше не приду к нему с целью игры. Я поклялся всеми богами, и этот день был последним днем игры, после чего я всецело посвятил себя научным занятиям. И вот в начале октября месяца, когда из-за военных действий прекратились занятия в Павийской академии и все профессора переехали в Пизу, сенат предложил мне взять на себя преподавание в моем родном городе, что было мне по душе, так как я, таким образом, не удалялся из родного города. Случилось это совершенно неожиданно. В другом месте я ни за что бы не согласился на подобное предложение, так как это было бы связано с отъездом с родины и с конкурсом, а я до этого ничего не преподавал, кроме математики, да и то только по праздничным дням; мне пришлось бы потерять источники ежедневного дохода в родном городе и претерпеть неудобства перевозки своих домашних и своего скарба, да еще рисковать своею репутацией. Когда же, на основании этих причин, я на следующий год не пожелал уезжать с родины, в ночь, предшествовавшей тому дню, когда сенат прислал спросить о моем решении, случилась невероятная вещь: весь мой дом рухнул до основания, уцелела только спальня, где я спал с женой и детьми. Так я вынужден был согласиться на то, на что бы никогда не согласился по доброй воле и чего не мог бы сделать без позора для себя. Все узнававшие об этом приходили в крайнее изумление.

Расскажу еще об одном случае (примерами подобных случаев полна вся моя жизнь) в другом роде. Я тяжело страдал и в течение долгого времени доходил до полнейшего отчаяния по поводу лежавшего на мне пятна незаконности рождения, о чем я упоминал в другом месте. И вот я прочел в записях, оставленных моим отцом, что если кто утром 25 марта коленопреклоненно обратится с мольбою к Пресвятой Деве, чтобы она умолила своего Сына о чем-нибудь дозволенном, и при этом прочтет еще молитву Господню и архангельское благовествование, то просьба молящего будет исполнена. В назначенный день и час я обратился с такой мольбой и незамедлительно (именно в день празднования тела Христова) почув-

ствовав совершенное облегчение. В другой раз, много времени спустя, я, помня об этом, просил об исцелении от подагры (моим отцом были приведены два примера исцеления как раз от этой болезни), и это мне очень помогло, а затем я совершенно выздоровел; но тут я прибегнул еще и к помощи врачебных средств.

Приведу еще четыре примера проявления необычайных свойств, имеющих отношение к моему старшему сыну: один пример относится ко дню его крещения, второй — к последнему году его жизни, третий — к тому самому часу, когда он признался в преступлении, за которое поплатился жизнью, четвертый — ко всему времени со дня его ареста до дня его смерти. Родился он 14 мая 1534 г., и так как я очень боялся за его жизнь, то он был окрещен 16 июня (это было воскресенье), в ясный день, когда комната была залита солнечным светом, между пятым и шестым часом дня. Все, по обычаю, находились около родильницы, кроме самого младенца и одного слуги; льняная занавеска, закрывавшая окно, была откинута и приколоты к стене. Вдруг влетает большой шершень, облетает несколько раз вокруг младенца, к великому испугу всех присутствующих, боявшихся, как бы он его не укусил, затем запутывается в занавеске и при этом издает такой шум, как будто ударяют в бубен. Мы подбегаем и не находим ничего, несмотря на то, что шершень не мог вылететь наружу, так как мы внимательно за этим следили; тут во всех нас закралось подозрение, что это не к добру, но мы никак не ожидали такой ужасной гибели, которая постигла моего сына.

В год его смерти я подарил ему новую шелковую одежду такого покроя, какой обыкновенно носят врачи. Это было тоже в воскресный день, и мой сын отправился в этой одежде к воротам Тоза, где была мясная лавка, перед которой, как обычно, находились свиньи; неожиданно одна из них выскакивает из грязи, бросается на моего сына и так начинает его мять, пачкать и преследовать, что не только его слуга, но и мясники и соседи должны были кинуться на нее с палками. Все это тем более удивительно, что свинья отстала от сына только тогда, когда сама устала, а он убежал. После этого он пришел ко мне необычайно опечаленный, все мне рассказал и спросил,

что это может предвещать ему. Я отвечал, что он должен остерегаться вести жизнь по-свински, иначе и его постигнет та же участь, какая ожидает свиней; хотя надо сказать, что если не считать игры в кости и выпивок, он в то время был во всех отношениях прекрасным юношей и вел примерную жизнь.

В следующем году в самом начале февраля, когда я жил и преподавал в Павии, я, взглянув случайно на свою правую руку, увидел у основания безымянного пальца кроваво-красное пятнышко в виде меча, отчего сразу пришел в ужас. Что же случилось дальше? В тот же вечер приходит ко мне посланный от моего зятя с письмом, в котором последний сообщает мне, что сын мой арестован и что мне необходимо приехать в Милан. Я отправился туда на другой же день. Описанный знак продолжал оставаться у меня на пальце в течение пятидесяти трех дней, причем он стал подниматься кверху, пока в последний день не дошел до кончика пальца; вместе с тем он все больше и больше краснел, как бы наполняясь воспаленной кровью. Я, ничего не подозревавший дурного относительно сына, испуганный, не владея собой, не знал, как поступить, что сказать, что подумать. В середине ночи сын был казнен отсечением головы, а знак на моем пальце в этот же день стал бледнеть и на второй-третий день исчез совершенно. Еще раньше этого, дней двадцать спустя после того, как сын мой был отведен в тюрьму, я занимался в библиотеке; вдруг я слышу голос как бы кающегося человека, голос грустный и постепенно замирающий; сердце у меня забилося, я почувствовал, что оно разрывается и готово выпрыгнуть из груди; вне себя я бросаюсь вон, во двор, где находились некоторые из членов семьи Паллавичини, у которых я снимал помещение, и восклицаю (хотя я и признавал в ту минуту, насколько я повредил бы делу сына, если б он сознался в совершении преступления, и даже если бы он был в нем невиновен): «Увы мне! Он знает, что виноват в смерти супруги, он теперь признался в этом, будет приговорен к смертной казни и обезглавлен!» Затем, поспешно накинув на себя верхнее платье, я бегу на городскую площадь, но приблизительно на полпути встречаю своего зятя, который, смущенный и подавленный,

спрашивает меня: «Куда ты идешь?» Я ему отвечаю, что у меня закралось сомнение, не сознался ли во всем мой сын, чувствуя свою вину. На это он говорит мне: «Да, это верно, и случилось это недавно». Тут подбегает человек, которого я подрядил разведывать обо всем, и рассказывает мне по порядку, как все произошло.

Среди особенностей, которые отличали меня по природе, следует отметить и то, что мое тело издавало некоторый запах серы, ладана и еще чего-то. Особенно это было заметно, когда мне было тридцать лет, во время моей тяжелой болезни. Хотя я потом от нее выздоровел, однако руки мои еще продолжали сильно пахнуть серой: в это время я очень страдал от чесотки. Теперь же с наступлением старости этот симптом исчез.

Наконец еще одна моя особенность состояла в том, что когда я предавался научным занятиям, то, несмотря на отсутствие у меня всяких забот и на помощь ученых, мне, тем не менее, никогда не удавалось постигнуть ни Архимеда, ни Птолемея; ныне же, в глубокой старости, с тех пор как я прервал эти занятия, заваленный делами, подавленный заботами, я безо всякой посторонней помощи совершенно ясно понимаю и того, и другого.

СНОВИДЕНИЯ

Разве не может показаться достойным удивления уже одно то, что мои сновидения так сбывались? Но я бы, пожалуй, не стал приводить даже и небольшой части их. К чему это делать? Довольно будет рассказать о самых ярких и о таких, которые определяли наиболее важные события, как, например, тот сон, который я видел на рассвете около 1534 г., когда дела мои совершенно запутались и с каждым днем шли все хуже и хуже. Я увидел себя во сне бегущим к подножию горы, которая была справа от меня, вместе с огромной толпой людей всякого состояния, возраста и пола, женщин, мужчин, стариков, мальчиков, девочек, младенцев, богатых и бедных, одетых в самые разнообразные одежды. Я спросил одного из бегущих: «Куда мы все бежим?» Он отвечал мне: «К смерти». Я ужаснулся, и, так как гора оказалась у меня слева, повернулся, чтобы она оставалась справа, причем заметил, что она с середины и до того места, где

я находился, покрыта виноградными лозами, но с засохшими листьями и безо всяких гроздьев, как это бывает осенью; тут я начал подниматься кверху; с самого начала подъем на эту гору или, скорее, холм был труден, так как он был у подножия очень крут; преодолев, однако, эту крутизну, я стал легко восходить, пробираясь через виноградник; когда же я достиг уже вершины горы и как бы под напором собственной воли хотел идти дальше, передо мной оказались голые отвесные скалы, и я едва не низринул в ужасную глубокую и темную пропасть, так что даже и теперь, по прошествии целых сорока лет, воспоминание об этом сне расстраивает меня и внушает мне ужас. Итак, я повернулся вправо и здесь увидел только поле, покрытое кустами вереска; вследствие испытанного страха я туда и пошел, не помню, по какой дороге, и наконец увидел себя на пороге крестьянской хижины, крытой соломой, тростником и камышом; при этом я держал за руку мальчика лет двенадцати, одетого в рубашку пепельного цвета. На этом прекратилось сновидение, и я проснулся. Я не сомневаюсь, что это сновидение предвещало мне бессмертие моего имени, постоянные и тяжелые труды, заключение в тюрьму, величайший страх и горечь, неудобства с жилищем (на что указывали виденные мною камни), бесплодность существования (недостаток во сне деревьев и полезных растений) и вместе с тем жизнь веселую, ровную и благоприятную. Итак, сновидение свидетельствовало о том, что слава моя будет вечно жить; на это указывала виноградная лоза, дающая ежегодно новый урожай. Виденный мною во сне мальчик служил добрым предзнаменованием, если это был добрый дух, так как я крепко его держал; если же это был мой внук, — менее добрым. Хижина в одинокой местности давала надежду на покой, но ужас, испытанный мною на краю пропасти, мог предвещать случай с моим старшим сыном, который женился и погиб. Но не следует считать, что все, что я видел в этом сне, уже свершилось. Случилось же это в Милане.

Второй сон я видел там же, вскоре после первого. Мне казалось, что душа моя находится в небесном круге луны, лишенная тела и одинокая, а когда я стал на это сетовать, я

услышал голос своего отца, говорившего мне: «Я поставлен Богом быть твоим стражем и хранителем; все здесь полно душ, но ты их не видишь, так же как и меня, и говорить с ними тебе нельзя. В этом небе ты пребудешь семь тысяч лет и столько же в каждом отдельно круге неба, вплоть до восьмого, после чего ты достигнешь царствия Божия». Я толкую это сновидение так: душа моего отца является моим гением-хранителем; что может быть более благоприятно и более радостно для меня? Луна олицетворяет грамматику, Меркурий — геометрию и арифметику, Венера — музыку, науку предсказаний и поэзию, Солнце — этику, Юпитер — естествознание, Марс — медицину, Сатурн — сельское хозяйство, ботанику и остальные второстепенные знания. Восьмой круг — подборание колосьев: естественную мудрость и разные занятия, после чего я, наконец, найду покой у своего государя. Все это безо всякой с моей стороны преднамеренности отразил я в семи частях своих «Проблем», которые в ближайшее время будут окончены и изданы¹⁰².

Иногда я также видел во сне юношу, ласкавшегося ко мне, но которого я, проснувшись, совершенно не мог припомнить. Когда я его спросил, кто он и откуда, он серьезно ответил мне: «Стефан Дамес». Латинский язык не позволяет истолковать смысл этого странно звучащего имени. Я часто раздумывал об этом: *stephanos* означает венок, а *mesos* — средину, срединность.

Другое сновидение раскрыло мне, какую жизнь мне предстоит вести в Риме. Я видел этот сон 7 января 1558 г., когда жил в Милане безо всякой общественной должности. Мне представилось, что я нахожусь в каком-то городе, наполненном и украшенном многочисленными дворцами, среди коих был один покрытый золотом дом. Когда я прибыл в Рим, я действительно увидел подобный дом. Мне казалось, что я в праздничный день был один со слугою и мулом, которые оба были скрыты позади указанного дома; однако я слышал голос своего слуги. Когда мне попались на дороге несколько человек и

¹⁰² Последовательность в «Проблемах» (т. I лионского издания сочинений) другая: физика, медицина, этика (две части), математика и две части смешанного содержания.

я стал с любопытством спрашивать название города, то никто мне ничего не мог ответить, и только, наконец, какая-то старуха сказала, что он называется Бакетта, что означает розгу, которой обыкновенно секут мальчиков, в древности же она называлась ферулой, как, например, у Ювенала: «Так из-под ферулы я точно так же выдергивал руку»¹⁰³.

Озабоченный, я пошел дальше, спрашивая себя, кто же, наконец, скажет мне истинное название этого города, ибо, говорил я себе, это дикое имя не настоящее, и я никогда не слышал, чтобы в Италии был когда-либо город с таким названием. Когда же я указал на это старухе, она добавила: «В нем пять дворцов». — «Насколько я мог заметить, — говорю я, — их больше двадцати». Тогда она повторила: «Нет, их всего только пять». Наконец, еще не найдя своего слуги и мула, я проснулся. Я не могу сказать ничего достоверного по поводу этого сна, кроме того только, что в нем, очевидно, мне представился Рим, и того, что относится к названию «Бакетта». Кто-то мне говорил, что это название относится к Неаполю. Этот сон я видел, когда находился в стесненных обстоятельствах и, быть может, по Божьему произволению.

Летом 1547 г. в Павии во время болезни моего младшего сына я был предупрежден, что он находится почти при смерти, причем я едва не лишился сознания. Как только я проснулся, вбежала служанка, говоря: «Вставай, я боюсь, что наш Альдо умирает». — «А что с ним?» — спросил я. — «У него закатился один глаз, и он молчит». Я вскакиваю, даю сыну принять порошок из толченого жемчуга и драгоценных камней, на хорошее действие которого я рассчитывал, но его вырвало; я даю ему порошок вторично; он его удержал в себе, заснул и вспотел; три дня спустя он выздоровел. Такого рода вещие сны должны быть уделом людей, совершающих благие дела, твердых в вере в Бога, соблюдающих с благою целью осторожность в советах, подобно отцам семейств, предусматривающим благодетельное завершение жизни, умеющим использовать обстоятельства для сохранения как тела, так и души, которая соединена с ним, и тща-

¹⁰³ Ювенал. I, 15. — Примеч. пер.

тельно соблюдающим требования медицины. Когда же другие хотят подражать таким людям, они только дают повод для насмешек, как пустые прорицатели, и не могут быть посвящены в эти познания. И горе тому, кто причинил мне столько забот. Я видел еще много удивительных снов, которым трудно даже поверить и которые я намеренно опускаю.

Все это поистине удивительно: и мои разнообразные планы, и сновидения, и четыре неожиданных случая, о трех из которых я рассказал выше, а именно случай с договором в Мадженте, падение в море, разрушение дома и, наконец, четвертый — удивительная история с сапожной пряжкой, о которой я говорил раньше¹⁰⁴.

Таким образом, я не могу не признать особого попечения Бога обо мне, и ничто, происходившее со мной в описанном мною роде, — ни совпадения, ни неожиданные случаи, ни сновидения, — ни один человек не посмеет считать рядовым и обычным явлением. Такой человек сильно и даже грубо ошибся бы не менее того, который захотел бы приписать эти случаи моим собственным заслугам. Они — последствие и дары благости Бога, который сам никому не должен, а меньше всего именно мне. Сильно ошибаются и те, кто приписывает что-либо подобное моему искусству, моим трудам и занятиям, с помощью которых я едва мог бы выполнить и тысячную долю всего сделанного. Еще более заблуждаются те, кто думает, что все эти случаи выдуманы мною из пустого тщеславия, которому я совершенно чужд. Наконец, с какой целью стал бы я искажать пустыми выдумками и лживыми баснями добродетель, которая (если угодно) не только присуща мне, но и исходит, как я прекрасно знаю, ни от кого иного, кроме Бога?

ГЛАВА XXXVIII. О ПЯТИ СВОЙСТВАХ, ОКАЗЫВАВШИХ МНЕ ПОМОЩЬ В ЖИЗНИ

До сих пор я говорил о себе как о человеке, по своим дарованиям и образованности стоящем даже несколько ниже других людей, но теперь я намерен рассказать о моей собственной природе нечто изумительное, тем

¹⁰⁴ Кардано скажет об этом дальше (см. гл. XLIX).

более изумительное, что я в себе самом ощущаю что-то такое, чего я сам не могу уразуметь и что, я сознаю, не исходит от меня лично, но проявляется всякий раз, когда нужно, а не тогда, когда я этого хочу. То, что при этом происходит, значительно превышает мои собственные силы. Впервые это обнаружилось в конце 1526 г. или в начале следующего года, так что с тех пор прошло уже более сорока четырех лет. Я чувствую, как снаружи врывается мне в ухо звук прямо из того места, где идет речь обо мне; если речь направлена мне во благо, я слышу звук в правом ухе, и даже если речь идет с левой от меня стороны, то он все же проникает в правое ухо и производит звук равномерный. Если же происходит спор, то слышится невероятный гул; если речь направлена к моему вреду, то звук слышится с левой стороны, и приходит он как раз из того места, откуда раздаются спорящие голоса. Таким образом, звук врывается через любую часть головы. Очень часто, когда дело принимает плохой оборот, звук с левой стороны головы, когда ему следовало бы прекратиться, усиливается, и число отдельных голосов растет. Если дело происходит в том же городе, часто случается, что едва прекращается звук голосов, как входит посланный, приглашающий меня прийти от имени тех, кто обо мне говорил; если же разговор происходит в другом городе и оттуда является посланец, то стоит только подсчитать время, протекшее между беседой и началом поездки посланца, чтобы увидеть, что оба момента совпадают с возникновением и прекращением звука, и таким образом убедиться, что звук прекратился как раз в то время, когда кончилась речь. Это свойство мое продолжало обнаруживаться вплоть до 1568 г., т.е. до того времени, когда имел место известный заговор; после этого оно прекратилось, чему я чрезвычайно удивлялся.

Лет восемь спустя, а именно в 1534 г., я приобрел способность видеть во сне то, что должно произойти в ближайшее время. Если это должно было произойти в тот же день после сновидения и после восхода солнца, то я видел все ярко и так, что все было понятно. Так, я видел во сне, что дело мое с коллегией решено судом не в мою пользу и приговор утвержден; точно так же я видел, что я получу должность профессора в Болонье. Это мое свойство

исчезло на год раньше предыдущего, т.е. в 1567 г., когда умер Паоло, один из моих сотрудников; таким образом, я был одарен этой способностью приблизительно в течение тридцати трех лет.

Третьей моей особенностью является озарение, качество, которое я сам в себе развил и усилил и которое стало проявляться около 1529 г. Оно росло во мне, но никогда не могло достигнуть совершенства, и лишь на исходе семьдесят третьего года моей жизни, между концом августа и началом сентября 1574 г., оно действительно развилось; но, в сущности, мне кажется, что лишь в текущем 1575 г. это свойство мое, наконец, усовершенствовалось до высшей возможной степени. Оно такого рода, что уже не может покинуть меня, а заменяет мне два предыдущих качества, которые мне изменили, вооружает меня против врагов и снабжает меня всем для борьбы с грозящей нуждой. Оно создается путем искусственных упражнений и с помощью окружающей светлой среды. Оно доставляет высокое наслаждение и по самой природе своей дает гораздо больше для приобретения авторитета, для успешности умственных упражнений, для увеличения материальных выгод и для основательности и плодотворности научных занятий, чем оба предыдущие вместе взятые; при этом оно не отвлекает человека от обычных занятий и разговоров с другими людьми, делает его готовым на всякое дело, оказывает ему крупную помощь в сочинении книг и составляет как бы конечную цель нашей природы, так как освещает все то, что к этой цели идет. Если это качество и не есть божественный дар, то во всяком случае оно должно считаться совершеннейшей из способностей человека.

Между тем у меня есть и четвертое свойство, впервые обнаружившееся в 1522 г. и бывшее моим уделом вплоть до 1570 или 1573 г., так что я могу предполагать, что оно было даровано мне в качестве утешения в моих несчастьях. После того как я сохранил жизнь вопреки всякой надежде, мне было дано понять, что мне следует укрепиться в вере и уразуметь, что я исхожу от Бога, что Он для меня — все, и что я не должен позволять себе ничего такого, что не было бы достойно столь великих Его милостей. Может быть, кто-нибудь меня спросит: почему же

не все люди, а лишь немногие видят это и этому подобное? А что, если это чувствуют многие, а не только один я? Да и какой же знак любви Бога — жестокая смерть сына? Ежели кто-нибудь может быть бессмертен, то я ропщу, если же это невозможно, то чего же мне требовать большего? Всякая смерть тяжка, но почти так же тяжело и долгое ожидание неминуемого ее наступления.

Пятая моя особенность, которая никогда меня не покидала, заключается в том, что я выходил из затруднений только тогда, когда уже был на краю гибели, и попадал в них лишь тогда, когда все мне благоприятствовало. Это напоминает корабли во время бури: они то возносятся из глубины на самый гребень волны, то вновь низвергаются в бездну с вышины, — так шла вся моя жизнь. Сколько раз я горько оплакивал свое несчастное положение, не только когда все шло как нельзя хуже и всякая надежда на спасение, казалось, исчезала, но и когда я сам не мог найти никакого выхода, как бы я ни напрягал свои умственные силы, чтобы направить обстоятельства в желательную для меня сторону; и тут-то все вдруг менялось в какие-нибудь два-три месяца, безо всякого усилия или труда с моей стороны. Таким образом, я стал верить, что наиболее важные последствия являются результатом не моей воли и совершаются не в силу моей власти, а благодаря указанной моей особенности. И это происходило так часто, что мне было бы неудобно перечислять все такого рода случаи. И при такой смене противоположностей нередко происходило то, что все мои дела приходили в крайнее расстройство.

ГЛАВА XXXIX. О МОЕЙ УЧЕНОСТИ

Предоставляю судить другим, знаю ли я действительно что-либо или только кажусь знающим; я же могу сказать про себя, что я никогда не изучал грамматики, а также греческого, французского и испанского языков, однако постиг их, сам не знаю каким способом, на практике. Точно так же я немногим более был знаком с правилами риторики, а также с оптикой и с наукой о мерах и весах, изучению каковых отраслей знания я никогда не предавался с прилежанием, равно как и изучению астрономии, так как она казалась мне чрезмерно трудной; напротив

того, в музыке, хотя я и был мало способен к ее исполнению, я не без успеха занимался теорией. Я также не оказал больших успехов в географии, в той философии, которая занимается словопрениями, в этике, юриспруденции и богословии, так как все эти науки слишком обширны и далеки от моей цели и требуют, чтобы человек всецело посвятил себя им. С другой стороны, я также не предавался изучению дурных, вредных или пустых наук; поэтому я не занимался ни хиромантией, ни наукой составления ядов, ни химией. Равным образом не изучал я подробно и физиогномики, так как этой науке приходится посвятить много времени для ознакомления с нею: она чрезвычайно трудна и требует хорошей памяти и острого восприятия, чего, я думаю, у меня нет в достаточной степени; точно так же я не занимался магическими науками, действующими посредством различных способов колдовства, и вызыванием либо демонов, либо душ умерших. Из числа же наук достойных я менее всего занимался ботаникой вследствие недостатка памяти, а также сельским хозяйством, так как им важнее заниматься на практике, чем изучать его; от анатомии меня многое отвращало. Сочинением стихов я занимался разве только по необходимости, и то очень мало. Что же означает, что мне было приписано знание стольких научных дисциплин, о которых я даже и не помышлял, как не то, что этим путем хотели принизить мою репутацию как человека опытного в медицинской науке: «слишком разбросанный ум к постижению вещей неспособен».

Я много занимался той астрологией, что научает предсказывать будущее, больше даже, чем следовало, и ко вреду для моей веры. Что же касается натуральной астрологии¹⁰⁵, то она не послужила мне ни к чему, ибо я изучил ее впервые только три года тому назад, на семьдесят первом году жизни. Я основательно изучил геометрию, арифметику, медицину, как теоретическую, так и практическую, еще

¹⁰⁵ В Средние века и эпоху Ренессанса астрология делилась на натуральную (естественную) и юдициарную. Натуральная астрология изучает влияние небесных светил на растения и животных, юдициарная (предсказательная) пытается узнать будущее определенных народов или людей. Юдициарная астрология считалась еретической, в то время как натуральная, медицинская или метеорологическая, — нет.

более глубоко — диалектику и натуральную магию, т.е. свойства вещей, их связи и соотношения друг с другом (как и почему, например, янтарь способствует укреплению природного тепла); наконец (если только можно это сюда сопричислить), я изучил игру в шахматы. Кроме того, я изучил латинский и некоторые другие языки, также теорию музыки, но не занимался изучением морского дела и из-за многочисленных трудностей не предавался занятиям ни военной наукой, которую вряд ли можно причислить к научным дисциплинам вообще, ни равным образом архитектурой. Существуют еще некоторые полунаучные дисциплины, вроде употребления, составления и толкования символических писем.

В области моей собственной специальности я плохо знаком с хирургической практикой. Если принять общее число наиболее важных научных дисциплин в тридцать шесть, то я могу сказать, что я воздержался от изучения познания двадцати шести из них и знаком с десятью.

Есть некоторые лица, которые считают, что лучшее познание и наибольшая опытность в науках приобретается путем изложения их, чему содействует глубокомысленное и непрерывное созерцание, сопоставление многих хорошо усвоенных предметов друг с другом и старание не вступать в противоречие с наилучшими научными принципами, как это делает Гален; тем более не следует пользоваться слишком неопределенными, отчасти ложными, отчасти воображаемыми принципами, как бывает у Плотина (да будет мне позволено во имя истины отступить не много, как думают некоторые, а лишь чуть-чуть от общепринятого мнения); следует опираться на точные и твердые суждения, подтвержденные долголетним опытом и выработанные гарпократически, и на применение тех пяти способов, на которые я часто указывал.

Впрочем, к упомянутым десяти наукам, изученным мною, следует добавить еще одну, а именно подробное знакомство с историей, которая хотя и не относится прямо ни к одной из научных дисциплин, однако во многих отношениях возвышает и украшает то, что излагается в каждой из них. Я хотел присовокупить это для того, чтобы убедить каждого посвятить себя познанию скорее

немногих, чем многих наук (поскольку жизнь наша коротка и исполнена различных препятствий и неудобств) и заниматься ими прилежно и усидчиво, выбирая в первую очередь полезные для рода человеческого и для нас самих; руководствоваться истинными и согласованными друг с другом принципами и не отворачиваться от старых как бы под влиянием гнева или самомнения, а уметь взвесить и определить наилучшие из них. Если же тебя озабочивает слава твоего имени или ты надеешься извлечь из этого какую-нибудь пользу, то лучше довести до совершенства приобретенные тобою знания, чем стараться постичь тысячу наук и не закончить ни одной.

«Чаще по книжке одной поминается Персий, чем жидкий Марс по громадной-то всей Амазониде своей»¹⁰⁶.

146

Это мы видим в особенности на примере Горация, который приобрел свою славу с помощью одной книги, хоть и небольшой, но являющейся образцом совершенства и красоты. И доныне еще Гораций, говоривший, что он *«будет жить в своих произведениях и не поглотится Стигийской волной, пока по Капитолию жрец верховный ведет деву безмолвну»¹⁰⁷*, мог бы гордиться своей поэтической славой, хотя всем прекрасно известно, что уже давно верховные жрецы перестали восходить на Капитолий; а между тем слава Горация до сих пор живет и цветет.

Итак, я расширил в десять раз арифметику и немало нового добавил в медицине. Серьезному человеку свойственно подвигаться вперед, не задерживаясь, прямо к цели; для этого необходимо очень много читать, проглатывая в какие-нибудь три дня по целому огромному тому; при этом необходимо пользоваться отметками, чтобы, пропуская давно известное и малополезное, выделять и отмечать особым значком темные и трудные места. В изложении моих сочинений мне свойственно держаться такого порядка, чтобы начало следующего рассуждения всегда совпадало с концом предыдущего. Такой способ продиктован мне примером лучших авторов. Рассуждение

¹⁰⁶ Марциал. IV, 29, ст. 7 сл. / пер. А. Фета. — Примеч. пер.

¹⁰⁷ Гораций. Оды, II, 20, ст. 8 и III, 30, ст. 8 сл. — Примеч. пер.

должно быть блестяще, изящно, согласовано во всех частях, изложено по порядку и чистым латинским языком, а распределение предметов изложения и освещение их должны быть выведены из одного основного принципа. Науки, не имеющие предела, как геометрия и арифметика, не терпят украшений; другие же, как астрономия и юриспруденция, не выступают за свои границы, а лишь разделяются на отделы и совершенствуются.

ГЛАВА XL. УСПЕШНОЕ ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

- I. Случилось так, что летом 1532 или 1533 г. Донато Ланца, с которым меня связывала дружба и которого я вылечил от долголетнего кровохаркания, человек, близкий секретарю императора и сенатору Сфондрато, часто убеждал его воспользоваться моими услугами для излечения его старшего сына, настолько сильно страдавшего от детских судорог, что, казалось, его следовало скорее считать за мертвого, чем за живого; сын этот, если бы наконец и выздоровел, то остался бы хилым, скрюченным и слабым. Другой, младший сын того же Сфондрато, когда ему было девять или десять месяцев от роду, заболел лихорадкой. Лечил его Лука делла Кроче, бывший близким другом Сфондрато (он был заведующим коллегией, а Сфондрато — ее попечителем, ввиду чего между ними, вследствие долгого общения и взаимных услуг, установились самые тесные отношения). Делла Кроче, как это обычно бывает, утверждал, что есть полная надежда на выздоровление мальчика: между тем последний сверх сильнейшей лихорадки заболел и очень тяжелыми судорогами. Поэтому ввиду несомненной опасности смертельного исхода делла Кроче предложил пригласить для консультации Амброджо Кавенаго, а Сфондрато, помня то, что говорил ему Ланца, вызвал и меня. Мы сошлись все у отца мальчика во втором часу дня. После того как делла Кроче, зная, что Сфондрато человек разумный, и будучи сам человеком искренним и ученым, описал в самых кратких словах болезнь, Кавенаго ничего не добавил и не перебил его, так как ему надлежало высказаться последним. Тогда я сказал: «Смотрите, мальчик болен опистотонией». Старший врач с недоумением посмотрел на меня, как будто подозревая, что я хочу сбить

его туманным выражением; но это сомнение тотчас же рассеял делла Кроче, пояснив, что я имею в виду сокращение спинных нервов. Я отвечал, что это именно так, и, добавив, что я сейчас это покажу, приподнял отогнувшуюся к спине голову мальчика. И врач, и прочие полагали, что это происходит от слабости и вызвано собственной тяжестью головы; тогда я предложил им вернуть голову в прежнее положение, но осторожно; когда же оказалось, что этого никакими способами нельзя добиться, все, а больше всего отец, этому чрезвычайно изумились.

Тогда вмешался делла Кроче и сказал: «*Horbon* (т.е. “вот” — слово, употребляемое в начале речи для возбуждения внимания), в распознавании болезней нет никого равного господину Джироламо». Как только Сфондрато услышал эти слова, он обратился ко мне и сказал: «После того как вы распознали болезнь, нет ли возможности вылечить ее?» Так как остальные молчали, а я не хотел пустым обещанием испортить приобретенную мною репутацию, я обратился к своим коллегам со словами: «Вы знаете, что говорит по этому поводу Гиппократ: Лихорадка с судорогами...» — и привел весь афоризм¹⁰⁸; тогда делла Кроче, надеявшийся удержать по возможности дружбу отца мальчика своею скромностью, так что, если бы мальчик умер, он мог бы пользоваться прежней благосклонностью, а если бы выздоровел, не казалось бы, что он завидует славе соперника, — предложил мне взять на себя лечение; с этим согласился и старший врач Кавенаго, так как оба они понимали, что могут удостоиться лучшей похвалы, держа себя скромно, а не вступая в соревнование со мною. Я велел применять обтирания и полотняные компрессы из льняного масла и масла лилий, причем предписал очень бережно обращаться с ребенком до тех пор, пока у него не выпрямится шея. Кормилице я запретил давать мясо, а ребенку — какую бы то ни было пищу и питье, кроме молока, да и то в умеренном количестве; велел держать его в колыбели в теплом помещении и все время покачивать его слегка, пока он не заснет.

¹⁰⁸ Имеется в виду афоризм 57 книги IV: «Появление лихорадки у пораженного корчами или столбняком излечивает болезни». На этот афоризм Кардано ссылался уже раньше (гл. XXXIII).

Когда два других врача ушли, я помню, что отец мальчика сказал мне: «Даю тебе его в сыновья». На это я отвечал ему: «Ты оказываешь ему плохую услугу, заменяя ему богатого отца бедным». Но он возразил мне: «Я разумею под этим, чтобы ты лечил его, как собственного сына, не боясь того, что этим ты обидишь тех», т.е. других врачей. Я ответил ему: «Напротив, я очень желал бы, чтобы они во всем действовали совместно со мною и мне помогали». Я потому так выразился, что хотел, чтобы он понял, что я, с одной стороны, не отчаиваюсь в возможности вылечить мальчика, но, с другой стороны, не уверен в успехе лечения, и что я более скромн, чем учен или чем могу быть полезен своим опытом. Дело кончилось удачно: с начала болезни не прошло и двух недель, погода была теплая, и мальчик вполне выздоровел в какие-нибудь четверо суток. Когда это сделалось известно, то общее изумление вызывало не столько то обстоятельство, что я сразу распознал болезнь, ибо это можно было приписать особой практической опытности, и не то, что больной выздоровел, что могло быть отнесено на долю случая, — сколько то, что он вылечился в четыре дня, тогда как его брата мучили зря более шести месяцев подряд и затем отказались от него, оставив его полумертвым. Вот этому-то дивились больше всего, и это было, как я думаю, причиной, почему Сфондрато впоследствии предпочитал меня всем прочим врачам. Ибо весьма возможно, что он принимал во внимание, что дела Кроче не может не быть мне соперником и врагом, покуда он обязан исполнять обязанности заведующего коллегией; старшему врачу Кавенаго в присутствии самого отца ребенка он признался, что хвалить меня он, по совести, может, только если будет к этому вынужден. Было вполне очевидно, что мне служат препятствием не сомнительные обстоятельства моего рождения, а зависть и соперничество. Поэтому Сфондрато, потрясенный случаем со своим сыном, обо всем рассказал и в сенате, и у проконсула провинции, и у других должностных лиц и кардиналов и добился того, что для меня открылись двери коллегии, в которую я до этого не допускался в силу ряда постановлений, наветов и соглашений; вместе с тем я был приглашен читать публичный

курс в академии, а кроме того осыпан богатыми дарами и повсюду принят.

2. Следующее удачное лечение я проделал над шотландским архиепископом Гамильтоном сорока двух лет, который в течение десяти лет страдал от затруднения в дыхании. Прибегнув безо всякой для себя пользы к помощи медиков сначала короля Франции, потом — императора Карла V, он выслал мне в Милан двести дукатов с тем, чтобы я ехал в Лион; к ним он добавил затем еще триста, чтобы я проследовал в Париж, а если военные действия помешают этому, то отправился бы в Шотландию. Я поехал. Его лечил врач согласно предписаниям парижских докторов; больной обвинял врача в том, что лечение не приносит ему никакой пользы, и я был вынужден объяснить причину этого. Тогда архиепископ вознегодовал на своего врача, а тот стал негодовать на меня за то, что я его выдал. Таким образом, один внушал мне страх, а другой обвинял меня в затягивании лечения, и в особенности с той минуты, когда я принялся за лечение и он почувствовал себя лучше. Ввиду таких неприятностей я просил у архиепископа разрешения уехать, на что он очень неохотно в конце концов согласился; при этом я оставил ему предписание, как лечиться; следуя этому предписанию, он два года спустя совершенно поправился. Всего я пробыл при нем семьдесят пять дней, и доказательством того, что здоровье его было восстановлено, служит то, что ко мне был прислан первый из служек архиепископа, некий Михаил, который соблазнял меня крупным вознаграждением, чтобы я вернулся и принял должность медика архиепископа; но я на это не согласился. Всего за мое посещение архиепископ заплатил тысячу восемьсот золотых дукатов, из коих в мои руки попали тысяча четыреста.
3. На родине я вылечил в течение шести месяцев от двухлетней проказы Франческо Гади, одного из известнейших каноников ордена Св. Августина. Но и он, и предыдущий мой больной (таков несчастный жребий людей!), избавившись от болезней, десять лет спустя погибли оба насильственной смертью во время междоусобиц.
4. Тогда как оба упомянутых больных погибли насильственной смертью около десяти лет спустя после изле-

чения, Марфа Мотта, которая в продолжение четырнадцати лет была прикована к креслу и не могла сделать ни шагу, была в два года вылечена мною, причем еще двадцать три года спустя, когда я уехал с родины, она была жива и только всю жизнь ходила сторбившись.

5. Я вылечил от чахотки Джулио Катти, который вскоре после того стал воспитателем юного наследника герцога Мантуанского.
6. Я вылечил от изнурительной лихорадки сына Джаммариа Астольфи.
7. От эмпиемы — бельгийца Адриана, который, чувствуя ко мне исключительную благодарность, оказался настолько полезен мне своими услугами и был столь дружелюбно расположен ко мне, что я очень желал бы встретить нечто подобное и среди итальянцев.
8. После того — Джампаоло Негроли, известного всему городу купца, который два года пробовал лечиться у всех знаменитых врачей и был обречен ими на смерть как чахоточный; он также сделался моим искренним другом.
9. Трактирщика Гаспара Роулла, когда он уже в течение целого года был неподвижен, как камень, и настолько слаб, что считал себя навсегда лишенным способности двигаться. Я вылечил его, но шея у него осталась искривленной и свернутой в сторону.
10. Что же сказать о том, что из болевших лихорадкой никто не умирал у меня, а из страдавших другими болезнями — едва один из трехсот? Свидетельством этому служат удостоверения о смерти, сохраняющиеся в книгах городского санитарного управления; это обыкновение хорошо известно каждому гражданину. Поэтому, когда нельзя на это сослаться, я не считаю ни достойным, ни удобным приводить доказательства из других мест или хвалиться своими успехами, тем более что врачи мало обращают внимания на такого рода вещи.
11. Когда был в Павийской академии, меня приглашал герцог Сессы, и я получил от него сто золотых дукатов и шелковые одежды.
12. Я был также вызван из Болоньи в Модену к кардиналу Мороне. Я очень неохотно принял от него вознаграждение, чувствуя, что сам я ему гораздо больше обязан. По правде говоря, я в лице этих двух славных мужей

имел истинных союзников и помощников, и сам я был доволен своими собственными успехами, так как в Милане, Болонье и Риме я, в общей сложности, возвратил здоровье более чем ста безнадежно больным. И нечего удивляться тому, что я с наибольшим успехом и счастьем практиковал терапевтическое лечение, так как я превосходно владел медицинской диагностикой. В доказательство этого я в Болонье объявил ко всеобщему сведению, что я гарантирую две вещи: во-первых, что я вылечу всякого больного, который своевременно обратится ко мне за помощью, если ему будет не более семидесяти и не менее семи лет от роду (ввиду этого в моих «Прогнозах болезней», где я часто упоминал об этом, следует вместо «пяти» читать «семи»); если болезнь его не вызвана предшествовавшей ей раной, ударом, падением, сильным страхом или отравлением; если (на что особенно следует обратить внимание) он находится в здравом уме, не отличается болезненностью, т.е. не чахоточный, не страдает затвердением печени или глубокой язвой на опасном месте, не имеет крупного камня в мочевом пузыре или, наконец, не болен падучей болезнью. Второе условие (хотя я оставил себе право выполнить его или отказаться от него) заключалось в том, что если больному суждено умереть, мне будет предоставлена возможность указать больной орган, причем, если я ошибусь в определении его у умершего, я буду обязан уплатить пеню, составляющую сумму, в сто раз превосходящую ту, что я получил за лечение. Вследствие этого много лиц, открыто рассчитывавших доказать, что я ошибся, совершали вскрытие тел умерших; так, например, сенатора Орси, доктора Пеллегрини и Джорджо Гислиери. В последнем случае оказалось, что я необыкновенно правильно указал, что болезнь его была сосредоточена в печени, несмотря на то, что урина была самого лучшего качества, а что желудок его не был затронут, хотя он постоянно чувствовал в нем боли. После того как были втайне вскрыты многие другие умершие и ни в одном случае не было найдено, что я ошибался, никто уже не решался принять мои условия, да и другим не советовали принимать их.

13. Возвращаюсь к случаям излечения болезней. В Болонье я возвратил здоровье Винченцо Торриони, страдавшему более года от боли в бедрах, причем он должен был все время лежать в постели, и ничего не помогало ему и не облегчало его страданий.
14. От такой же болезни я глубокой зимой вылечил жену торговца Клавдио.
15. 16. В Риме я так хорошо вылечил благородную даму Клементину Масса и юрисконсульта Джованни-Чезаре Бонтемпо, что они живы и до сих пор; оба они болели около двух лет и дошли до отчаянного состояния, хотя и обращались к самым знаменитым в городе врачам. В Милане же я занимался лечением проживавших там испанцев, причем некоторые случаи излечения были изумительны. Прежде всего я должен указать, что никто из врачей не мог бы похвастаться тем, что он возвратил здоровье такому больному, которого я признавал неизлечимым, а с другой стороны, я поставил на ноги множество больных, от лечения которых другие врачи отказались.

Я уже и раньше говорил, что счастье не играет никакой роли в искусстве; ибо какое же влияние имеет счастье на цирюльника, когда он занят стрижкой, или на музыканта, когда он поет или играет на струнном инструменте? Также не играет оно роли и в медицине, хотя последняя, помимо искусства ее применения, в трех отношениях как будто находится в зависимости и от случая: во-первых, самый предмет врачевания не в такой степени доступен восприятию наших чувств, как те предметы, с какими имеет дело сапожник или цирюльник; поэтому, если кто сталкивается с болезнью, имеющей глубоко скрытые источники или принимающей очень многообразные и сложные формы, то не само искусство лечения, а неопытность его применяющего может мешать достижению благоприятных результатов. Это искусство подразделяется на множество отдельных отраслей, так что и в настоящее время, и раньше оно выполнялось рядом лиц различной специальности: операторами, окулистами, физиками, минералогами, ботаниками, костоправами; в свою очередь каждая отдельная отрасль подразделяется на многие более мелкие части; поэтому, если врач наталкивается на болезнь, в которой

он имеет уже долгий и удачный опыт, то он может быть действительно назван счастливым, в противном же случае — неудачником. Во-вторых, врач нуждается в медикаментах, слугах, ассистентах, аптекарях, хирургах, поварах и в том, чтобы вся внешняя обстановка лечения была организована безо всяких недочетов. Огонь и вода, помещение, где лежит больной, опрятность, тишина, присутствие друзей — способствуют успеху лечения; напротив того, страх, подавленное настроение, гнев вызывают такие последствия, от которых больной погибает даже и тогда, когда болезнь его вполне излечима. Говоря короче, медицина, если признавать ее искусством, не зависит от счастья. Вообще же, искусства бывают разного рода: одни, как медицина, разнородны; другие, как военное дело, зависят от числа участвующих в них лиц, но однородны; третьи, хотя и разнородны, но выполняются одним лицом; к последним относятся различные ремесла, как, например, ремесло кузнеца или, еще более — ремесло медника, или хлебопашца, или огородника; все они подвергаются влиянию различных условий.

И если успешности врачевания способствует практика его во многих местностях — а важность этого подтверждается Гиппократом, — то я должен сказать, что занимался врачеванием сначала в Венеции, потом в селении Сакко в Падуанской провинции, в Милане, в Галларате, в Павии (хотя и недолго), в Болонье и Риме; во Франции я практиковал в Лионе, наконец, в Англии и Шотландии. Успешности лечения способствовал также и мой возраст; теперь мне идет уже семьдесят пятый год, тогда как Гален дожил только до шестидесяти семи, а Авиценна, он же Хазен, до пятидесяти семи лет; и тот и другой провели свою жизнь в путешествиях: Гален непрерывно путешествовал в течение двадцати лет, а Хазен — всегда; Аэций¹⁰⁹ путешествовал по своей области; Орибазий¹¹⁰ в изгнании — по Понту, а Павел¹¹¹ вел бродячую жизнь.

¹⁰⁹ Аэций — автор, написавший в начале XVI в. компилятивное сочинение по медицине в шестнадцати томах.

¹¹⁰ Орибазий из Пергама (326–403) — знаменитый врач IV в.

¹¹¹ Павел Эгинский — см. примеч. к гл. XXIII.

17. Но оставим этот предмет и расскажем о случае с юным патрицием Джулио Рангиэри. Он жил в Болонье близ церкви Сан-Джакомо на улице Сан-Донато. Я вылечил его 20 июня 1567 г., когда он лежал более сорока дней больным жесточайшей лихорадкой и тяжелой флегмоной и не приходил в себя.
18. Что же сказать об Аннибале Ариосто, благородном и богатом юноше, которого я нашел страдающим от нарыва на груди, перешедшего в фистулу? В то время как он совсем изнемогал от этой болезни, прибавилась еще изнурительная лихорадка; он ежедневно отхаркивал до двух фунтов гноя и страдал бессонницей. Врачи отказались вылечить его как чахоточного, у которого целое легкое разложилось и которого они признали неизлечимым; они даже распорядились поставить перегородку в его помещении, чтобы от него не заразились четыре маленьких сына Микеля Анджело, судьи из Торрионе. В течение тридцати девяти дней я лечил его и внутри и снаружи, и он настолько растолстел и приобрел такой здоровый цвет лица, что весь город изумлялся происшедшей в нем перемене. Думаю, что в Болонье за пятьсот лет ничего подобного этим двум чудесным исцелениям не видали.
19. 20. Далее я вылечил двух юношей по имени Леонардо и Джамбаттиста, живших в двух соседних домах у ворот на дороге, ведущей к Модену, и страдавших поносом; они уже одиннадцать дней лежали в лихорадке, оставленные без помощи, точно мертвые, причем, однако, не страдали ни от кашля, ни от затрудненности дыхания. Я убедился, что у них нагноение в легких, и определил, что вылечить их можно только вызвав отхаркивание гноя, и действительно так и случилось у обоих, к удивлению как других врачей, так и родственников юношей: на двадцать пятый день после начала лечения опасность миновала, и после того как они за четыре-пять дней отхаркали почти по фунту чистого гноя, оба совершенно поправились.
21. По соседству с ними жил юноша Марко Антонио Феличино, принадлежавший, как я узнал, к очень древней фамилии и приходившийся племянником одному знат-

ному сенатору. Он после долгой болезни потерял способность говорить, страдал постоянной лихорадкой и ничего не понимал; онемев и до смерти ослабев, он был покинут другими врачами, признавшимися, что они не понимают его болезни и никогда подобной не наблюдали; некоторые думали даже, что он был приведен в такое состояние отравой, данной ему непотребной женщиной. Взявшись за его лечение, я в четыре дня вернул его к сознанию и возвратил ему способность речи, а через десять — двенадцать дней после того совершенно вернул ему здоровье и, полагаю, самую жизнь. Врачи были очень недовольны тем, что я не дал никакого объяснения этой болезни и не предоставил возможности ее изучить.

156

22. Что сказать об Агнесе, супруге Клавдия, французского купца, жившего в нашем городе, которая была признана неизлечимой самыми известными врачами и оставлена ими? Они, пожалуй, были правы, так как не видели никогда другого больного в таком положении; я же видел больных, находившихся еще гораздо ближе к смерти, и, тем не менее, вылечивал их, прилагая для этого особые старания.
23. В другом месте я уже упоминал в общих чертах о некоторых умалишенных, эпилептиках и слепых, которым я помог, и о страдавших водянкой, горбатых, калеках и хромым, которым я принес облегчение.
24. Излечение сыновей плотника у ворот Тоза.
25. Почти чудесное исцеление Лоренцо Гади.
26. Посланника мантуанского герцога.
27. Поразительное излечение благородного испанца Зуара и всех испанцев в Милане.
28. Симоне Ланца.
29. Морескальки.
30. Дочери Джованни Анджело Линато.
31. Антонио Скаццо.
32. Удивительный случай с сыном торговца Мартино.
33. Излечение жены аптекаря «У трех королей».
34. Излечение застарелых болезней.
35. Излечение страдавших кровавой мочой.
36. Не было случая, чтобы я не вылечивал болевших четырехдневной перемежающейся лихорадкой.

37. Я спас от отравления всех сыновей Сиртори, хотя я был вызван очень поздно и родители их уже умерли.
38. Приступ водянки у Антонио Форнари.
39. Спор с Кавенаго и Кандиано по поводу лечения Оттавиано Мариани, что свидетельствует о немалой моей удаче, невероятное число примеров которой я опускаю.
40. Наконец, несчастный случай с Антонио Майораджи и, напротив того, чрезвычайно удачные излечения лихорадки, повальных болезней и подагры. По этому поводу миланские врачи говорили, что я достигаю таких успехов не своим высоким искусством, но благодаря счастью и удаче, так как те больные, что в их руках умерли бы, в моих получали исцеление.

Не удивляйся, читатель, и не заподозри меня во лжи. Все, что я рассказал, так именно и произошло, и притом таких случаев было гораздо больше и они были еще гораздо значительнее. Я не могу сказать, сколько их было всего, но думаю, что до ста восьмидесяти и даже более. Не думай, однако, что я занимаюсь пустым хвастовством и желаю, либо надеюсь, превзойти Гиппократу. Прежде всего, к чему лгать и притом так нагло? Ложь может раскрыться, а когда один твой обман разоблачен, то и всему остальному никто не поверит. Затем, с какой целью лгать: ради славы или выгоды? Ведь если мне придется врачевать много тяжелых болезней, я буду чувствовать себя самым несчастным человеком, и я совершенно не уверен, что мне удастся лечить с тем же успехом, как и раньше. И Плиний, и Плутарх рассказывают про Цезаря, что он, не менее пятидесяти раз выходивший победителем в открытом бою, с годами все менее охотно давал сражения, боясь запятнать приобретенную им славу и повредить ей¹¹². Насколько же легче то же самое могло бы случиться со мною! Затем, как могу я надеяться, чтобы из моих повседневных трудов получилось что-либо значительное? Если у меня остается какая-нибудь надежда на успех, то это зависит только от моего государя. Впрочем, что касается славы, то я не

¹¹² О пятидесяти победах говорит Плиний (VII, 25, 25); во втором случае Кардано, вероятно, путает Плутарха и Светония (см. Биографию Цезаря, гл. 69).

надеюсь удостоиться не только гораздо меньшей, чем до сих пор, но и не рассчитываю вовсе ни на какую славу; ибо и Гиппократ славится не тем, что он вылечил многих людей (по собственному его свидетельству, из сорока двух больных, которых он лечил, двадцать пять умерли и только семнадцать выздоровели), но слава его в том, что он дал объяснения основ врачевания. А я в двух отношениях уступаю ему в этой области: во-первых, удача моих лечений, по-видимому, происходила от божественной помощи, а не от моих познаний, и мне столько раз при этом сопутствовал успех, что я далеко не уверен, что надежда на него могла бы в равной степени оправдаться на деле. И поистине мне очень редко можно было бы хвалиться тем, что какое-либо лечение было предпринято и удачно завершено мною с помощью моих соображений и размышлений, хотя я в этом смысле старался достигнуть всего, чего только было возможно мне добиться. Во-вторых, болезни, с коими приходилось иметь дело Гиппократу, были чрезвычайно тяжки: Фессалия и окрестные с нею области, где он практиковал, были каменисты, климат резок, вина грубы, овощи не вызревали, вода была плоха, образ жизни дикий, лекарства отсутствовали, выбирать их было не из чего, и практика была связана со смертельной опасностью. Если бы я в эту эпоху находился там, то я, несомненно, не смог бы совершить таких чудес, какие я совершил, а если бы он практиковал здесь в эпоху культурную, в мягком климате и при обилии всяческих удобств, то он не потерпел бы ни одной из тех неудач, какие выпали на его долю.

Поэтому, если кажется, что в моем рассказе осталось какое-нибудь хвастовство, то, значит, Господь, который, как я теперь сознаю, способствует моему правдивому изложению, удовлетворил вполне только это пустое наслаждение, поскольку Он лишил цветок плода и заставил меня жить в великой бедности, окруженным столькими врагами, подверженным стольким оскорблениям и подавленным столькими несчастьями. Но я твердо знаю, что если я приобрел какую-нибудь славу, то я добился этого, не только не возбуждая подозрения во лживости, но даже и никакой зависти.

ГЛАВА XLI. ЯВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ,
ЕСТЕСТВЕННЫЕ, НО ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ,
КОТОРЫМИ ОТМЕЧЕНА ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ,
И ВОЗМЕЗДИЕ СЫНА

Как на первое из удивительных в моей жизни явлений, хотя оно и не выходит за пределы естественного, следует указать на то, что я родился в том веке, когда был открыт весь земной шар, тогда как в древности было известно лишь немногим более одной его трети. Мы теперь можем исследовать Америку, Бразилию, бóльшая часть которой была до сих пор неизвестна, Огненную землю, Патагонию, Перу, Каракас, Парану, Акутию, Карибану, Пикору, Новую Испанию, Квито, Квиниру, наиболее удаленную к западу часть континента, Новую Галлию, а дальше к югу — Флориду, Кортереале, Эстотилант, Марату¹¹³. Кроме того, на Востоке, под антарктическим полярным кругом открыты антиподы скифов, а на севере — другие неизвестные доселе страны: Лапландия, Бинархия, страна амазонок и вне этих пределов — острова Демонов (если только эти острова не баснословны). За этим, по всему вероятно, последуют, для правильного чередования блага и зла, великие несчастья: самомнение возрастет, великие искусства будут пребывать в упадке и пренебрежении, и надежное сменится ненадежным. Но все это произойдет в других местах, а мы тем временем насладимся расцветом жизни. Ибо есть ли что-либо более удивительное, чем пиротехника¹¹⁴ и человеческая молния¹¹⁵, которая гораздо опаснее молнии небожителей?

¹¹³ Не все названия, приводимые у Кардано, удастся расшифровать с точностью. Парана приблизительно соответствует Парагваю, Карибана — Венесуэле, Пикора — среднему течению Амазонки, Квито — современному Кито в Эквадоре, Квинира — западному тихоокеанскому побережью Северной Америки (южнее Аляски), Новая Галлия — восточной Канаде, Эстотилант — северо-восточной части Канады, Марата — северо-западной части Мексики, страна Амазонок — часть современной Бразилии, около реки Амазонки, острова Демонов, — может быть, опечатка, вместо «острова Ладропов» (разбойников) в Тихом океане.

¹¹⁴ Пиротехника — техника, применяющая огонь; она охватывала металлургию и отдельные отрасли военной техники (изготовление взрывчатых и горючих веществ и т.п.).

¹¹⁵ Человеческая молния — метафорическое обозначение для артиллерии, свойственное эпохе Возрождения.

Не умолчу я и о тебе, великий магнит, о тебе, ведущем нас по безбрежным морям в темные ночи во времена ужаснейших бурь в далекие неведомые края! Прибавим к этому еще четвертое открытие — изобретение книгопечатания; созданное руками людей, придуманное их гением, оно соперничает с божественными чудесами, ибо чего же еще недостает нам, кроме овладения небом? О, сколь велико безумие людей, если мы даже не замечаем тщеславия наших желаний, не обращаем внимания на самое существенное и не дивимся нашей честолюбивой гордости! Но вернемся к нашему рассказу.

Было 20 декабря 1557 г.; в это время, как казалось, все у меня ладилось и шло благополучно. Я не спал до середины ночи, а когда захотел лечь, то увидел, что кровать моя дрожит, а вместе с нею и вся спальня. Я подумал, что это землетрясение. После того я все-таки заснул, а рано утром, едва забрезжил день, я спрашиваю своего Сосию-Симоне, находящегося теперь здесь, в Риме, и спавшего в то время на походной кровати, не почувствовал ли он чего-нибудь ночью. Он отвечает, что чувствовал дрожание кровати и спальни. «В котором часу?» — «В шестом или седьмом», — говорит он. Я тогда иду на городскую площадь и спрашиваю там многих, не испытывали ли они землетрясения в минувшую ночь; все говорят, что ничего не заметили. Я возвращаюсь домой, и тут вдруг прибегает очень встревоженный слуга и сообщает мне, что Джамбаттиста сочетался браком с Брандонией Саронна, девушкой, в которую он был влюблен, но у которой не было решительно никакого состояния. В отчаянии я начинаю рыдать, иду к месту, где совершилось бракосочетание, и убеждаюсь в том, что дело сделано. Нет сомнения, что это было началом всех бед, которые потом стряслись. Я пришел к убеждению, что ночное происшествие было знамением, посланным Богом, который, зная о том, что совершилось накануне вечером, захотел ночью дать мне об этом знать; когда же рассвело, прежде чем мой сын успел отойти от своего дома, я встретил его и сказал ему, не столько под влиянием происшедшего чудесного события, сколько потому, что он казался мне как бы вне себя: «Берегись, мой сын, как бы не совершить сегодня чего-либо очень дур-

ного для себя». Я точно помню то место, где я сказал ему это: я находился у двери его дома, но не помню, сказал ли я ему о самом знамении.

Несколько дней спустя я снова почувствовал, что спальня дрожит; я стал ощупывать сердце рукой и почувствовал, что оно сильно бьется: я лежал на левом боку. Когда я встал, трясение и сердцебиение прекратились; тогда я снова лег, и оба явления возобновились, из чего я уразумел, что одно происходит от другого. Я также вспомнил, что, когда мне раньше казалось, что спальня дрожит, то и сердце билось у меня усиленно, что было вещью вполне естественной; но я не понимал, что было причиной первого моего сердцебиения, и я заметил только, что дрожание было двоякого рода: одно естественное, происходившее от сердцебиения, а другое — внушенное духом, который этим путем проявлял себя. По сходству с этим явлением я объяснил себе и то, что происходило со мной за несколько лет до того, ибо раньше, если я просыпался в предрассветные часы, то меня обыкновенно тревожили неприятные и тяжелые заботы; теперь же уже в течение нескольких лет, даже если и случается мне страдать бессонницей, такого рода заботы не осаждают меня, так что эту бессонницу следует скорее признать последствием болезненного состояния, а не внушения.

Нечто подобное произошло и в 1531 г., когда моя смиренная собака стала против обыкновения постоянно выть, на крышу дома стали садиться и как-то необыкновенно каркать вороны, а когда мой слуга начинал ломать прутья, из них сыпались огненные искры. Все это происходило перед тем, как я неожиданно вступил в брак, и с этого времени меня стали постигать всяческие бедствия. Конечно, не все такого рода явления были знамениями свыше: так, когда мне было около тринадцати лет, на площади Св. Амвросия ворон схватил клювом полу моей одежды и не хотел ее выпустить, хотя я с силой тянул за полу и отгонял его; однако после того в течение многих лет не произошло ничего плачевного ни со мной, ни с кем-либо из моих близких.

Я наблюдал также замечательные, но вполне естественные явления: так, когда я еще был мальчиком, я видел на небе примерно около двадцать второго часа похожую

на Венеру звезду, светившую настолько ярко, что весь город наш вышел любоваться ею. Затем, в 1531 г. в апреле месяце я видел одновременно три солнца, которые все находились на востоке и испускали лучи; это было в Венеции, где я тогда случайно находился; явление это продолжалось в течение почти целых трех часов. Еще раньше, около 1512 г., в Бергамской провинции близ реки Адды в одну ночь упало с неба, как говорят, более тысячи камней; этому предшествовало в тот вечер огромное пламя, несшееся по небу в виде громадного огненного бревна. Я сам мальчиком видел один из этих упавших камней: он весил свыше ста десяти фунтов (не помню, считали ли в данном случае на обычные или на большие фунты; сто десять больших миланских фунтов составляют двести пятьдесят девять обыкновенных). Мне показали этот камень в доме Марко Антонио Дуньяни близ церкви Св. Франциска; он был неправильной формы и как бы обломанный со всех сторон, что могло произойти, как мы думали, от падения; он был пепельного цвета, но несколько более темного, чем обычно бывает пепел, а при растирании издавал запах серы и очень напоминал обыкновенные точильные камни. Может быть, тут было и какое-нибудь плутовство, так как в этой местности как раз разрабатывают такого рода камни, продающиеся повсюду под названием брусков. Я хотел рассказать об этом явлении потому, что не нашел никакого упоминания о нем ни у Гаспаро Бугати, ни у Франческо Сансовино, усердных итальянских бытописателей того времени. Но к чему было бы вводить других в обман таким патрициям, как Дуньяни? Такие же камни, только меньшего размера, показывали повсюду, и это зрелище не должно было быть приятно царствовавшему тогда государям; ведь это могло побудить к мятежу, и, может быть, оно действительно и было причиной чего-либо подобного. Но, как бы то ни было, известно, что около того же времени в Венеции произошло такое сильное землетрясение, что церковные колокола все сами зазвонили; это случилось в 1511 г., а в 1513 г., когда Максимилиан Сфорца, миланский герцог, потеряв все свои владения, был осажден французами в Новаре, французские собаки целой стаей пробрались в город и стали лизать швей-

царских собак и ласкаться к ним. Когда швейцарский капитан¹¹⁶ Якопо Мотино-Торфанино, участник многих сражений, увидел это зрелище, он на основании этого предсказал Сфорца несомненный успех в бою, что и оправдалось на следующий же день.

Может показаться, что я отклонился от порядка моего изложения и от намеченной цели; но необходимо принять во внимание, что мне важно показать, что я родился в такое время, когда я мог видеть сам много чудесного. Юношей (и даже теперь, недавно это случилось со мною при пробуждении) я мог видеть все, что находилось в спальне, как будто от меня самого исходил свет, но вскоре, однако, эта способность стала у меня исчезать. Говорят, что нечто подобное бывало с Тиберием¹¹⁷.

Когда в ночь на 23 января 1565 г., в тот день, когда ушел Цезий и вступил Красс¹¹⁸, два раза загоралась моя постель, я предсказал, что не останусь в Болонье; и хотя я в первый раз воспротивился отъезду, но во второй не мог этого сделать. В 1552 г. смирная домашняя кошка, оставленная одна дома, влезла на полку и разорвала мои публичные лекции, но не тронула книгу «О судьбе», которая, казалось бы, больше всего подвергалась опасности, так как лежала сверху. С конца этого года я против всех ожиданий перестал читать публичные лекции и не читал их с тех пор в течение целых восьми лет.

Иной раз можно вывести предположительное заключение из самых мелких событий, когда они часто и упорно повторяются. Я уже указал в другом месте, что эти повторяющиеся мелкие события однообразного характера напоминают петли сетки, которая охватывает человека; принимая различные очертания, они составляют как бы облако, которое не только мало-помалу разрастается, но и сами мелкие составные его части незаметно должны, так сказать, дробиться на бесконечно мельчайшие части. Только тот, кто поймет это и сумеет этим пониманием воспользоваться на деле, обнаружит выдающиеся успехи

¹¹⁶ Швейцарцы сыграли главную роль в сражении 6 июня 1513 г. при Новаре.

¹¹⁷ Светоний. Биография Тиберия, гл. 68.

¹¹⁸ Вероятно, опечатка: подразумевается Цезарь.

в науках и искусствах, в рассуждениях и в общественных отношениях и достигнет высшей точки в своей карьере; поэтому в любых происшествиях должно наблюдать все эти мелкие подробности.

В тот день, когда прибыл в Болонью Луиджи Феррари со своим двоюродным братом Лукой, во дворе так долго вопреки своему обыкновению стрекотала сорока, что мы все ждали чьего-нибудь прихода. Это было 30 ноября 1536 г. Так что же, это было причиной прихода? Нет, и часто это ничего не значит. Но иные, которые, как Август¹¹⁹, не отдавая себе сами отчета, обращали внимание на такие вещи, извлекали из них пользу; другие же, как Юлий Цезарь и Сулла, совершенно ими пренебрегали. И в игре в кости или нет никаких оснований, чтобы выпало то или другое очко, или же эти основания для нас неизвестны. Все сверхъестественное не поддается разумному истолкованию, а то, что поддается ему, не включает в себе ничего удивительного ни для кого, кроме людей неопытных. Иначе обстояло дело, когда я чуть не утонул в Лаго-ди-Гарда¹²⁰: тогда, входя в лодку, я чувствовал страх, не понимая его причины, тем более что погода была совершенно тиха и спокойна. В том же году у меня было еще несколько предзнаменований; некоторые из них предвещали мне освобождение и спасение, другие — новые несчастья: так, например, у меня развязалась лента, на которой висел у меня на шее изумруд. Еще раньше того произошло следующее поразительное событие: три кольца, которые я носил на трех пальцах, оказались на одном; чрезвычайно удивительно и то, что они снялись с отдельных пальцев, и то, что они соединились на одном, тем более что впоследствии и освобождение, и осуждение мое последовали одно за другим. Это, конечно, дары Бога, тем не менее эти случаи чудесны.

С раннего детства я был обречен на смерть вследствие затрудненности дыхания, сильного холода, постоянно ощущаемого в ногах до самой середины ночи, сердцебиений и сильной потливости, которыми я страдал

¹¹⁹ Светоний. Биография Августа, гл. 90—92.

¹²⁰ См. гл. XXX.

в этом возрасте; позднее на смену этим недомоганиям пришло постоянное мочеиспускание; зубы мои были слабы и редки, правая рука была неправильно сочленена, линия жизни на руке чрезвычайно коротка, неровна, прерывиста и разветвлена, а остальные главные линии еле заметны и очень кривы. Но звезды, которые, как все говорили, безусловно, угрожали мне смертью по достижении мною сорока пяти лет, оказались лживыми; я жив и достиг уже семидесяти пяти лет. Это случилось не вследствие неточности самой науки, а в силу невежества ее толкователей. К тому же, если что-либо из того, что они говорили, и было справедливо, то лучше всего это можно было бы выяснить по Аристотелю, у которого, однако, ничего такого не говорится.

Но приступим к истории моего сына, в которой действительно есть нечто заслуживающее рассмотрения. Мой сын погиб на сто двадцать первый день года, причем, умирая, он сам воскликнул, что гибнет по невежеству того, кто советовал и требовал его смерти. Это был сенатор Фалькуцци. Он был, впрочем, человек с большим весом и из числа наиболее влиятельных в сенате, так что его мнению следовал и Гала; после осуждения сына он вдруг заболел, у него сделалась чахотка, и, после того как он отхаркал все свое легкое, он испустил дух. Сам председатель суда Ригони, настаивавший на осуждении, должен был похоронить свою супругу без свечей. Удивительное дело! Но я слышал об этом от многих. Говорят, что сам он, хотя и был человеком незапятнанным, только благодаря смерти мог избавиться от обвинения по суду. Наконец, и единственный сын его, юноша, был похищен смертью, так что можно было бы сказать, что весь дом его был обречен на жестокую гибель. Немного дней спустя после смерти сына тесть его, тот самый, что возбудил дело против него и являлся ближайшей причиной его смерти, был посажен в тюрьму, выйдя откуда он лишился своей должности сборщика податей и должен был просить милостыню как нищий; сын же его, горячо им любимый, окончил жизнь на виселице, будучи осужден, как я слышал, в Сицилии. Никто из тех, кто обвинял моего сына, не избег величайших несчастий: все жестоко за это поплатились, а иные были и убиты; но мало

того: даже государь и владыка наш¹²¹, человек, впрочем, благородный и гуманный, после того как он предоставил моего сына его собственной судьбе вследствие зависти других людей ко мне и множества явившихся против сына обвинителей, сам подвергся различным несчастиям и тяжелым болезням; его внучка была убита своим супругом, а сам он пережил различные тяжкие междоусобия, за которыми последовали и всеобщие бедствия; при нем был утрачен остров Лотофагит¹²², и королевский флот был разбит и рассеян. Я не настолько нагл или безумен, чтобы считать, что эти события имеют какое-либо отношение ко мне, но люди благонамеренные и благоразумные понижают, как колосья во время бури, и гибнут в эпохи великих бедствий, лишенные покровительства лучших государей, слишком занятых в такие времена общественными и своими личными несчастиями; напротив того, злонамеренные и клеветники как раз пользуются такими временами, когда они могут больше всего надеяться на успех.

ГЛАВА XLII. МОЯ СПОСОБНОСТЬ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ КАК В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ, ТАК И В ДРУГИХ ОБЛАСТЯХ

Какова была, в сущности, причина, почему я здесь приобрел больше славы, чем сам того желал; было ли это божественное наитие или следствие моего гарпократического расположения, или, наконец, какая-либо особая тонкость суждения и ума, — я не мог бы этого объяснить сколько-нибудь удовлетворительным образом. Прежде всего в моей медицинской практике выделялись таким блестящим успехом случаи с Цецилией Маджи и с сыном Джанджакомо Рести, а затем и со столькими другими лицами, что за все время не было случая, чтобы кто-либо мог похвастаться, что уличил меня во вздорном суждении; даже люди, старавшиеся лишить меня практики в других отраслях моего врачебного искусства, в этой области всегда признавали за мной первое место, хотя я сам ничего такого не желал для себя. Но,

¹²¹ Имеется в виду Филипп II Испанский.

¹²² Лотофагит — остров Джерба у берегов Туниса.

оставляя в стороне все прочие случаи, разве я не предлагал в Болонье биться со мною об заклад, согласно которому, если кто хотел поставить за больного десять дукатов и дать мне возможность осмотреть его внимательно два, три, даже, наконец, один раз, я обязывался уплатить сумму, в сто раз превышающую полученную мною за лечение, в случае если бы я ошибся в определении той части организма, которую я признал причиной наступления возможного смертельного исхода? С этой целью было вскрыто несколько трупов умерших дворян, причем при первых вскрытиях я присутствовал; затем, когда убедились, что я никогда не ошибаюсь, стали совершать вскрытия тайком, чтобы бившимся об заклад не приходилось всякий раз краснеть от стыда. Но за все восемь лет, что я публично преподавал медицину в Болонье, никому не удалось меня изобличить, так что не только не смели противоречить мне в тех случаях, когда я определял болезнь, но никто даже не смел раскрыть рта, — настолько я в этом отношении был удачлив.

Из предсказаний, не входивших в область медицины, всякий должен удивиться тому, которое я высказал в совете английского короля Эдуарда VI, предвещая, какие бедствия постигнут его правление и при каких условиях они наступят. Я умалчиваю о том, на что я в прикровенном виде намекаю в стихах на смерть сына, которые запретили мне распространять те самые лица, на кого я намекаю; тем не менее мне кажется, что более похоже на чудо, чем на предвещание оракула, то, что я предсказывал и что должно было произойти в течение восьми лет после смерти сына. Но, как я уже сказал, я не приписываю самому себе обладания этой способностью предсказывать и предпочел бы, чтоб она у меня совсем исчезла, вместо того чтобы искать этим способом приобретения славы. Я с самого начала предвещал потерю острова Кипра¹²³ и приводил причины, которые должны были вызвать ее, а также, нимало не колеблясь, предрекал потерю крепости в Африке. Я не хотел бы, чтобы кто-либо думал, что все это почерпнуто из посторонних источни-

¹²³ Города Никозия и Фамагуста были взяты султаном Селимом в 1571 г. (с 1185 г. Кипр принадлежал венецианцам).

ков — от демонов либо от звезд; согласно мудрым словам Аристотеля, истинная способность предугадывать свойственна только осторожным и разумным людям. Я расспрашивал тщательно обо всех обстоятельствах, знакомился сначала с природой местности, с обычаями людей, с достоинствами государей, затем почерпал сведения из многих исторических сочинений, касающихся знатных людей и тайной политики, и только тогда с помощью приемов, которые я объясню, высказывал свое суждение.

Выслушай же, читатель, в чем состоят эти приемы и каковы они. Не касаясь разных тонкостей, это дилеммы, тропы, амплификация, изысканное изящество, диалектика и долгое, усердное и упорное упражнение в пользовании ею, наконец размышление, еще более напряженное, чем это упражнение. Однако я едва ли мог бы определить, каким образом я всего этого достиг. Пока я был еще юношей, никто не убеждал некоего Джованни-Стефано Биффо, что я хиромант, и тем не менее он пристал ко мне с просьбой, чтоб я предсказал ему что-нибудь о его жизни. Я сказал ему, что приятели его обманывают; но он продолжал настаивать. Тогда я просил его извинить меня, если я предскажу что-либо такое, что будет ему неприятно, и сказал, что ему грозит в скором времени опасность быть повешенным. И вот не прошло и недели, как его схватили и повели на пытку; однако он упорно отрицал свою вину; несмотря на это, дело кончилось тем, что полгода спустя он кончил жизнь в петле, после того как перед этим ему отрубили руку.

Не столь случайным предсказанием можно назвать то, что оправдалось на юноше Джампаоло Эйфомиа, бывшем моим воспитанником; мое предсказание исполнилось в течение одного месяца, и доказательством служит оставшаяся запись. Он был совершенно здоров; однажды вечером я велю принести мне лист бумаги и пишу на нем, что если он не будет осторожен, то в скором времени умрет. Ни к каким звездам и ни каким хитростям я тут не прибегал. Я излагаю причины, почему я так думаю, и вручаю ему бумагу. После того он через шесть—восемь дней заболел, а вскоре затем и умер. Людям несведущим и невежественным такие вещи кажутся чудесными; но

если благоразумный человек прочтет написанное мною тогда и подумает над ним, то скажет, что я видел самое событие, а не предсказывал будущее.

А что сказать о том, что произошло со мною в Риме? Свидетелей этого события столько же, сколько было участников одной пирушки, где был и я. Я сказал следующее: «Если бы я не думал, что вам это будет неприятно, я бы нечто предсказал». Тогда один из присутствующих спросил меня: «Ты, может быть, хочешь сказать, что одному из нас суждено умереть?» Я отвечал, что это, по-видимому, произойдет еще в нынешнем году. И вот 1 декабря один из наших сотрапезников по имени Вирджилио действительно умер. Имей в виду, что обстоятельства нашей жизни часто зависят от самых незначительных и мелких причин, и под их влиянием совершаются великие перемены в жизни, о коих можно судить по этим, так сказать, меньшим причинам. Не буду говорить о том, чего я в точности не знаю, но когда я жил в доме Рануччо в Болонье, туда пришел один француз, желавший переговорить со мною наедине. Я велел сказать ему на это, что достаточно, чтобы другие не слышали разговора. Так как я на этом настаивал, то он ушел; тогда у меня возникло подозрение, и я послал разыскать его; но не нашлось никого, кто бы его видел. Что же ты думаешь? — Он замышлял преступление.

Что мне сказать о предсказании моем относительно Кипра? Не раз, когда я слышал, какое военное снаряжение имеется у турок и у христиан, я высказывал мысль, что следует опасаться, как бы мы не были побеждены; в подтверждение этого могу сослаться на кардинала Сфорца. Я приводил и причины нашего грядущего поражения; исход дела показал, что я был прав и что остров был нами потерян — как вследствие силы неприятеля, так и по причине наших собственных ошибок. Подобные возможности предсказывать являются у тех, кто соединяет знания с внимательным наблюдением и исследованием вещей; однако результаты их не обнаруживаются всегда с непреложной необходимостью и не являются наиболее достоверными во всех случаях, подобно результатам работы в каком-нибудь ремесле.

ГЛАВА XLIII. ПОДЛИННО
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СЛУЧАИ

170

Я не могу считать чудом то, что случилось со мной, когда я учился в Павии и когда, перед тем как проснуться, я почувствовал удар в стену. Помещение, соседнее с моей комнатой, было пусто и необитаемо; когда же я проснулся, снова послышался удар в стену молотком, а вечером я узнал, что в тот самый час, когда раздались удары, умер мой близкий друг Галеаццо дель-Россо, о котором я уже много говорил раньше. Я не считаю это чудом, во-первых, потому, что все это могло мне почудиться во время еще не прерванного сна; во-вторых, звук удара мог происходить от какой-либо естественной причины, например от испарений; в-третьих, так как мои домашние видели меня глубоко потрясенным этим удивительным происшествием и сидевшим дома в течение всего дня из страха перед чем-то, они могли нарочно рассказать мне, что смерть эта произошла как раз тогда, когда я слышал удары, относя ее, таким образом, к часу рассвета этого дня, хотя она могла произойти гораздо раньше; это тем более возможно, что редко приходится видеть, чтобы больные какой-нибудь болезнью умирали в этот час. Вследствие изложенного, я не могу отнести это удивительное происшествие, чудесность которого может быть значительно ослаблена столькими различными соображениями, к истинным чудесам, но предоставляю каждому решить дело так, как ему кажется наиболее правдоподобным, на основании сравнения с подобными же происшествиями.

В 1536 г., когда я жил у ворот Тоза¹²⁴, сколько помнится — в июле месяце, я, однажды выйдя из столовой во двор, ощутил сильнейший запах как бы от только что потушенных восковых свечей; испуганный этим, я позвал мальчика-слугу и спросил его, не замечает ли он чего-нибудь. Он, подумав, что я спрашиваю его о каком-нибудь шуме, сказал, что ничего не слышит; тогда я растолковал ему, что я не о шуме говорю, а спрашиваю его, не ощущает ли он какого-то запаха. Он на это воскликнул: «О да, я чувствую очень сильный запах воска». — «Мол-

¹²⁴ Порта Тоза в Павии.

чи же», — сказал я и позвал служанку и жену, которые почувствовали тот же запах и сильно удивились; только моя мать ничего не чуяла, я думаю, из-за насморка. Я был уверен, что это явление предвещает неминуемую смерть; поэтому, когда я лег в постель, я долго не мог заснуть. И вот последовало другое знамение, еще удивительнее первого: посреди улицы, где в то время никого не было, захрюкали свиньи, а вслед за ними закрикали еще и утки. Какое же это имеет отношение ко мне, спрашиваю я себя, и откуда взялись все эти чудеса? И почему утки собрались в одно место со свиньями? Между тем свиньи продолжали хрюкать в течение всей ночи. Пораженный всем этим, я, встав рано утром, не знал, что мне делать, и после утреннего завтрака пошел бродить за городом, а возвращаясь домой, увидел свою мать, звавшую и торопившую меня идти, так как в нашего соседа Джованни, бывшего некогда префектом во время моровой язвы, ударила молния. Про него говорили, что лет двенадцать тому назад он, исполняя эту должность и пользуясь свирепствовавшей эпидемией, много нагрбил; у него была любовница, и он не ходил к исповеди; может быть, за ним водились и худшие дела. Однако он был нашим соседом, и наш дом отделяла от него только небольшая лачуга. Когда я увидел его и убедился в том, что он действительно убит молнией, я немедленно почувствовал, что с его смертью у меня исчезло все мое беспокойство. Меня могут спросить, к чему же я все это видел? Может быть, чтобы я остерегался? Правда, иногда, хотя, впрочем, редко, мне случалось сидеть и разговаривать с ним в сенях его дома, так как здесь было очень прохладно.

Второй случай произошел тогда, когда мать моя находилась при последнем издыхании. Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко на небе; глядя кругом и ничего не видя, я услышал стук, повторившийся пятнадцать раз (я сосчитал все удары), похожий на звук от падения капель воды на каменную плиту. В предшествующую ночь я насчитал около ста двадцати таких ударов, но сомневался, так как слышал их с правой стороны и думал, что, может быть, кто-нибудь из домашних хочет посмеяться надо мной и попугать меня, тем более что удары днем на

меня бы не подействовали и я мог бы обратить на них внимание только ночью. Вскоре после того я услышал над потолком как будто грохот досок, сбрасываемых с груженной ими телеги, так что вся моя спальня дрожала. Моя мать, как я сказал, умерла, но смысла стуков я так и не понимаю.

Кто был тот человек, что продал мне, когда мне едва шел двадцатый год, латинского Апулея¹²⁵ и тотчас же ушел? А я, до тех пор только однажды бывший на уроке словесности и совершенно не знавший латинского языка, неосторожно потратил деньги на эту книгу только из-за того, что она была вызолочена. Но после этого я овладел латинским языком так, как я владею им и поныне, а также почти одновременно усвоил греческий¹²⁶, испанский и французский языки, но только лишь до такой степени, чтобы читать на них, а в построении речи, в изложении и в правилах грамматики я остался совсем несведущ.

В мае 1560 г., когда я из-за горя по случаю смерти сына мало-помалу совсем потерял сон, и ни голод, ни усталость в ногах вследствие усиленной верховой езды по полям, ни игра в шахматы с прекрасным юношей Эрколе Висконти, также страдавшим бессонницей, не могли мне вернуть его, — я обратился с мольбой к Господу Богу, чтоб он сжалился надо мной, ибо от постоянной бессонницы мне предстояло либо умереть, либо сойти с ума, либо, по крайней мере, отказаться от своей профессорской должности. Но если бы я отказался от нее, у меня не было бы достаточно средств, чтобы пристойно жить; если б я сошел с ума, я стал бы посмешищем для всех, расточил бы все оставшееся у меня отцовское достояние и был бы лишен даже проблеска надежды на то, что положение мое к старости изменится к лучше-

¹²⁵ Сочинения Апулея были чрезвычайно популярны в первой половине XVI в. в Италии, о чем свидетельствуют три итальянских перевода, в том числе один Фиренцуолы. К 1521 г. вышли два итальянских перевода и шесть латинских изданий.

¹²⁶ В сочинении «О собственных книгах» (т. I, с. 59 лионского издания) Кардано подробно рассказывает о своих занятиях греческим языком, добавляя, что серьезно принялся за него на сорок первом году жизни и вполне освоил его в течение нескольких месяцев.

му. Поэтому я просил Бога, чтобы он послал мне смерть, ибо это все равно общий жребий всех живых, после чего я немедленно лег на кровать. Был уже поздний час, а в десятом часу мне нужно было встать, так что я мог отдохнуть в постели не более двух часов. Сон тотчас же обуял меня, и вдруг мне показалось, что ко мне подходит некто и я слышу голос из мрака, но в темноте не могу разобрать, ни чей это голос, ни кто говорит. Голос этот спросил меня: «На что ты жалуешься?» или «О чем ты тоскуешь?» и, не ожидая ответа, добавил: «Об убиенном сыне?» На это я отвечал: «Разве можно сомневаться в этом?» Тогда тот произнес следующее: «Камень, который ты носишь на шее, возьми в рот, и пока будешь держать его там, ты не будешь вспоминать о сыне». Я тут же проснулся и стал думать, какое отношение имеет изумруд к забвению? Но так как не оставалось другой надежды на избавление, то я вспомнил слова, сказанные об Аврааме, что он «верил надежде, не имея надежды, и воздано было ему по справедливости»; поэтому я взял камень в рот, и тут произошло то, что выходит за пределы всякого вероятия: я немедленно позабыл все, что связано было с воспоминанием о сыне, так что и тогда, когда я снова погрузился в сон, и впоследствии, почти в течение полутора лет, пока я не закончил своей книги «О богопознании», т.е. второй книги «О гипербореяцах», я не вспоминал о сыне, прибегая к этому средству. С другой стороны, когда мне приходилось вкушать пищу или читать лекцию, так как нельзя было в этих случаях пользоваться благодетельным действием изумруда, я делался жертвой страшных терзаний, доводивших меня до предсмертного пота. Вот каким образом я вновь приобрел сон и, как мне кажется, свой прежний облик и вид. Что особенно удивительно в этом явлении, так это то, что никогда не замечалось ни малейшей задержки при переходе из одного состояния в другое.

В ночь на 13 августа 1572 г. у меня горел свет, и я еще бодрствовал, ибо не было и второго часа ночи; вдруг я услышал справа от себя страшный шум, как будто разгружали телегу, нагруженную досками. Шум этот шел от входной двери в мою спальню; я смотрю и вижу, что из комнаты, где спал мальчик-слуга (дверь была открыта),

входит крестьянин. Я с напряженным вниманием стал всматриваться в него, он же, едва переступив порог двери, сказал: «Te sin casa» и, сказав это, исчез. Ни голос его, ни лицо не были мне знакомы, и я не мог понять, что значат эти слова и на каком они языке. В другом месте я объяснил, почему такие явления происходят; и если кто меня упрекнет, что я так кратко говорю о таких чудесах, и по какой причине, если дело обстоит так, люди все-таки так страстно стремятся овладеть престолами и общественными должностями и надеются их достичь посредством такого множества гнусных дел, то я отвечу, что здесь не место объяснять такого рода вещи, и что плечи мои недостаточно сильны, чтобы вынести такую тяжесть, и посоветую обратиться к богословам, а мне достаточно того, что я рассказал истинную правду о происшедшем.

174

Я не останавливаюсь здесь на грозовой туче, которая стояла над моим домом в Болонье, причем не было ни молний, ни грома, что является не таким дурным предзнаменованием, как шум от падающих досок, который всегда не к добру, хотя ни разу для меня не следовала за ним кончина кого-либо, за исключением кончины матери; но она все равно уже давно болела и была уже в очень преклонном возрасте. Не буду говорить и об остановке часов, которая может быть отнесена к естественным причинам, а также о той кучке земли, что в октябре и ноябре 1559 г. ежедневно выгребалась из-под очага и снова там появлялась; это я видел своими глазами, и не во сне, а при полном дневном свете.

Около 25 марта 1570 г. я написал совет моему покровителю, кардиналу Мороне; один из написанных мною листов упал на пол, чем я очень огорчился. Тогда я встаю, а вместе со мной поднимается с пола этот листок, перелетает к шкафу, находившемуся там же, и прилипает к его полке. Пораженный изумлением, я зову Родольфо, чтобы показать ему это удивительное явление, но он не успел увидеть движение листка. Как человек, не ожидавший стольких предстоящих мне бедствий, я не мог понять, что предвещает это явление, а предвещало оно мне некоторую перемену к лучшему после целого ряда превратностей судьбы.

После этого, сколько помнится, в июне месяце, когда я писал письмо тому же кардиналу Мороне, я стал искать песочницу; долго не находя ее нигде, я поднял лист бумаги, чтобы подобрать песку с земли и посыпать им письмо, и увидел под этим листом песочницу в виде круглой коробочки высотой в одну унцию с четвертью и диаметром в одну унцию¹²⁷. Каким образом я мог не заметить ее, когда я писал на совершенно гладком столе? Это предзнаменование было связано с предыдущим и подтверждало те упования, какие я возлагал на гуманность и мудрость кардинала, побудившего добросердечного Папу поступить так, чтобы я за столько подъятых мною трудов не нес еще незаслуженных тягостей.

Все это выяснилось и стало очевидным и несомненным благодаря тому, что произошло 9 октября того же года. Я был арестован перед тем 6 октября и представил поручительство на сумму в тысячу восемьсот золотых дукатов. В девятом часу дня, когда тюрьма была ярко освещена солнцем и когда получившие поручительство удалились, я сказал Родольфо Сельватико, чтоб он уходил и затворил за собой дверь камеры. Он не хотел этого делать и очень удивлялся моему несуразному решению. Я же настаивал — либо по воле Божией, либо под влиянием того соображения, что я не должен заставлять другого жить с собой и добровольно переносить то, что сам я выношу по принуждению. Наконец, он послушался меня, и тут вдруг едва только затворилась дверь, она внезапно вся задрожала от такого страшного удара, что его можно было бы услышать издалека; удар отдался немедленно таким же сильным звуком в оконном ставне, откуда врывались лучи солнца, а также в самом окне и в оконной раме, так что она вся затрещала; после того все умолкло. Когда я это услышал, я тотчас же начал горько оплакивать свою судьбу, но оказалось, что то, что я толковал как верный признак моей жестокой смерти, на самом деле предвещало мне жизнь. Вскоре после этого я начал так рассуждать сам с собою: если столько молодых, здоровых, счастливых князей подвергают себя

¹²⁷ Унция — мера длины, $1/12$ римского фута, или 0,0246 м. Другими словами, коробочка была высотой чуть больше 3 см, а диаметром — 2,5 см.

опасности верной гибели за своих государей, лишь бы снискать их благосклонность, хотя после смерти они ни на что более не могут рассчитывать, то чего же боишься ты, уже дряхлый и почти лишенный доброго имени старик, если тебя признают виновным либо вследствие преступления, либо по несправедливости, если ты не заслужил этого несчастья, и ты предстанешь перед лицом Бога, который во благодати своей являет тебе, что Он ведает все твои дела? Таким образом, я считал себя в полной безопасности от смерти, которой так боялся, и потому старался жить радостно, поскольку это допускает наша человеческая природа. Так я и провел все время моей тюремной жизни, на которую был обречен, вспоминая, что раньше я не мог себе представить, что был бы способен провести хоть одну минуту в тюрьме и при этом не задохнуться. Свидетелем этого удивительного явления был, как я уже сказал, Родольфо, который в следующем году был удостоен степени бакалавра. Но эти чудесные предзнаменования обладают для людей той особенностью, что когда они происходят или только что случились, они захватывают человека целиком; когда же впечатление от них ослабляется, они настолько бледнеют, что если ты как бы гвоздем не укрепишь и не восстановишь этого впечатления, ты станешь даже как будто сомневаться в том, действительно ли ты что-нибудь такое видел или слышал. Я думаю, что это происходит от гораздо более глубоких причин, чем отдаленность нашей природы от производящих эти явления источников. Я знаю, что иные только для того, чтобы показаться остроумными насмешниками, обращают эти явления в шутку и делают их предметом насмешек. Их главный вождь и учитель — Полибий, философ без философии¹²⁸, не понимавший, в чем заключается задача историка, и который, распространяя до крайности свое повествование, становится смешным, хотя иногда он и вызывает восторг, как, например, во второй книге своей истории, где он говорит об ахейцах. Что же сказать еще? Правильно говорил Тарталья, что никто не знает всего, а тем более не знают ничего те, кто сам не подозревает,

¹²⁸ Здесь Кардано подразумевает рационализм Полибия.

что многого не знает; возьмем, например, Плиния, который оставил нам такую блестящую естественную историю; какое проявляет он тупоумие, когда рассуждает о солнце и звездах. Чего же удивляться тогда Полибию, который считал возможным заниматься еще более высокими и божественными предметами и так ярко выставил напоказ свое невежество? Для меня достаточно того, что я сознаю и чувствую такого рода явления, и я клянусь всеми святыми, что это сознание дороже мне долговечного мирового владычества.

Я мог бы добавить к предыдущему, что все то, что мне рассказывали по этому поводу старшие, казалось мне похожим на басни и достойным смеха. Однако после того как со мной самим произошли такие вполне достоверные явления, разве мне не могло казаться пустяками то, что мне рассказывали? Но я не смел приписать рассказывавшим мне старшим ни такой рассудительности, ни такой добросовестности, чтобы я мог надеяться подтвердить истину их рассказов. Впрочем, с меня достаточно того, что я мог показать, насколько часто происходят такие явления, когда дело идет о людях, которым грозит смерть, в особенности неожиданная, и, главным образом, если это люди либо исключительно добродетельные, либо исключительно дурные. Если же это так, то эти явления могут быть не столько случайны, сколько естественны или божественны. С другой стороны, речь не идет здесь о таких минутах, когда душа человека охвачена ужасом, или потрясена, или находится в состоянии колебания; такие состояния, не умеряемые разумом, вместе с чудесными явлениями другого рода опровергают, а не усиливают ложные о них мнения. Разве имеет значение для девушки приказание отца, о котором она молится Богу, считая его подлежащим освобождению?

Но довольно об этом; я хотел только в самых кратких словах описать здесь, когда и как происходили со мной чудесные явления, в которых не было ни тени чего-либо подозрительного, ни ошибки, ни обмана. Я пропустил огромное число других явлений, которые, при всей своей очевидности, не представляют собой таких ярких примеров или же, хотя они были для меня еще более достоверны, ибо я при них присутствовал, не могут, однако,

быть подтверждены непререкаемыми свидетельствами. Однако я каждому предоставляю ознакомиться с этими явлениями по моим записям. Я только об одном прошу тебя, читатель: когда ты будешь читать о чем-либо подобном, не обольщайся человеческою гордыней, а помни о величии и обширности вселенной и неба. Когда ты сравнишь с ними те жалкие потемки, в которых мы бьемся без просвета и покоя, ты легко поймешь, что я не передал тебе ничего невероятного.

ГЛАВА XLIV. ЧТО НОВОГО И ДОСТОЙНОГО УПОМИНАНИЯ Я ВВЕЛ В РАЗЛИЧНЫЕ ОБЛАСТИ НАУКИ

178

Прежде всего помни, что нет, пожалуй, ни одного открытия, которое заслуживало бы предпочтения перед другим. В диалектике¹²⁹, так как была известна только одна Аристотелева, я произвел разделение ее на теорию и практику, чтобы облегчить каждому из моих учеников усвоение учения Евклида, Птолемея, Архимеда, Гиппократа, Галена и Скота¹³⁰. Кроме того, я расширил пределы пользования основными диалектическими приемами: тропом, амплификацией¹³¹ и такими, посредством которых, по уверению многих, можно видеть чистые образы и как бы отделять душу от тела. В отношении научных опытов я доказывал, что надо из них предпочитать те, из которых в самый короткий срок можно извлечь наибольшее количество выводов и которые представляются наиболее замечательными. Я учил, что, как в области смертного, так и в области бессмертного, начала вещей сходятся с их концами, заключаясь по кругу. При преподавании (поскольку лекции не записаны) я учил выхватывать отдельные примеры и старался вести преподавание так, чтобы в один час изложить, высказать и охватить то, на усвоение чего требуется много месяцев

¹²⁹ Диалектика Кардано издана в первом томе лионского собрания его сочинений.

¹³⁰ Иоанн Дунс Скот (1274–1308) — основатель философской школы, названной его именем.

¹³¹ Под тропами и амплификацией Кардано понимает обращение суждений и обобщение по форме силлогизма.

работы и труда. Это обыкновение у нас настолько развилось, что даже преподавание без подготовки, которое раньше очень уважалось, теперь не вызывает никакого изумления и справедливо не ценится. Можно извинить тех, кто приписывает все это злему демону, так как такие люди не знают ни о добром гении, ни о благодати Божией.

В арифметике я почти все переделал: главы, относящиеся к алгебре, и отдел, касающийся столь многочисленных свойств чисел, в особенности подобных между собой. Я также сделал более доступным или более наглядным, или тем и другим вместе, способ изложения и преподавания как этих переработанных отделов арифметики, так и тех, которые были уже раньше установлены. В геометрии я разработал измерения неправильных кривых и поверхностей, отношения бесконечных к конечным и решений первых с помощью последних, хотя это было уже раньше открыто Архимедом. В музыке я нашел новые ступени и новые звукоряды или, лучше сказать, ранее найденные вновь ввел в употребление, заимствовав их у Птолемея и Аристоксена.

В натуральной философии я устранил из числа элементов огонь¹³²: я учил, что все — холодно, что элементы не могут заменяться взаимно и переходить один в другой¹³³, что существует палингенезис¹³⁴, что действительных свойств вещей имеется только два: теплое и влажное. Я раскрыл свойства соли и масла; я указал, что в смешанных телах не имеется, кроме небесной теплоты, иного начала для воспроизведения совершенных животных. Я учил, что Бога следует называть неизмеримым; что все, состоящее из различных, соединенных в стройном порядке частей, имеет душу и жизнь; что бессмертие нашей души, согласно учению философов, есть истинное, а не кажущееся; что все определяется известным числом, например, у рас-

¹³² Устранив из числа элементов огонь, Кардано нарушил один из основополагающих принципов античной и средневековой философии.

¹³³ Это суждение шло вразрез с теорией Аристотеля, господствовавшей в Средние века.

¹³⁴ Палингенезис — учение о вечном обновлении мира и возвращении к исходному состоянию по истечении определенного периода.

тений числом лепестков и семян; что начало сходства основано на модусе действия единого действующего начала и единой материи, откуда получается такое разнообразие и такая красота природы; что земля существует как таковая, а не в смешении с водой: поэтому она часто выступает в противоположных частях. Я разрешил проблемы: почему восток лучше запада; почему, когда солнце начинает снова двигаться после солнцестояний, как тепло, так и холод в течение многих дней усиливается; что такое судьба и как она действует. Объяснил причины разных удивительных явлений, вроде того, почему при бросании тысячи костей тысячу раз, если только кости не фальшивы, непременно выкидывается одно очко¹³⁵. Я нашел, что из гниющих листьев различных растений рождаются особые животные в зависимости от различия в свойствах листьев. Я доказывал, что учение Аристотеля о природе есть вещь пустая и вымышленная¹³⁶, начало всяческого заблуждения, и построено им лишь ради извращения мысли Платона. Я учил о бесчисленном множестве и других вещей, но главным образом обращал внимание на то, чтобы люди умели применять знакомство с природными явлениями на практике различных искусств и профессий — дело, к которому до меня никто даже и не пытался приступать.

В нравственной философии я проповедовал равенство состояния всех: не только людей, но и всякого рода живых существ; отсюда можно, естественно, вывести предположение, что после смерти последует воздаяние каждому по делам его, и что, таким образом, люди могут из несчастий извлекать для себя пользу, ибо что такое совершенная жизнь и каким образом она может быть согласована с равенством? Я указал, что в природе имеются три царства, причем в человеческом царстве часто было бы гораздо лучше, если бы мы знали, что хорошо и что худо, ежели неизвестно количественное соотношение того и другого; но в двух остальных царствах это не так, точно

¹³⁵ Имеются в виду вопросы теории вероятности, затронутые Кардано в его сочинении «Об игре в кости».

¹³⁶ Несмотря на это в физике Кардано осталось много элементов арабского перипатетизма, а в области этики и политики Кардано не раз ссыался на Аристотеля (ср., например, гл. XI, VI).

так же как и во всех трех царствах, в отношении счастья. Я советовал прежде всего знакомиться с нравами людей, сначала вообще, во всем роде человеческом, затем у отдельных народов, а также со всем прочим, вроде обычаев и привычек; наконец, тем, что свойственно одним и не свойственно другим.

В области медицины я определил истинное соотношение и последовательность критических дней¹³⁷, открыл способы врачевания подагры и общие принципы лечения лихорадок; исследовал многообразные превращения веществ в масла, открыл способ приготовления слабительных лекарств из непослабляющих медикаментов; особо целебные воды; разнообразные и полезные для здоровья способы приготовления пищи, способ превращения дурных лекарств в полезные и внушающих отвращение — в легко воспринимаемые; средства против брюшной водянки, не только избавляющие от нее больного, но и укрепляющие его настолько, что он может в тот же день после применения их ходить пешком; я выяснил также, как путем лечения одного какого-нибудь органа тела мы можем познать причины заболеваний и способы лечения других органов, и как посредством перечитывания по три, по четыре раза одной и той же книги можно познакомиться с самыми разнообразными болезнями и способами их излечения. Я указал правильный способ оперирования грыжи, вновь введенный мною в употребление и более быстрый; написал подробнейшее исследование о моче, тогда как мы имели до сих пор лишь едва намечающиеся следы сведений по этому вопросу¹³⁸; я также составил толкование наиболее трудно понимаемых книг Гиппократ¹³⁹, главным образом подлинных его произведений; но эта работа еще не закончена мною к настоящему дню, когда я это пишу, т.е. к 16 ноября 1575 г. Кроме того, я подробно

¹³⁷ Имеются в виду кризисы болезней.

¹³⁸ В сочинении «О собственных книгах» (т. I, с. 58 лионского издания) Кардано говорит точнее: «Так как Гален совершенно не осветил эту область». В Средние века арабами был написан не один трактат по этому вопросу.

¹³⁹ Главнейшие из книг Гиппократ перечислены в следующей главе в разделе «Комментарии к медицинским сочинениям».

писал о французской болезни¹⁴⁰ и в кратких чертах описал приемы лечения наиболее трудно излечимых болезней: падучей, сумасшествия, слепоты. Вроде, например, применения конского волоса при водянке, и помимо этого описал приемы лечения отверделых нарывов, недержания мочи, разного рода болезней суставов, камней в почках, колик, геморроя и других, всего до пяти тысяч. Число разрешенных мною проблем и вопросов доходит до сорока тысяч, и более мелких указаний я оставляю после себя до двухсот тысяч. Вот основание, почему светоч нашей отчизны называл меня «мужем открытий»¹⁴¹.

ГЛАВА XLV. НАПИСАННЫЕ МНОЮ КНИГИ.
О ВРЕМЕНИ, ПРИЧИНАХ
И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ИХ НАПИСАНИЯ

182

НАПЕЧАТАННЫЕ КНИГИ

По математике

*Великое искусство*¹⁴²

I

*О пропорциях*¹⁴³

I

*Правило Aliza*¹⁴⁴

I

По астрономии

Комментарии к Птолемею

4

*О главнейших генитурах*¹⁴⁵

I

¹⁴⁰ Сифилис, который у Кардано называется также «индийской язвой» (ср. гл. XI, VIII).

¹⁴¹ Так Андреа Альчиати прозвал Кардано. См. гл. XLVIII. — *Примеч. пер.*

¹⁴² «Великое искусство» («Ars magna de rebus algebraicis») впервые напечатано в Нюрнберге в 1545 г. (вошло, как и другие математические сочинения, в IV главу лионского издания). Здесь Кардано впервые поднимает вопрос о решении кубических уравнений.

¹⁴³ «О пропорциях» («Opus novum de proportionibus»). В печати сочинение появилось в 1570 г. в Базеле вместе с перепечаткой предыдущего сочинения «Правило Aliza».

¹⁴⁴ В основе слова «Aliza», возможно, лежит арабское слово «a'izza» (трудноосуществимый). Если это так, то заглавие можно перевести как «Правило для трудных случаев». Наряду с первыми двумя, это сочинение является одним из основных математических трудов Кардано.

¹⁴⁵ Сочинение содержит сто гороскопов знаменитых людей (Дюрера, Петрарки, Везалия и др.) и знакомых Кардано; на основании его удалось установить или уточнить некоторые даты рождения современников Кардано.

«О МОЕЙ ЖИЗНИ»
ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

<i>О вопросах и выборе</i>	I	
<i>О семи планетах</i>	I	
<i>О пользовании эфемеридами¹⁴⁶</i>	I	
<i>Об исправлении движений звезд и о познании их</i>	I	
<i>Похвала астрологии</i>	I	
<i>По физике</i>		
<i>О тонких материях с апологией¹⁴⁷</i>	22	
<i>О разнообразии вещей</i>	17	
<i>О бессмертии души</i>	I	
<i>По этике</i>		
<i>Об извлечении пользы из несчастий</i>	4	
<i>Об утешении</i>	3	
<i>Поощрение к занятиям полезными искусствами</i>	I	
<i>Разные статьи. Сборник первый</i>		
<i>О собственных сочинениях</i>	I	183
<i>Об удивительных случаях врачевания</i>	I	
<i>Похвала Нерону</i>	I	
<i>Похвала геометрии</i>	I	
<i>О тайнах, книга первая</i>	I	
<i>О единстве</i>	I	
<i>О самоцветах и цветах</i>	I	
<i>О смерти</i>	I	
<i>Тетим, или О состоянии человека¹⁴⁸</i>	I	
<i>О меньших и близких</i>	I	
<i>О высшем благе</i>	I	

¹⁴⁶ Эфемериды — астрономические таблицы, показывающие положение планет. Высчитываются через равные промежутки времени, например, на каждый день определенного года.

¹⁴⁷ «О тонких материях с апологией» («De subtilitate cum apologia») — один из основных трудов Кардано, вышедший впервые в Нюрнберге в 1550 г. (2-е доп. изд. — Базель, 1554 г., 3-е вновь измененное — Базель, 1560 г.). Эта своеобразная энциклопедия охватила все отрасли знания и явилась предметом ожесточенных нападок Юлия Цезаря Скалигера, выступившего против Кардано с книгой «Пятнадцатая книга эзотерических упражнений» («Esotericarum exercitationum liber XV». Parisii, 1557), много раз впоследствии переиздававшейся. Кардано отвечал Скалигеру в «Первой речи против клеветника»).

¹⁴⁸ «Тетим, или о состоянии человека». В тексте книги «О моей жизни» — «De humana conditione», в заглавии сочинения — «De humanis consiliis». Книга представляет собою диалог о правителе и его качествах.

Разные статьи. Сборник второй

<i>Диалектика</i>	I
<i>Huperchen</i> ¹⁴⁹	I
<i>О школе Сократа</i>	I
<i>О воде</i>	I
<i>Об эфире</i>	I
<i>О декоктах</i>	I

Статьи по медицине. Сборник третий

<i>О причинах, признаках и местах болезней</i>	I
<i>Краткое руководство по врачеванию</i>	I
<i>Советы, книга первая</i>	I
<i>О злоупотреблениях медиков</i>	I
<i>О том, что и простое лекарство может причинить вред</i>	I
<i>Треглавие</i> ¹⁵⁰	I
<i>Апология против фессалийского врача</i> ¹⁵¹	I
<i>Апология против Камуцио</i>	I

Записки по медицине

<i>Афоризмы, 7 книг</i>	7
<i>О ядах</i>	3
<i>О составе воздуха</i>	I
<i>Всего</i>	II
<i>Прогностика, 4 книги</i>	4
<i>О рождении на седьмом месяце</i>	I
<i>Всего</i>	5
<i>О воздухе, водах и местностях, 8 книг</i>	8
<i>Советы, книга вторая</i>	I
<i>Всего</i>	9
<i>О питании</i>	I
<i>Исследование двадцати двух больных</i>	2

По вопросам предсказания

<i>О сновидениях</i>	4
----------------------	---

¹⁴⁹ «Huperchen» — философское рассуждение о бессмертии и вечности.

¹⁵⁰ «Треглавие» («Triceps») — рассуждение о медицине в трех частях, посвященное кардиналу Альчиати и по своей форме уподобляемое трехголовому Герionу, или Церберу.

¹⁵¹ Апология против фессалийского врача — см. гл. XVI.

«О МОЕЙ ЖИЗНИ»
ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

Остальные напечатанные,
но не входящие в перечисленные отделы сочинения

О мудрости, 5 книг

*Антигоргий*¹⁵², 5 книг

Похвала медицине, I книга

Дополнение к эфемеридам, 10 книг

РУКОПИСИ

По математике

Новая геометрия 2

О целых числах I

О дробях I

О свойствах чисел I

Об иррациональных числах I

О воображаемых, или мнимых числах I

О музыке I

185

По физике

О природе I

О тайнах, книга четвертая I

О гиперборейцах 2

По этике

О нравах 3

О наилучшем образе жизни I

*Мемориал*¹⁵³ I

О моей жизни I

По медицине

О моче

О жительстве в Риме 4

О зубах I

О сохранении здоровья 5

Об индийской язве I

Советы, книга третья I

Дело I

Противоречия медиков 12

¹⁵² «Антигоргий» — диалог этического характера.

¹⁵³ «Мемориал» («Memorialis»), «Дело» («Actus») и «Руководство» («Manualis»), так же как и далее упоминаемое сочинение «Об узлах» («De nobis»), отсутствуют в полном собрании сочинений, и мы не располагаем о них другими данными, кроме сообщенных Кардано.

Руководство	I
Замечания на книгу о пище при острых заболеваниях	6
Замечания на медицинское искусство Галена	I
Цветники, или О лучшем лучшего	2
Замечания на сочинение Гиппократов об эпидемиях	5
По богословию	
Гимн — житие Пресвятой Девы	
Житие св. Мартина (с разметками)	
Различного содержания	
<i>Paralipomena</i>	6
О книгах славных мужей	I
Об изобретении	I
Проблемы	I
О писании книг	I
Посредник ¹⁵⁴	
Об играх	I
Диалог о тюрьме	I
Диалог «Цветок»	I
Об узлах	I
Антигоргий	I
Похвала медицине	I
Метопоскопия ¹⁵⁵	7
Благодушные шутки	I
О пользовании эфемеридами, или о новом изобретении	I
Таинства	I

Я думаю, что ты, читатель, уже увидел из предыдущего, какие причины побуждали меня браться за перо; с одной стороны, на эту мысль наводили меня сны, виденные мною, и не один, а два, три, четыре и несколько раз, как я указывал на это в другом месте; с другой — меня толкало желание увековечить свое имя. Я, однако, два раза уничтожил большое количество написанных мною книг.

¹⁵⁴ «Посредник» («Proxeneta») — сочинение о политической мудрости.

¹⁵⁵ Метопоскопия — термин, означавший искусство определять характер человека по особенностям его лица и внешнего облика; сочинение не вошло в лионское собрание сочинений и было напечатано в 1658 г. в Париже (французский перевод вышел в том же году).

В первый раз это случилось, когда мне было около тридцати семи лет; я сжег около девяти книг, которые признал пустыми и не могущими принести никакой пользы. Между прочим, в моем распоряжении была целая куча разных мелочей, в особенности по медицине, но из этих книг я ничего не извлек и не сохранил в целости, кроме книги о дурных обыкновениях во врачевании болезней, первой мною изданной, и основ арифметики, которые я использовал для составления краткого по ней руководства. Вскоре после того, около 1541 г., я вновь дополнил и издал небольшое сочинение о дополнении эфемерид, однажды уже мною изданное. А в 1573 г. я сжег другие сто двадцать книг, после того как уже миновало меня упомянутое мною несчастье¹⁵⁶. Но при этом я поступил не так, как в первый раз. Я извлек из уничтоженного кое-что, признанное мною полезным для меня, и, кроме того, некоторые сочинения сохранил в неизменном виде, именно: книгу «Благодушные шутки» (из числа вымышленных сочинений) и «О книгах славных мужей», другие же переделал, поступая, как Диомед, которому Главк

187

*доспех обменял золотой свой,
Во сто ценимый тельцов, на медный, стоящий девять*¹⁵⁷.

Я так поступил, потому что эти книги мне нравились, и уничтожил другие, потому что они меня не удовлетворяли: наступившие впоследствии обстоятельства показали, что то и другое мероприятие было правильно.

Впоследствии под влиянием повторных сновидений я написал книги «О тонких материях», которые дополнил после напечатания, а затем, вновь дополнив, издал в третий раз. После того я посвятил себя книге «Великое искусство», материалы для которой я собирал в то самое время, когда Джованни Колла открыл поход против меня, и ему помогал Тарталья, у которого я заимствовал первую главу своей книги и который предпочел во мне иметь соперника и победителя, чем друга и человека, обязанного благодарениями.

¹⁵⁶ Заключение в тюрьму.

¹⁵⁷ Илиада. VI, 236 / пер. Н. Гнедича. — Примеч. пер.

В 1552 г., когда я совершил путешествие по реке Луаре и не имел решительно никакого занятия, я написал комментарии на Птолемея. В 1568 г. я добавил к книге «Великое искусство» сочинение «О пропорциях» и «Правило Aliza» и в таком виде издал ее; затем я написал книгу по арифметике, две — о новой геометрии и одну — по музыке, но ее я шесть лет спустя, т.е. в 1574 г., исправил и озаботился переписать. Книги «О разнообразии вещей» я издал в 1558 г.¹⁵⁸ Они являлись дополнением к книгам «О тонких материях», которых я не мог ни привести в порядок, ни исправить из-за множества дел, плохого поведения и неповиновения сына и почти полного отсутствия доходов; мешало мне и непрерывное исполнение профессорских обязанностей, домашние хлопоты, врачебная практика в городе, совещания, писание писем и столько других различных дел, что некогда было и вздохнуть, а не то что исправить свои сочинения. Среди таких многочисленных забот я все-таки издал сначала книги «Об утешении», а потом, при втором их издании в 1543 г., присоединил к ним книги «О мудрости». Между тем я написал много мелких сочинений, частью изданных, частью еще оставшихся в рукописи, а также общие сочинения по медицине, из коих издано четыре, а именно: «Афоризмы», «О питании», «О воздухе, воде и местностях» и «Прогностика».

До сих пор лежат у меня неизданные две книги «Цветников», комментарии на искусство врачевания Галена, первая и вторая книги по поводу сочинения Гиппократова об эпидемиях.

Когда я прибыл в Болонью, я издал книгу «О сновидениях»¹⁵⁹, весьма полезную многим мудрым людям, но, возможно, мало подходящую для невежественной толпы; но есть ли что-нибудь такое, что не могло бы повредить тому, кто не умеет этим пользоваться или пользуется необдуманно? Ведь и лошади, и мечи, и доспехи, и укрепления в руках негодных и преступных людей становятся ужас-

¹⁵⁸ На самом деле сочинение «О разнообразии вещей» было издано в Базеле в 1557 г.

¹⁵⁹ Кардано переписал книгу Синезия (ум. ок. 430 г.), издав эту переработку в 1562 г. в Базеле (немецкий перевод вышел там же в 1563 г.).

ным оружием, тогда как те же предметы в руках людей разумных доставляют не только удобства, но становятся просто необходимыми. Надлежащее подразделение книг представляет трудности, так как между полезными и бесполезными сочинениями трудно установить третью промежуточную ступень — сочинения, которые должны читаться только учеными людьми.

«Диалектику» я написал с целью научить создавать естественные, но отвлеченные представления. Мне так нравилась собственная моя работа, что я от радости всюду распространялся о ней, хотя она еще не закончена и не исправлена. Краткое руководство по врачеванию я выпустил для общего употребления, имея в виду со временем издать в свет другое, более подробное. Книгу «О бессмертии души» я написал скорее из интереса к самому предмету, чем в качестве исследования. Если эта книга не может считаться удовлетворительной для разрешения такого важного вопроса, то пусть ее заместит вторая книга «О гипербореяцах». Из «Диалогов» один был предназначен для того, чтобы смягчить впечатление от обрушившегося на меня несчастья, а другой — для изобличения человеческого безумия. Этими двумя сочинениями я воздействовал на четыре противоположных ощущения: на скорбь, на безрассудное наслаждение, на нелепую страсть и на страх. Книга «Посредник» была написана под действием непосредственного побуждения, а в «Мемориале» я хотел изобразить то, чем я выдаюсь среди других людей. Четыре книги «Руководства» содержат в кратком изложении цветы и плоды всей медицинской науки, так что, познакомившись с ними, можно обходиться без других руководств, и следует считать, что ничего нельзя достигнуть в этой области, если предварительно они не изучены. Комментарии на книги о пище при острых заболеваниях¹⁶⁰ я написал с целью установить твердые научные положения, с помощью которых можно было бы установить режим для больных, могущих излечиться от острых заболеваний. В этом отношении, как я уже говорил выше, а именно в излечении болезней, я был необыкновенно удачлив. Книги «О моче»

¹⁶⁰ Имеются в виду книги, которые приписывают Гиппократу.

мною еще не вполне закончены; они свидетельствуют о чудесах природы, заключенных в столь ничтожных ее проявлениях. Сущность их, однако, проста, но поэтому и трудно изложение их. Мое сочинение есть плод напряженного труда и подробного рассмотрения вопроса, подкрепленного, как и следует, многочисленными опытами. Далее, если в книгах «Противоречия медиков» я касаюсь всех сомнительных вопросов врачебного искусства и, насколько возможно, берусь разрешить эти вопросы, то, раз мои мнения оказывались приемлемыми, почему же я должен подвергаться осуждению? Если я не доверяю им, то почему я их применял, принял и обосновал? Есть темы, о которых обыкновенно говорят: «или полезным быть, иль пленять желают поэты»¹⁶¹.

190

Почему об играх надо писать игроку, любителю игры в кости, а не писателю? Может быть, тут судят по поговорке: «по когтю льва»¹⁶²?

Первоначально написанные тринадцать книг «Метопоскопии» я сократил до семи: они составляют часть физиогномики. Я обучился ей у Джироламо Висконти; Светоний превозносит это искусство до небес, я же заметил в нем некоторые намеки на истину, но признаю необыкновенно трудным определить, где правда и где ложь; ибо на основании ложных данных можно быть легко введенным в заблуждение вследствие множества людей, над которыми делаются наблюдения признаков, с какими приходится считаться, а также непостоянства их изменяющихся форм.

«Paralipomena» сохранились как груда остатков старых работ. Кто может подумать, что я уничтожал то, что уничтожил, по иным основаниям, чем признавая одно недостаточно прочно доказанным, а другое написанным без всякого порядка? В «Paralipomena» я не соблюдал подбора материала и оставил все перемешанным: высокое с низким, неотделанное с отделанным, полезное с вредным, нарочитое со случайным, любопытное с нелепым. Да я и не надеялся на то, что даже если бы я устранил

¹⁶¹ Гораций. Наука поэзии, 333. — Примеч. пер.

¹⁶² Латинская поговорка «ex ungue leonem, ex auribus asinum» — «по когтям мы узнаем льва, а по ушам — осла».

многое, остальное можно было бы выправить и составить из него нечто цельное и стройное. Поэтому я признал более полезным, если я окажу услугу своим друзьям и покровителям, пока все они живы и обладают знанием и пока мои работы им всем известны, и дам им возможность (что еще важнее) сберечь наибольшее количество времени при чтении моих сочинений; уничтожая в них излишнее, я оставляю потомкам гораздо более ценное, ясное и достоверное наследие, чем если бы я сохранил неприкосновенным все то, что я истребил. Я считаю самым ценным в жизни — не давать никому повода терпеть нужду в том, чего можно ожидать от дел и совета серьезного человека. По этой причине я написал свои сочинения «Об изобретении», «О писании книг» и «О книгах славных мужей», чтобы на деле подтвердить то, что я восхвалял на словах. Упомянутые мною «Гимн» и «Жития» я написал для того, чтобы не показать себя неблагодарным в душе тем, от кого я столь много получил.

Разметку, которую я сюда присоединил для вашей пользы, я считал не только нужным, но и необходимым сделать с особой тщательностью. Подобно тому как некоторые возвышенные предметы в книгах занимают преобладающее место и украшают их, так ошибки и неточно выраженные мысли смущают умы читателей, а сами книги лишаются авторитетности и наносят ущерб общему благу. Я прекрасно сознавал, что, по примеру Аристотеля и Галена, я мог вполне достичь нужного совершенства; но если для них это было необходимо, поскольку они трактовали предметы с общей точки зрения, то для меня при разработке частных вопросов это служило залогом надежности и стройности изложения. Подобного рода заботливость и прилежание по мере сил проявил я в составлении моей книги «О наилучшем образе жизни», написанной мною потому, что я не мог найти иного средства научить предавать забвению прошедшие несчастья, сносить настоящие и принимать меры против грозящих в будущем. Кто может возомнить себя бессмертным при своей смертности? Кто может умереть, не пережив всех тягот старости по миновании юношеского возраста, или спокойно существовать среди бес-

прерывных тревог и волнений и стойко переживать постоянные перевороты? Не говоря о многих других случайностях и бедствиях, я думаю, перечисленных мною достаточно, чтобы напомнить о неизбежности их для всякого смертного. В конце концов то, что должно произойти, происходит так же неминуемо, как неминуемо должна была последовать смерть моих близких. Но ведь не таким же образом? Не все ли равно! Все завершается в одном и том же круговороте. Пусть это совершится не теперь, но все равно, рано или поздно это должно случиться. У людей никогда не было и никогда не будет никакого покоя; сравни то, что теперь произошло с тобой, с тем, что было раньше — нынешнее положение вещей с тем, что было во времена Полибия: наше время — цветущий луг, тогдашнее — поле, побитое градом. Никто не был в безопасности: беспричинные убийства, рабство; а ограбления были простой забавой. Другое наше преимущество — познание вечной и блаженной жизни, чего были лишены другие народы. Поэтому что может произойти бедственного с человеком, сознающим все это, когда и рождение, и конец у всех одни и те же, и судьба общая, а кроме того остается еще радость, ожидающая нас после смерти? Но мы, как я указал выше, обольщаем себя четырьмя различными самообманами: мы полагаем, что в этой жизни есть что-то прочное, по крайней мере при тихом и спокойном ее течении; мы не вдумываемся в то, что нет ничего постоянного, а тем более — вечного; в-третьих, мы думаем, что наш разум стареет, — даже допуская, что душа переживает его, — как должно стареть все то, что связано с телом. А я утверждаю, что ничто в нас не стареет: ни душа, раз у нас остается и орудие, и способность к действию, как, например, у меня теперь зрение; ни тело, ибо, согласно учению философов, особенно платоников, хотя бы в «Федоне»¹⁶³, оно не есть первенствующая часть нас и не обладает способностью действовать, что является первой и совершеннейшей нашей способностью, так как телу может быть поставлено препятствие, и потому,

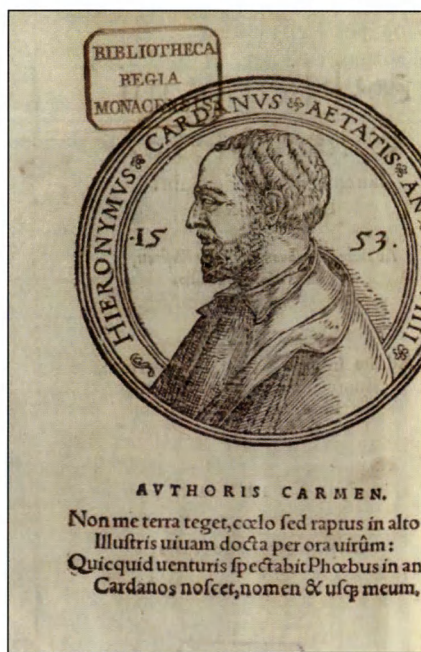
¹⁶³ «Федон» — диалог Платона, в котором Сократ пытался доказать своим ученикам, что его душа бессмертна.

Титульный лист сочинения
Кардано «Ars magna»
(Нюрнберг, 1545)
с портретом автора

Кардано в возрасте 43-х лет.
Гравюра XVI в.

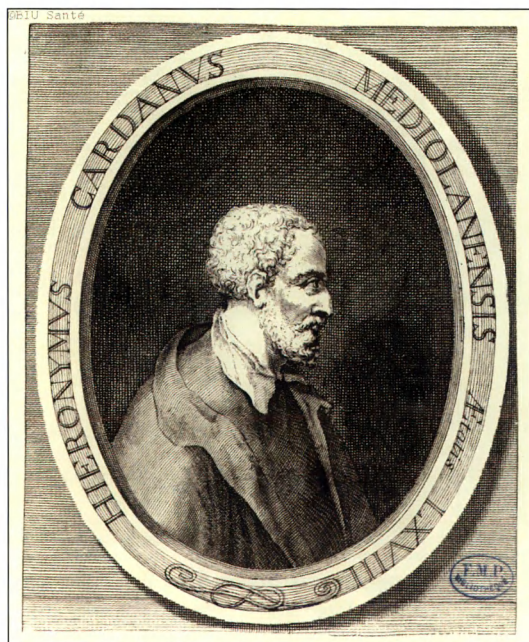

Кардано в возрасте 52-х лет. Гравюра
XVI в. Портрет из первого издания его
«De subtilitate rerum» (Базель, 1560)

**Портрет Кардано
в возрасте 53-х лет.**
Гравюра XVI в.

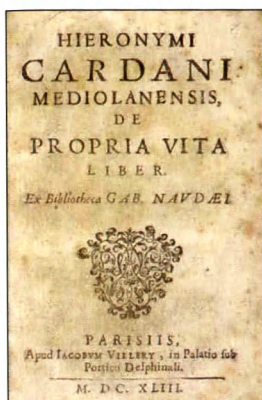

**Портрет Кардано
в возрасте 68 лет.**
Гравюра XVI в.

**Портрет Кардано
в возрасте 71 года.**
Гравюра XVI в.

Титульный лист первого издания автобиографии Кардано (Париж, 1643)

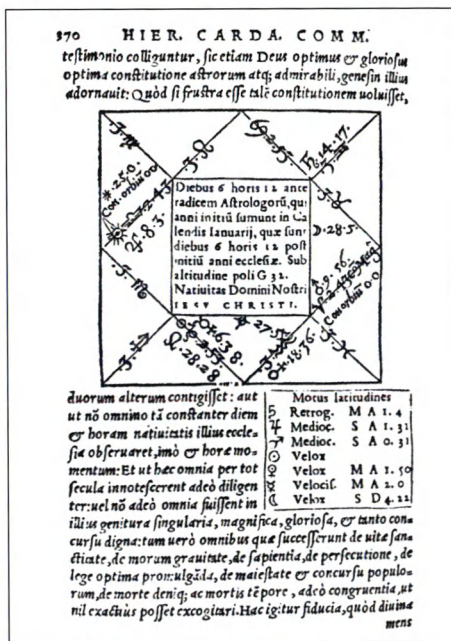
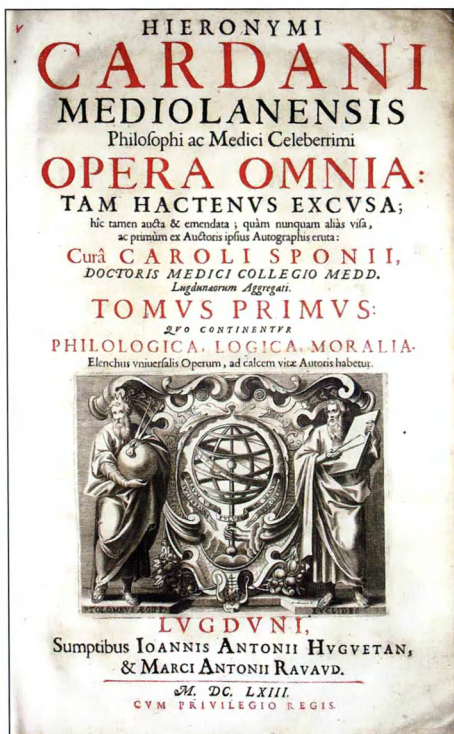
Титульный лист первого тома полного собрания сочинений Кардано в десяти томах (Лейден, 1663)

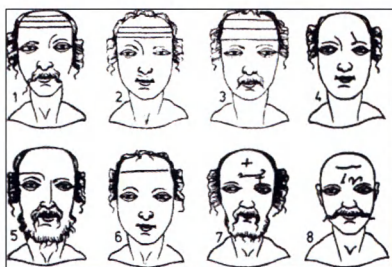
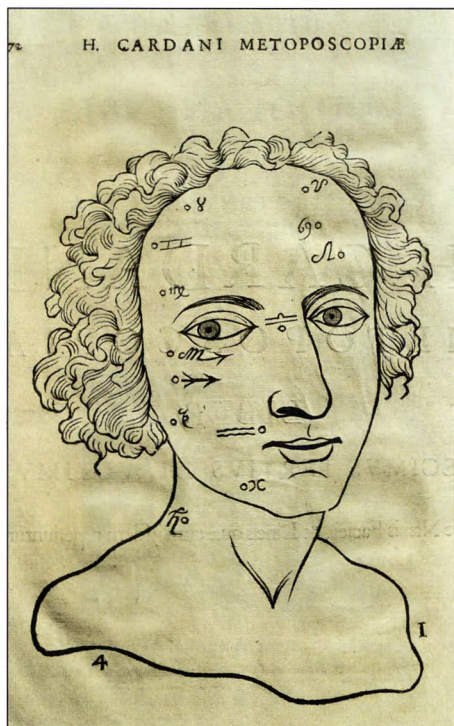
Гороскоп Иисуса Христа, составленный Кардано.

Иллюстрация в книге: *Shumaker W. Renaissance Curiosa*. Binghamton, New York, 1982 (Medieval & Renaissance Texts & Studies. Center for Medieval & Early Renaissance Studies, Vol. 8)

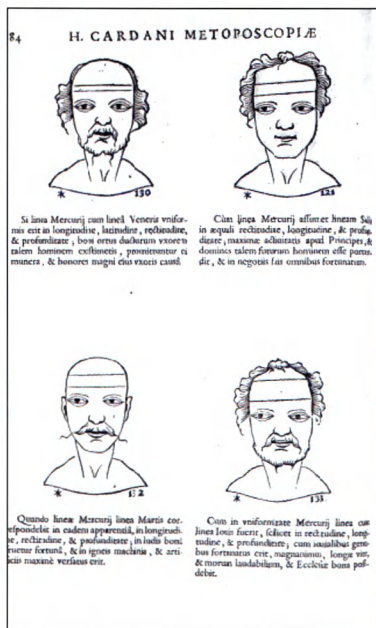
Сочинение Кардано «De rerum varietate» (Базель, 1557)

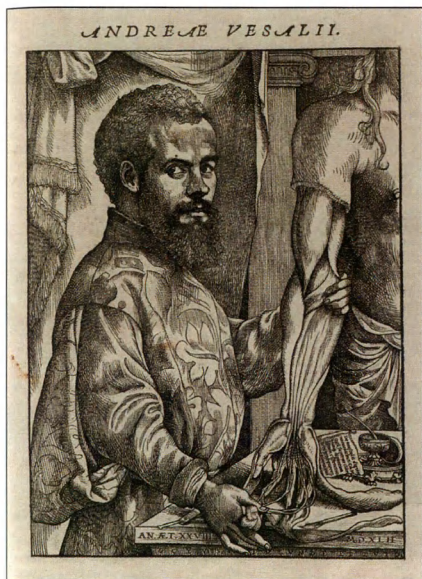

Иллюстрации Кардано к его метопоскопии (учению об определении черт характера человека и его судьбы по линиям лба).

Из книги: *Cardanus H. Metoposco-
pia libris tredceim, et octigentis
faciei humane ei conibus complexa.*
Parisiis, 1658

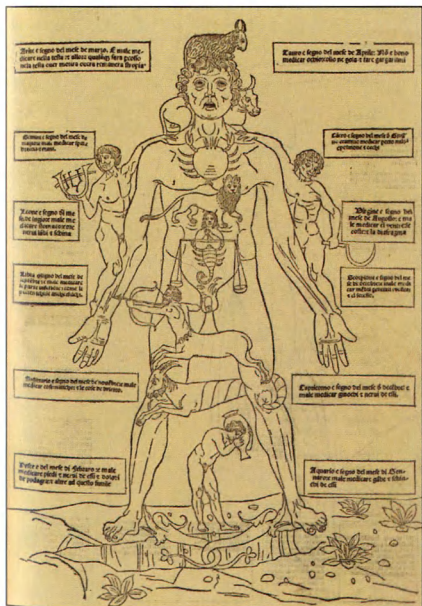

Инструменты анатома. Гравюра из книги Везалия «De Humani Corporis Fabrica» (Базель, 1543)

Андреас Везалий. Портрет автора в его книге «De Humani Corporis Fabrica» (Базель, 1543)

Органы человека и знаки Зодиака. Из книги немецкого врача, жившего в Италии: *Ketham, J. de. The Fasciculus Medicinae.* Venice, 1494, p. 15

Врачевание знатного больного. Из книги: *Ketham, J. de. The Fasciculus Medicinae.* Venice, 1494, p. 51

«Огонь» миланского живописца
Джузеппе Арчимбольдо (1566)

«Земля» Джузеппе Арчимбольдо (1570)

Уход за больным.
Фреска Доменико ди Бартоло в Санта Мария дельла Скала, Сиена (XV в.)

Никколо Тарталья, итальянский математик (1499–1557).
Гравюра XVI в.

Ученый и религиозный деятель Жозеф Жюст Скалигер (1540–1609).
Портрет конца XVI – начала XVII в.

Портрет юриста Андреа Альчиати (1492–1550) датского гравера Корнелиса Корта. Из книги Alciati A. Responsa. Venice, 1574

Портрет Карла V с собакой.
Тициан, 1533

Карта Милана XVI в.

Миланский собор.
Современная фотография

Павийская Чертоза
(картезианский монастырь).
Современная фотография

что оно постоянно в чем-нибудь нуждается, как солнце, чтобы освещать, нуждается в воздухе, который является причиной солнечного освещения, и всякий недостаток в нем препятствует солнечному освещению. Таково было основание и цель моих рассуждений.

Вторая из этих книг носит название «Мемориал»; в ней то учение, которое, как я сказал, сосредоточено в предыдущей книге, разделено и распределено на соответствующие части, так что в какое бы печальное положение ты ни попал, ты можешь почерпнуть из нее не только утешение, но и помощь. Третья книга — «Руководство», рассчитанное не только на получение врачами выгод или на приобретение ими почета, но и на то, чтобы указать им, как важно исполнять свои обязанности добросовестно, памятуя о том, что должно делать в тех именно случаях, где другие забывают о своем долге. Если архитектор радуется тому, что он построил дом не в силу случайных соображений, а на основании разумного плана, насколько больше должен радоваться человек, сознающий, что ему удалось сохранить жизнь другому человеку, и убедившийся в том, какого успеха он может тут достичь!

Четвертая книга выдается среди других сочинений как в смысле интереса, так и в смысле добросовестности. Если б я сознательно кого-либо в этом труде оскорбил ложным утверждением, то как же, по-твоему, я отношусь к Богу, или какое удовольствие мог бы я извлечь из этого для себя? И если б это не было так, то следовало признать, что люди подобны несмыслящим животным, которые находят удовольствие не в добрых делах, а лишь в поглощении и уничтожении, уподобляясь паукам в отношении мух и страусам в отношении железных предметов. Но я не обращаю внимания на тех, которые сами возбуждают подозрения и, прибегая к хитростям, хотят казаться знающими о таких вещах, о которых другие ничего не знают, тогда как на деле оказывается, что они сами не знают многого из того, что известно другим.

Пятое место занимает сочинение «О сохранении здоровья»; последнее — вторая книга «О гипербореях», причем пятое сочинение завершает третье, а шестое — первое. Я хотел бы, чтобы помимо этих девятнадцати сочинений не осталось после меня больше ни одной книги изо

всех мною написанных. Может быть, кто-нибудь удивится этому? Но разве Вергилий не хотел, чтобы погибла его «Энеида» (напротив, он не только желал, но и велел ее уничтожить) и чтобы остались после него лишь «Буколики» и «Георгики»? Так вот и я, но только после того как пересмотрел все мною написанное, пришел к подобному же заключению.

Затем я написал книгу «О природе» (причину составления ее я в достаточной мере выяснил раньше), книгу «О гиперборейцах», входящую в «Богопознание», и сочинение «О нравах» в подражание Аристотелю, который в своем сочинении «О государстве» считал, что тирания может длиться до ста лет, что я признаю неверным. Написать книгу о моей жизни меня побудили и досуг, и необходимость это сделать, и многое другое; и для меня не было лишено приятности (если только Эпикур не совершенно ошибается¹⁶⁴) остановиться на разных ее обстоятельствах. В книге «О зубах» я изложил верный способ излечения как хронических, так и острых зубных болей. Сочинение «Об индийской язве» я написал потому, что очень многие обращались ко мне с письменными запросами относительно нее, и я собрал о ней обширнейший материал. Затем у меня было много причин составить сочинение «О сохранении здоровья», и прежде всего та, что у Галена, чрезвычайно точного в соблюдении порядка изложения, многое, однако, неясно, очень многое недостоверно, и вся вообще работа его осталась недоделанной. Стыдно сказать: он до такой степени заблуждается, противоречит сам себе и путается в своих знаменитых натираниях и упражнениях, что забывает указать, точно явно избегая этого, какое вино следует давать людям здоровым и юношам, несмотря на то, что на протяжении стольких его томов ему сколько угодно раз представляются для этого удобные случаи. Я уже не говорю о том, что обычаи и привычки древних, в частности греков, вряд ли подходят для жителей Италии и для настоящей эпохи; да и сами предметы теперь не те, что были

¹⁶⁴ Кардано намекает на приводимый у Диогена Лаэртца (X, 10) отрывок из завещания Эпикура, где он признается, что ему приятно перед смертью вспоминать о своих философских размышлениях.

прежде: тот же Гален сообщает во второй книге о пищевых продуктах, что в Киренаике жители едят арум¹⁶⁵ как репу и что это не причиняет им ни малейшего вреда. Он точно так же не знал об искусстве перегонки, которое еще не было изобретено в его время. Немалое значение должна была для меня иметь и воля того, чья высшая власть и благость очевидны.

Маленькая книжка, выпущенная под заглавием «Дело», была как бы искрой для запала огнестрельных орудий. Впрочем, если бы кто захочет свести все остальные мои книги к числу первых, т.е. к девятнадцати, просмотрев и отбросив из них все, что мало пригодно по содержанию или является ненужным, подобно тому как и я поступал в некоторых случаях в отношении других своих работ, как, например, по отношению к сочинению «О разнообразии вещей», то он потрудился бы даром, и я был бы ему только благодарен. Следует помнить, что если все книги, по крайней мере хорошие, написаны под действием божественного света, то это осуществляется тремя путями: они могут быть озарены светом, проявляющимся повсеместно, ибо всякая мудрость имеет своим источником Господа Бога и, как думают платоники, наш разум получает свою силу от высшего блага, с которым он соединяется, освещая душу, обращенную ввысь к этому благу; второй путь более осязателен и основан на том, что божественный свет проникает туда и сюда отдельными лучами; хотя некоторые платоники ошибочно сомневались в возможности этого, однако закон нашей религии не колеблется признать такое проникновение как преимущество добродетельных людей; третий путь состоит в том, что божественный свет озаряет разум при наступлении известных благоприятных обстоятельств. Нечто подобное произошло со мной 11 марта нынешнего 1576 г., когда я писал о растении вонючке в своем сочинении «О сохранении здоровья», причем я хвалил его, так как вообще растения этого семейства (*ferulaceae*) я считал полезными. Итак, проходя через овощной рынок, находящийся в Риме поблизости

¹⁶⁵ Арум — род растений семейства ароидных, имитирующий запах животной гнили. Жевание их листьев и ягод опасно.

от рыбного, я встретил одетого не в городскую одежду, а скорее в лохмотья, старика, который стал убеждать меня не употреблять это растение как лекарство, говоря, что, согласно мнению Галена, оно может немедленно убить человека, не хуже цикуты. На это я ему отвечал, что я прекрасно знаю различие между вонючкой и цикутой. Он же сказал: «Берегись, я знаю, что я говорю», — и пробормотал еще что-то про Галена. Возвратившись домой, я действительно нашел у Галена одно место, на которое раньше не обращал внимания; благодаря этому — хотя и в незначительной части своей работы — я, тем не менее, несколько изменил высказанное мною раньше мнение и добавил целый ряд исключений к тому, что было мною изложено. Я указал, что это растение должно быть собираемо в Италии, что если требуется его применить, то только стебли его можно признать безопасными, что давать его можно, если не препятствует этому холод; что как медикаментом, нелегко усвояемым организмом, им можно пользоваться лишь не злоупотребляя им; собирать это растение следует ранней весной, до наступления летнего времени, и в тех местах, где растет много клевера. Я советовал также тем, кто боится принимать это средство, пить его с цитварным корнем или лимонным соком, либо с хлебом, испеченным с чесноком, и дать предварительно проглотить собаке или курице.

Итак, если кто-либо все это примет во внимание, он извлечет из чтения моих книг немалую пользу и по заслугам воздаст благодарность писавшему, как я об этом с самого начала говорил. Поэтому я увещаю всех исправлять свои сочинения согласно предписаниям закона Августа¹⁶⁶. А мои собственные новые работы, как я уже говорил, составлены как раз по такому способу, хотя писались они не с таким рвением и прилежанием.

ГЛАВА XLVI. О СЕБЕ САМОМ

Пока я размышляю обо всех такого рода предметах, я чувствую, что мне может быть поставлен вопрос о том, не надоело ли мне жить среди всех этих и бедственных, и благоприятных, и безразличных обстоятельств? Было бы

¹⁶⁶ Светоний. Биография Августа, гл. 89.

глупо не предусматривать того, что можно сказать в ответ, и не привести оснований для объяснения того, почему ты так сказал. Несчастья, постигшие меня, были: жестокая смерть сыновей, а также их безрассудство и бесплодие; моя неспособность к половым сношениям с женщинами, непрекращающаяся бедность, нападки и обвинения, неурядицы, болезни, опасности, тюремное заключение и столь многочисленные и частые оскорбления, нанесенные вследствие предпочтения мне недостойных. Но оставим в стороне обычного рода несчастья: если не является несчастным человек, у которого нет ни сыновей, ни почестей, ни богатства, то каким образом может быть несчастен старик, у которого что-нибудь из этого да есть? Сравнивай себя с людьми более жалкого происхождения, а не только с более счастливыми и богатыми! По справедливости, я не только не могу жаловаться на свое положение, но, напротив того, если верить Аристотелю, я даже счастливее многих благодаря своему действительному и редкому обладанию многими и важными знаниями. Скажу более: благодаря этому я мог, как стоики, презирать все смертное, и в настоящее время я пожинаю настолько зрелые плоды этого убеждения, что, как ни дряхл я сейчас, я могу не завидовать себе самому, каким я был в расцвете моей юности, и не чувствую себя обойденным ни в отношении обладания телесными ощущениями, ни в смысле благодеяний судьбы, ни в способности предаваться размышлению. Но я могу сказать еще больше: я необыкновенно счастлив, так как знаю, что наше естество причастно к божественному началу. Что же, если кому-нибудь, стоящему на грани смерти, будет возведено, как царю Езекии¹⁶⁷, что он проживет еще пятнадцать лет, разве он не станет радостнее от этого? А если ему будет дано прожить тридцать, либо сто, либо, наконец, до тысячи лет, какой огромной радостью он будет охвачен! Неужели он не забудет тогда и все наслаждения, являющиеся уделом смертных? А если ему обещаны будут десятки и сотни тысяч лет жизни, будет ли он в состоянии владеть собою от радости? Но допустим, что ему дарована будет вечная

жизнь; чего же ему большего просить или на что большее надеяться? Но тот, кто живет вне надежды на это, лишается двойного и истинного блага, т.е. и надежды, и плодов своего существования. Таким образом, если Богу угодно было в нашем смертном состоянии сделать нас причастными бессмертной жизни, то не следует пренебрегать этими безмездными дарами и судить о нашем положении иначе.

ГЛАВА XLVII. ДУХ

198

Признано вполне установленным, как я уже говорил, что находящиеся при человеке или руководящие им духи (которых греки обыкновенно называли «ангелами» и которые по-латыни называются менее подходящим названием «духи», *spiritus*) покровительствовали некоторым людям, как-то: Сократу, Плотину, Синезию¹⁶⁸, Диону¹⁶⁹, Иосифу Флавию, а также и мне. Все эти люди жили счастливо, кроме Сократа и меня, хотя, как я заметил, я в настоящее время пользуюсь наилучшими условиями жизни. При диктаторе Гае Цезаре, Цицероне, Антонии, Бруте и Кассии были хотя и замечательные, но злые духи; у Антония и Цицерона духи были могущественные, но для них чрезвычайно губельные; у Иосифа дух был превосходный и на редкость благородный, внушивший ему воинскую доблесть и снискавший ему благоволение Веспасиана и его сыновей; дух этот проявил себя и в богатстве Иосифа, и в исторических его сочинениях, и в трех поколениях его потомков; он сопутствовал ему в сражениях, бедственных для его собственного племени, и одарил способностью предвидения будущего, отличавшей его в плену; благодаря этому духу он избавился от безумия, обуявшего его близких, и спасся из морских волн. Однако все эти духи, очевидно, были демонами, между тем как у меня, мне кажется, дух добрый и милосердный.

¹⁶⁸ Синезий (ок. 370 — ок. 413) — христианский богослов, философ-неоплатоник.

¹⁶⁹ Дион Кассий (155 — после 229 г.) — древнегреческий историк, автор утраченного сочинения о сновидениях и приметах и частично дошедшей до нас «Римской истории».

Я уже давно убедился в том, что меня охраняет некий дух; но каким путем он предупреждал меня о грозивших мне бедах, этого я не мог понять, пока мне не миновал семьдесят четвертый год и пока я не приступил к описанию собственной моей жизни. Ибо множество угрожавших мне событий, предвиденных с полной точностью, на самом, что называется, их пороге, могут быть признаны чудесными как совершившиеся пусть и без божественной помощи, но никак не без содействия духа. Из сказанного раньше можно извлечь примеры этого рода случаев: когда дух предвидел, что мне грозит предстоявшее на следующий день бракосочетание моего сына (который, по всей вероятности, обещал в тот вечер жениться на Брандонии Саронна), он вызвал у меня особым, лишь ему известным способом упомянутое мною сердцебиение и заставил меня, а равно и моего мальчика-слугу почувствовать сотрясение спальни; и я, и мальчик ощутили землетрясение, которого, однако, не заметил никто другой из наших сограждан, так как его на самом деле и не было. И если б сын и не женился на ней, чего не могло бы случиться без сильных споров и ссор, я все-таки не мог бы казаться вследствие этого введенным духом в заблуждение, но, напротив того, он заслуживал бы еще больше благодарности, ибо он как бы старался отклонить нас от этого несчастья. Точно так же в тюрьме он вызвал передо мной и сопровождавшим меня юношей явление, заключавшееся в тех ударах, которые, как я думаю, по божьему повелению, должны были утвердить меня в надежде на Бога и на то, что я избегну смерти, чтобы все, что я терплю, показалось мне не столь страшным.

Из всего испытанного я убеждаюсь, что этот дух, приставленный ко мне, обладает большим могуществом, ибо он проявляет себя в явлениях, видимых и для других людей, или в таких, где видения воспринимаются одновременно двумя органами чувств, как, например, при таинственных словах «Te sin casa» или «Lamant». Точно так же явления воронов, собаки, огненных искр, происшедшие в 1531 г., показывают, что дух может действовать и на души лишенных разума животных, которых, так

же как людей, охватывает страх от теней, а какой-либо блестящий предмет, вроде драгоценного камня или металла, обманывает напрасной надеждой.

Вообще говоря, демоны древних во многом разнились друг от друга; так, у Сократа демоны были удерживающие, у Цицерона на его смертном одре — увещающие; бывают среди них и поучающие о том, что должно наступить в будущем, посредством снов, животных, различных случаев, побуждения идти в определенное место, иллюзий, действующих на одно или несколько чувств одновременно; причем, чем многообразнее такие иллюзии, тем значительней вызывающий их дух. Точно так же бывает, что духи воздействуют и через посредство не только естественных, но и сверхъестественных явлений; в последнем случае мы считаем, что дух, проявляющий себя таким образом, наиболее замечателен, будь он добрый или злой.

200

Возникают сомнения, почему эта заботливость духа направлена именно на меня, а не на других? Ведь я не отличаюсь исключительной ученостью, как думают некоторые, а может быть, как раз наоборот. Может быть, это вызывается моей горячей любовью к истине и к мудрости, соединенной с презрением к богатству, даже в настоящем моем бедном состоянии? Или тем, что я одержим такой жаждой справедливости? Или что я все приписываю благодати Бога, а себе самому — почти ничего? Или, наконец, это происходит ввиду какой-либо цели, известной ему одному?

Другой вопрос: почему то, что дух мне внушает, он не внушает открыто, как бы я того желал? Почему он научает меня одному посредством другого, например, посредством этих диких шумов в тюрьме, чтобы я убеждался в том, что Бог все видит и обо всем заботится, хотя этого я своими глазами видеть не могу? Ведь дух мог бы внушить это открыто через посредство сновидения либо другого, более ясного явления. Но, быть может, это свидетельствовало о более высоком божественном попечении обо мне или о предстоявших мне и действительно наступивших более серьезных испытаниях: страхах, препятствиях и беспокойствах, о которых я предупре-

ждался этим шумом, вместо того чтобы меня ими испугать прямо. Нужно, чтобы эти явления были прикрыты тьмой, дабы мы поняли, что все это — действия Бога, и не стали бы этому противиться. Поэтому глупо стремиться к спешному и необдуманному раскрытию подобного рода тайн; еще глупее — желать выставить напоказ то, что столькими различными способами скрыто от познания людей и о чем они давно привыкли высказывать ложные суждения. Если предвещения окажутся справедливыми, можешь ли ты извлечь из них хоть малую пользу? Если же они ложны, то в чем они тебе помогут? Поэтому будем рассматривать их как дары, получаемые от щедрых существ, дарящих много такого, чего мы не способны принять.

Возвращаясь к прежнему, я вновь спрошу: почему при этих явлениях говорились такие слова, которых я не мог понять, как, например, «Te sin casa», или «Lamant», или, наконец, эти слова о четырех годах жизни из ответа Симия?¹⁷⁰ Почему у меня на тарелках появлялись червяки? Мало правдоподобно, чтобы эти явления происходили по ошибке, ибо божественная сила не знает ничего, что могло бы ей противиться, и ей открыты все подходящие средства для своего проявления. Поэтому, хотя я и не могу утверждать этого положительно, однако считаю вероятным, что причина этих явлений, т.е. дух, как и сама природа, движется в силу известного порядка, и, как в природе, которая никогда не заблуждается, вследствие недостатков в самом веществе рождаются иной раз чудовища, так это бывает и здесь. Я также не думаю, чтобы дух был выше разумом, чем природа, и полагаю, что он заблуждается в выборе средств действия; поэтому и его следует считать только орудием. И как в известные годы, когда сила солнца встречает препятствия, рождаются многие чудовища, так и при препятствиях, встречаемых небесной силой в нашем теле, иными словами — душой как орудием этой силы, обнаруживаются неполнота и ошибки в распознавании будущего с помощью такого рода знамений. Если ты

¹⁷⁰ «Слова о четырех годах жизни из ответа Симия» — такого эпизода в книге «О моей жизни» нет.

скажешь, что эти ошибки возникают при воздействии через вещество, а что дух действует через волю, то я на это скажу, что сам дух, будучи существом невещественным, благим, зависящим от Бога или, как выражаются богословы, добрым ангелом, согласно воле божией с совершенной точностью раскрывает то, что нас ожидает в будущем, и никогда не заблуждается. Также и природа научена Богом так, чтоб она всегда могла давать душе правильное понятие о том, что именно она восприняла от духа; но то орудие, посредством которого она стремится наставлять нас, не всегда хорошо подготовлено для восприятия ее указаний. Может быть, форма нашего восприятия несовершенна или от недостатков дыхания, или еще чего-нибудь в нас, чего мы не в состоянии понять или ошибочно понимаем то, что внушает нам дух или природа. И единственная разница между учением философов и богословов заключается в том, что, по мнению философов, материя сама не всегда способна принимать нужную для восприятия форму, тогда как, по мнению богословов, это происходит по воле божией главным образом из-за наших грехов.

Впрочем, я не хотел бы, чтобы большинство было введено в заблуждение относительно моего способа познания, о чем я так часто уже говорил. Если я думаю, что все, что я знаю, воспринял от духа, то к чему тогда мои чувства? Или я думаю, что все знаю? Но тогда я должен был бы быть Богом. Между тем мое знание по сравнению с познанием бессмертных существ походит на тень человека по сравнению с безграничностью Палатина¹⁷¹.

Познание бывает трех родов: первое приобретается органами чувств при помощи наблюдения над многими предметами; это есть то познание, которое толпа и люди необразованные особенно ценят во мне; при этом оно бывает двоякого рода — в зависимости от того, постигает ли оно только самые предметы, как они есть, или постигает, почему они таковы. Во многих случаях достаточно знать то, что есть, ибо я считаю недостойным внимания доискиваться причин тех совершенно незначительных предметов, которые познаются этим путем.

¹⁷¹ Палатин — меньший из семи главных холмов Рима.

Второй род познания касается более высоких предметов в их причинности и особого их изучения; такой род познания обыкновенно именуется доказательством, от действия восходящим к причине. Доказательством я пользуюсь для развития способности к обобщениям и для познания общего через частное, хотя тут я столь же редко добивался успеха при помощи своего собственного искусства, насколько часто достигал его при помощи духа. Этот род познания особенно ценится учеными, считающими, что оно есть плод учености и практики, почему большинство считало меня высокоученым и понятливым, хотя я как раз не был ни тем, ни другим.

Третий род познания — познание бестелесного и бессмертного; этот род познания всецело внушен мне духом, причем оно сообщалось мне простейшим путем, через доказательство, т.е. посредством указания причины, и это доказательство оказывалось наиболее достоверным. Но не следует думать, что эти причины всюду одни и те же, ибо часто они служат для доказательства нелепости. Ведь если предположить, что внешний угол равен двум внутренним, прилежающим к той же стороне, то это есть указание не на причину того, что это действительно так, а только на то, что служит исходной точкой нашего познания. Ввиду этого такое простейшее доказательство относится только к субстанциям как телесным, так и бестелесным, почему оно имеет значение в натуральной и божественной философии; математика же как бы требует обоснования. Хотя это может показаться затруднительным, однако это справедливо, ибо познание того, что это так, есть причина построения нами доказательства. Таким же путем я пришел к разрешению различных задач и к знанию некоторых языков (хотя я и не говорю на них), даже и не помышляя об этом. Способность к обобщению и озарению я частью приобрел упражнением, частью получил от духа; я более сорока лет добивался озарения, прежде чем его достиг. Точно так же всем моим искусством писать книги и умением читать лекции без предварительной подготовки я обязан моему духу и озарению. Этот род знания чаще вызывает у людей зависть, чем доставляет доброе имя, и приносит больше славы, чем пользы, однако он же дает

исключительное, не грубое, а тонкое наслаждение и помогает жить, так как служит утешением среди стольких несчастий, помощью в бедственных обстоятельствах, поддержкой в тяжелые минуты и среди трудов всякого рода; поэтому я считаю, что его доля в счастье человека наиболее богатая и превышает всю совокупность остальных долей, и что он необходим и для совершенства, и для украшения жизни всех людей. Вообще говоря, дело обстоит так, как я изложил; я могу заблуждаться насчет причин, но тут я полагаюсь на более мудрых и знающих, чем я, т.е. на богословов.

ГЛАВА XLVIII. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБО МНЕ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ

204

Наиболее славные свидетельства обо мне дали четверо моих противников и прежде всего — знаменитейший Маттео Корти. Когда сенат обратился к нему с просьбой назначить себе преемника по кафедре, он ответил, что я являюсь наилучшим, могущим оправдать все ожидания и выполнить все, что от меня потребуется. Затем Дельфино, соперничавший со мной и занимавший второе после меня место. Когда ему в присутствии студентов и при мне на городской площади кто-то сказал, что если я уйду, второе место займет Монтано, и когда я добавил, что ему будет трудно соперничать с ним как с ловко умеющим привлекать к себе студентов, он на это ответил: «Что касается первого места, то я никому его не уступаю, даже если бы преподавал сам Гален, но я считаю, что мне гораздо более лестно занимать второе место при тебе, чем первое при ком-либо другом, и вместе с тем я не думаю, что мне было бы труднее состязаться с кем-либо другим, чем с тобою, ибо при всей благосклонности наиболее важных лиц всего нашего города и стольких славных и знаменитых особ, и несмотря на то, что благодаря мне столько людей было освобождено от изгнания, я все-таки не мог достигнуть того, чтобы по числу слушателей моя аудитория сравнялась даже с третьей частью твоей».

Другой мой соперник — Камуцио — напечатал книгу, где горько жалуется, что в Павии и в других академиях мое имя приводят в противовес Галену, которого, если б это

не было так, следовало бы без всякой оговорки предпочесть мне как умершего уже столько лет назад, в отношении коего по справедливости не может быть речи ни о какой зависти и мнений коего всецело придерживается такое множество авторов. Эта книга Камуцио от лично всем известна.

Четвертый свидетель — Себастиано Джустиниано, венецианец, претор города Падуи, человек мудрейший, обладающий глубокими познаниями в гуманитарных науках, в философии и в богословии и выполнявший много ответственных поручений от имени своей республики. Когда он летом 1524 г. присутствовал на публичном диспуте, где, между прочим, выступал Винченцо Маджи из Брешии (вскоре после того читавший публичный курс философии в Ферраре), и услышал после многих других выступлений мою речь, он спросил, кто я такой; кто-то сообщил ему, что я миланец и зовут меня Джироламо Кардано. По окончании диспута он велел позвать меня и в присутствии всего университета сказал мне: «Учись, юноша, и тогда ты превзойдешь самого Корти». Так как я, пораженный неожиданностью, молчал, то он повторил: «Ты понял меня, юноша? Говорю тебе, учись, и ты превзойдешь Корти». Все слышавшие это изумились, в особенности потому, что я не только не принадлежал к подданным их государства, но и происходил из далеко не дружественного им города, вследствие постоянных и продолжительных войн, которые они вели с нашими государями.

Что же касается письменных обо мне свидетельств, то я, сознательно многих не приводя, счел имеющим смысл перечислить те, где упоминается обо мне с уважением, тем более что сочинения, в коих они содержатся, напечатаны и всюду продаются.

Свидетельства обо мне в книгах

1. Адольф Крангий — в книге Тритгейма.
2. Адриан Алеман — в комментариях на сочинение Гиппократов о воздухе, воде и местностях.
3. Андрей Везалий — в «Апологии против Поцци», под именем Гавриила, сына Захария.

4. Андре Тирако, юрисконсульт — в сочинении о благородном сословии и в книге о брачных законах.
5. Аугерий Феррерий — в книге о французской болезни.
6. Автор замечаний на сочинение Гермеса о рождениях¹⁷².
7. Антонин Мизальдус — в книге о симпатии и антипатии.
8. Аматус Лузитанский — в комментариях на Дисскорида.
9. Андрей Баччо — в сочинении о целебных водах или ваннах, но он с недоброжелательством отзывается обо мне, как я это ему самому указал.
10. Андрей Камуцио — в опубликованной им полемике (как я указал выше).
11. Антония Мария, или Марко Антонио Майораджи (как он сам именовал себя, переменив имя) — в «Антипарадоксах».
12. Адриан Турнеб — в толковании на книгу Плутарха «Об оскудении оракулов»; но опустив мое имя, он по глупости сам себя изобличает.
13. Бродо — в сборнике разных сочинений.
14. Бутео — в своем «Мельничном камне», где он обнаруживает, что он сам не знает предмета и не в состоянии научиться ему.
15. Карл Клузий — в сочинении об индийских ароматах.
16. Христофор Испанский — в итинерарии испанского государства.
17. Хроника Гаспаро Бугати — в обзоре медиков и профессоров.
18. Дополнение Сансовино к хронике — при перечислении медиков и профессоров.
19. Конрад Геснер — всюду.
20. Конрад Ликостен — в книге о чудесах.
21. Костантино — в книге Аматуса, особенно там, где он говорит о камнях.
22. Христофор Клавиус из Бамберга — в третьей книге «Начал».
23. Даниэле Барбаро, патриарх Аквилеи — в главе 8 книги 10-й комментариев на Витрувия.
24. Даниил Зантбех — в книге «Проблем—7».

¹⁷² Сочинения Гермеса Трисмегиста («Трижды великого»), которому приписан ряд произведений философского и натурфилософского характера. Климент Александрийский говорит о существовании 36 его книг.

25. Донато де-Мутис — в разъяснении некоторых афоризмов.
26. Краткое описание библиотеки.
27. Франциск Александрийский — в своем «Антидотарии».
28. Франциск Флуксада-Кандала (порицание коего может считаться за похвалу) — в своей геометрии.
29. Франческо Викомеркато — в своих «Метеорах».
30. Фукс — в книге о составлении лекарств.
31. Гаспар Пейцер — в книге о предсказаниях.
32. Гауденцио Мерула из Новары — в полемике по поводу Эразма. Он первый упомянул мое имя в печати.
33. Георг Пиктор, врач — в многочисленных своих книгах.
34. Гульельмо Граттароло, врач из Бергамо.
35. Габриэле Фаллопио — в книге об ископаемых (хотя он сам себе противоречит).
36. Гильом Ронделет — в истории водяных животных. С недоброжелательством.
37. Гемма Фризий — в своей арифметике.
38. Джироламо Кастильоне — в речи во славу родины.
39. Иероним Трагус — в книге о растениях.
40. Жером Монте, медик короля французского.
41. Иаков Пелаториус — в книге о математике.
42. Жан Шуль — в истории дуба.
43. Иоанн де-Колиадо — в сочинении о костях.
44. Джамбаттиста Плопио, юрисконсульт — в книге о принесении присяги на суде.
45. Иоганн Шонер — в сочинении о рождениях.
46. Иоганн Коклей — в начале своей истории.
47. Иоахим Геллер — во введении к сочинению Иоанна Испанского.
48. Джованни Чередо — в сочинении о способах поднятия воды.
49. Иоанн Стадиус — в таблицах и эфемеридах.
50. Иоанн Баррос Лузитанский — в 4-й книге I-й декады истории Ост-Индии.
51. Юлий Цезарь Скалигер — по поводу моих книг «О тонких материях».
52. Иаков Карпентарий — в комментарии к Алкиною.
53. Вступление в книгу об опухолях.
54. Сборник сочинений о воде.

55. Первый сборник сочинений о французской или индийской язве¹⁷³.
56. Левин Лемниус — «О тайнах природы».
57. Лоренцо Дамиата в его географии, еще не напечатанной.
58. Лев Суавиус — в книге о мышьяке и аурипигменте.
59. Лука Гаурико — в книге о рождениях, хотя и с недоброжелательством.
60. Матвей Абель — в сочинении о странах земного шара.
61. Мартин Генрих — в разных местах «Медицинских вопросов».
62. Меланхтон — в основных положениях знания.
63. Мельхнор Гиландин, из Пруссии.
64. Михаил Штифель — в своей арифметике.
65. Рафаэле Бомбелли, болонец — в своей «Алгебре».
66. Никколо Тарталья, который после того, как он дурно отзывался обо мне, был вынужден в Милане отречься от сказанного.
67. Филандер — в сочинении Витрувия.
68. Петр Пельма и Матвей де-Лобель — в книге под заглавием «Замечания о корнях», в главе о часе и противочасе.
69. Ройнер Соленандер — в сочинении о теплых ведах.
70. Северин Бебелий — во второй книге «О янтаре».
71. Таддео Дуно — в особом сочинении.
72. Валентин Набод из Кельна — в комментариях на Алкабигия.
73. Варки — в своих стихах на его родном языке.

Мне известно, что еще многие другие, имен коих я не могу вспомнить, публично упоминали мое имя. Из тех, кто дурно отзывался обо мне, я не знаю никого, кто вышел бы за пределы грамматики; я не знаю, как они осмелились причислить себя к разряду ученых. Вот их имена: Бродео, Фукс, Карпентарий, Турнеб, Ронделет, Бутео, Флуксада и Тарталья.

Скалигер, Дуно, Инграссиа, Гаурико и Соленандер возражали мне исключительно для приобретения себе громкого имени.

¹⁷³ Имеется в виду напечатанный в Венеции в 1566–1567 гг. двухтомный сборник всех известных сочинений о сифилисе, составителем которого значится Aloysius Luisinus.

Ознакомьтесь теперь, читатель, и с другими устными свидетельствами, ибо относительно письменных свидетельств может ли кто сомневаться, что ни Галену, ни, пожалуй, Аристотелю не удавалось собрать столько же свидетельств о себе при жизни, как мне (если только мне тут не поспособствовало искусство книгопечатания). Прежде всего упомяну об Андреа Альчиати (которого я здесь упоминаю, чтобы воздать ему должную честь), не только имевшем обыкновение, как я уже упоминал, называть меня мужем открытий, но и ежедневно перечитывавшем мои сочинения, в особенности то, которое озаглавлено «Об утешении»; Анджело Кавенаго, первый медик императора, прозвал меня мужем трудов, а Юлий Цезарь Скалигер наградил меня несколькими лестными эпитетами¹⁷⁴, за перечисление коих я прошу извинения: он называл меня умом глубочайшим, счастливейшим и несравненным. Даже несмотря на всю ту зависть, какую мог я возбудить, нельзя было обойтись без публичного признания моих заслуг в Болонье, Павии и других городах. А сколько раз заставляли с моими книгами в руках Амброджо Кандиано и Бартоломео д'Урбино — двух знаменитых людей и славных медиков. Да они и не скрывали этого, хотя вовсе не были моими друзьями! Но пора покончить с этим, чтобы не казалось, что я гонюсь за тенью сновидения: ведь все дела человеческие одна суета, а похвала людей и вовсе ничтожна.

ГЛАВА XLIX. РАССУЖДЕНИЕ О ДЕЛАХ МИРА СЕГО

Существуют две основные причины несчастья смертных. Первая заключается в том, что хотя все суетно и ничтожно, человек, тем не менее, всегда ищет чего-то прочного и основательного. Всякий считает, что у него недостает этого прочного; что он и здоровьем плох, и богатством не наделен, и лишен сыновей, и несчастлив в друзьях; когда же он принимается искать этих благ и не находит их, он начинает мучиться; но еще более терзается он, обрета

¹⁷⁴ Здесь Кардано иронизирует: Скалигер чаще осыпал Кардано бранью. Впрочем, в «Апологии» и Кардано не остался в долгу; например, он пишет: «Полагаю, что в самом деле у этого пустослова есть в избытке то, чего мне не хватает, а именно время».

что-нибудь подобное, ибо убеждается в том, что он обманулся, и снова принимается искать чего-нибудь другого, ибо ему всегда чего-то недостает. Не так ли жаловался Август¹⁷⁵ на отсутствие у него друзей и на бесстыдное поведение своих потомков? Такие люди сами себя обманывают. Другая причина несчастья касается тех, кто думает, что знает то, чего на самом деле не знает. Одни из них обольщают самих себя и обманывают других, другие же притворяются и только обманывают других.

К этим причинам бедствий можно присоединить и две случайные причины. Первая из них действует в том случае, если человек живет в таком месте и в такое время, когда государство, к которому он принадлежит, терпит бедствия и рискует крушением от плохих и извращенных законов. Стараться противиться такому порядку вещей чрезвычайно трудно, крайне тревожно и главным образом безрассудно; не менее трудно, а также и опасно стараться избежать последствий этого порядка, ибо и владения, и деньги отдельных людей одинаково подвергаются риску при общественных бедствиях. Другая случайная причина — неустойчивость, которой подвержена наша кратковременная жизнь, вследствие чего многие умирают среди своих трудов и богатств, достоящихся другим.

Все это с трудом переносится людьми, но в особенности тяжело это для стариков и для малоосторожных людей. Побороть это невозможно лицам малоопытным или непредусмотрительным, и все это еще ухудшается чужою глупостью, которая, если к ней присоединяется, кроме того, незнание цели стремления, делает людей негодными по отношению к самим себе и еще более вредными для других. Вследствие этого некоторые предпочитают соединяться в общества, иные же ставят себе целью служение Богу и приготовление к смерти. Богу — потому, что Он один не обманет, к смерти — потому, что она конец всех бедствий, что она заставляет нас презирать все прочее, что она несомненна и одна может положить предел всякому злу. Во-вторых, необходимо создавать себе несколько точек опоры, чтобы в случае исчезнове-

175 Светоний. Биография Августа, гл. 66.

ния одной ты не пал сам или не сделался рабом окружающих тебя. В-третьих, надо судить о вещах не по количеству, а по качеству, ибо следует больше обращать внимание на малые начала великих вещей, чем на те, что кажутся большими, но по существу являются меньшими. И раз ты нуждаешься во многом, раз человек не может всего довести до желанной цели, нам не следует ни к чему стремиться с неумеренным вожделением, а надо лишь стараться достичь предела необходимости и безопасности. Итак, должно соблюдаться не равенство во всем, а распределение по определенным степеням: например, надо стремиться к добродетели так, чтобы никто не был ее лишен, и к богатству, чтобы оно всем могло оказывать помощь. В-шестых, воспитание оказывает большое влияние на детей, но если оно не приносит им никакой пользы, поскольку они от природы злы, глупы, своевольны и дерзки и, уже выросши, остаются лентяями, и если только один из них таков, а ты сам стар, то это худшее из всех бедствий, если ты еще прибавишь к этому бедность, судебные тяжбы, растрату отцовского достояния, плохие времена — все то, что ныне составляет мой удел, кроме последнего. Теперь скажу тебе, помимо всего сказанного раньше, что есть средства помочь этому; одно из них состоит в том, чтобы ты подумал, что если бы у тебя вовсе ничего не было, ты еще более нуждался бы; другое заключается в том, чтобы ты поспешил найти среди своих близких, кого бы ты мог усыновить, как Сципион, — либо невестку, либо еще кого-нибудь (следует, однако, остерегаться сделать ошибочный выбор), после чего, как бы воскреснув после стольких совершенных тобою безрассудств, ты снова всецело сможешь отдаться своему делу.

Итак, в виде краткого заключения я скажу, что в настоящее время все мелко, пусто и суетно, даже в отношении тех действий, какие мне еще остается совершить, и все это, в конце концов, зависит главным образом от мимолетных условий. Я расскажу об одном происшествии, случившемся со мной. Примеров подобных происшествий я мог бы привести еще много.

В 1562 г., сколько помнится, 17 октября, когда я жил в Милане и собирался переехать в Болонью, дней за шесть до

переезда, с ремешка, которым я привязывал обувь к камзолу, соскочила бронзовая пряжка. Я не обратил на это никакого внимания, так как был завален делами. Между тем у меня было шесть связок ремешков, которые я намеревался взять с собой в Болонью; они были куплены мною накануне того, как соскочила пряжка. В тот день и час, когда мне нужно было уезжать (как раз перед тем, как садиться в повозку), я захотел помочиться, что было у меня привычкой делать перед поездкой. Сделав это, я захотел подвязать ремешок, но не мог из-за отсутствия пряжки; раздосадованный этим, я оббегаю все лавки, какие были поблизости от моего дома (таких было, если не ошибаюсь, три), но нигде не нахожу того, что мне нужно. Не зная, как быть, я вдруг вспоминаю о моих связках ремешков; я прошу ключ у моего зятя, он мне дает его, я открываю сундук, с трудом отпирающийся благодаря сложному немецкому замку, нахожу связки ремешков и тут же вдруг вижу кучу всех мною написанных книг, сложенных там, чтобы по моем отъезде быть отправленными вслед за мною. Как говорит Вергилий:

*Оцепенел я, власы поднялись, голос замер в гортани*¹⁷⁶.

Я их взял, повез с собой и начал читать лекции, а в начале декабря получил письмо, где мне сообщали, что ночью сундук был взломан и все, что в нем находилось, было похищено. Если б не ремешок, я не смог бы преподавать, лишился бы места, и только что не должен был просить подаяния; вместе с тем погибло бы множество моих сочинений, и я в скором времени едва ли не умер бы от горя. И все это зависело от такого пустяка! О, жалкий жребий и ничтожество людское!

Чтобы хорошо распознать обычаи и нравы людей, следует ознакомиться с тем, на какой степени распространения и совершенства находятся у нас науки, а также с природой, законами и привычками их. Люди грубые просты и упрямы, поэтому они легко впадают в крайности; хорошие между ними — превосходны, так как не поддаются развращению, а дурные — никуда не годны, и их нельзя заставить измениться к лучшему ни доводами рассудка,

¹⁷⁶ Вергилий. Энеида, II, 774 / пер. В. Брюсова. — Примеч. пер.

ни убеждениями: в удовлетворении своей похоти они не знают удержу, а в обжорстве отвратительны; в гневе они жестоки, в особенности бедные — из жадности, а богатые — из честолюбия. Косные и ленивые между ними грубы, завистливы, а потому хитры и скупы. Живущие при деспотическом правлении становятся падки на чужое имущество, если они могущественны, и жадно берегут свое, если они бедны; а там, где скупость, нет ни верности, ни любви, ни милосердия. Смелость делает людей жестокими в гневе, косность делает их грязными и безнравственными, особенно в обжорстве и сластолюбии. Трудолюбивыми людей делает необходимость или привычка, а находчивыми — нужда. Если законы препятствуют предаваться научным занятиям, в честь входят ремесла, и появляется честолюбие, как это бывает в государствах, управляемых знатью; неминуемо наступает расцвет всякого рода художеств и искусных работ, в особенности если страна представляет разнообразное поле для такой деятельности. В республиках же или там, где стремятся только к обогащению, на почет не обращают никакого внимания.

213

Я привел один случай в виде примера, теперь предложу такой, который может произойти тысячу раз со всякими. Ты, быть может, посмеешься, но от одного такого случая нередко зависит и смерть, и жизнь. Случилось это со мной не далее как сегодня, т.е. 28 апреля 1576 г. Я отправился по узкому переулку на городскую площадь, где хотел повидаться с ювелиром, а вознице своему, человеку глуповатому, приказал ехать на двор к Альтовити. Он сказал мне, что поедет туда, и тронулся, но понял меня не так, как надо. Я возвращаюсь назад и не нахожу его; тогда у меня является мысль, что он отправился на площадь Кастеллано; я иду туда, обремененный лишней одеждой, так как раньше я ехал в повозке. По дороге встречаю Винченцо, болонского музыканта и моего приятеля; он удивляется, что у меня нет повозки; я прихожу на место, но возницы своего не нахожу. Тут меня охватило большое беспокойство, так как пришлось бы идти назад через мост, а я был истомлен усталостью, голодом и весь вспотел. Я мог бы попросить

экипаж у хозяина, но это было бы по многим причинам неудобно. Я поручаю себя воле Божией и думаю о том, что мне нужно вооружиться благоразумием и терпением. Я возвращаюсь обратно с таким расчетом, чтобы не переутомить себя, но и не отдыхать по дороге; но в конце моста я сворачиваю к Альтовити под предлогом того, что я хочу спросить о курсе неаполитанских денег, что мне действительно хотелось знать, и сижу там; он мне охотно сообщил требуемые сведения; в это время входит хозяин, и я немедленно ухожу. На площади я вижу своего возницу, которому встреченный мною приятель указал, где меня искать. Я сажусь в повозку, сомневаясь, ехать ли мне или сначала утолить голод; тут я в кошельке нахожу три изюминки. Таким образом я все, что надо было, исполнил и даже получил удовольствие. Ты видишь отсюда, читатель, сколько случайностей произошло со мною в этот день; встреча с Винченцо, последствие ее — решение его вместе с возницей ехать к дому банкира, нахождение последнего свободным от дел, приход хозяина, выход мой в связи с этим из этого дома, встреча моя с возницей, находка трех изюминок. Всего семь случаев; но если бы даже один из них произошел немного раньше или немного позже, не долее того, сколько потребовалось бы, чтобы произнести два слова, то я либо погиб бы, либо должен был бы вынести величайшие неудобства и неприятности. Я не отрицаю, что и с другими происходят постоянно подобные же случаи, но не столь неожиданные, не столь чреватые крупными опасностями, не столь осложненные величайшими трудностями, почему на них и не обращают внимания.

ГЛАВА I. ИЗРЕЧЕНИЯ, КОТОРЫМИ
СЛЕДУЕТ РУКОВОДИТЬСЯ.
ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Следует делать только то, воспоминание о чем ни в каком возрасте не вызывало бы у тебя стыда, и заботиться, чтобы возможность исполнить желаемое не исчезла раньше самого желания. Память о таких делах есть источник спокойствия и, что еще лучше, не доставляет никакой заботы.

Из двух крайностей надо считать лучшей ту, которая, когда долго имеешь с ней дело, приносит меньше вреда.

Как говорил Соран¹⁷⁷, следует принимать от предлагающих, но не требовать от не желающих дать.

В случае колебания выбирай то, что более естественно и удобно. Так, лучше давать пилюли, чем микстуру, которую можно и неверно смешать, и дать не в надлежащей дозе.

Кто отказывается рассуждать разумно, тот все равно что животное: он или заслуживает побоев, или же от него следует отстраняться, ибо только человек изъясняется и ограждает себя речью.

Угрюмые, необходимые, грубые и косные люди не так бесполезны в основном деле, как во многих других делах, но поэтому-то их и следует избегать больше, чем кого-либо другого.

С людьми влиятельными (из скромности) следует по большей части ограничиваться словами вроде: «Вы меня обидели» или «Я жалуюсь на обиду». С родственниками и наследниками следует говорить так: «Вот как вы хотите после моей смерти оберегать мое добро?». Этим ты поставишь их в затруднительное положение.

Упрекавшему меня в том, что у меня мало учеников, я ответил: «Донатов продается больше, чем Вергилиев». А на его слова, что я в своих мнениях — единственный в своем роде, сказал: «Поэтому и единорог так высоко ценится».

Юристу, упрекавшему меня в малом количестве слушателей, я ответил: «Иные доставляют больше чести своим присутствием, чем другие бесчестия своим отсутствием».

Врачу, хвалившемуся, что у него много пациентов, я ответил: «Надо хвалиться не этим, а тем, что большинство их них выздоравливает». А другим говорил еще резче, что величайший позор, если у них на руках умирает столько народу.

Стараясь обратить одного юношу от дурного общества, я сказал ему: «Я могу показать плод, испортивший кучу других, но не могу показать кучу, которая восстановила бы испорченный плод».

¹⁷⁷ Соран Эфесский (98–138) — греческий медик, автор некоторых медицинских сочинений.

Укорявшим меня за то, что я воспитываю много мальчиков, я ответил: «У меня двойная заслуга: я делаю хорошее, а выслушиваю дурное».

Мудрость, как и прочие драгоценности, должно добывать из глубин.

Сравнивавшему меня с другими учеными я возразил стихом Вергилия:

*Что ж! коль он спорить готов,
что и Феба в пенье превысит?*¹⁷⁸

Часто советовал я своим ученикам с исключительным вниманием отдавать себе отчет в том, что важно и что не важно.

Иметь другом выдающегося человека — признак великой мудрости.

216 Порицавшим старость я говорил: «Стар тот, кого покинул Бог».

Друзья в несчастье подают помощь, льстецы — совет.

Зло должно лечить добром, а не злом.

Я больше обязан плохим врачам за то, что они губят моих врагов, чем хорошим, хотя бы и друзьям.

Если мне замечали, что я ошибся в прогнозе болезни, когда находился вместе с другими врачами (плохими и неопытными), я говорил, что было бы удивительно, если бы я, находясь среди них, дал правильный прогноз или вообще сделал что-либо хорошее.

Когда ты собираешься что-нибудь совершить, подумай о том, каково будет твое положение после того, как ты это сделаешь, и в случае удачи, и при неудаче.

Знаменитому человеку следует жить там, где имеет пребывание его государь.

Принимайте друзей с радостным видом, ибо они заслуживают этого, а врагов — так, чтобы чувствовать себя выше их.

Те, кто пишет, не продумав предмета, подобны людям, пожирающим сырую пищу; из-за ничтожного удовольствия они рискуют подвергнуться тяжким неприятностям.

¹⁷⁸ Вергилий. Эклога 5, ст. 9 / пер. С. Шервинского. — Примеч. пер.

Верность людей измеряй их выгодой, если их духовная сущность не стоит выше всяких материальных интересов.

Самое важное в человеческих делах — определить, на чем следует кончить предпринятое дело.

В наше время легко обвиняют в несчастье, неблагодарности и неопытности людей наиболее образованных лишь за то, что они руководятся только своими непосредственными чувствами.

Когда я собираюсь уволить слугу, я говорю ему: «Я тобой доволен, но ты недоволен мною, поэтому тебе придется меня покинуть».

Спрашивавшему меня: «Почему, если ты так мудр, сыновья твои оказались так глупы?» — я ответил: «Потому что я не настолько мудр, насколько они глупы...»

Люди, которым везет, подобны детям, которые сбегают с лестницы, перепрыгивая через ступеньки, и тем больше радуются, чем больше им удастся перепрыгнуть, не думая о том, что они подвергают себя тем худшей опасности при падении.

Лучше пропустить сто вещей, о которых следовало сказать, чем сказать одну, о которой следовало умолчать.

Детей потому следует заставлять сразу отвечать на вопросы, чтобы они не думали о другом, а прямо отвечали бы на заданный вопрос.

На вопрос: «Что делается в Риме?», я отвечал: «То, что должно делаться в державном центре всех городов и всех дел человеческих».

Одному спросившему меня, сидел ли я в тюрьме, я отвечал: «А разве и тебе хочется там посидеть?» А на вопрос другого, довольно беспечного, я сказал: «Да ты что надеялся, что этого боишься?»

Не следует включать в книги такие предметы, которые не отвечают цели и не заслуживают быть прочитанными.

Когда ты говоришь о чем-нибудь хитро, значит, у тебя есть какая-нибудь задняя мысль, а когда ты слышишь, что так говорит другой, считай, что она есть и у него.

В делах, не то что в искусствах, не столь важно сообщаться с родом вещей, сколько с их количеством.

Мы можем помочь больному трехдневной перемежающейся лихорадкой, предписывая ему принимать ревеня,

даже если не знаем, в каком количестве следует его давать; но лучше промолчать или избегать видеться с клиентом, если ты не умеешь соблюдать меру при ведении дела.

Слезы — лекарство от горя, а от гнева — милосердие. Необходимость и того, и другого вполне подтверждает история. Вообще же говоря, во всех случаях хорошо, если можно использовать как лекарство — время.

В том, что касается тебя, противопоставляй пороку пороки: беспечности — постоянные тяжбы и взыскания, упорству — гнев, надменности — дерзость и страсть; и если кто вместо слов прибегает к насилию, немедленно извещай об этом власть имущих.

Когда ты хочешь мыться, сначала приготовь полотенце, чтобы вытереться.

218

Если ты собираешься нанять в служанки старуху, спроси ее, умеет ли она шить, стирать, печь хлеб, и прикажи ей пойти и развести огонь. Также пожайлуйся, будто у тебя мало вина, и спроси ее, есть ли у нее родные и друзья, как будто бы ты нуждаешься в их услугах. Спроси ее также, почему она оставила своего прежнего хозяина, сколько раз она была замужем и сколько у нее детей. После этого или воздержись от найма ее, или огради себя с надлежащей предусмотрительностью.

Поспешность в словах никуда не годится, в действии — иной раз необходима, в обсуждении должна быть умеренной.

Не добивайся того, что по праву принадлежит другому, в особенности от людей, имеющих власть; того, что принадлежит тебе, не требуй условно, но пользуйся им по своему усмотрению, однако соблюдая меру.

Хотя ты и не говоришь людям того, что ты чувствуешь, но остерегайся тут еще больше, чем когда ты даешь кому-нибудь взаймы.

Что Бог существует в вечности, об этом дает понятие время; но из-за смены времен это понятие туманно и неясно.

По вопросам рискованным и каверзным или по существу дела, или по отношению к тебе, по которым ты не в состоянии дать исчерпывающего ответа, лучше не высказываться. Многие в этом отношении погрешают, будучи одержимы страстным желанием заслужить имя людей, знающих многое или ко всему причастных.

Остерегайся оставлять в залог твою вещь любезнику; он ею воспользуется, независимо от того, оставишь ли ты ее или выкупишь; ты можешь попасть в опасное положение, навлечешь на себя его ненависть, и, во всяком случае, он будет держать тебя в зависимости от себя.

Старайся, чтобы твоя книга удовлетворяла потребности и чтобы потребность в ней ее улучшала. Только так и не иначе она может быть доведена до совершенства.

Когда кто-то сказал мне: «Мне жаль тебя», — я ответил: «Ты неправ».

Зло есть недостаток добра, добро же есть само по себе добродетель, находящаяся в нашей власти и нам необходимая.

Если у тебя не было ни богатства, ни детей, ни друзей, но есть что-нибудь другое, ты счастлив; если же у тебя и этого другого нет, то ты долго не проживешь.

Хотя существует много различных искусств, однако есть одно искусство из искусств — умение делать обобщения, которое дает возможность говорить о многом в немногих словах, темное делать ясным и недостоверное превратить в достоверное. Но для этого необходимы три условия: во-первых, чтобы все обобщения удовлетворяли этому единому искусству; во-вторых, чтобы они точно были согласованы и, включая одно, исключали бы другое; в-третьих, чтобы они соответствовали предмету изложения; это единственное условие, упущенное Аристотелем вследствие скудости научных знаний в его время. Помни также, что следует отдать должное и красоте стиля, как это делается в исторических сочинениях.

Несправедливо многие оплакивают добродетель, говоря, что она — прислужница судьбы; другие же считают, что она — владычица счастья. Вот слова поистине гордого человека:

*Мудрость всегда побеждает судьбу; но и тех мы считаем
Также счастливыми, кто выносит жизни невзгоды,
Кто научился ходить под ярмом... и т.д.*¹⁷⁹

Это изречение грешит в двух отношениях: во-первых, тем, что оно учит, будто мудрость (я разумею нашу челове-

ческую мудрость) сильнее судьбы, хотя мы ежедневно убеждаемся в противном; и на это есть основание, так как судьба выказывает себя полностью и обращает на всякую вещь все свои силы, тогда как мы обладаем только ничтожными и слабыми побегам мудрости. Поэтому если судьба и не сильнее мудрости, то наша мудрость никак не может быть названа победительницей судьбы. Только божественной мудрости уступает судьба, не смея даже шагу ступить там, где она чувствует хотя бы только мимолетное ее благоухание. Мне не нравятся слова умирающего Брута:

*Доблесть несчастная! ты, на словах мне служившая только,
Что же на деле судьбу ты признаешь госпожой?*

220

Хотя по поводу Брута Плутарх приводит свидетельство Антония, что только он один был подвигнут к убийству Цезаря величием этого дела, тогда как другие руководились завистью, но я думаю, что для этого, может быть, были и другие причины, а не та, что он так именно чувствовал. Ведь из свидетельства Цицерона в его письме к Аттику видно, что Брут со скорбью и раздражением относился ко многим событиям и огорчался тем, к чему они приводили; этого бы не было, если бы он имел целью одну славу. С другой стороны, Цицерон несправедливо жалуется на то, что Антоний, проводивший всю жизнь на войне, был предпочтен судьбой ему, проводившему жизнь в тени и усердно занимавшемуся ораторским искусством. Речи мужественных людей часто грубы и неизящны, но чувства их живы, как сказал один человек Нерону, о чем повествует Тацит. Поэтому как безрассудно было со стороны Брута искать доблести в народном возмущении! Если в городе, со всех сторон окруженном врагами, едва ли можно найти счастливого человека, то насколько менее возможно рассчитывать на это в городе, охваченном междоусобицей! И даже если счастье не в судьбе, а в доблести, тем не менее судьба может оказать больше сопротивления злу, чем доблесть, когда судьба не на ее стороне.

Три условия больше всего меняют нравы человека: возраст, судьба и брак. Поэтому будь настороже, сношения

с людьми могут оказаться для тебя самым худшим из всего, вроде раскаленного железа, которое ты взял бы голой рукой, но под ударами молота оно приносит кузнецу выгоду, а другим пользу.

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Кто похитил тебя у нас, о сын мой любезный? Кто же мне, старику, огорченье такое доставил? Кто был настолько жесток и свиреп? О злосчастнейший жребий!
Ты у меня подкосил цветок, еще не расцветший!
Ни Каллиопа тебя, ни сам Аполлон не сберег мне. Смолкни, кифара, и вы с ней, стройные песни и рифмы;
Снова ко вздохам меня вы влечете о сыне погибшем,
Только я вспомню о нем и о песнях его сладкозвучных.
Лавры к чему медицины тебе, да и все твоё знание
Стольких различных наук и латинское все красноречье,
Если внезапно труды напрасно твои все погибли?
Не помогло тебе то, что испанских владык охранял ты
И достославных мужей, коль они же с владыкой

221

Испанцем¹⁸⁰

Были причиной твоей преждевременной смерти кровавой.
Что же мне делать? Душа умирает, о сын мой любимый,
Лишь о тебе и твоей я жестокой судьбе вспоминаю.
Вверить и книге нельзя мне ни слез моих, ни рыданий.
О злодейство, мой сын погибает, и плакать нельзя мне?
Что же, нельзя огласить мне ни вечных хвалений над прахом,
Ни сокрушаться при всех о твоей незаслуженной смерти?
Сын мой, хоть милостив наш государь, но по воле сената
Страшно тебя наказал старинный закон беспощадный,
Только лишь ты поспешил пересечь преступленья блудницы.
Наших супруг оскорблять безопасно любовнику можно,
Если к отмищенью нельзя прибегнуть достойному мужу.
Сын дорогой мой, отца добродетель собой отражавший,
Ты бы достоин был жить еще долгие годы, несчастный!
Не суждено: к небесам уносят все доброе Парки,
Светлое все у земли они мрачной всегда отнимают.
Сын мой достойнейший, ты, прославленный доблестью рода,
Был ты и чести отца, и деда почета преемник,
Царь наш пока далеко — надежда на наше спасенье,
Светлых на землю тучей не льют ни Феб, ни Диана.

Блеска не лили тогда созвездия ясного неба,
Дабы не видеть дворцов, оскверненных ужасным убийством.
Деться куда мне теперь? Или где на земле отыскать мне
Можно растерзанный труп? О сын мой, ты скажешь мне это?
Мне, кто объехал моря, по стольким пространствовал
землям?

О, пригвоздите меня, если вам сострадание не чуждо,
Колья вонзите скорей, мечом поразите не медля!
Ты же, Всевышний Отец, пожалей и оружием разящим
Сбрось ненавистную мне главу мою в мрак преисподней,
Если я жизни своей злосчастной прервать неспособен.
Нет, ты не пообещал родителю некогда, сын мой,
Сам ты жестокой любви не хотел доверять безрассудно.
Сын, ты погиб от нее. — О, блаженная ныне супруга,
Счастлива ты, не дожив до этой ужаснейшей скорби!
Сам я, о сын мой, твое запятнал преступлением имя:
Зависть изгнала меня и лишила отцовских пенатов,
Тяжко отчизна меня покарала и ненависть близких.
Душу я дал бы свою виновную смерти охотно,
А между тем я живу, и судьбу побеждаю я жизнью.
Но твое имя всегда будет жить в поколениях грядущих,
Славиться будет оно и в Бактрах, и в Индии дальней.
Умер для нас ты, но жив и бессмертен пребудешь для мира.

222

Нам всем одинаково суждено умереть, как говорит Гораций, только одна слава переживает нас. Она достигается доблестью, служащей ей глашатаем, и живет в произведениях священных и великих поэтов. Вот почему Александр так желал иметь своего Гомера, ибо в истории память о содеянном затемняется последующими, более славными деяниями. Однако поэты прибегают к вымыслу, и потому им нельзя самим по себе доверять; поэтому удивительное явление представляет собой Гораций, дерзнувший без помощи истории обеспечить себе бессмертие своего имени, ибо вообще вне истории поэты не могут быть занимательны; на это указывает и сам Гораций: «И занимая читателя ум, и тогда ж поучая»¹⁸¹.

Но то, что повредило бы другому, — именно быстрый упадок чистоты латинского языка, — поставило его в ис-

¹⁸¹ Гораций. Наука поэзии, 323 / пер. М. Дмитриева. — Примеч. пер.

ключительное положение и сделало особенно любимым автором вследствие редкого совершенства его речи.

Итак, для славы нужно, чтобы сохранился какой-нибудь выдающийся и знаменитый памятник совершенного деяния, чтобы собраны были в истории подробности его, чтобы они были переданы поэтом в поэтических образах, ибо нельзя ограничиваться простым упоминанием о деяниях, а необходимо рассказать о них в полнозвучной речи. Поэтому и сказано: «грекам муза дала полнозвучнее слово...»¹⁸².

Поэт должен быть посвящен в тайны украшения своих вымыслов, пользуясь для этого всеми указаниями, которые Аристотель едва мог вместить в свою блестящую книгу¹⁸³. Если все эти условия имеются налицо, тогда только может стать бессмертным имя прославленного в таком произведении человека, в противном случае оно забудется.

Но к чему все это?¹⁸⁴

Д. — Чтобы мы знали, что именно необходимо для счастливой жизни, и чтобы, зная, что никакого счастья нет в этой жизни, мы не добивались его понапрасну и тем самым не становились вдвойне несчастными.

С. — Однако этого недостаточно: необходимо, чтобы мы, как некие мастера, знали назначение того, что мы ищем, подобно тому как кузнец знает и обучает других, как и для чего выделывать гвозди, замки, наковальни и молотки: гвозди — чтобы сколачивать столы, замки — чтобы запира́ть двери, наковальню — чтобы на ней ковать. Но ты, говорят, ничему такому не обучаешь, а затем неизвестно, в чем заключается счастье, да и ты утверждаешь, что его не существует. Кроме того, ты не указываешь, какая от этого польза; это, конечно, в высшей степени трудно сказать, так как мы не знаем, что тут можно сделать при всей той пустоте и суетности, о которой ты говоришь. Может быть, руководствуясь этим твоим учением, ты

¹⁸² Там же. — *Примеч. пер.*

¹⁸³ Имеется в виду «Поэтика» Аристотеля.

¹⁸⁴ Приводимый далее диалогический отрывок с оригинальными инициалами Н и S, вероятно, указывает на разговор Hieronymus (самого Джироламо Кардано) и Socrates (Сократа).

еще что-нибудь измыслишь, и, может быть, на самом деле в этой пустоте все же нечто содержится. Поэтому и хотелось бы слышать тут о какой-нибудь пользе, если таковая имеется, или о цели; если же никакой пользы нет, то к чему об этом писать, учить и самому поучаться?

Д. — И есть, и нет. Прежде всего, как я уже сказал и как все мы знаем, несчастья больше, чем счастья, последнего даже почти вовсе нет. И так как во всей этой пустоте оно может быть только ничтожным и кратковременным (при том, что нам известно, что все приходит к ничтожеству), мы должны уметь подбирать и эту ничтожную долю счастья вовремя и с ее помощью избегать несчастья. А всякое проявление несчастья (если только оно не превышает человеческих сил, ибо оно может быть и таким, хотя само по себе не бывает обычно ни большим, ни значительным, ни, тем более, крайним или чрезмерным) мы должны уметь отгонять от себя и уничтожать; если же ты не умеешь этого сделать, ты останешься несчастным.

С. — Итак, по-видимому, мы можем принести себе пользу пятью различными способами: во-первых, облегчать несчастье, если оно не достигло крайней степени; во-вторых, увеличивать ту ничтожную долю счастья, которая является уделом человеческой природы; в-третьих, уметь подбирать мельчайшие крупинки счастья, с тем чтобы заполнить ими хотя бы на краткое время суетное наше существование; в-четвертых, знать, что все же есть какое-то, хоть незначительное и кратковременное счастье и что источник его — только в добродетели, которой не могут воспрепятствовать даже крупные неудачи; в-пятых, знать, что такого рода счастье может быть продлено несколько долее, принимая во внимание всю краткость человеческой жизни. Но если бы последняя длилась пятьсот или шестьсот лет, то все кончали бы жизнь в отчаянии.

Д. — Прекрасно, — скажу я, — и благодарю тебя за то, что ты гораздо лучше и яснее изложил вопрос, чем мог бы сделать это я. Впрочем, я должен добавить, что наше счастье, как бы ни было оно незначительно и ничтожно, так что, прямо говоря, оно, в сущности, сводится к нулю, имеет, однако, четыре степени. Первая из них —

пока счастье действует, но это действие его настолько мимолетно, что является лишь кажущимся, тогда как на самом деле его уже нет. Это не что иное, как признак того, что, по выражению философов, называется отсутствием страдания. Вторая степень — когда счастье только недавно покинуло нас, но остаются его проявления и результаты, так что кажется, будто оно еще присутствует. Третья степень — когда время счастья уже прошло, но осталось воспоминание о нем; это больше напоминает одну тень счастья, так как существенного в этом уж ничего не содержится. Четвертая степень — когда от счастья не остается никаких следов, все его проявления представляются самыми повседневными случаями и самая память о них исчезает; даже если они и возвращаются к нам изредка, то еще не вызывают в нас никакого движения души. Из всего сказанного видно, что в этой жизни достаточно только прожить ее без слишком тяжелых несчастий.

ГЛАВА LI. О НЕДОСТАТКАХ, КОТОРЫЕ Я В СЕБЕ СОЗНАЮ

Поздно берутся за ум фригийцы!¹⁸⁵ Невозможно не заблуждаться, но больше всего заблуждаются те, кто хочет служить чувственным наслаждениям.

Самое крупное из моих заблуждений заключалось в дурном воспитании моих сыновей, ибо воспитание имеет огромное значение. Но у меня не было ни средств, ни разумных сыновей, ни братьев, ни сестер, ни родных, ни друзей, ни богатства, ни власти, ни верных помощников. Однако я мог найти это, если бы захотел удержаться от писания стольких книг, воздерживаться, преодолевая природу, от чувственных наслаждений, больше заботиться о дружественных связях и дожидаться в свое время постановления болонского сената. Как бы помогло мне не просить о нем, а тем более не настаивать! В такого рода делах, когда ты окружен соперниками, а силы друзей недостаточны, гораздо лучше дожидаться подходящего случая.

¹⁸⁵ Поговорка, намекающая на отказ троянцев, находящихся в прочном союзе с фригийцами, отдать Елену ахейцам.

Свое пристрастие к шахматной игре я не так уже осуждаю, но я слишком придерживаюсь слов Горация:

*...прожил: завтра небо Юпитер пусть тучей мрачной
обнимет все*¹⁸⁶.

Прибавь к этому: лишь бы это не мешало будущему благополучию. Но я не обращал внимания и не прилагал особенных стараний ни к чему, кроме того, чтобы быть умеренным в пище и соблюдать приличие в обхождении. Итак, никакого не было смысла в том, чтобы я во всех своих действиях соблюдал семь основных правил; к чему было бы это? И хотя я без меры предавался научным и литературным занятиям, упорство, какое я в них проявлял, помогло бы мне не меньше и в других делах и послужило бы к умерению восторга по отношению к первым. Слишком достаточно было того, что мне столько недоставало: памяти, знания в юности латинского языка, крепкого здоровья, друзей и полезной для меня семьи, в течение долгого времени сил для половых сношений, некоторой приятности и любезности, сыновей, хоть сколько-нибудь обладающих здравым смыслом. С другой стороны, меня подавляла робость духа, затем — долгие тяжбы, сварливые родственники, смутные времена, войны и ереси. — Но ты мог бы помочь себе посредством многочисленных изобретений? — Правда не должна оскорблять никого: многое из изобретенного другими я нашел ложным или же понял, а потому применение остальных открытий было для меня бесполезно. Мои собственные изобретения были более полезны, но запоздали; а если бы мне удалось своевременно прийти к тем, к каким я пришел позднее, или своевременно узнать о том, что было исследовано другими, то, быть может, мне не пришлось бы претерпевать стольких затруднений.

Тем не менее и доньше я обладаю столь существенными преимуществами, что если бы их имел кто-нибудь другой, он почел бы себя счастливым человеком: у меня есть знание множества предметов, беспорочное, хотя и оскорбленное, потомство, изданные книги и еще под-

¹⁸⁶ Гораций. Оды, III, 29, ст. 43 сл. — Примеч. пер.

лежащие изданию, имя, звание, честно заработанные средства, могущественные друзья, знание разных тайн и, что самое главное, — страх божий. Но, как я уже сказал, невозможно, чтобы все блага сосредоточивались у одного человека и чтоб он во всех отношениях превосходил других; если даже он их и значительно превосходит, то лишь в каком-либо одном направлении, в котором он оказался наиболее совершенным. Что же ты требуешь от меня того, в чем отказано всему роду человеческому? Или что ты удивляешься на допущенные мною ошибки, когда все другие ошибаются точно таким же образом?

ГЛАВА LII. О ПЕРЕМЕНАХ ВО МНЕ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ

Годы изменяют привычки, наружность, темперамент и осанку. Как я слышал, в раннем детстве я был толст и краснощек; мальчиком я был худ, лицо имел удлинённое, кожу белую, цвет лица розовый; рос я так быстро, что уже к шестнадцати годам перестал расти и достиг того роста, каким я обладаю и теперь; по темпераменту я был меланхоликом. В молодости я был рыжий, среднего роста, слегка вспыльчивый, веселый, преданный удовольствиям, особенно музыке. По достижении зрелого возраста, от тридцати до сорока лет я продолжал оставаться таким же, как в юности, но были у меня и причины забот, а именно бедность, а вместе с тем сыновья и жена; кроме того, я был слаб здоровьем и окружен такими несносными завистниками, что даже когда я вылечил благородную даму Бартоломею Кривелли, а затем ее брата, последний, выздоравливая, посмеивался надо мной, а вместе с ним и другие, тут бывшие, на что я сказал им: «А что бы вы сделали, если бы он не выздоровел?» Чего только я не мог ожидать для себя после того как лишь с тридцать девятого года моей жизни я смог вздохнуть посвободнее. И тем не менее, в течение четырех следующих лет, т.е. с 1 сентября 1539-го до 1 ноября 1543 г., я только и делал, что всячески старался избавиться от происков соперников и заслужить почет. Итак, первым годом поворота в моей судьбе был сорок третий год. С этого года и до семидесятого прошло целых двадцать семь лет, т.е. столько же, сколько продол-

жалась Пелопоннесская война. В эти годы я написал все свои работы. С семьдесят первого по семьдесят пятый год прошло еще четыре года, в течение коих я написал еще двенадцать сочинений в восемнадцати книгах, но бóльшая часть их еще только имеет быть напечатанной. Некоторые из них содержат изложение моего прежнего учения, другие же — совсем новые. За этот же самый период времени я в течение семи лет предавался удовольствиям, музыке и другим искусствам, игре в кости и больше всего ужению рыбы.

Затем я стал подготавливаться к диспутам, но вместе с тем здоровье мое стало ухудшаться, стали болеть зубы, и некоторые из них выпали; у меня началась подагра, не слишком, однако, меня мучившая: припадки начинались и постепенно усиливались в течение суток, а затем понемногу ослабевали. До шестидесяти лет силы мои не падали, а если и уменьшались, то, по-видимому, больше от душевной скорби, чем от возраста.

С этого же года я стал думать о своих домашних делах; но в устройстве их я натолкнулся на такое множество препятствий, что удивительно, как я мог все их вынести и дожить до сих пор.

Если кто перечислит все мои труды, печали и горести, ошибки мои в выборе для себя надлежащей пищи, занятия мои домашними делами, боязнь обеднеть, бессонные ночи, желудочные заболевания с тяжкими вспучиваниями, чесотку и даже вшивость, безрассудство внука, дурные поступки сына, — то кто не удивится тому, что я выжил доныне? У меня, однако, выпало множество зубов, так что осталось их всего пятнадцать, да и то не цельных и не крепких. Сколько козней, сколько ловушек грозило мне в то время! Меня окружали вороватые старухи, пьяные возницы и слуги, все лживые, грубые, ненадежные и дерзкие; не было у меня никаких помощников, кроме, разве, одного полупомощника; раз шесть или около того я, идя спать, не чаял, что я встану из-за всех этих беспокойств и ошибок в выборе пищи; из этих шести случаев мне однажды два раза в ту же ночь представилось, что я неминуемо умру. Однако при всем этом я и до сих пор еще не составил завещания, так как хочу, чтобы это было последним моим делом.

Ты спросишь, как же мне все-таки удалось выпутаться из всего этого? Скорбь была лекарством для скорби; гнев я противопоставлял негодованию, безрассудной любви к своим близким — серьезные занятия; небольшим горестям — игру в шахматы, а крупным — надежды, хотя бы и обманчивые, и размышления. Я перестал завтракать и довел дело до того, что довольствовался по утрам одним печеным яблоком или пятнадцатью изюминками, без вина, а в большинстве случаев и без воды, а если пил то или другое, то в очень умеренном количестве. За самое последнее время я ввел понравившийся мне обычай, который, я надеюсь, будет полезен для здоровья, пить белый отвар Галена с хорошо размоченным в нем хлебом, и больше ничего. Однако обед мой более обилен.

Постоянно мне вспоминается мое сочинение «О наилучшем образе жизни». Там я напоминал о том, что случилось с сыном Суллы, которого Цезарь велел умертвить вместе с женою, так как она была дочерью Помпея. А что произошло с Квинтом Цицероном? А с братом его Марком? Дочь его умерла, не оставив наследника при жизни отца, который едва не помешался от этого; хотя у него оставался в живых еще сын, но у того не было ни сына, ни дочери. Так же несчастна была и Теренция¹⁸⁷, пережившая всех своих близких, при своем столетнем возрасте и своем некогда столь счастливом супружестве. О, дела человеческие! Что же говорить о судьбе творений Теофраста¹⁸⁸, столь же прекрасных, как и полезных?

После долгих опытов я стал за обедом есть преимущественно хорошо приготовленных удобоваримых крупных рыб; чтобы быть питательными, они не должны слишком долго вариться и должны служить плотной пищей. Я люблю карпов, но их в Риме трудно найти; я заменяю их камбалой, палтусом и шукой, весом от трех четвертей до полутора фунтов; точно так же я люблю рыб с нежным мясом или еще тригл; карпов не речных, а прудо-

¹⁸⁷ Теренция — жена Марка Туллия Цицерона (106—43 до н.э.).

¹⁸⁸ Теофраст (ок. 372—287 до н.э.) — древнегреческий философ, естествоиспытатель и теоретик музыки. Диоген Лаэртий в биографии Теофраста перечисляет большое число его сочинений.

вых (их называют скардиями) я избегаю по причинам, указанным мною раньше. Я люблю свекольный сок с чесноком в виде приправы к устрицам, омарам и ракам вместе с зеленым лавровым листом; свеклу я иногда заменяю осотом или корнями цикория, а также полезными для здоровья листьями огуречной травы; корни ее я употребляю в качестве салата. Вместо одного из таких блюд я часто ем яичные желтки от самых свежих яиц, довольствуясь нередко только одним. Из мясных продуктов предпочитаю белое мясо, которое ем отдельно и хорошо сваренным, телячьи ножки, куриную и голубиную печенку, мозги и всякие потроха; я люблю мясо, поджаренное на вертеле, а затем мелко изрубленное или разрезанное тонкими ломтями и отбитое тупой стороной ножа, а потом снова поджаренное в козьем сале, но всему другому предпочитаю мясо, тушенное в кастрюле в собственном соку.

Когда ноги у меня мерзнут, я мою их, но не так, чтобы после того они застыли; и только тогда принимаюсь за еду, когда они согреваются и совершенно высохнут. После завтрака, а тем более после обеда, я не выхожу. Душой я стал спокойнее и мужественнее благодаря своей сознательности, а не благодаря режиму, а так как смерть, по справедливости, должна внушать страх, то она мне ненавистна; я предоставляю идти навстречу ей тем, кто (подобно кампанской корове¹⁸⁹) не боится ее приближения, если им недостаточно просто ожидать ее.

Но вернемся к начатому рассуждению об изменениях, связанных с возрастом. Я часто усматривал в своих вещах, даже спрятанных, такие удивительные перемены, что можно было бы подумать, что это дело домового, который все перепутал: например, деньги у меня то пропадали, то прибавлялись, то оказывались перенесенными

¹⁸⁹ В основе лежит рассказ, приводимый Кардано в сочинении «О разнообразии вещей» (XII, 75): «...Когда император Юлиан находился под Ктесифоном и без труда победил в сражении персов, потерявших две тысячи пятьсот человек, при потере семидесяти человек со стороны римлян, он пожелал принести благодарственную жертву за победу. Из десяти быков (tauri), предназначенных к закланию, девять пало, прежде чем их подвели к жертвеннику, а десятый, разорвав веревки, едва был пойман и приведен для жертвоприношения».

в другое место. Чтобы ты не подумал, что меня дурачили или что меня обманывала память, посмотри, что со мной случилось вчера и упорно продолжается до сегодняшнего дня (я прекрасно знаю, как много можно возразить против такой перемены). Я пообедал в достаточно хорошем расположении духа, но после обеда почувствовал вдруг такое отвращение ко всем изданным книгам, как чужим, так и своим, что не в состоянии был даже думать, а не то что взяться за чтение их. Рассудок у меня в порядке. Я считаю, что причиной такого состояния является нечто похожее на меланхолию, тем более что книги у меня имеются превосходные. Что же касается денег — это совсем другое дело: тут не замешаны ни хитрость, ни безумие, ни ошибка; и никто их и не стащил. Что же это такое? Неистовство?

ГЛАВА LIII. ОСОБЕННОСТИ МОЕГО ОБХОЖДЕНИЯ

231

По многим причинам, в особенности в моем теперешнем возрасте, я чувствую себя мало способным к общению с людьми. Прежде всего, я люблю одиночество, и никогда не нахожусь в более тесном общении с теми, кого я горячо люблю, чем тогда, когда я один. Люблю же я прежде всего Бога и моего благого духа; оставаясь один, я созерцаю Бога как безграничную благодарность, предвечную мудрость, начало и создателя чистого света, истинную для нас радость, когда нет опасения, что Он нас покинет; основание истины, искренняя любовь, Творец всего, блаженный Сам в себе и всех блаженных покров и упование. Он — глубочайшая и высочайшая справедливость, призревающий мертвых и не забывающий о живых. Дух же по Его велению является моим защитником, милосердным добрым советником, помощником и утешителем в несчастьи.

Кто из людей, скажи мне, какого бы то ни было состояния и положения, не таскает в себе постоянно мешка с калом и горшка с мочой, содержащихся даже в его жилах? У множества даже наиболее изысканных людей животы набиты червями; многие из этих людей, в особенности многие женщины, которые обычно нравятся, для со-

блюдадения во всем равновесия усыпаны также и вшами; у одних воняют подмышки, у других ноги, и у большинства воняет изо рта. Когда я об этом думаю, то поневоле спрашиваю себя: кого же из смертных (имея здесь в виду тело) мог бы я любить? Ведь любой щенок или козленок гораздо чище и опрятнее. Если же я обращаюсь к душе, то и тут является вопрос: какое животное более злокозненно, более бесчестно и более лживо, чем человек?

Я оставляю в стороне части души, наиболее подверженные расстройствам, и хочу любить в человеке один его разум. Но какой разум искреннее, выше, надежнее божественного разума и какой может лучше научить истине? Библиотеки переполнены книгами — души лишены образования. Люди переписывают, а не пишут; не в талантах недостаток, а в другом. На что же я могу надеяться от общения с людьми? Они болтливы, скупы, лживы, честолюбивы. Укажите мне, кто в такую эпоху расцвета при столь полезном изобретении, как книгопечатание, придумал хоть сотую долю того, что нашел Теофраст, и я признаю себя побежденным. Мало того, своими пустыми придирками, всякими своими *ои* и *оп* они только портят эти прекрасные открытия. Все это не служит на пользу существу дела: изобретение требует покоя и тишины и основательного обдумывания так же, как и опытности, а все эти условия присущи одиночеству, а не людскому обществу, как это известно из биографии Архимеда.

Что касается меня, то из шестидесяти моих изобретений я, может быть, и двадцатью из них не обязан другим или общению с людьми; я не хотел бы быть обвиненным во лжи, если скажу, что их было, может быть, и еще меньше. Сознаюсь, что в математике кое-что, но в самом деле ничтожное количество, я заимствовал у брата Николо¹⁹⁰; но сколько других пропали? Огромное множество их обязано другим причинам, но главным образом обязано своим появлением скрытой силе моего озарения или даже чему-либо более высокому. К чему же мне общение с людьми?

¹⁹⁰ Имеется в виду Николо Тарталья — итальянский математик (1500—1557).

Другое основание удаления моего от общения с ними заключается в том, что благоденствующие не удостаивают меня своим обществом, а в несчастных я сам не нуждаюсь, ибо если я захотел бы льстить людям, я этим им не помог бы, а если стану раздражать их, они примут это за оскорбление. Кроме того, существуют несносные, угрюмые, постоянно жалующиеся, завистливые старики; каким языком мне говорить с ними?

С другой стороны, уже близится роковое время: «Дней наших семьдесят лет, а при большой крепости восемьдесят лет»¹⁹¹. К чему же малую долю остающегося мне времени я буду посвящать на пустяки, да и какую долю времени мог бы я им отвести? Для созерцания я ни праведен, ни благочестив, для писания книг я глуп; возвращусь ли я к трудам, которых могу избежать, я стану убийцей моего собственного досуга; может быть, мне заняться телесными упражнениями, предаваться сну, взять на себя домашние заботы? Наконец, с кем мне общаться? С друзьями? Напрасно: им будут нужны мои труды, а не беседы. С другими? К чему? С умудренными опытом? Они, очень возможно, будут считать, что знают гораздо больше, чем я. И если даже они действительно осведомленнее меня, возникает спор, в какой области. Если бы я захотел учиться, то зачем? Если же я захочу учить, то не будет ли с моей стороны бесстыдством и расточительством тратить свое достояние, не снискав за это ничего, кроме ненависти? И что же, отдавать все свое кому-нибудь одному или многим вместе? Если многим, то где же будет конец? Если одному, то не должен ли он стать для тебя чем-то вроде Бога? Вместе с тем ты вызовешь в других зависть, которая заставит тебя вновь окунуться в бурное море страстей; многие сразу заговорят с тобой, а втайне будут над тобой смеяться; ты подвергнешь себя всяким случайностям безо всякой выгоды. Но самое главное то, что в беседе требуется остроумие, в обхождении — веселость, а этих двух свойств особенно недостает природе и нравам старика. Во всем этом я призываю в свидетели никого иного, как Аристотеля.

¹⁹¹ Пс. 89:10 (по латинскому тексту 90). — *Примеч. пер.*

Итак, из-за этого мне всегда трудно было общаться с людьми; это же было и одной из причин, почему я редко посещал пирушки. Я, однако, не отказываюсь от знакомства и не отворачиваюсь от добрых и справедливых людей, особенно если они несчастны, а также от тех, кто оказал мне какие-либо услуги или обладает высокой мудростью. Но ты скажешь мне: человек — животное общественное, и что ты будешь делать, если этим своим поведением отречешься и от мира, и от государства, и от друзей? На что ты будешь годеи? Ты гордишься, что у тебя есть могущественные друзья? К чему эта пустая похвальба, и какая от нее выгода? Ведь если есть люди, с которыми этим друзьям твоим нравится пировать, шутить, играть, то, что же заставит их покинуть этих людей и броситься в твои объятия? Какая будет тебе польза от твоих занятий, ежели не будут в них верить? «Знание твое ни к чему, коль не знает другой, что ты знаешь»¹⁹².

Наконец, если тебе будет не доставать многого необходимого по твоей природе, ты будешь выносить целый ряд неудобств.

Я понимаю, что все это может быть представлено мне как возражение. Но я хорошо знаю, что многое кажется жестоким и бессмысленным, а на деле оказывается иным. Точно так же и наоборот — многое приятное и полезное оказывается на деле бессмысленным и жестоким. И так как это меня в большинстве случаев и в достаточной степени оберегает, то я довольствуюсь теми, чье общество для меня полезнее и надежнее толпы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, я, обеспеченный от подозрения в лживости, как человек, до старости привыкший стремиться к истине и вместе с тем обладающий и любовью к Богу, и надеждой на бессмертие души, и величием духа, и преимуществами мудрости, не хочу сваливать всего в одну кучу. Пусть делают это те, кто ошибается по неопытности, или кому доставляет удовольствие лгать, или кто приумножает слышанное, прочитанное и даже виденное в надежде произвести этим впечатление на других.

¹⁹² Персий. 1, ст. 27. — Примеч. пер.

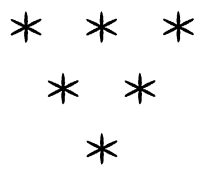
Но меня спросят, на что опирается моя уверенность в том, что тысячи людей окажут доверие повествованию одного человека, если из тысячи рассказанных им событий не найдется ни одного, которое может быть подтверждено свидетелями? Ни на что другое, как только на любовь к правде. Но люди совершенно так же разнятся друг от друга, как плотоядные птицы, из коих одни грязны, вроде галок и ворон, и постоянно заняты удовлетворением своей похоти, хищениями, хитростями и драками, другие, более благородные, как орлы и коршуны, одержимы непомерной гордостью и злобой. Что удивительного, что они не обращают на это внимания, несмотря на то что подобными примерами полны сочинения всех историков как духовных, так и светских? Бог в своей бесконечной благости поддерживает и нас, и всех тех, кто мудр, против тех, кто на нас восстает. Какое значение могут иметь ничтожные числа в сравнении с бесконечностью, лживость в сравнении с правдой и глупость в сравнении с мудростью?

235

Вот о чем должны были бы исключительно заботиться государи, чтобы те, кто нападает на людей честных и ученых, были наказываемы достойным образом по примеру древних. Если государи будут пренебрегать этой обязанностью, один какой-нибудь человек присвоит себе то, что предназначено для всех, а через это не будет ли потрясена и власть государя? Руководствуясь этим соображением, я привел выше примеры из области врачебного искусства не ради самовосхваления (или кто-нибудь подумает, что я настолько несмышлен, что хочу вернуться назад к своим хлопотам?), но чтобы люди, поскольку они способны исследовать истину, убедились, что я действительно таков, т.е. правдив, честен и одарен божественным духом. Далее, дела человеческие зависят от опытности, разума, совета, вдохновения, случая, порыва и случайности. Опытность нужна в этих делах, как она нужна ремесленнику в его работе. Совет зависит от воли других людей; если они не расположены дружественно, то они не могут измениться ни в том случае, когда их осыпают благодеяниями, ни тогда, когда против них будут приниматься самые жестокие меры, которых они не ожидают, — это известно по опыту. Вдохновение — редкая

птица, которая никогда не могла удовлетворить ничьим требованиям. Случай, особенно заранее предвиденный, может быть благоприятным, но он далеко не всегда может представиться. Насколько разум — наиболее верное и совершенное средство в руках умудренных людей, настолько случайность — плохое, а порыв — самое худшее орудие действия (не считал разве иных моментов во время битвы) ввиду того, что он безрассуден. О моем разуме свидетельствует книга «Дело», о божественном даровании — мое озарение, которое может быть замечено, но не описано; о сверхъестественных свойствах — дух, который не может быть ни описан, ни замечен и не находится в нашей власти.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

ИЗБРАННЫЕ
АФОРИЗМЫ
ИЗ «СЕМИ СЕГМЕНТОВ»*

ОБЩИЕ АФОРИЗМЫ

1. Жизнь коротка, Искусство вечно, Опыт нелегко приобретается, Суждение трудно дается, и поэтому необходимо, чтобы Изучающий не только упражнялся в рассмотрении некоторого количества гороскопов, но также чтобы он прилежно читал сочинения других, трактовавших разумно эту Науку, сделал своим делом поиск истинных естественных причин вещей посредством опытов, определение точных положений и движений планет и неподвижных звезд, но превыше всего, чтобы он был страстным искателем истины.
2. Принципов Искусства [Астрологии] три: Разум, Чувство и Опыт, но принципов Действия четыре: планеты, части Небес, неподвижные звезды и местоположение, или позиция¹, всех их в отношении друг к другу.
3. Есть некоторые вещи, полностью известные, как круг восхождения; некоторые — [известные] в достаточной мере, как солнечные революции; некоторые можно узнать, хотя они еще неизвестны, как революции высших планет; некоторые вещи доступны познанию, но не могут быть точно вычислены, как точная ингрессия Солнца в точку равноденствия; а некоторые — неизвест-

239

* Ниже публикуется перевод избранных мест из сочинения Кардано «Семь сегментов», выполненный под общей редакцией Романа Броля (Д. Куталева): Бонатти Г. *Anima Astrologia*, или Руководство для астрологов: 146 рассуждений Гвидо Бонатти, 7 сегментов Джироламо Кардано. М.: Мир Урании, 2005. Перевод осуществлен с английского издания (*Bonatus G., Cardan J. Anima Astrologiae or a Guide for Astrologers / ed. by W. Lilly. London: George Redway, 1886*) группой переводчиков «Manuscripta astrologica» в составе С. Бартеновой, В. Бернарда, Р. Броля, Т. Быковой, Е. Волоконцева.

¹ Аспекты и конфигурации.

ны и не могут стать известными, как полные смещения и ясно определенные свойства всех звезд².

4. Для Мастера гораздо хуже полагать, что он знает те вещи, в которых он несведущ, чем быть несведущим в тех вещах, которые ему следует знать.
5. Слабая ученость при великолепных суждениях³ полезна больше, чем слабые суждения при величайшей учености, хотя ученость очень сильно помогает суждению и улучшает его; но сильнее процветает и намного легче улучшается все то, что направляется природой и благоприятными звездами, нежели то, что пытаются делать посредством людского усердия, пусть даже крайне старательно.
6. Тот, кто слишком самонадеян, будет склонен впасть во множество ошибок в своем суждении; но, с другой сто-

240

² Здесь Кардано обращает внимание читателя на неполноту астрономических знаний современной ему науки и на невозможность многих точных расчетов. Действительно, даже во второй половине XVII в. астрономы все еще не могли точно предсказывать время ингрессий Солнца или аспектов медленных планет. К примеру, возьмем соединение Юпитера и Сатурна, случившееся в ночь с 16 на 17 октября 1663 г. Если мы обратимся к таблицам, которыми пользовались тогда астрологи, то увидим, что согласно эфемеридам Арголи это соединение должно было произойти на шесть дней позднее; в планетных таблицах немецкого астронома Эйхштадта это соединение значит на пять дней позднее реального; по таблицам Кеплера и Риччиоли, оно должно было иметь место на трое суток позже, а согласно эфемеридам Лансберга — на сутки раньше. Таким образом, очевидно, что в Средние века и эпоху Возрождения построение таких гороскопов, как карта ингрессий Солнца или карта точного возвращения какой-либо планеты на свое натальное место, могло иметь большое значение с точки зрения астрологической теории, но это было совершенно безграмотным действием с точки зрения технических возможностей астрономии.

Современные астрологи теперь полностью ознакомлены со всем перечисленным, кроме «полных смещений и ясно определенных свойств звезд». Гершель и Нептун, которые были неизвестны древним, не рассматривались ими, поэтому вследствие того, что наука на протяжении многих лет находилась в спячке (если можно так выразиться), влияния этих двух планет еще не полностью осмыслены. Лучшие современные астрологи считают, что Гершель имеет характер Сатурна и Марса, а Нептун — характер Венеры, хотя влияние его бесконечно более мягко.

Уран (или, как называли его британские астрономы XIX в., Гершель) был открыт в 1781 г., а Нептун — в 1846 г. Это была эпоха упадка профессиональной астрологии, потому к 1886 г., когда Серджеант писал свои комментарии, астрологи еще слабо представляли себе влияния этих новых планет.

³ Имеются в виду суждения по астрологической карте.

- роны, тот, кто слишком неуверен в себе, не подходит для этой науки.
7. Тот, кто будет искренне продвигать Искусство [Астрологии], должен так же активно опровергать ложные мнения, произнесенные другими, как и провозглашать истину⁴.
8. Астролог настолько лишь правдив и честен, насколько он опирается в своих предположениях на принципы натурфилософии⁵, и так как эти Искусства, которым присущи свойственные им предметы, не могут обещать ничего несомненного, касающегося грядущих дел, Астролог никогда не должен выносить никаких абсолютных или безоговорочных суждений о будущих обстоятельствах.
9. Следует желать истин о самих себе, ибо Наука сама есть несомненное благо, ведь ожидание будущего блага приносит нам большое наслаждение, и напротив, когда будущие несчастья предсказаны, мы можем либо избежать их⁶, смягчить их, или, по крайней мере, выдержать их более удовлетворенными⁷.
10. Небеса есть инструмент самого Высшего Бога, посредством их Он действует и управляет низшими вещами.
11. Тот, кто утверждает вещи, которые никогда не могут быть подтверждены опытом, обманывается и тщеславен, но как это всегда происходит, те, кто менее других сведущи в Искусстве, обожают хвастаться тем, что занимаются вещами трудными или замечательными.

⁴ Лилли и Партридж усердно следовали этому афоризму, в чем легко убедиться при прочтении их работ.

⁵ Кардано здесь подразумевает, что астрологу следует основывать свои суждения на устоявшихся и проверенных правилах юдициарной астрологии и не слишком стремиться создавать свои собственные принципы, учитывая в суждении любые непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть и которые не указаны очевидным образом в рассматриваемой карте.

⁶ Благоразумный человек предвидит зло и прячется. — Пословицы, т. 3, с. 22; т. 12, с. 28.

⁷ «Искусный человек, знакомый с природой звезд, имеет возможность предотвращать многие из их влияний и подготовиться к этим воздействиям до их наступления. Проницательный ум улучшает действие небес, как искусный земледелец улучшает природу возделыванием земли». — *Клавдий Птолемей*. Тетрабиблос. Сто изречений.

12. Для продвижения Искусства [Астрологии] и основанного на нем знания совершенно безразлично, исходить ли из известных натальных карт для предсказания того, что произойдет, или же после того, как произошел [несчастный] случай⁸, определять натальные карты, неизвестные до этого, которые таким образом ректифицируются⁹. Но, согласно вульгарному мнению, первый путь далеко превосходит последний.
13. Тот, кто намеревается разрушить Искусство, намного хуже, чем тот, кто неискусен в нем, ибо его ум полон злобы и праздности так же, как невежества.
14. Люди, можно сказать, почти принуждаемы Звездами, даже в добровольных действиях, посредством своих развращенных привязанностей и невежества¹⁰.
15. Всегда выноси суждение по Звездам в общих словах, или, если ты делаешь иначе, допускай это, когда у тебя со-

⁸ Англ. accident можно перевести и как «несчастный случай», и просто как «событие, происшествие». Далее по тексту это слово встречается в обоих смыслах.

⁹ Это затрагивает доктрину ректификации, т.е. метода приведения натальной карты к правильному времени, когда предполагается, что неточность часов или ошибка тех, кто обязаны следить за ними, может вызвать ошибку во времени рождения, которое [потому и] требует ректификации. Для этой цели рекомендуются несколько методов, из которых самый старый, вероятно, Анимодар Птолемея; есть Трутина Гермеса; методы Арголи, Морена, Кеплера и т.д., и т.п. Плачидо (Тити, автор «Primum Mobile») вообще молчит по поводу ректификации. Ни одна из его 30 натальных карт не ректифицирована, хотя кажется, что он очень сомневается в точности некоторых из них. Самые верные способы ректифицировать натальную карту — по несчастному случаю или женитьбе.

¹⁰ Здесь Кардано следует идее, сформулированной в XIII в. крупнейшим христианским теологом Фомой Аквинским. Отвечая на вопрос, являются ли небесные тела причиной человеческих дел, Фома Аквинский разграничивал тело, поведение которого определено, и дух, который свободен; но он также добавлял: «Необходимо знать, что воздействия небесных тел могут влиять на человеческий интеллект и волю косвенно, нецеленаправленно, случайным образом. Это происходит в той степени, в какой интеллект, а также и воля находятся под влиянием внешних сил, связанных с телом человека». И далее: «Необходимо сказать, что человек в основном следует своим влечениям, которые представляют собой движения его чувственных желаний и находятся под влиянием небесных тел; есть, однако, небольшое число мудрых, сопротивляющихся этим влечениям... Ничто не мешает конкретному человеку сопротивляться своим страстям с помощью собственной свободной воли. Вот почему сами астрологи утверждают, что мудрый человек властвует над звездами лишь в той мере, в какой он контролирует свои влечения».

всем очевидные свидетельства, и в великих, и весомых делах.

16. Когда мы выносим суждение, нам не следует использовать доводы, приводить утомительные рассуждения и еще менее — льстить, но единственно высказывать то, что известно из опыта и здравого смысла.
17. Основная причина, по которой события так редко предсказываются астрологами, в том, что Искусство не полностью еще раскрыто, ибо до сих пор те, кто были наиболее выдающимися в нем, будучи в общем старыми людьми, потеряли надежду дожить до того, чтобы увидеть судьбу недавно рожденных детей, и считают, что уточнение натальных карт взрослых людей не стоит их усилий¹¹.
18. Когда верные генитур¹², точно взятые, в случае событий оказываются обманчивыми или абсурдными и не соответствующими вещам, которые они сигнифицируют, их следует считать уродливыми¹³ и избегать их, как анатомы делают с уродливыми телами в своих вскрытиях¹⁴; ибо они ниспровергают Искусство.
19. Общее следует выводить из Частного, а Частное — из Общего, и Мастер должен всегда учиться различать то, что само по себе, и то, что только случайно.
20. Силу и действенность неподвижных звезд следует рассматривать, исходя из их величины, их блеска, их природы или качеств, их близости к эклиптике, их месту в Море, их множества, их первого появления на востоке, чистоты их места, подобия или согласованности тела или лучей Планеты с ними и их сферой положения.

¹¹ Кардано вновь касается проблемы достоверности данных о рождении. Астролог может быть уверен в гороскопе ребенка, время рождения которого было зафиксировано им самим или достойными доверия людьми, тогда как узнать точное время рождения взрослого человека во времена Кардано было редкой удачей для астролога.

¹² Генитур^а — гороскоп рождения, натальная карта.

¹³ Планета Уран, неизвестная во времена Кардано, несомненно, имеет отношение к рождению монстров, а также к эксцентричности манер и жизни. Ее воздействие, однако, не до конца понято современными астрологами. Как мы видим, астрологи XIX в. уже нащупали тот круг значений, который затем был закреплен за Ураном в астрологии XX в.

¹⁴ Подразумевается, что по особенностям строения некоторых уродливых тел нельзя делать выводы об анатомии и физиологии обычных людей.

21. Светило Времени — это Солнце днем и в утренние сумерки и Луна ночью, когда она над Землей и в своем утреннем восходе, так что иногда могут быть два Светила Времени, а иногда так случается, что нет ни одного.
22. Когда планета находится в пределах пяти градусов от куспида любого дома, следует считать, что она имеет силу в этом доме, пусть даже на самом деле она расположена позади куспида в другом доме.
23. Не только тринны и секстили могут считаться дружественными аспектами, но даже квадратуры и оппозиции тоже, если случится быть рецепции¹⁵.

АФОРИЗМЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАТАЛЬНЫМ КАРТАМ

244

1. Можно тогда говорить, что ребенок родился, когда он впервые через свой рот вдыхает воздух, находясь вне чрева матери¹⁶.
2. Те, у кого Светила неудачно расположены в Углах, будут склонны к самоубийству.
3. Те, кто имеет Сатурн в оппозиции к Юпитеру, никогда не наслаются миром и покоем, а те, у кого Хвост Дракона вместе с Юпитером, едва ли будут богатыми.
4. Тем, кто имеет Марс и Сатурн в одной и той же части Зодиака¹⁷, придется в течение своей жизни столкнуться со многими неудачами; и если обе [планеты] будут в Тельце и в 4-м доме, то когда Асцендент по дирекциям подойдет к их лучам, такие нативы испытают какие-то серьезные падения или угрозу жизни из-за обрушившихся зданий, упавших на них.
5. Фиксированные знаки дают знания, за исключением Скорпиона, мутабельные знаки — манеры и беседы, за исключением Девы, а кардинальные знаки — богатства, за исключением Козерога. Так что получается, что пло-

¹⁵ Это так главным образом в случае с Благоделителями (Юпитером и Венерой) в хорарных вопросах.

¹⁶ Уилсон говорит, что рождение имеет место в тот момент, когда натив делает самостоятельный вдох или, точнее, когда перерезана пуповина. — «Словарь астрологии».

¹⁷ Т.е. в одном и том же знаке. Кардано, вероятно, имеет в виду соединение Марса и Сатурна.

- хими являются те натальные карты, в которых все планеты в Деве, Скорпионе или Козероге.
6. Если Асцендент попадет в один из так называемых «немых» знаков¹⁸, и Меркурий будет не в человеческом знаке, соединяясь с любой неподвижной звездой Сатурнианской природы, натив никогда не будет хорошо говорить, но будет произносить слова с трудом¹⁹.
  7. Тот, кто имеет Луну в Тельце²⁰ во втором доме, уходящую от квадратуры или оппозиции Юпитера и входящую в трин с Солнцем, получит очень значительные богатства.
  8. Когда Абсциссор²¹, прерыватель жизни, или убивающая планета²², находится на эклиптике²³, и Вредитель находится в угловом положении, натив умрет насильственной смертью.
  9. Когда Вредитель расположен на кuspиде седьмого дома, натив будет подвержен великим бедствиям²⁴, а если Вредитель будет в аспекте с Солнцем или Луной, аффилированный в том же месте²⁵, натив, даже будь он князем, претерпит великое множество страданий.

¹⁸ Арабы называли немymi знаки Рака, Скорпиона и Рыб.

¹⁹ «Немые знаки, или знаки медленного голоса — Рак, Скорпион, Рыбы; тем более, если Меркурий находится в одном из них, в соединении, квадратуре или оппозиции с Сатурном» (Лилли. Христианская астрология, гл. XVI).

²⁰ Луна экзальтирует в 3° Тельца.

²¹ Абсциссор (от *лат.* *abscissio* — пресечение) — название планеты или аспекта, прерывающих какое-либо явление или процесс. В хорарной астрологии так называется планета, производящая пресечение света. В классической натальной астрологии абсциссор — это «планета-вредитель», «сократитель жизни». Данный термин иногда используется как синоним термина «анарета», но чаще имеет более широкое значение.

Анарета (от *греч.* *anairetes* — разрушитель), убивающая планета — планета, которая своим дуговым аспектом к хилегу оказывает на него наиболее негативное влияние; в прогностическом смысле — абсциссор, служащий причиной смерти натива.

²² Называемая также Анаретой.

²³ Т.е. имеет нулевую эклиптическую широту, находясь вблизи одного из узлов своей орбиты.

²⁴ Он редко будет удачлив в браке.

²⁵ На кuspиде 7-го дома.

10. Восходящий Овен означает хорошего собой натива с характером серьезным и уравновешенным, но Скорпион на гороскопе²⁶ отмечает больших лжецов.
11. Если Луна в Скорпионе в квадратуре к Сатурну во Льве или в оппозиции к нему, когда он, скорее всего, в Тельце, натив редко имеет как жену, так и детей. Если же Сатурн окажется при этом в Водолее²⁷, он будет сущим женоненавистником.
12. Если Хвост Дракона вместе с Сатурном образуют квадратуру к Луне, и она кадентная, натив будет чахоточным, особенно если этот аспект из Угла карты; а если вдобавок отсюда²⁸ есть квадратура к управителю Асцендента, натив будет болезненным и немощным все дни своей жизни; наконец, если такой аспект образуется к шестому дому или из него, все будет еще намного хуже²⁹.
13. Когда Юпитер находится в шестом доме, ретроградный, и управитель второго дома — pereгрин и нет помощи от благотворных неподвижных звезд, натив будет очень бедным и нуждающимся.
14. Тот, кто имеет Марс на Асценденте, будет подвергаться многим опасностям и, скорее всего, в какой-то момент получит большой шрам или порез на лице,
15. Меркурий, смешивающий свои лучи с Марсом, есть серьезное указание на насильственную смерть³⁰.
16. Если Юпитер и Луна в любой натальной карте будут очень слабыми и аффилированными, то пусть даже окажется, что другие положения никогда не сулят ничего подобного, все равно натив будет очень несчастлив.
17. Когда Венера находится с Сатурном и созерцает управителя Асцендента, натив склонен к содомии или, как

²⁶ Гороскоп — в старинной астрологии: одно из названий Асцендента и первого дома.

²⁷ Т.е. при наличии квадратуры к Луне в Скорпионе.

²⁸ От соединения Хвоста Дракона с Сатурном.

²⁹ Эти злые влияния могут быть значительно смягчены, если в таком гороскопе случится быть трину или секстилю Юпитера к хилегу или Асценденту.

³⁰ Следует помнить, что все афоризмы, включенные в данную подборку, вырваны из того контекста, в котором они находились в латинском оригинале. Так, данный пассаж («Cum Mercurius commiscetur Marti, turn hoc est potentissimum ad omne genus violentae mortis») представляет собой 10-й афоризм 3-го сегмента, где перечисляются различные показатели не только натальных карт, но и карт революций.

- минимум, будет любить старых малопривлекательных женщин или жалких грязных девок.
18. Когда Венера и Юпитер окажутся в седьмом доме, и Луна будет созерцать их из места своих собственных достоинств, и Голова Дракона соединится с ними или с Меркурием, натив получит большое состояние³¹ через своих жен.
19. Когда Луна, полная света³², находится в соединении с Марсом, натива считают глупцом; а когда она лишена света³³ и [соединена] с Сатурном, натив на самом деле является таковым.
20. Венера в сердце Солнца приносит громкую славу и почести, то же самое можно ожидать, когда планета³⁴ [соединена] со звездой Сердца Льва³⁵, созерцая Луну.
21. Луна в седьмом доме предаёт нативов падучей болезни, иногда также и при нахождении в первом доме, но в целом она делает их глупцами, если аффицирована³⁶.
22. Незаконнорожденные и подвергаемые сомнению дети часто имеют Асцендент в аспекте с Луной, но без аспекта с сигнификатором отца; и очень часто это сопровождается показателями каких-то больших несчастий, и либо нет согласия между управителем четвертого дома, управителем второго дома и Луной, либо Венера соединена с Марсом или Меркурием.
23. Когда Юпитер будет находиться в десятом доме в трине с Марсом, являясь сильным, и Солнце будет с Головой Дракона, а Луна — с Сердцем Льва, такой натив, будучи даже сыном ничтожного крестьянина, возвысится чудесным образом.
24. Когда любая планета окажется в одном градусе с куспидом седьмого дома в собственной обители, смерть на-

³¹ Англ. great Estate можно также перевести и как «высокое положение», и как «огромное поместье».

³² Близ полнолуния.

³³ Близ новолуния.

³⁴ Кардано, очевидно, подразумевает Благодетеля, хотя и написал просто «планета».

³⁵ Регул, альфа Льва.

³⁶ Луна управляет детским возрастом, и ее влияния наиболее сильны для слабоумных, отсюда термин «Lunatic». Англ. lunatic — сумасшедший, помешанный, безумный (не путать с русским «лунатик»).

тива будет иметь природу данной планеты и данного места³⁷.

25. Вредители в Углах карты говорят о публичной смерти или о внезапной; аффликтированное Солнце в таком положении укажет на смерть от оружия или от огня, Луна — через повешение или утопление, в зависимости от обстоятельств.
26. Солнце-пeregрин и Марс-пeregрин или Хвост Дракона [будучи расположены] во втором доме означают натива, который крайне глупо растрчивает свое состояние или имущество.
27. Когда Луна находится в оппозиции с Солнцем и соединяется с туманными звездами, натив будет иметь какие-то дефекты зрения; если Луна в седьмом доме аффликтирована обоими Вредителями и их лучи очень сильны, он будет слепым.
28. Соединенные лучи Юпитера, Венеры, Меркурия и Луны придают величайшее изящество и сладость речи, и кроме того, когда Юпитеру доведется быть в Деве, а Луне — в Рыбах, это время благоприятствует рождению Поэта. Поэтами всегда рождаются, а не становятся.
29. Человек едва ли сможет добиться счастливого конца или сохранить надолго любое выдающееся положение, если среди натальных карт его предков нет благожелательно влияющих на его собственный гороскоп и содействующих ему.
30. Пятый знак от Асцендента обозначает детей натива, поскольку он той же природы, что и знак Асцендента³⁸, а если в первый дом попадают два знака, дети будут сильно отличаться по темпераменту и нраву друг от друга; и то же самое для девятого дома, обозначающего внуков.
31. Луна на Хвосте Дракона в натальной карте дает сомнение в честности матери и намекает на то, что у ребенка нет законного отцовства; как бы то ни было, ребенок окажется невоспитанным и большей частью несчастливым.

³⁷ Птолемей довольно подробно говорит на эту тему в 9-й главе IV книги «Тетрабиблос».

³⁸ Кардано был активным сторонником системы равных домов от Асцендента.

32. У кого бы ни был Юпитер в аспекте с Солнцем³⁹, тот будет гордым и высокомерным, имея, однако, мало поводов для этого, если только они не находятся в ре-цепции.
33. Натальные карты женщин в вопросах, относящихся к жизни, таковы же, как для мужчин, но что касается фортуны — совершенно отличаются; а относительно ма-нер и нравов в среднем нет ни полного соответствия, ни полной противоположности.
34. Женщина, у которой Марс [в соединении] с Луной, вер-на; я ручаюсь за нее⁴⁰.
35. В законченной натальной карте⁴¹ Луна возвращается в знак, восходивший во время зачатия, или противопо-ложный ему, или к телу какой-либо планеты, с которой она была при зачатии, или к ее аспекту, или в свой соб-ственный знак, и, как правило, Асцендент при рожде-нии находится на месте Луны при зачатии, или в оппо-зиции к нему, или в месте управителя новолуния, пред-шествовавшего зачатию; кроме того, еще встречаются достоверные генитуры, в которых Солнце приходит на место Асцендента или его управителя, и т.д.
36. Когда Марс или Луна с Головой или Хвостом Дракона в двенадцатом доме, а Солнце и Юпитер в четвертом доме, натив будет горбатым.
37. Когда Марс управляет Асцендентом женщины и Вене-ра расположена на нем⁴², или когда Венера управляет Асцендентом, а Марс расположен на нем, или когда Марс управляет Асцендентом и стоит в Середине Неба, то более чем вероятно, что она будет изменять своему мужу⁴³.
38. Управитель Асцендента на Сожженном пути показы-вает, что натив будет путаться и мешкать в делах.

³⁹ Особенно в квадратуре и оппозиции или в ином злом аспекте.

⁴⁰ Речь идет о чистоте женщины, вступающей в брак.

⁴¹ В карте с точным временем рождения.

⁴² На Асценденте или вообще в 1-м доме.

⁴³ Марс в соединении или квадратуре или оппозиции с Венерой предпола-гает значительное зло в женском гороскопе, если только нет исключительно благоприятных конфигураций и расположения Благодетелей и Светил, кото-рые смягчат указанную выше зловерность.

39. Если Вредители в десятом доме, pereгринны и не дружелюбны к Асценденту, натив всегда будет полон подозрений и зависти.
40. Если все планеты над горизонтом, это делает человека знаменитым и общеизвестным повсюду, а если все они быстры в движении, он ловко и находчиво справляется с делами⁴⁴.
41. Те, кто имеет Луну, управительницу Асцендента, под горизонтом, с Хвостом Льва⁴⁵ и Головой Девы⁴⁶, Солнце — в шестом доме, а Сатурн и Марс — в местах их достоинств в Углах от седьмого дома⁴⁷, всегда будут очень немощны и слабы.
42. Меркурий в Рыбах чинит препятствия для языка, делая человека нелепым в своей речи и неожиданно говорящим то, что он не задумывал; то же, если этот знак восходит.
43. Кто бы ни родился в день весеннего равноденствия в полдень, из-за одного этого показателя станет великим в мире.
44. Женщины, имеющие Асцендент, Луну, Марс, Венеру и Меркурий в двутелых знаках, обычно обладают очень дурными качествами.
45. Очень сильный Юпитер в генитуре всегда обещает какое-то необычайное счастье, и когда он находится в Середине Неба возле куспида в Козероге, он дает много удач посредством жестокости и силы под видом правосудия, но подобное будет иметь несчастливый исход.
46. Знаменитыми будут те люди, у кого в натальной карте Луна принимает свет многих планет или соединяется

⁴⁴ Также считается, что известность приносят много планет в фиксированных знаках.

⁴⁵ Денеб[ола] (Хвост Льва), неподвижная звезда второй величины в 19° 53' Девы, природы Сатурна и Венеры. Ее действие неблагоприятно, и считается, что она приносит человеку публичный позор. Координата на 2000 г.: 21° 37' Девы.

⁴⁶ Виндемиатрикс, неподвижная звезда третьей величины в 8° 24' Девы природы Сатурна, Венеры и Меркурия. Ее действие вредоносное и несчастливое. Опечатка: Виндемиатрикс находится не в знаке Девы, а в Весах. Координата на 2000 г.: 9° 56' Весов.

⁴⁷ Очевидно, подразумевается положение Сатурна и Марса в знаках, находящихся в квадратуре или оппозиции к знаку Десцендента. Ср. 45-е Сообщение Бонатти.

с какими-либо могущественными Королевскими неподвижными звездами⁴⁸.

47. Когда Солнце и Юпитер управляют девятым домом и местами Меркурия, Луны и Асцендента и при этом созерцают друг друга, слова такого натива будут приниматься как слова пророка.
48. Юпитер и Солнце во втором доме дают прекрасный, благородный, свободный характер; но Сатурн и Марс или Сатурн с Меркурием в седьмом делают людей низко завистливыми и жадными.
49. Когда управитель натального гороскопа ретрограден и обоими путями в падающем положении, натив будет слабым, трусливым, угнетенным существом, не доводящим ничего до завершения.
50. Мастер может более легко и достоверно судить о натальной карте человека, чем о погоде, потому что он знает время рождения, но не время образования облаков.
51. Солнце во Льве уже само по себе возвышает человека, по крайней мере, едва ли он когда-нибудь будет испытывать нужду или нищенствовать, и если этот же знак восходит, это поддерживает его дух надеждой и наделяет его незаурядным умом⁴⁹.
52. Если восходит Рак и Луна расположена в кардинальном или мутабельном знаке, особенно если она удалена от Углов карты, натив будет доверчивым, легкомысленным и непостоянным.
53. Венера в обители или экзальтации Марса всегда является признаком развращенного вождения.
54. Натив с Луной в Водолее или Рыбах будет испытывать нерасположение со стороны князей, вельмож и верхушки общества.
55. Когда управитель Середины Неба отделяется в ретроградном движении от управителя Асцендента, князь, король или правитель отвернется от натива, но если, наоборот, управитель Асцендента, будучи ретроградным, покидает управителя десятого дома, тогда натив будет

⁴⁸ Такие, как Мирах, Ригель или Сириус. Обычно, согласно традиции, восходящей к персидской астрологии, Королевскими звездами, или Стражами Неба, называют четыре звезды: Альдебаран, Антарес, Фомальгаут и Регул.

⁴⁹ Человека, рожденного с такой конфигурацией, обычно трудно одолеть как словами, так и силой.

ненавидеть своего князя, короля или правителей. Так же следует понимать остальные дома, согласно соответствующим им значениям.

56. Натив, имеющий тот же восходящий знак и градус, что и город, в котором он живет, уже через одно это станет великим и выдающимся в этом месте⁵⁰.
57. Когда управитель второго дома сходится с управителем Асцендента, особенно если управителем Асцендента является Юпитер, натив будет счастлив в течение всей своей жизни в обретении богатств, даже вызывая восхищение.
58. Когда управитель Асцендента созерцает Солнце гармоничным аспектом, или является восточным вслед за Солнцем, или соединяется с управителем десятого дома, натив будет очень любим королями и великими людьми; для [определения] причины этого покровительства рассмотри природу вышеупомянутого управителя Асцендента и его местоположение.
59. Когда несколько детей имеют одинаковые несчастья и удачи, если это случается в их детстве, это может быть проявлено в генитурах их родителей; а когда это происходит в старшем возрасте, мы можем заключить, что натальные карты родителей были так сильны, что они ассимилировали их натальные карты в свои и сделали их соответствующими диспозиции детей в отцовском гороскопе⁵¹.
60. Марс в кардинальных знаках делает людей опрометчивыми и холеричными, но нигде более, чем в Раке, и нигде менее, чем в Деве, но в первом⁵² он обычно делает язык более глупым и дерзким.
61. Сатурн в двенадцатом доме грозит подагрой; в шестом — некоторой длительной болезнью или долгим тюремным заключением.
62. Если Луна находится между Марсом и Солнцем или вместе с ними, натив почти что сменит младенческую колыбель на могилу, ибо жизнь его будет очень короткой.

⁵⁰ Кардано в своих трактатах приводит гороскопы основания ряда городов (в том числе Милана, Флоренции и Болоньи).

⁵¹ Весьма удивительно отметить, что почти всегда есть подобие между натальными картами детей и родителей.

⁵² В Раке.

63. Если Луна отделяется от Вредителя, натив будет страдать от многих болезней во младенчестве и от несчастий впоследствии.
64. Тот, у кого неблагоприятно расположена Венера, если она находится в пределах лучей неудачно стоящего Марса, несомненно, будет страдать от множества бед и несчастий через любовь⁵³.
65. Водные знаки, но в особенности и более других — Скорпион, дают предателей; и поэтому если Луна, управляя Асцендентом, находится в этом ядовитом знаке, натив будет изменять или окажется предателем своего господина; и если эта же позиция оказалась в радикасе города, его жители будут бунтовать против своих князей или правителей⁵⁴.
66. Марс редко соединяется с Меркурием для блага, ибо он делает людей капризными и дерзкими, но все же прилежными в Искусстве, и потому лучшие Мастера слишком часто являются худшими людьми.
67. Несчастливо расположенный Марс в девятом доме указывает на лгунов и атеистов.
68. Тот, кто имеет хорошо расположенный Меркурий и аффлектированную Луну, будет хорошо понимать, но плохо обдумывать и взвешивать, поэтому такие люди, хотя они могут превосходно советовать другим, тем не менее глупо распоряжаются собственными делами.
69. Когда Венера слишком сильна⁵⁵ в генитуре и расположена в местах Вредителей, следует опасаться беспокойств от незаконной любви.
70. Когда Луна, Меркурий и управитель Асцендента все будут находиться в двутелых знаках, натив будет по натуре склонен к старым взглядам и странным религиозным представлениям.
71. Когда Сатурн и Марс созерцают друг друга и Светила расположены в шестом, восьмом или двенадцатом домах, натив будет страдать от некой неизлечимой болезни и вести жизнь, исполненную несчастий.

⁵³ Эти страдания натива будут особенно проявлены в женском гороскопе.

⁵⁴ Кардано подразумевает гороскоп Милана. В карте основания этого города (5 мая 1167 г., 7:30 LAT) Асцендент в 6° Рака, а управляющая им Луна — в 13° Скорпиона.

⁵⁵ Т.е. угловая.

72. Когда Луна находится в Середине Неба⁵⁶ в Козероге, а Сатурн или Марс — в четвертом доме⁵⁷, натив будет иметь дурную репутацию, и гораздо хуже, если [при таком положении планет в домах] Марс будет в Тельце и Луна в Скорпионе, ибо в таком случае много затруднений будут сопровождать его всю жизнь.
73. Когда Венера находится вместе с Сатурном и Марсом и в оппозиции к месту Луны, натив будет не более чем глупцом, но считающим себя Философом.
74. Для [определения] профессии или сферы мастерства натива мы должны рассмотреть планету, которая, будучи восточной, первая выходит из-под лучей Солнца, и если вместе с этим будет другая в Середине Неба, созерцающая Луну, прими ее в качестве дополнительной, но если не будет такой планеты, которая выходит из-под солнечных лучей, возьми ту, которая находится в Середине Неба, а если таковой планеты нет, то управителя Середины Неба и положения Марса, Венеры и Меркурия, но если случится, что этих указаний много, натив будет практиковать несколько профессий. Профессия, которой натив занимается, будет находиться под сильным воздействием серии революций, которые, если они согласуются с натальной картой, принесут ему удовольствие; в противном же случае он будет делать это против своей воли.
75. Главная причина того, что мужчины ведут одинокую жизнь, — это сожжение Луны, которая в их натальных картах находится с Сатурном⁵⁸ или существенно аффликтирована им; так же и в женских картах, если планета сожжена или Солнце в Тельце сильно аффликтировано.
76. Марс и Меркурий, пагубно расположенные и в соединении с Луной, обозначают воров и грабителей, но если Сатурн созерцает их или находится в седьмом доме, они получают по заслугам, и поэтому всякий раз, когда ты видишь указания на ужасные преступления, рассмотри, сильны ли Вредители или нет, действуют ли на Солнце,

⁵⁶ Серединой Неба в старинной астрологии назывался не только куспид 10-го дома (МС), но и весь 10-й дом.

⁵⁷ Подразумевается, что они при этом находятся в Раке.

⁵⁸ Это вызывает у мужчин привычку к уединению.

- Луну или управителя Асцендента; или сожжен ли управитель Асцендента, или враждует с Луной; в таком случае, несомненно, натив пострадает за свое злодеяние.
77. Когда Луна в соединении с Сатурном в Углу карты, натив, даже если он важная персона, будет доведен до бедности.
78. Пусть тот, у кого Марс во втором доме, остерегается заниматься торговлей.
79. Тот, чья натальная карта неудачна для богатств и почестей и все же имеет Луну в соединении со значительной благоприятной неподвижной звездой, неожиданно станет могущественным и [затем] опять упадет в нищету, но чтобы оценить величину события, рассмотри состояние Луны.
80. Когда Венера расположена в одиннадцатом доме, Меркурий — в двенадцатом, Солнце — в первом, Юпитер — во втором, Сатурн — в шестом и Луна — в девятом, столь многочисленны и столь велики будут происшествия, происходящие с нативом, что его жизнь справедливо можно считать удивительной.
81. Сатурн, Марс и Голова Дракона в четвертом доме предвещают внезапную смерть.
82. Когда Луна в ночной карте переходит своими лучами от Марса к Сатурну⁵⁹, натива ожидает много неудобств и беспокойства, причиненных главным образом женщинами.
83. Те люди любят доказывать свою ученость, в чьих натальных картах Сатурн, Венера, Юпитер и Луна точно созерцают Меркурий, при условии, что ни Сатурн, ни Луна не расположены в первом доме, и если не будет планет в Углах, ибо любая планета, сильная в Углу карты, есть препятствие для мудрости.
84. Когда Солнце-перегрин в «Сердце Неба»⁶⁰ будет находиться в квадратуре к Луне в седьмом доме, натив станет главой своей семьи или клана, но умрет внезапно⁶¹.

⁵⁹ Луна имеет распадающийся аспект с Марсом и складывающийся аспект с Сатурном.

⁶⁰ В Середине Неба.

⁶¹ Светила в квадратуре предсказывают насильственную или внезапную смерть, если не вмешиваются благоприятные лучи Юпитера.

85. Во всех натальных картах исследуй точно все состояния Луны согласно трем путям, посредством которых она возвышается⁶², ибо это крайне необходимо.
86. Когда Вредители находятся в Углах, а Благодетели — в последующих домах, или когда Луна сожжена и ее управитель силен и счастлив, или когда Юпитер кадентный и его диспозитор хорошо расположен, тогда натив из очень печальных обстоятельств и больших несчастий поднимется до значительного величия и счастья, и таким же образом [суди] в противоположном случае.
87. Когда Луна, Венера и Марс находятся вместе в соединении, это время прихода в мир Неронов⁶³ и подобных чудовищ рода человеческого: нравы натива невероятно испорчены.
88. Юпитер в элевации⁶⁴ и отчасти несчастливый уничтожает детей натива, но сохраняет его имущество; если же он опускается и расположен внизу⁶⁵ и не стоит плохо, он дает детей, но не состояние.
89. Когда Сатурн не грозит насильственной смертью, даже если он находится в седьмом или восьмом доме или управляет ими⁶⁶, он предвещает, что натив умрет от помрачения рассудка⁶⁷.

⁶² Луна возвышается или обретает достоинства следующими способами (на самом деле до конца не ясно, какие именно три пути возвышения Луны имеет в виду Кардано).

1. Через обитель в Раке.

2. Через экзальтацию в Тельце.

3. Через триплицитет, когда она в Тельце, Деве или Козероге (согласно Птолемею, Луна управляет земным триплицитетом лишь в ночных картах, а согласно системе трех управителей, восходящей к Доротею Сидонскому, Луна не только тригонократор Земли в ночных картах, но и соуправитель водного тритона в любое время суток).

Также Луна считается благоприятной, когда она быстра в движении и прибывает в свете, при условии, что это согласуется с остальными свидетельствами.

⁶³ В гороскопе римского императора Нерона Луна, Венера и Марс совершенно не связаны между собой аспектами.

⁶⁴ Элевация — положение планеты в восточной полусфере домов наиболее близко к МС, по сравнению со всеми другими планетами.

⁶⁵ В противоположность элевации находится в западной полусфере домов, приближаясь к IC.

⁶⁶ При условии, что он является Анаретой.

⁶⁷ Или от тех болезней, на которые указывает Сатурн: сильное переохлаждение (простуда) и т.п. всегда в соответствии с его расположением и конфигурацией в рассматриваемом гороскопе.

90. Вредители-пегрины в седьмом доме, имеющие власть на Асценденте⁶⁸, указывают на смерти жен или врагов натива⁶⁹.
91. Почти невозможно, чтобы те, кто не имеет в своих натальных картах ни единой планеты ни над горизонтом, ни в первом доме, жили долго или совершили в мире какие-либо великие дела.
92. Число жен натива [в тех странах], где узаконена моногамия, следует находить не только через скопление планет или мутабельные знаки, но также принимая в расчет подходящие складывающиеся аспекты Луны к планетам во взрослом возрасте⁷⁰ и совпадающие с этим указания на смерти жен⁷¹.
93. Когда Марс и Меркурий поражают управителя седьмого дома, находясь в элевации над ним, натив убьет свою жену или своего врага⁷², хотя бы с помощью яда, особенно если любая из этих планет имеет силу на Асценденте.
94. Если в натальной карте женщины Марс находится под лучами Солнца, она будет способна вести себя как проститутка со своими слугами и простолудинами⁷³; но точно [там же расположенная] Венера позволит ей осмотнительно иметь дело со знатными и благородными людьми.
95. Если вредители, поражающие место детей⁷⁴, лишь немного слабы, натив сможет иметь детей; если они более слабые, то дети, которые у него есть, умрут; если очень слабы, натив будет полностью бесплоден.

⁶⁸ Вероятно, подразумевается не только планета, управляющая знаком ASC, но и те планеты, которые имеют в месте ASC иные достоинства (экзальтация, тригонократия, управление термом или деканатом).

⁶⁹ Или партнеров.

⁷⁰ С того возраста, как он достигнет половой зрелости.

⁷¹ Во времена Кардано разводы были практически невозможны, потому он и пишет, что указания на появление новой жены должны подтверждаться указаниями на смерть предыдущей.

⁷² Или своего партнера.

⁷³ Всегда при условии, что отсутствует сильный благоприятный аспект Юпитера с Солнцем.

⁷⁴ Пятый дом гороскопа.

96. Когда управитель гороскопа является Вредителем и при этом не созерцает место детей или, будучи Благодетелем, созерцает его аспектом ненависти, натив никогда не будет любить своих детей, как ему следовало бы.
97. Когда Меркурий находится под землей, он более действителен в даровании Искусств и Наук, но для красноречия лучше всего, когда он находится над землей.
98. Когда Марс находится точно на кuspиде МС и не имеет власти на Асценденте, если натив доживает до любого значительного возраста, следует сильно опасаться, что он будет убит.
99. Когда оказывается, что сигнификаторы знатных персон, хорошо расположенные в их собственных генитурах, — это те же [планеты], что были несчастливо расположены в натальных картах их родителей, это означает, что они всю жизнь проведут в трудах относительно богатства и почестей вплоть до почтенного возраста, когда, благодаря постепенному приумножению, они накопят состояние и достигнут, наконец, высокого положения; отсюда ясно, что нет таких людей, жизни которых могли бы оказаться более непохожими друг на друга, чем те, кто родился в одно и то же время⁷⁵.
100. Натальные карты, которые никогда не могут быть хорошими, таковы, в которых оба Вредителя в одном и том же доме соединены с одним из Светил, или когда каждый из Вредителей по отдельности соединен со Светилами, или когда Луна находится под лучами Солнца с Сатурном или Марсом, или где все планеты расположены в третьем, шестом, восьмом или двенадцатом домах; или когда Вредители в Углах карты и Светила и Благодетели кадентны, или когда в падающих домах только Светила, а все остальные планеты ретроградны, или когда оба Светила и оба Благодетеля аффилированы, или когда только Марс над землей, а другие планеты не соединены друг с другом и не располагаются в Углах.

⁷⁵ Кардано намекает на излюбленный со времен античности вопрос критиков астрологии: если астрология действует, то почему жизни двух людей, родившихся в одно и то же время, оказываются столь различны? Ответ видится Кардано в том, что судьба каждого человека, заложенная в его личном гороскопе, корректируется гороскопами его предков.

АФОРИЗМЫ О РЕВОЛЮЦИЯХ

1. Можно сказать, что революции выполняются пятью способами: первый, возвращением Солнца в ту же точку, что наиболее обоснованно. Во-вторых, возвращением центра планеты в то же место эклиптики, к этому роду относятся в первую очередь возвращения Луны, и затем главнейшими являются возвращения Сатурна и Юпитера. В-третьих, возвращение центра какого-нибудь меньшего круга на то же место. В-четвертых, возвращение планеты на ее место в меньшем круге. В-пятых, возвращение планеты туда, где она была первоначально связана [аспектом], как на место другой планеты.
2. Когда Хвост Дракона в натальной карте неблагоприятно влияет на управителя Асцендента⁷⁶, и в Революции Луна будет соединена с ним, и управитель дома смерти, находясь на месте вредителя в радиксе, будет также созерцать Хвост Дракона, субъект в этом году умрет⁷⁷.
3. Когда Вредители сильны в радиксе, а Луна в Революции сходится с сильной неподвижной звездой природы Марса, субъект будет способен совершить убийство человека⁷⁸ в этом году или будет пребывать в опасности относительно этого⁷⁹.
4. Революции могут влиять на события последующих лет либо потому, что один год подготавливает другой, либо потому, что Революция исполняет распоряжения, отданные натальной картой, либо по причине значительности события (такого, как смерть), либо в случае судеб-

259

⁷⁶ Внимательного читателя может смутить формулировка начала афоризма в английском тексте. Конечно же, Лунные Узлы, не обладая своим собственным светом, не могут созерцать планеты. В латинском оригинале Кардано воспользовался словом «afficio», имеющим значения «воздействовать, влиять, поражать, ослаблять»: «Cum cauda infortunio dominum ascendentis affecerit, & in revolutione Luna ceciderit cum ilia, & ipsam aspexerit dominus loci mortis, & fuerit ille in loco infortunae & natiuitate illo anno morietur» (*Cardanus N. Opera omnia*. Т. 5, Segmentum 3, aph. 5). — Примеч. С. Бартеневой.

⁷⁷ Всегда при условии, что первичные дирекции согласуются с другими указаниями.

⁷⁸ Скорее всего, непредумышленное убийство.

⁷⁹ Насильственную натуру, на которую часто указывают сильные Вредители в натальной карте, если они свободны от сдерживающих благотворных лучей Юпитера, всколыхнет и побудит к действию такой аспект Луны в карте революции.

ных процессов⁸⁰, как, например, при точной оппозиции Солнца к Юпитеру.

5. Когда Асцендент Революции такой же, как в натальной карте у этого человека, произойдет что-то обещанное в генитуре, но еще более вероятно, что это произойдет, когда Луна тоже будет в своем натальном месте или когда управитель Асцендента в [том] месте, [где он] частично⁸¹ созерцает тот же дом радика⁸².
6. Если в Революции управитель Асцендента ретрограден (если это одна из низших планет) и только входит под лучи Солнца, или если это высшая планета и она аф-фликтирована Вредителем, ты можешь ожидать некую опасность для своей жизни в этом году.
7. Когда Юпитер в Революции созерцает Луну или Венеру, или находится на Углу карты [Революции] в любом из их мест в радикасе, это склоняет субъекта, если он в подходящем возрасте, к женитьбе в этом году⁸³.
8. Когда в Революции у человека, чей единственный сигнификатор жизни был ослаблен в радикасе, Благодетели будут сожжены в любом доме, кроме первого, а Вредители, находясь над Землей, будут созерцать Солнце, Асцендент и Луну, или Луна будет под Землей, такой человек может умереть в этом году при отсутствии каких-либо гибельных дирекций⁸⁴.
9. Если указания генитур, касающиеся Жизни, ослаблены, и три планеты соединены в Революции, надвигается опасность от некоторых серьезных болезней, особенно если эти планеты находятся в шестом доме.

⁸⁰ Кардано имеет в виду, что рассмотрение дела в суде может затянуться не на один год.

⁸¹ Вероятно, в английском тексте опечатка, и вместо «частично» (partially) следует читать «с точностью до градуса» (partilly), поскольку *лат.* *partilis* обозначает соединение или аспект в пределах одного градуса.

⁸² Очевидно, речь идет о том, что управитель Асцендента, находясь в определенном доме карты Революции, делает точный аспект в аналогичный натальный дом.

⁸³ А если нет указаний на женитьбу в натальной карте, он будет склонен жить с любовницей.

⁸⁴ Это утверждение следует принимать с огромной осторожностью. Астрологу никогда не следует судить о смерти без первичных дирекций, которые согласуются со вторичными дирекциями в указании очевидности решающего конца. Конечно же, в связи с дирекциями разумно рассмотреть и карту Революции.

10. Когда в зрелом возрасте в Революции Венера будет в секстиле к Меркурию, который был соединен с ней в Генезисе⁸⁵ в том же месте, натива будут странным образом преследовать распутные мысли и сладострастные образы, а если они будут в соединении в том же месте, где до этого они были в секстиле, он будет в этом году обладать некоей возлюбленной, которой он будет сильно очарован.
11. Когда в час Революции высшие планеты или другие будут соединены в месте радикального сигнификатора, ожидай, что случатся значимые события того рода, который в связи с этим естественно предположить.
12. Когда Луна соединена с Сатурном в революции, а он отбрасывает квадратуру к Асценденту, такой человек будет в данном году подвержен телесным страданиям по причине болезни ума⁸⁶.
13. Добавления, которые производятся шествием⁸⁷ Солнца в годичной Революции, перемещают значения приблизительно на столько дней после Революции, сколько прошло лет⁸⁸.
14. Когда в радиксе Луна находится в согласии с Сатурном или находится с любой другой планетой в месте, где он⁸⁹ имеет достоинства, если случается, что в Революции (после сорокалетнего возраста) она телесно соединена с Сатурном на одной и той же широте⁹⁰, или будучи полной света, находится в оппозиции к нему и с противоположной широтой⁹¹, [в секторе] с шестого дома по восьмой, натив, несомненно, впадет в некую странную болезнь и умрет от нее⁹².

⁸⁵ Т.е. в натальной карте.

⁸⁶ Или головокружения.

⁸⁷ Очевидно, в английском тексте опечатка, и вместо «procession» («шествие») должно быть «precession» («прецессия»).

⁸⁸ Подобно тому как координата Солнца во вторичных прогрессиях является ключом в дирекциях солнечной дуги, эта же прогрессивная координата может быть точкой отсчета и для годичной карты. См. также Афоризм 20.

⁸⁹ Сатурн.

⁹⁰ Т.е. образуя параллель по широте.

⁹¹ Т.е. образуя контрпараллель по широте.

⁹² Всегда при условии, что первичные дирекции влияют таким же образом.

15. Когда дома Асцендента или Луны в радикасе будут в квадратуре или оппозиции к Вредителям в Революции, натив испытает много несчастий, но если Луна будет в соединении с ними, тогда натив [сам] причинит много бед другим людям, но если, кроме этого, Вредители будут управителями неблагоприятных мест⁹³, он и причинит вред другим, и пострадает сам.
16. Точное время происходящих событий следует находить из годовых и месячных революций и транзитов⁹⁴.
17. Тот год будет фатальным для здоровья натива, когда в Революции многие из Хилегиальных [показателей]⁹⁵ окажутся в плохих местах гороскопа⁹⁶ или в аспектах с Вредителями.
18. Если любая планета аффилирована в годичной Революции, результаты [ее действия] проявятся, когда она будет сходиться — телесно, через квадратуру или оппозицию — с планетой, управляющей знаком, в котором она находится.
19. Болезни большей частью имеют природу управителя шестого дома или планеты, там расположенной, как в Революциях, так и в натальных картах.
20. Годичная Революция есть событие во времени, когда Солнце возвращается в ту же самую точку от равноденствия; есть другое событие в Мире, которое представляет собой возвращение Солнца к той же неподвижной звезде; и еще иное событие [существует] для натальных карт, когда Солнце возвращается в прежнее место, но с прибавлением такого [расстояния] по эклиптике, которое оно проходит в один природный день⁹⁷.

⁹³ Вероятно, подразумеваются 6-й, 8-й и 12-й дома гороскопа. Термин «locus» в латинских астрологических трактатах часто обозначает не просто «место», но именно «дом гороскопа».

⁹⁴ Транзиты Луны влияют на менее значительные события жизни, транзиты большего Светила и планет влияют на более значительные события жизни.

⁹⁵ Очевидно, речь идет о тех факторах, из которых осуществляется выбор Хилега (Солнце, Луна, Часть Фортуны, Асцендент, пренатальная лунация).

⁹⁶ Вероятно, подразумеваются 6-й, 8-й и 12-й дома гороскопа.

⁹⁷ Говоря языком современной астрологии, Кардано указывает, что возможно построение трех годовых карт: это, во-первых, карта на возвращение Солнца в свое натальное положение в тропическом Зодиаке (тропический соляр), во-вторых, карта на возвращение Солнца с учетом прецессии (сидерический соляр) и, в-третьих, карта на момент соединения транзитного Солнца с прогрессивным Солнцем (прогрессивный соляр).

АФОРИЗМЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ
К ДЕКУМБИТУРАМ, БОЛЕЗНЯМ,
ЛЕКАРСТВАМ И Т.Д.

1. В болезни Асцендент⁹⁸ будет означать пациента, седьмой дом — болезнь, Светила — силу пациента, Вредители — силу заболевания, но восьмой дом⁹⁹ всегда имеет свою долю в сигнификации¹⁰⁰.
2. Когда Луна сходится с планетами, природа которых противоположна природе той планеты, что расстроила здоровье, особенно если они Благодетели, [течение] болезни изменится к лучшему.
3. Когда Луна в начале болезни (этот момент называется декумбитурой пациента) будет или под лучами Солнца, или с Хвостом Дракона, Сатурном или Марсом, это грозит чрезвычайной опасностью, и если субъект стар, даже ее соединение с Юпитером, Меркурием или Венерой небезопасно; того же самого, но далеко не столь же печального, следует опасаться, когда она в квадратуре или оппозиции к любому из них; но если помимо всего этого она окажется в их местах в генитуре пациента, тот несомненно умрет.
4. Марс, Юпитер и Венера управляют кровью; Марс и Солнце — желчью; Луна и Венера — флегмой; Сатурн и Меркурий — меланхолией; а Марс и Меркурий с Солнцем — черной желчью.
5. Сатурн вызывает долгие болезни; Венера — незначительные; Меркурий — различные; Луна — те, которые возвращаются после определенного времени, как головокружения, падучая болезнь и т.д.¹⁰¹ Юпитер и Солнце дают короткие болезни, а Марс — наиболее острые из всех.
6. Когда ты обнаружишь, что гороскоп на начало мучительного расстройства выглядит гораздо мягче и благоприятнее, чем [само] расстройство, ты можешь заключить, что болезнь приобретает свою пагубность от натальной карты, главные места [которой] сталкиваются с некоторыми гибельными конфигурациями.

⁹⁸ И его управитель.

⁹⁹ А также 6-й и 12-й дома.

¹⁰⁰ Седьмой дом и его управитель означают врача.

¹⁰¹ И все болезни, истекающие от избытка влажности, гумора и т.д.

7. Необходимо рассмотреть лунации, предшествовавшие болезни, и из них таким же образом взять сведения о состоянии пациента.
8. Если ты обнаружишь, что человек в возрасте старше 50 лет страдает от сильных и частых болезней, ты можешь заключить, что сигнификатор жизни в его радикасе тяжело аффилирован телом или аспектами одного из Вредителей.
9. Когда Луна в фиксированном знаке, лекарство действует слабее, а если [Луна] в Овне, Тельце или Козероге, оно может оказаться тошнотворным и очень неприятным на вкус для пациента.
10. При приеме слабительного лучше, чтобы и Луна, и управитель Асцендента опускались и были под Землей; при приеме рвотного — чтобы они восходили.
11. Прием слабительного, рвотного, кровопускание, использование выделений¹⁰² и т.д. следует производить, пока Луна находится во влажных знаках, первый из которых — Рыбы, а следующий — Рак.
12. Сигнификатор жизни в радикасе, будучи сильным, при естественных заболеваниях помогает очень сильно, но при несчастных случаях — мало или совсем никак.
13. Когда Луна находится с Венерой, лучше и безопаснее изгоняется желчь, а когда она с Юпитером — меланхолия.
14. Каждое чрезмерное положение Небес¹⁰³ людям слабым и пожилым приносит смерть; а остальным — жестокие несчастные случаи и тяжкие бедствия.
15. Если болезнь начинается, когда Луна находится в оппозиции к Солнцу, это происходит по причине избытка гуморов; если она претерпевает затмение, то же происходит из-за ослабления душевного состояния и витальной силы.
16. Вредители, будучи восточными, вызывают болезни; будучи западными — недостатки¹⁰⁴.

¹⁰² Англ. issue обозначает и «выделение», и «истечение», и «искусственно вызванную ранку».

¹⁰³ Приводит к чрезмерному дисбалансу небесных сил.

¹⁰⁴ В лат. оригинале: «Infortunae orientalis dant morbos; occidentalis defectus».

17. Венера с Сатурном в седьмом доме и Марс в элевации над ними обоими вызывают бесплодие у мужчин и выкидыши у женщин.
18. Стрелец и Близнецы означают болезни, которые приходят с падением, как обмороки, падучая болезнь, выпадение матки и т.д.
19. Когда в начале болезни оба Светила находятся с Вредителями или в оппозиции к ним, больному будет очень трудно спастись.
20. От Луны, сходящейся с Благоделителями или входящей в хороший аспект к Солнцу, если она не будет ни противоположна болезни, ни аффликтирована, ни во власти Вредителей, можно ожидать здоровья; но при ее движении к Вредителям, природа которых подобна природе болезни, или к губительным лучам Солнца, следует опасаться смерти.
21. Холодные и сухие болезни, затяжные по своей природе, усиливаются Сатурном; но те, что короткие, горячие и сухие, [усиливаются] от Марса.
22. Соединение Светил в Овне вызывает перемену и смерть, если Венера и Меркурий будут там ретроградными; подобное этому [произойдет, и] если оно случилось в Скорпионе или Деве, или в любом человеческом знаке; сходным образом, если такое соединение падает на шестой, седьмой или восьмой дома карты декумбитуры в пределах аспекта Вредителя, пациент будет в великой опасности.
23. Марс на Асценденте декумбитуры делает болезнь скорой, жестокой¹⁰⁵, поражающей верхние части тела и приводящей ум в расстройство; и если помимо этого диспозиторы Светил и Асцендента окажутся аффликтированными, последует смерть; подобное [произойдет и], если оба Светила будут падающими от Углов и Благоделители не будут им помогать; но если в такой позиции сильные Благоделители будут иметь владение в двух местах¹⁰⁶, течение болезни изменится от острого к хроническому, и пациент спасется из безнадежного положения.

¹⁰⁵ Вероятно, будут иметь место симптомы лихорадки.

¹⁰⁶ Очевидно, под «двумя местами» подразумеваются места, где стоят Светила.

24. С первого часа суток (включая час ночи) до шести преобладает Кровь, отчего утренние сны становятся такими сладкими и приятными; с того времени до полудня — Желчь; после полудня — Флегма, а от начала вечера до полуночи — Меланхолия.
25. Сатурн в огненных знаках, когда Солнце слабое, вызывает чахоточные лихорадки; Юпитер — кровавые, а если Марс созерцает его, — гнилые; Марс в таких знаках дает жгучие лихорадки всех видов; Венера — мимолетные лихорадки и, если лучи Марса присоединяются, гнилые от флегмы; Меркурий — смешанные, но если Луна соединена с ним, она производит слизистые лихорадки от порчи гуморов; Сатурн, разделяя управление с Марсом, вызывает меланхолические лихорадки, и если Марс будет под Солнцем в шестом или двенадцатом доме в огненных знаках или, будучи так расположен, станет отбрасывать свои лучи на Сигнификатор жизни или на управителя Асцендента Революции, или если управитель Асцендента или Сигнификатор жизни в дирекции сходятся с ним в аспекте, это причиняет огненные пагубные лихорадки и подобные ядовитым; но если ко всему перечисленному прибавляется Сатурн или Голова Дракона, или Хвост, или сожженная Венера, или если эти планеты будут расположены в Скорпионе или Льве, лихорадка будет всецело пагубной.
26. Вредные лихорадки вызываются, когда Солнце афликтировано во Льве, но если оно, напротив, укреплено, лихорадки будут редки и случайны, потому что гной тогда разлагается и выносится прочь.
27. Водные знаки грозят гнилыми лихорадками очень большой длительности, если Марс (особенно сожженный) как-либо управляет в них, но земные знаки совершенно свободны от гнилых лихорадок.
28. Когда Луна находится в знаке косого восхождения¹⁰⁷ под лучами Солнца и в оппозиции к Марсу, это губи-

¹⁰⁷ Знаки косого восхождения — знаки Зодиака, время прохождения которых через Асцендент составляет менее двух часов. В северном полушарии Земли это Козерог, Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы; в южном полушарии — остальные шесть знаков.

тельное время для ампутации или утраты какого-либо члена¹⁰⁸.

29. Следует ожидать, что родовые схватки и разрешение от бремени будут утомительными, если Луна аспектирована Вредителями и [находится] в знаке косого восхождения, а на Асценденте — ретроградная или медленная в движении планета.
30. Венера является холодной во второй степени и влажной в третьей; Луна холодная в третьей и влажная в четвертой; Юпитер горячий во второй и влажный в первой; Солнце горячее в третьей и сухое во второй; Марс сухой в третьей и горячий в четвертой; а Сатурн и холодный и сухой в четвертой¹⁰⁹.
31. Особый сигнификатор болезни — это та неблагоприятная планета, от которой сигнификатор отделяется плохим аспектом; и управитель Асцендента показывает причину беды, если он расположен где-нибудь неблагоприятно.
32. Если управитель Асцендента является Вредителем, больной будет непокорным, непослушным, но если он является Благодетелем, больной будет с готовностью принимать то, что предписано.
33. Пятый дом и его Управитель показывают лекарства и их природу, полезны ли они или вредны, подходящие ли они или нет.
34. Так же, как в Революции года ее дурные значения происходят согласно дирекциям генитур, так и декумбитура в своих худших значениях регулируется Революцией согласно дирекциям Луны.
35. Если сигнификаторами являются несколько планет, это показывает, что расстройство состоит из нескольких болезней.
36. Сигнификатор болезни в двутелых знаках означает рецидив или то, что она перейдет в какое-то другое заболевание.

¹⁰⁸ Птолемей пишет: «Не прокалывай железом часть тела, управляемую знаком, который сейчас занимает Луна». — *Птолемей*. Тетрабиблос.

¹⁰⁹ Речь идет об условной силе проявленности у планет элементарных качеств, о своего рода «баллах» тепла/ холода и сухости/влажности. Скажем, и Луна, и Венера являются холодными и влажными планетами, но из данного афоризма мы видим, что Луна в целом более влажная, а Венера более теплая.

37. Болезнь безнадежна, когда Сигнификатор больного или в его натальной карте, или в декумбитуре имеет владение в четвертом доме.
38. Тот знак, в котором расположен Сигнификатор болезни, и тот, к которому он отбрасывает любой аспект, указывает на члены или части тела, которые преимущественно поражены.
39. Когда Меркурий злотворен, он причиняет вред воображению и умственным способностям и потому грозит сумасшествием и т.д., но гораздо хуже, если поражающей планетой является Марс, ибо тогда, если он в земном знаке, это грозит тем, что пациент покончит с собой.
40. Очень плохой знак, когда Сигнификатор болезни находится в шестом [доме], или управитель шестого — в восьмом, или управитель восьмого — в шестом доме.
41. Меркурий-сигнификатор болезни в аспекте с Сатурном, или Сатурн-сигнификатор в аспекте Меркурия заставляют подозревать черную магию и колдовство¹¹⁰.

¹¹⁰ Теория колдовства в настоящее время осмеивается большинством ортодоксальных ученых, не исследовавших этот вопрос внимательно, но, возможно, некоторым изучающим натурфилософию может быть полезно иметь в виду, что Сатурн между прочих вещей является сигнификатором оккультного, что он дает огромную силу к размышлению и сосредоточению. Меркурий означает среди других вещей магнетический флюид или одилическую силу (одилическая сила — термин, использовавшийся в XIX в. при объяснении явления гипноза), а также остроту и скорость мысли, которую необходимо вызывать в подходящее время во всех магнетических опытах, где воздействие оказывается на воспринимающую сторону, находящуюся на расстоянии от оператора, что обычно и происходит в «колдовстве» или «магии». Поэтому данные две планеты, на которые ссылается Кардано, есть истинные сигнификаторы тонкой силы и тонких средств, которые должны быть вызваны надлежащим образом, чтобы осуществить магнетический эффект, который наши предки называли колдовством и который современные оккультисты признают результатом «черной магии» или злого магнетизма. Если колдовство или, скорее, оккультное воздействие дурной природы будет проявлено в декумбитуре, оказавшего воздействие можно часто обнаружить посредством рассмотрения 4-го и 12-го домов вместе с положениями и конфигурациями их управителей в гороскопе, обязательно приняв во внимание Сатурн и Меркурий и внимательно сравнив с радиксом и картой революции этого года. Желательно рассмотреть также положение и конфигурацию Гершеля (т.е. Урана). Тем, кто собирается использовать афоризмы Кардано в астрологической практике, следует сознавать, насколько уровень смертности больных в современную эпоху ниже, чем в XVI в.

42. Хроническая болезнь (т.е. болезнь, которая обычно продолжается больше месяца) управляется движением Солнца; острые болезни (более резкие и неистовые, но менее продолжительные) — движением Луны, в согласии с более быстрым или более медленным движением которой критические дни или ускоряются, или запаздывают¹¹¹, то же самое происходит, когда Луна приходит в знак, противоположный по обоим качествам¹¹² тому, в котором она была в начале болезни.
43. Для лечения какого-либо члена Луна и управитель Асцендента должны быть свободны от препятствий, знак, управляющий данной частью [тела], должен восходить, и Луна должна быть расположена в нем¹¹³, а когда ты думаешь принести какое-то благо своим глазам, пусть Луна будет благоприятной, возрастающей в свете и никоим образом не в знаке земного триплицитета.
44. Даже Благодетели в болезнях могут стать Вредителями, а именно, когда болезнь сама по себе их природы или природы вещей, которые ими сигнифицируются, и в таком случае Вредители могут быть названы Благодетелями, ибо противоположное лечится противоположным.

¹¹¹ Речь идет о том, что предсказывать кризисы следует, не просто отсчитывая дни от начала заболевания (как рекомендуют многие классические трактаты по медицинской астрологии), а по реальным аспектам Луны к ее положению в декумбатуре, учитывая неравномерную скорость ночного светила. Много превосходного материала о влияниях и силах Луны с рассмотрением критических периодов болезни изложено у Клода Дарио в «Юдициарной астрологии» (Лондон, 1598).

Доктор Мид, врач Карла I, также описал влияние Луны на критические периоды в своем «Трактате относительно влияния Солнца и Луны на человеческие тела» (Лондон, 1748).

¹¹² По качествам тепла/холода и сухости/влажности.

¹¹³ Обычно считается, что нахождение Луны в знаке, который управляет тем органом, что необходимо лечить, крайне неблагоприятно (ср. Комментарий Серджеанта к афоризму 28). Потому можно предположить, что в оригинал текста закралась опечатка. С другой стороны, следует обратить внимание, что Кардано рекомендует помещать Асцендент и Луну в знак данной части тела исключительно в том случае, когда Луна и управитель Асцендента совершенно свободны от препятствий.

АФОРИЗМЫ ОБ ЭЛЕКЦИЯХ

1. Элекция означает очень мало или ничего, если не согласуется с натальной картой и временем, когда ты делаешь элекцию¹¹⁴.
2. Если ты хочешь что-то оставить в секрете, пусть Луна будет под Лучами Солнца, когда ты сделаешь это¹¹⁵.
3. Не делай новую одежду и не надевай ее в первый раз, когда Луна в Скорпионе, особенно, если она в полном свете и созерцает Марс, ибо такие вещи будут рваться и быстро изнашиваться.
4. Когда в элекции ты не можешь нужным образом расположить Луну по отношению к двум планетам, которые тебе нужны для события, соедини ее с какой-либо неподвижной звездой, сочетающей в себе природу обеих этих планет.
- 270 5. Когда тебе нужно поспешно завершить дело, помести Луну и Сигнификатор в кардинальные знаки, но если тебе нужно делать работу, которая потребует долгого времени, помести их в фиксированные знаки. И по этой причине бывает так сложно для человека добиться того, чтобы делать одновременно и то, и другое.
6. Наилучшая элекция, которую может сделать человек, — это [соотнесение] с местом своего проживания: поскольку, если Асцендент города, в котором он обитает, будет и местом его собственного Асцендента, он будет иметь хорошее здоровье; если Середина Неба — он получит продвижение по службе; если это будет местом его натального Солнца, он, без сомнения, удостоится почестей и званий; если Юпитера — он увеличит богатство; если Луны — он будет в том месте счастлив в большинстве отношений.

¹¹⁴ «У всех авторов, которых я встречал, я находил, что для любого, чья натальная карта или чье время рождения точно неизвестны, невозможно выбрать благоприятное время (нашим астрологическим способом выбора), ибо ты должен формировать свой выбор согласно этим данным, учитывая также революции года; а Сахл, Бонатти, Машаллах и Дарио говорят, что в том случае, когда натальная карта человека не может быть получена, следует принять во внимание время вопроса». — Рэймси У. *Astrologia Restaurata*. Лондон, 1654.

¹¹⁵ Рэймси в своей «Таблице элекций» о Луне в соединении с Солнцем пишет: «Ничего не начинай, кроме того, что ты хочешь оставить скрытым и тайным». — «*Astrologia Restaurata*».

7. Карты рождения всех людей в чем-то согласуются, а в чем-то расходятся между собой, поэтому при решении важных дел нам следует сотрудничать с людьми только в тех вещах, в которых их натальные карты согласуются с нашими, но в других вещах воздерживаться от этого. И, естественно, нам нужно в целом избегать общества тех людей, чей управитель Асцендента является Вредителем и соединен с Хвостом Дракона или любой неблагоприятной неподвижной звездой, поскольку если не будет очень большого согласия между нашими натальными картами, такие люди нанесут нам некий вред, хотя, возможно, и против своей воли.
8. Когда сигнификаторы поездок будут в водных знаках и Вредители (или Благодетели, сами плохо расположенные) будут в элевации над ними, кверент испытает много неприятностей в своих поездках из-за плохой погоды и бурь, и заметь, что причины или тему поездок следует выяснять по положению депозиторов этих сигнификаторов.
9. Иногда ты можешь использовать Вредителей, как врачи это делают с ядами, ибо они производят сильные эффекты; но используй их, подобно тем [ядам], умеренно и с осторожностью.
10. Новости или сообщения, появившиеся и распространившиеся, когда Луна находится в начале Скорпиона или Козерога, как правило, фальшивы, но если она будет с Юпитером в мужском знаке, они, вероятнее всего, правдивы.
11. Не начинай строить, когда Луна находится в Скорпионе или Рыбах, или когда восходят южные знаки, а также не допускай, чтобы Луна или управитель четвертого дома сходились с ретроградной планетой, поскольку есть угроза, что такие строения вскоре могут упасть или быть разрушены¹¹⁶.
12. Для Игры и Войны важно для человека находиться лицом к благоприятной части неба, и если так сделают оба

¹¹⁶ Или в силу обстоятельств человек, который выбрал столь неблагоприятное время для своей работы, не будет долго владеть этим зданием. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом... время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Еккл. 3: 1, 5). «Глупцы строят дома, чтобы в них жили мудрецы» (старая пословица).

противника, состязание будет утомительным; если никто из них, то оба в баталии понесут заметный ущерб, а в игре будет малый выигрыш для любой из сторон, но если только один из них смотрит в этом направлении, он вскоре победит своего противника¹¹⁷.

13. В любой элекции пусть Луна и управитель Асцендента будут свободными от препятствий и аффликации.
14. Но если Луна страдает от неких помех со стороны другой планеты, и ты вынужден сделать элекцию на этот день, сделай восходящим тот знак, который является либо обителью, либо экзальтацией для этой препятствующей планеты.
15. Лучше всего предпринимать путешествия, когда сигнификаторы в кардинальных знаках, так как они означают скорость и возвращение с быстро выполненным делом, но фиксированные знаки в таких случаях очень плохи, так же, как если Луне или управителю Асцендента случится быть в шестом, восьмом или двенадцатом домах.
16. Неоспоримая вещь (в общем) — доставлять петицию или просьбу к важной персоне, когда Луна приближается к Юпитеру и он соединен с Головой Дракона в Середине Неба.

272

АФОРИЗМЫ О КОМЕТАХ И ЗАТМЕНИЯХ

1. В карте затмения необходимо учесть силу планеты, которая им управляет, так как проявятся главным образом значения именно этой планеты.
2. Солнечные затмения производят сильнейшие воздействия, и поэтому, если они выпадают на самый цветущий и многообещающий урожай, они обычно причиняют ему ущерб, так что едва ли он будет таким, на который рассчитывали.
3. Когда во время затмения Сигнификатор жизни в радикасе любого человека будет находиться в лучах Анареты, или убивающей планеты, или Вредителя, расположенного недружелюбно, жизнь такого натива подвергнется невероятной опасности.

¹¹⁷ Этой теме уделено большое внимание у Бонатти, начиная с первого трактата «*Liber Astronomiae*» (гл. X).

4. Вообще, некоторые затмения светил в то время, когда они происходят, или даже до того, вызывают короткие ливни или дожди, другие [затмения вызывают] великие засухи, некоторые — свирепые ветры, другие — землетрясения, некоторые — скудость плодов земли, другие — ужасные пожары.
5. Кометы обычно предвещают рождение неких знаменитых личностей, которое случается спустя какое-то время, поскольку (в этом смысле) не тот считается рожденным под кометой, кто рожден во время ее появления, но тот, кто рожден в том регионе или стране, которые подвластны такому Углу¹¹⁸ или карте, и имеет свои Солнце и Луну в его¹¹⁹ месте или имеет светила и управителя его Асцендента в кардинальных знаках, когда комета восходит, садится, кульминирует и т.п.
6. Комета на Востоке¹²⁰ означает приход выдающегося законодателя, в Середине неба — некоего могущественного короля, но редко случается что-то [столь же] замечательное, когда она на Западе¹²¹ или в последующих домах.
7. Кометы, когда они неподвижны, означают подстрекательства к мятежам, но когда подвижны, они означают войны между странами, и одна страна вторгается в другую; в кардинальных знаках — смерть князей и великих людей; в девятом доме — скандал или ущерб религии; в десятом или двенадцатом домах — эпидемии или нехватку зерна; а в одиннадцатом доме — великую резню и уничтожение знати.
8. Если комета появляется, когда женщина вынашивает ребенка, если это будет на четвертом, шестом либо вось-

¹¹⁸ Очевидно, это следует понимать так, что Угол карты рождения расположен в знаке, где появилась комета, и этот знак управляет той страной, где родился натив. Согласно Птолемею («Тетрабиблос», II, 7), при анализе затмения необходимо изучить знак, где оно произошло, и предшествующий ему Угол, т.е. не является обязательным, чтобы Угол располагался непосредственно в знаке затмения. Возможно, это же правило применимо и к кометам.

¹¹⁹ Возможны разночтения: «в его месте» может пониматься как «в знаке, управляющем страной», как «в Углу карты» или как «в месте появления кометы».

¹²⁰ Близ Асцендента.

¹²¹ Близ Десцендента.

мом месяце, такой ребенок окажется склонным к гневу и ссорам, а если он будет из высших классов общества — то к подстрекательству против власти.

9. Ни одно затмение, каким бы оно ни было, не может грозить неурожаем или мором всей Земле, и не может эпидемия продолжаться в одном месте более четырех лет.
10. Затмения в четвертом доме более сильны и действенны, чем в восьмом или двенадцатом домах, и в первом доме более сильны, чем в девятом или одиннадцатом.
11. Затмение Луны распространяет свое действие на столько месяцев, а затмение Солнца — на столько лет, сколько часов оно продолжалось.
12. Затмение действует тремя способами: первый и мощный берет свою силу от оппозиции или соединения в том месте, где оно происходит; второй, или общий для всех затмений, происходит из-за медленного охлаждения, и, соответственно, результат растягивается во времени. Третью силу оно получает от управителя места, где затмение происходит, и других положений¹²² в это время.
13. Затмения воздействуют более сильно на города, провинции и королевства¹²³, чем на отдельных людей, пусть даже это короли и князья, поскольку воздействия [затмений] скорее имеют отношение к массам.
14. Когда происходят затмения или появления комет в земных знаках, они предвещают бесплодие [земли] и неурожай по причине чрезмерных засух; когда [это случается] в водных знаках — по причине слишком обильных дождей; в воздушных знаках они означают мощные ветры, призывы к бунту и эпидемии; в огненных знаках — ужасные войны и массовые кровопролития.

АФОРИЗМЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПОГОДЫ, МЕТЕОРОВ И Т.Д.

1. Когда Сатурн переходит из одного знака в другой, ты можешь ожидать в течение нескольких дней необычные метеоры вместе с великолепными зрелищами или видениями в небесах.

¹²² Т.е. от расположения планет в гороскопе затмения.

¹²³ «Землетрясения обычно следуют очень близко по стопам затмений». — Моррисон Р.Дж. Правила предсказания землетрясений и т.д.

2. Когда знаки, совершенно отличные от обычного природного порядка, появляются возле Солнца, на диске Луны или близ нее, возле звезд или в любой части небес, если ты рассмотришь место, где они появились, и гороскоп от времени начала до времени конца [явления], ты сможешь понять, что они предвещают¹²⁴.
3. Управитель новолуния и планета, которая созерцает его, очень многое говорят о состоянии воздуха, особенно если они в кардинальных знаках.
4. Когда Сатурн сожжен в обители Марса, и Марс его созерцает, он часто порождает конусообразные фигуры, которые видны в воздухе, состоящем из поднимающихся испарений, и являются предвестниками грядущего землетрясения.
5. Сатурн и Марс, Марс и Солнце, а также Марс и Меркурий вызывают град; Сатурн — больше летом, Солнце и Меркурий — больше осенью, и те [планеты], что вызывают град в эти две четверти года, зимой и весной вызывают снег.
6. Сатурн со Светилами, Юпитер с Меркурием и Марс с Венерой создают *Apertioportarum*, или «открытие врат»¹²⁵, и обычно вызывают заметные изменения погоды.

¹²⁴ Сибиллина Тибуртина, жившая во времена правления императора Августа, наблюдала сверкающую звезду осенью 4 г. до н.э. Она обратила на нее внимание императора и сказала ему, что это означает, что будет рожден ребенок от девственницы, который станет более великим, чем сам император; и она настоятельно посоветовала ему преклониться перед младенцем. — См. «Учебник астрологии» Пирса (Лондон, 1879).

Именно из наблюдения небесных конфигураций в момент появления необычной звезды волхвы узнали о рождении Господа нашего, ибо мы читаем: «Пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Матф. 2: 1–2). Доктор Сводлин в работе «Богословие — не враг астрологии» (Лондон, 1653) пишет следующее: «Святой Иоанн Златоуст говорит: “Бог направляет язычников посредством Звезды, а не посредством Ангела, Пророка или Гласа с небес, потому что Он может снизить к их слабости и научить их при помощи того, с чем они лучше всего знакомы”. Таким образом, поскольку эти арабы были астрологами, хорошо сведущими в звездах, Он призвал их к себе Звездой».

¹²⁵ «Открытие врат» — астрологическая методика, использовавшаяся аль-Кинди, Иоанном Испанским, Германом из Далмации и др. для предсказания дождей.

7. Когда примерно в начале зимы Сатурн будет депозитором Луны, ожидай непривычных холодов, сопровождаемых облачностью и дождями.
8. Каждый раз, когда Сатурн соединяется с Солнцем, тепло уменьшается, а холод возрастает, что само по себе может быть замечательным доказательством истинности астрологии.
9. Когда Марс и Меркурий соединены и созерцают Луну или управителя Асцендента в шестом или седьмом доме, они предвещают наступление великой засухи.
10. Та Звезда имеет большое воздействие на [состояние] воздуха, к которой Луна первой присоединится после ее соединения, оппозиции или квадратуры с Солнцем¹²⁶.
11. Смещение лучей Юпитера и Марса во влажных знаках дает гром с внезапными ливнями.
12. Юпитер сообразно своей природе вызывает северные ветры, Сатурн — восточные, Марс — западные, Венера — южные, а Меркурий — смешанные ветры, согласно тем планетам, к которым он приближается¹²⁷.

НЕСКОЛЬКО АФОРИЗМОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

1. Если ты подрезаешь виноградную лозу, когда полная Луна в Тельце, Льве, Скорпионе, Стрельце, твой виноград не пострадает ни от червей, ни от птиц.
2. Не прививай деревья, [когда] Луна ущербна или не видна¹²⁸, и если ты стрижешь овец, когда она возрастает, их шерсть отрастет снова еще лучше.
3. Срывать плоды и рубить лес для использования следует на убывающей Луне, но если тебе нужно сохранить строевой лес надолго, руби его к самому концу зимы при Луне под землей, созерцаемой Сатурном, ибо это предотвратит гниение древесины и придаст ей чрезвычайную твердость и прочность.

¹²⁶ Планета, к которой Луна в карте лунной четверти делает наиболее точный сходящийся аспект, повлияет на состояние воздуха в ближайшую неделю.

¹²⁷ Доктор Гоуд, автор «Астрометерологии» (Лондон, 1686), подтверждает данные афоризмы, касающиеся погоды.

¹²⁸ Т.е. близ новолуния.

4. Но дрова для топки и то, что ты хочешь быстро вырастить снова, собирай, когда Луна над Землей в первой четверти, соединенная с Венерой либо Юпитером.
5. Сей или сажай, когда Луна в Тельце, Деве или Скорпионе в хорошем аспекте к Сатурну, но когда она в Раке, сажай или сей все виды бобовых, а [когда] в Весах или Козероге, удобряй свой сад и подстригай небольшие деревья и кустарники.
6. Сатурн в фиксированных знаках вызывает нехватку зерна, годы дороговизны и смерть многих людей.
7. Когда деревья цветут, они наиболее подвержены вредоносному влиянию Небес, ибо тогда они подобны беременной женщине, а когда они приносят свои плоды, то подобны кормилицам, дающим грудь, которые могут вытерпеть больше, чем когда они носили ребенка; следовательно, если затмения случаются, пока дерево цветет, это в большинстве случаев вызывает нехватку данного вида плодов в этом году, и в самом деле, изобилие зерна и плодов не столько обнаруживается по весенней карте революции мира¹²⁹, сколько по температуре воздуха, его влажности, сухости или изменчивости, а также по новой и полной Лунам, и по восходам звезд, и по затмениям, особенно происходящим в то время, когда соответствующие растения цветут.
8. Зловредная планета, будучи управителем года, даже благоприятного, обычно причиняет вред всем плодам земли, но особенно тем, Сигнификатором которых она является.

АФОРИЗМЫ О ВСЕОБЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Сатурн получает королевства или верховную власть благодаря труду, обману и позору; Марс — через доблесть, грабеж и жестокость; но Юпитер — благодаря справедливости и приверженности доброте и честности.
2. Когда Сатурн находится в Весах и Юпитер — в Раке, в мире будут происходить великие сдвиги и перемены.
3. Для раскрытия [значения] подобных великих мутаций мы должны хорошенько рассмотреть великие, средние

¹²⁹ Речь идет о карте на вступление Солнца в знак Овна.

и меньшие соединения планет в различных тритонах¹³⁰, перемещение высших планет из одного знака в другой, так же, как их соединения с неподвижными звездами.

4. Подобным же образом, изменения апсид¹³¹ планет вызывают смены в правительствах и законах, и этот пункт должен очень внимательно учитываться.
5. Меркурий с несчастливой планетой в одиннадцатом доме означает установление неких суровых или несправедливых законов в мире.
6. Соединение Марса и Сатурна в шестом или восьмом доме, особенно в человеческом знаке, означает великую эпидемию.
7. Когда в радикасе любого города Марс окажется в Середине Неба, его жители будут склонны к мятежу. Если там окажется Сатурн, они будут очень несчастливы, хотя и очень трудолюбивы.
8. Если предполагается война, отметь Угол карты, в котором находится Марс, поскольку враги придут из этой части [света].

278

¹³⁰ Под «меньшим соединением» подразумевается каждое рядовое соединение Юпитера с Сатурном, происходящее раз в 20 лет. Каждое последующее соединение происходит на расстоянии около 243° от предыдущего, и потому образуются серии соединений в знаках одного тригона, которые длятся около 200 лет. «Средним соединением» называется первое соединение Юпитера и Сатурна в новой серии, произошедшее после смены тригона. Наконец, «великим соединением» именуется соединение Юпитера и Сатурна в начале знака Овна, происходящее примерно каждые 800 лет.

¹³¹ Очень старый термин, использовавшийся для обозначения точек, именуемых апогеем и перигеем. В современной астрономии термин «апсида» продолжает использоваться. Он обозначает наиболее близкую и наиболее далекую точки орбиты одного небесного тела относительно другого. Апогей и перигей — частный случай апсид.

ЗАМЕТКИ О ДЖИРОЛАМО КАРДАНО*

Джироламо Кардано (1501–1576), итальянский математик, медик и мыслитель, — интереснейшая фигура эпохи Возрождения. В историю науки он вошел главным образом благодаря своим математическим трудам (решение кубических уравнений). В историко-культурном отношении Кардано представляет собой яркую, колоритную фигуру. В «Письмах об изучении природы» Герцен упоминает о нем наряду с такими выдающимися представителями Ренессанса, какими были Джордано Бруно, Ванини и др. («...торжественная и не прерывающаяся процессия людей, мощных и сильных, приготовивших пропилеи новой науки»). В энциклопедических трудах Кардано нашли отражение новые географические открытия и новые технические изобретения. Биография Кардано позволяет прекрасно иллюстрировать борьбу нового и старого, освещая его встречи и столкновения с людьми различного склада и тенденций, — с университетскими учеными, инженерами и техниками-самоучками,

279

* Zubov Василий Павлович (1900–1963), выдающийся отечественный ученый, историк естественнонаучной, философской и эстетической мысли, прославившийся замечательными монографиями о знаменитых представителях европейской культуры (Аристотеле, Леонардо да Винчи, Альберти). 13 ноября 1958 г. он подал заявку в редакцию книжной серии «Жизнь замечательных людей» на написание труда, посвященного биографии и творчеству Джироламо Кардано. Автор предполагал в течение года написать работу объемом от 14 до 15 печатных листов. Ранее им была написана вступительная статья к книге *Кардано Дж. О моей жизни* // пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Гослитиздат, 1938, а также составлены комментарии к упомянутому изданию (V–XVI, С. 270–284). К сожалению, заявленная работа так и не была завершена.

В архиве Марии Васильевны Зубовой, дочери ученого, хранится рукопись незаконченной книги, публикуемой под названием «Заметки о Джироламо Кардано». Текст подготовлен к изданию М.В. Зубовой, В.С. Беяниным, О.В. Калюжной и А.М. Шишковым. Здесь он воспроизводится вместе с послесловием В.С. Беянина по первой публикации: *Зубов В.П. Заметки о Джироламо Кардано* // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 3. С. 3–40.

с придворными кругами и т.д. Кардано писал о разнообразнейших предметах: о теории вероятностей, азартных играх, шахматах, заморских диковинных растениях и животных, учениях арабских врачей и философии Аристотеля. Любопытнейшим документом является его автохарактеристика, написанная к концу жизни и содержащая множество эпизодов, обрисовывающих не только облик самого Кардано, но и его эпохи.

I

280

В 1575—1576 гг., накануне своей смерти, Джироламо Кардано написал в Риме книгу «О собственной жизни» (*De vita propria*), как бы подводившую итог всей его деятельности. Самая поздняя упоминаемая в книге дата — 28 апреля 1576 г., 21 сентября того же года Кардано умер. Книга увидела свет лишь в 1643 г. стараниями библиофила Габриеля Ноде¹.

Сочинение это совершенно особенное, не автобиография в собственном смысле слова, не исповедь и не дневник. Правда, глава IV имеет заголовок «Краткое описание моей жизни с начала ее до настоящего дня» и следует хронологическому порядку изложения. Местами Кардано лирически изливает всю накопившуюся в душе его горечь или повествует о точно датированных событиях в форме рассказа, похожего на дневниковую запись. Но в еще больших местах Кардано как бы разглядывает себя в зеркало, размышляет над давно прошедшим, стараясь *post factum* осмыслить и понять главные этапы своего жизненного пути.

Уже большинство заголовков свидетельствуют о таком пристальном вглядывании в отдельные черты: «Рост и наружность», «Питание», «Мои увлечения», «Шахматы и кости», «Походка и размышления», «Мои учителя», «О моей

¹ *Cardanus H. De propria vita liber. P., 1643*; перепечатана в Амстердаме (1654) и затем в 10-томном собрании сочинений в томе I (*Opera omnia. Lugduni, 1663*). Автобиография была дважды переведена на итальянский язык (пер. В. Мантовани. Милан, 1921 и 1922; пер. А. Беллини. Милан, 1932), а также на немецкий (пер. Г. Хефелс. Йена, 1914) и английский (пер. Дж. Стовер. Нью-Йорк, 1930). Во французском переводе Ж. Дейр (с латинским оригиналом. Париж, 1936) использована, кроме печатного текста Ноде, рукопись XVII в., хранящаяся в Милане. Дальше всюду «Автобиография» цитируется по русскому изданию: *Кардано Дж. О моей жизни* / пер. с лат. Ф.А. Петровского; ст. и ком. В.П. Зубова. М., 1938.

учености», «Что нового и достойного упоминания я ввел в различные области науки» и т.д.

В своем сочинении Кардано упоминает огромное количество лиц, но дает сравнительно мало портретов. Однако те портреты, которые он дает, приобретают особую живость благодаря чередованию самых различных подробностей, сочетающихся вместе с тем в цельный единый образ. Таков, например, портрет его отца, Фацио Кардано, который одевался вопреки миланским обычаям «в красную суконную одежду, хотя сохранял черный цвет для своего исподнего платья». «Он был косноязычен; любил заниматься разными науками; лицо у него было румяное, а глаза белесоватые и способные хорошо видеть в темноте; ему никогда не приходилось пользоваться очками... Так как некоторые части его черепа были у него удалены вследствие полученной им раны, то ему трудно было оставаться долгое время с непокрытой головой; с пятидесятипятiletнего возраста он лишился всей своих зубов. Особенное предпочтение он отдавал сочинениям Евклида; ходил, согнув спину»².

А вот автопортрет Кардано, каким он восстанавливается по различным отрывкам «*De vita propria*»: «Я среднего роста... Грудь у меня несколько впалая, руки довольно тонкие, правая рука потолще, и пальцы ее не сходятся плотно... Напротив, левая моя рука красива, с тонкими продолговатыми, плотно прилегающими друг к другу пальцами и блестящими ногтями. Шея довольно длинная и худая; подбородок раздвоен, нижняя губа толстая и отвислая. Глаза мои очень невелики и как бы прищурены... Лоб мой достаточно широк и лишен волос с боков, там, где он граничит с висками. Волосы на голове и бороде были прежде белокурые; волосы я подстригаю, бороду ношу короткую и раздвоенную, по форме подбородка; под подбородком у меня отдельно росли длинные волосы, так что борода казалась гуще. Старость изменила бороду, а волосы на голове — мало... Взгляд мой пристален, как у человека, погруженного в размышления; верхние передние зубы велики, цвет лица бледный с румянцем; лицо овальное, хотя и не в сильной степени; череп суживается к затылку как бы в виде небольшого шара»³.

² Кардано Дж. О моей жизни. Гл. III. С. 8.

³ Там же. Гл. V. С. 20–21.

Кардано рассказывает о своей походке, которая у него «неровная: то скорая, то медленная»⁴, а в другом месте⁵ добавляет, что причиной такой неровности «были размышления, ибо надо заметить, что движение ног, а еще более рук, отражает тревожный ход мыслей». «Моя походка могла бы войти в пословицу, ибо я иду как попало, когда предаюсь размышлениям, ничего общего не имеющим с тем, что находится у меня перед глазами»⁶. Кардано применяет к себе стихи Горация:

*«Не был он ровен ни в чем! — Иногда он так скоро бывало
Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет он священную утварь Юноны!»⁷*

282

Кардано сознается: «Я приобрел привычку всегда обнаруживать в выражении лица чувство, противоположное тому, которое я в действительности испытываю; поэтому я могу притворяться, хотя и не умею скрывать... Из таких же побуждений я иной раз выхожу на улицу в лохмотьях, а иной раз — одетый с изяществом...»⁸

Мы узнаем от Кардано: «Дома я сижу с голыми до лодыжек ногами. Я не отличаюсь почтительностью, невоздержан на язык и очень вспыльчив, чего я стыжусь и в чем себя упрекаю»⁹. И наконец, мы слышим его голос: «Речь моя звучит настолько громко, что за это упрекали меня те, кто выдавал себя за моих друзей. Хотя голос мой резок и громок, однако при чтении лекций его плохо слышно из далека; разговор не очень приятен и нарочит»¹⁰.

Уже из этих отрывков видно, сколько мельчайших реалистических штрихов содержит «De vita propria». Неудивительно, если и дальше придется не раз обращаться все к тому же источнику.

Не будем долго останавливаться на внешней хронологической канве кардановой биографии. Он родился 24 сен-

⁴ Там же. Гл. XIII. С. 50.

⁵ Там же. Гл. XXI. С. 70.

⁶ Там же. С. 70–71.

⁷ Там же. Гл. XX. С. 65.

⁸ Там же. Гл. XIII. С. 49.

⁹ Там же. Гл. XIII. С. 50.

¹⁰ Там же. Гл. V. С. 20–21.

тября 1501 г. в Павии. Кардано подчеркивает, что это было того же числа, когда родился в древности Август и Колумб отправился в свое первое плавание¹¹, в обоих случаях делая подтасовку: Август родился 23 сентября¹², Колумб же отправился 23 сентября 1493 г. в свое второе, а не первое путешествие.

Но эта подтасовка очень характерна. И не столько для тщеславия Кардано, сколько для самочувствия человека Ренессанса, — сознания, что наступила новая эпоха. Вот как писал Кардано в другом месте: «... я родился в том веке, когда был открыт весь земной шар, тогда как в древности было известно лишь немного более одной его трети». И вслед за тем Кардано прославляет открытия и изобретения последних столетий: усовершенствование «пиротехники», т.е. областей техники, в которых применяется огонь, — металлургии, изготовления взрывчатых и горючих веществ и т.п. Далее: изобретение артиллерии («человеческой молнии»), компаса и книгопечатания. Искусство печатать книги, «созданное руками людей, придуманное их гением, соперничает с божественными чудесами, ибо чего же еще недостает нам, кроме овладения небом?» Пусть впереди человечество ожидают превратности судьбы — мы «тем временем насладимся расцветом жизни», или дословно — цветущим лугом, *florente prato*¹³.

Павия, расположенная в 36 км от Милана, с 1371 г. была университетским городом. Милан, главный город Миланского герцогства, был центром. В Павии и в самом Милане протекла значительная часть жизни Кардано¹⁴. Его отец, Фацио (1444–1524) был юрист, медик и математик. Около 1480 г. Фацио издал в Милане сочинение Иоанна Кентерберийского (Иоанна Пекама, XIII в.) «*Perspectiva communis*» («Общая перспектива»), долгие годы являвшееся основой школьного преподавания геометрической оптики. Фацио

¹¹ Там же. Гл. II. С. 7–8.

¹² Ср.: Светоний. Жизнеописание Августа. Гл. V.

¹³ Кардано Дж. О моей жизни. Гл. XLI. С. 171–172.

¹⁴ В конце жизни сам Кардано произвел подсчет, сколько лет он прожил в разных городах Италии. Из этого подсчета явствует, что в Риме он прожил 4 года, в Болонье — 9, в Падуе — 3, в Павии, Милане и ближайших к ним селениях и городах — 49. См.: Кардано Дж. О моей жизни. Гл. XXIX. С. 89.

Кардано обучался с Леонардо да Винчи. В записных книжках гениального мастера можно найти такие записи: «Попроси мессера Фацио показать тебе “О пропорциях”», или — «“Пропорции” Алкинди вместе с примечаниями Марлиани от мессера Фацио»¹⁵. В качестве единственного близкого друга отца Кардано называет некоего Галеаццо Россо, перечисляя некоторые его технические изобретения¹⁶.

О своей матери Кардано сообщает немного: она «была вспыльчива, обладала очень хорошей памятью и даровитостью, была невысокого роста, скорее тучная, и отличалась благочестием». И добавляет: «Отец казался более добрым ко мне и более нежно любил меня, чем мать»¹⁷.

Когда Кардано было около 9 лет, отец начал учить его арифметике, а с 12 лет заставил изучать первые шесть книг Евклида. 20 лет Кардано поступил в Павийский университет, а в начале 1524 г. отправился для довершения образования в Падую. По окончании образования и получении диплома доктора медицины Кардано поселился недалеко от Падуи в местечке Сакко, где занимался медицинской практикой. В Милан он переселился только в 1532 г. Годы отсутствия Кардано были для Милана, как он сам отмечает, весьма тревожными и беспокойными. В 1524 г. город дважды переходил из рук в руки — ожесточенная борьба между итальянцами и французами закончилась в следующем году поражением французов при Павии. Одновременно свирепствовала эпидемия чумы, а следующие два года, 1526—1527, были годами сильного неурожая, а в 1528 г. вновь вспыхнули эпидемические болезни. Попытка вступить в миланскую коллегию врачей, сделанная Кардано в 1529 г., окончилась успехом, и он еще на несколько лет остался в Сакко.

Об этом времени Кардано вспоминает в своей автобиографии как о времени, когда он не ведал никаких невзгод, когда он был счастливее, чем в другое время, что не мешало, впрочем, упоминать в других местах о полном расстройстве его материальных дел в те же годы. Очевидно, на склоне дней эта пора его жизни рисовалась ему в идеальной дымке,

¹⁵ Леонардо да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения. М., 1955. С. 27.

¹⁶ Кардано Дж. О моей жизни. Гл. III. С. 9.

¹⁷ Там же.

застилавшей все неприятные воспоминания: в Сакко Кардано познакомился со своей будущей женой, Лучией Бандарени, и вступил с ней в брак «на исходе тридцать первого года своей жизни».

Не будем дальше проследживать год за годом жизнь Кардано в Милане и Павии. В этих городах с небольшими перерывами он прожил до 1562 г., когда переселился в Болонью. Отметим, однако, одно весьма важное обстоятельство. Когда мы теперь говорим о Кардано, то прежде всего вспоминаем о Кардано математике. Мы почти забываем, что Кардано вместе с тем был медик. Если бы каким-нибудь волшебным образом мы могли бы перенестись в середину XVI в., то увидели бы другое: Кардано — прежде всего медик и уже к концу 1540-х годов *знаменитый* медик. Он поднялся по социальной лестнице именно благодаря медицине. В те времена социальное положение медика было несравненно более высоким, чем положение математика. Пожалуй, ни одна ученая специальность не обеспечивала таких высоких гонораров, как специальность врача.

Если обратиться опять к автобиографии Кардано, то что прежде всего ставил он себе в особую заслугу? То, что в настоящее время вовсе забыто и способно привлекать лишь любопытство чисто антикварного свойства. С гордостью рассказывает Кардано об открытых им средствах против брюшной водянки, упоминает написанное им «подробнейшее исследование о моче», заявляет, что им описано 5000 приемов лечения наиболее трудноизлечимых болезней: «Число разрешенных мною проблем и вопросов доходит до сорока тысяч, и более мелких указаний я оставляю после себя до двухсот тысяч. Вот основание, почему светоч нашей отчизны называл меня *мужем открытий*»¹⁸.

Правда, Кардано говорил о себе, что он «основательно изучил» геометрию и арифметику, что он «расширил в десять раз арифметику»¹⁹, что в арифметике он «почти все переделал — главы, относящиеся к алгебре, и отдел, касающийся столь многочисленных свойств чисел, в особенности подоб-

¹⁸ Кардано Дж. О моей жизни. Гл. XLIV. С. 199. Под «светочем нашей отчизны» подразумевается юрист, филолог и историк Андреа Альгиати (1492–1550). Ср.: Там же. Гл. XLVIII. С. 232.

¹⁹ Кардано Дж. О моей жизни. Гл. XXXIV. С. 152 и 154.

ных между собой»²⁰. Он дважды упоминает о публичном курсе математики, который читал в 1536 г. в Милане²¹. Но все-таки основной профессией в его собственных глазах оставалась медицина: «С самого раннего возраста я утвердился в решении заботиться об устройении своей жизни. Занятия же медициной скорее и ближе вели к намеченной мною цели, чем профессия юриста; кроме того, медицина одинаково пригодна для всего земного шара и для всех веков; она опирается на доказательства более ясные и менее зависящие от мнения отдельных людей, сообразные с разумом, т.е. с вековым законом природы; вот почему я и посвятил себя ей, а не юриспруденции»²².

286

До начала 1540-х годов Кардано находился в довольно бедственном положении. В качестве поворотного момента своей судьбы он неоднократно²³ называл 1543 г. С этого года он приобрел известность как медик, стал пользоваться особым покровительством сильных мира сего. В качестве таких покровителей Кардано называл губернатора Миланской провинции испанца Альфонсо Давалос; советника Карла V, архиепископа Миланского Филиппо Аркинто; сенатора Франческо Сфондрато и многих других²⁴.

Во второй половине 1540-х и начале 1550-х годов Кардано, приобретя известность, стал получать заманчивые приглашения из Дании, Шотландии, Франции. К 1552 г. относится единственное путешествие Кардано за пределы Италии: он посетил Швейцарию, Францию, Фландрию, Англию и Шотландию, куда он был приглашен для лечения архиепископа Гамильтона.

В 1560 г. Кардано постигло несчастье, которого он не мог забыть до конца жизни и к которому он постоянно возвращается в автобиографии: его старший 26-летний сын, Джамбаттиста (медик, как и отец) был обвинен в отравлении своей неверной жены и казнен 13 апреля.

Вскоре (в 1562 г.) Кардано переселился в Болонью, где преподавал до 1570 г. Уже с начала XVI в., когда угас род

²⁰ Там же. Гл. XLIV. С. 196.

²¹ Там же. Гл. IV. С. 16; Гл. XXXII. С. 115.

²² Там же. Гл. X. С. 40.

²³ Там же. С. 36; Гл. LII. С. 258.

²⁴ Там же. Гл. XV. С. 58–60.

Бентивольи, город управлялся непосредственно папским легатом. Именно в те годы, когда здесь поселился Кардано, происходила перестройка университета, получившего название Архигимназия и торжественно открытого 21 октября 1563 г.

В Болонье Кардано постигли новые беды. Ему не только пришлось бороться с университетскими противниками²⁵. Осенью 1570 г. он подвергся преследованиям инквизиции, и его имущество было конфисковано.

В следующем году он переселился в Рим, где и прожил остаток жизни дряхлым стариком, без семьи, полузабытый, на скромной папской пенсии, оторванный от тех городов Северной Италии, в которых прожил значительную часть своей жизни, — от Павии, Милана и Падуи.

В наши задачи не входит обзор специальных медицинских сочинений Кардано, а о математических речь будет позднее. Но нельзя не остановиться здесь хотя бы вкратце на одном сочинении, которое очень ярко характеризует энциклопедические интересы этого типичного представителя итальянского Возрождения.

2

В 1550 г. в Нюрнберге вышло в свет сочинение Кардано, озаглавленное «De subtilitate» — «О тонких материях». Выражение «subtilitas» (субтильность, тонкость) сам Кардано разъяснял так: это есть некое свойство, в результате которого предметы чувств с трудом постигаются чувствами, а предметы разума — разумом.

Продолжая старую традицию популярных энциклопедий и вместе с тем впитывая все новое, что принесла эпоха Возрождения, Кардано начинает свое сочинение о «тонких» и «замысловатых» вещах с первичных стихий, переходит затем к небесным явлениям, от них — к минералам, растениям, животным и человеку, далее — к технической деятельности человека, рассматривая отдельные ремесла, и завершает свой труд «чудесами» и «сверхъестественными

²⁵ Болонская профессура весьма неохотно принимала Кардано в свои ряды. Потребовалось высокое покровительство кардинала Борромео, чтобы преодолеть их сопротивление. См. документы, опубликованные в статье: Costa E. Girolamo Cardano allo Studio di Bologna // Archivio Storico Italiano». 1905. Ser. 5. T. 35. P. 425–436.

вещами». Труд его представляет собою причудливую смесь старого и нового: самых фантастических суеверий с плодами гуманистической учености и данными нового технического опыта. Кардано в изобилии цитирует античных авторов и рядом с ними такие труды, как сочинение Овидия или новейшие сочинения о рыбах Ронделе (1554) и Беллони.

В своей автобиографии Кардано ставил себе в заслугу доказательство, что «учение Аристотеля о природе есть вещь пустая и вымышленная»²⁶. В частности, Кардано разошелся с традиционным аристотелевским учением о четырех элементах, или стихиях (земля, вода, воздух, огонь), исключив из их числа огонь. Он отвергал аристотелевское учение о переходе одной стихии в другую. В целом, однако, по вполне понятным причинам Кардано не мог отрешиться от идей, продолжавших господствовать в его время, и не мог строить совершенно новое на совершенно голом месте. По большей части его критика продолжала двигаться в круге привычных идей и пользоваться привычными понятиями: нередко Кардано критиковал лишь отдельные *частные* положения аристотеликов, не затрагивая более общих.

С яростной критикой обрушился на это сочинение Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558), уроженец Италии, живший во Франции. Его язвительные памфлеты стяжали ему прозвище «грозного». Видный филолог, он комментировал ботанические труды Феофраста и псевдо-Аристотеля, а также подлинные зоологические труды Аристотеля. Наряду с филологией Скалигер занимался медициной²⁷.

Скалигер посвятил разбору труда Кардано объемистое сочинение, содержащее свыше 1000 страниц убористой печати, озаглавив его так: «XV книга экзотерических изысканий. О тонких материях, к Иерониму Кардану»²⁸. Мистифицируя читателей, Скалигер назвал этот том «XV книгой», желая уверить, будто у него уже написано 14 других книг подобного объема на другие темы. Скалигер придирался ко

²⁶ Кардано Дж. Указ. соч. Гл. XLIV. С. 197.

²⁷ Не так давно была издана обстоятельная биография Скалигера: Hall V., fr. Life of Julius Caesar Scaliger (1484–1558) // Transactions of the American Philosophical Society. New series. Vol. 40. Pt. 2. Philadelphia, 1950. Из этой книжки заимствуем портрет Скалигера.

²⁸ Scaliger J.C. Exotericarum exercitationum liber XV. De subtilitate, ad Hieronymum Cardanum. Parisiis, 1557. Цит. по франкфуртскому изданию 1576 г.

всему: к каждой запятой и к каждой точке, даже к опечаткам первого издания, которые к тому времени уже были исправлены в новом издании. Он произносил громовые тирады против «невежества» своего противника.

Забавно, что еще до издания своей книги Скалигер поверил ложному слуху о смерти Кардано и приписал эту смерть огорчению от готовящейся критики. Поэтому он счел нужным предпослать своей разгромной книге лицемерное предисловие с похвальными словами по адресу «покойного» и горькими сожалениями о случившемся. На самом деле Скалигер умер на следующий же год (1558), а Кардано пережил его на 18 лет.

В 1559 г. в Базеле Кардано напечатал ответ «клеветнику книг о тонких материях», заявив, что критика Скалигера не может ему пригодиться для исправления даже одного слова при подготовке нового, третьего издания его труда. Кардано был прав, отмечая, что Скалигер вовсе обошел вопросы математики, так же как «эксперименты», т.е. техническую сторону книги. Но у Кардано было слабое место: его филологическая эрудиция.

Нельзя сказать, чтобы Скалигер как ученый не представлял вовсе никакого интереса. В его книгах нашла отражение традиционная ученость Падуанского университета: арабизированный аристотелизм (аверроизм) с уклоном в сторону естествознания и медицины (вне богословия), тенденция к наблюдению и эксперименту, правда, в некоторых лишь пределах, с сохранением в известной мере старого средостения между техническим опытом практиков и университетской наукой. Однако неслучайно, что на Скалигера продолжали ссылаться некоторые ученые первой половины XVII в., возрождавшие идеи древней атомистики, например, немецкий ученый Даниель Зеннерт. Неслучайно также позднейшие историки механики находили у Скалигера некоторые интересные концепции, правда, не им впервые выдвинутые. Но прежде всего Скалигер оставался филологом-классиком, и в этом отношении с ним не мог тягаться Кардано. Многочисленные цитаты из античных авторов ставили под удар энциклопедию Кардано. Одной цитате Кардано Скалигер противопоставлял десяток других, подвергая сомнению толкование противника. Ученый комментатор ботанических трудов Феофраста находился

в преимущественном положении по сравнению с Кардано, который сам признавался в слабом знании ботаники и в том, что греческий язык он изучил только как самоучка²⁹.

Но у Кардано было другое преимущество: он ближе стоял к опыту ремесленников, техников, практиков.

Весьма показателен в этом отношении спор по одному пункту. Кабинетный ученый, филолог-гуманист Скалигер не мог примириться с той высокой оценкой технического опыта, которая была свойственна Кардано.

Говоря о мужах, наиболее отличившихся в науках во все времена и у всех народов, Кардано поставил на первое место Архимеда, на второе — Аристотеля. Третье место, по его мнению, должно принадлежать по равному праву трем: Евклиду, философу Иоанну Дунсу Скоту (ум. в 1308 г.) и Ричарду Суисету³⁰. Далее следуют Аполлоний из Перги, автор труда о конических сечениях (III в. до н.э.); пифагореец Архит (время расцвета — около 400 г. до н.э.), предложивший решение задачи об удвоении куба и занимавшийся приложениями математики к механике и теории музыки; «Магомет, сын Моисея», т.е. арабский математик, астроном и медик аль-Кинди (IX в. н.э.); «Гебер-испанец» (Джабир, алхимик и врач VIII в. н.э.); медик Клавдий Гален (II в. н.э.) и, наконец, Витрувий, автор знаменитого сочинения «Об архитектуре», написанного на рубеже новой эры³¹. По поводу трех кандидатов на третье место Кардано замечал, что, несмотря на равные их права, предпочтение должно быть все-таки отдано Евклиду как из-за «древности», так и из-за «практической полезности» его сочинений.

Скалигер обрушился на этот перечень. Ему не понравилось, что Кардано поставил на первое место «ремесленника» (*fabrum*), т.е. инженера Архимеда, перед Аристотелем, «не менее сведущим в тех же самых искусствах», и перед Евкли-

²⁹ «Из числа же наук достойных я менее всего занимался ботаникой, вследствие недостатка памяти, а также сельским хозяйством, так как им важнее заниматься на практике, чем изучать его; от анатомии меня многое отвращало» (Кардано Дж. Указ. соч. Гл. XXXIX. С. 152). Ср.: Там же. С. 151: «...я никогда не изучал грамматики, а также греческого, французского и испанского языков, однако постиг их, сам не знаю каким способом, на практике».

³⁰ Ричард Суисет, английский ученый первой половины XIV в., автор сочинения «Калькулятор». Кардано называет его Иоанном.

³¹ *Cardanus H. De subtilitate libri XVI — Opera. T. III. Lugduni, 1663. P. 607–608.*

дом. «Ты, поставивший Евклида после Архимеда, словно светоч после фонаря...»³², — патетически восклицал он по адресу Кардано. Для Скалигера превыше всего прочего продолжала оставаться «чистая наука» вне ее прикладного значения.

При всем том, пусть Скалигер и бывал подчас скептичнее и осторожнее Кардано, обоих отличало свойственное XVI в. легковерие. Так, Скалигер упрекал Кардано за его доверие к «бабушкиным сказкам»: будто павлин стыдится своих безобразных ног, а сам, в свою очередь, заявлял, что нельзя смеяться над теми, которые полагают, что растения становятся душистее благодаря радуге.

3

Николо Тарталья родился около 1506 г. в Брешии, в Венецианской республике, в семье скромного конного почтальона. Его настоящее имя — Фонтана; Тарталья («косноязычный», или заика) — прозвище, под которым он печатал впоследствии и свои труды. Недостатки речи, как говорят, были следствием удара саблей, полученного в детстве при взятии Брешии французами (1512 г.). Самоучка Тарталья жил преподаванием математики («абака») в различных городах Венецианской республики: в родной Брешии, Вероне, Виченце и Венеции. Он был одним из первых, кто занялся применением математики к артиллерии. Первое сочинение его по вопросам баллистики было напечатано в 1537 г. в Венеции под заглавием: «Новая наука, то есть новонайденное изобретение, полезное для каждого бомбардира, обладающего познаниями в области теоретической математики»³³.

В своем сочинении «Сумма, посвященная арифметике, геометрии, отношениям и пропорциям»³⁴ друг Леонардо да Винчи, Лука Пачоли (род. ок. 1445 — ум. после 1509) за-

³² Scaliger J.C. Op. cit. Exerc. 324. P. 1028.

³³ Nuova scienza, cioè Invenzione nuovamente trovata, utile per ciascuno speculativo matematico bombardiero.

³⁴ Summa de Arithmetica, geometria, proportioni e proportionalità. Venezia, 1494. Словом «сумма» в соответствии со средневековой традицией обозначалось в то время сжатое систематическое обозрение той или иной научной дисциплины или вопроса. Слово «proportio» обычно обозначало в математической литературе того времени отношение двух величин, а не пропорцию, в отличие от слова «proportionalita» (пропорциональность), обозначавшего пропорцию в нашем смысле слова.

являл, что нельзя найти общего правила для решения уравнений более высокой степени, чем квадратные.

Тем не менее вскоре же после напечатания книги Пачоли, по-видимому, в период между 1500 и 1515 гг., профессор Болонского университета Шипионе дель Ферро (известный также под латинизированным именем Сципиона Ферреуса) открыл способ решения уравнений вида $x^3 + ax = b$. Каков был этот способ, остается в точности неизвестным, известно лишь, что после смерти дель Ферро в 1526 г. его бумаги перешли по наследству к его зятю Аннибале делла Наве, ставшему его преемником по кафедре и преподававшему в той же Болонье вплоть до 1550 г.

Решение дель Ферро было известно и одному из учеников последнего, Антонио Мариа Фиоре, жившему в Венеции. Умел решать частные виды кубических уравнений и некий Дзуанне де Тонини да Кои, преподаватель математики в Брешии. Опять-таки неизвестно, был ли тождествен способ да Кои с тем, который был открыт в Болонье дель Ферро. Известно лишь, что да Кои предлагал задачи на кубические уравнения Тарталья.

Как бы то ни было, в 1535 г. Тарталья получил вызов от Фиоре вступить с ним в математический поединок. Та и другая сторона должна была предложить противнику 30 задач для решения. Проигравший брал на себя обязательство устроить 30 банкетов в честь победителя и его друзей. Все задачи, предложенные Фиоре, сводились к одной: решение кубических уравнений типа $x^3 + ax = b$. Тарталья рассказывает, как за одну бессонную ночь, с 12 на 13 февраля, он решил все 30 задач и в день состязания вышел победителем, великодушно отказавшись от 30 банкетов, так как, видимо, находил мало удовольствия пировать в течение целого месяца со своим побежденным противником. Да Кои, который был знаком с Тартальей, побуждал его к немедленному опубликованию своего способа, но Тарталья отклонил совет, сославшись, что в свое время напишет об этом целую книгу.

Некоторое время спустя Кардано узнал от да Кои о существовании способа решать уравнения вида $x^3 + ax = b$, и это сильно его заинтересовало. В 1539 г., когда он заканчивал свою «Арифметику», Кардано делал попытки сблизиться с Тартальей, обратившись с этой целью к книгопродавцу Дзуан Антонио да Бассано, который вступил в Венеции

с Тартальей в переговоры. Последний с решительностью заявил, что если он и обнародует свое открытие, то не иначе, как в собственном труде. Он отказался дать текст 30 задач с их решением, ибо тогда Кардано сразу догадался бы об открытом им правиле. Через того же книгопродавца Кардано передал Тарталье некоторые задачи, предлагавшиеся раньше да Кои, и просил их решения. Тарталья заявил, что Кардано хочет создать видимость, будто он уже знает их решение, а на самом деле стремится выманить это решение у него, Тартальи. С трудом удалось получить лишь текст задач, предложенных Фиоре на поединке, без их решения.

Кардано ответил очень резким письмом. Он признал, что предложенные им самим задачи сходны с теми, которые предлагал да Кои, но вместе с тем заявил, что в Милане задолго до да Кои умели ставить такие же задачи, еще тогда, когда этот магистр не умел даже пересчитать свои десять пальцев. Кардано приглашал Тарталью на состязание в Милан и предлагал ему решить задачу такого рода: два человека вступают в компанию. Капитал их неизвестен. Их прибыль равна кубу $1/10$ их капитала. Если бы у них было на 3 дуката меньше, то прибыль бы равнялась их капиталу.

Тарталья не попался на эту удочку. По его словам, он очень смеялся, получив предложение Кардано, который, очевидно, желал играть с ним в *трапполу* (карточная игра) или в *корриголу* (плутовскую игру с разматыванием веревки, при которой выигрывает всегда тот, кто эту игру затевает). Вместе с тем Тарталья отдавал себе отчет, что Кардано вошел к этому времени в Милане в славу и пользовался влиянием. После обмена письмами в марте 1539 г. он приехал в Милан, рассчитывая на содействие Кардано в деле продвижения его артиллерийских изобретений и рекомендации их губернатору Ломбардии, испанцу Альфонсо д'Авалос. Последний в момент приезда Тартальи оказался в отсутствии. Тарталья провел три дня в доме Кардано и после долгих разговоров и уговоров вручил ему открытое им решение, изложенное в стихотворной форме, причем взял с миланского ученого клятву не публиковать этого открытия и зашифровать его в своих бумагах так, чтобы оно никому не стало известным после его смерти. На другой день, видимо, раскаявшись в своей минутной слабости, Тарталья уехал обратно в Венецию, даже не повидавшись с губернатором.

В мая того же 1539 г. вышла в свет в Милане «Практика всеобщей арифметики» («*Practica arithmeticae generalis*») Кардано. Ее автор сдержал свое обещание и не упомянул ничего о доверенном ему открытии. Вместе с любезным письмом он отправил Тарталье еще не сброшюрованные листы своей книги.

Но вскоре до Тартальи дошли слухи, что Кардано пишет новую книгу по алгебре, и он вновь забеспокоился. В начале 1540 г. в Милане вновь появился да Кои — этот «дьявол», как называл его Кардано. Да Кои, прослышав, что Кардано хочет прекратить свои лекции по математике, пожелал выступить претендентом на его место. Между тем сам Кардано берег это место для своего талантливого ученика Людовико Феррари (1522—1565). Однако да Кои заявлял, что он нашел решение задач, предложенных Фиоре в Венеции и решенных Тартальей. На диспуте Феррари победил да Кои и был утвержден лектором на место своего учителя.

Получив от Тартальи решение, Кардано начал размышлять над возможностями его обобщения и довольно быстро пришел к решению в общей форме. Несомненно, что его ближайший ученик Феррари не мог не быть посвящен в изыскания своего учителя. Тогда же Феррари открыл способ решения уравнений четвертой степени.

В 1543 г. Кардано вместе с Феррари поехал в Болонью и здесь увиделся с Аннибале делла Наве, наследником Шипионе дель Ферро. Он получил возможность изучить оставшиеся после дель Ферро бумаги и убедиться, что уже Шипионе до Тартальи знал способ решения уравнений вида $x^3 + ax = b$.

Через два года, в 1545 г. появилось знаменитое математическое сочинение Кардано «Великое искусство»³⁵. В первой же главе автор дал следующую историю вопроса.

«Это искусство, — писал Кардано об алгебре, — некогда получило свое начало от Магомета, сына араба Моисея. Надежный свидетель об этом — Леонардо Пизанский. Он оставил по себе четыре формулы (*capitula*) с доказательствами, которые мы изложим в соответствующих местах.

³⁵ *Artis magnae, sive de regulis algebraicis, liber unus* [Великого искусства или об алгебраических правилах одна книга]. Norimbergae, 1545. Другое издание вышло позднее в Базеле (1570).

По прошествии долгого промежутка времени к ним были добавлены три других производных формулы неизвестного автора, вместе с основными их изложил Лука Пачоли. Наконец, я читал, что из тех же первоначальных формул были выведены еще три производных неким мужем, оставшимся в неизвестности. Они однако вовсе не увидели свет, хотя были гораздо полезнее прочих, ибо они учили решать уравнения с кубом и числом и с кубом и квадратом (*cubi et numeri et cubi quadrati aestimationem*). Тем не менее в наши времена Сципион Ферреус из Болоньи нашел формулу, касающуюся куба и неизвестного, равного числу (*cubi et rerum numero aequalium*), — вещь поистине прекрасную и удивительную. Ведь искусство это превышает всякую человеческую проницательность, ясность всяческого смертного ума и есть без сомнения небесный дар, испытание совершенства мысли настолько блистательное, что тот, кто его достигнет, может быть уверен, что ничто не будет для него недостижимым.

Ревнуя об этом, друг наш Николай Тарталья из Брешии, вступив в состязание с учеником Сципиона Антонио Мариадель Фиоре, нашел ту же формулу, чтобы не быть побежденным, и, уступив долгим просьбам, сообщил ее мне. Ибо, обманутый словами Луки Пачоли, отрицавшего возможность какой-либо другой общей формулы, кроме тех, которые он привел, я отчаивался найти таковую и не решался ее искать (хотя она была у меня под руками после стольких ранее открытых мною вещей). Но затем, когда я ее получил и доискивался доказательства, я понял, что можно иметь еще и очень многое другое. Благодаря таким занятиям и благодаря возросшей во мне уверенности я нашел кое-что частью сам, а частью при содействии Лодовико Феррари, когда-то моего питомца. В дальнейшем изложении то, что было открыто другими, будет украшено их именами, а все, что приводится без имени, принадлежит нам. При этом и доказательства, за исключением трех Магомета и двух Лодовико, — все наши, и каждое будет помещено в соответствующей главе в начале, а затем с добавлением правила к этому будет присоединяема проверка (*experimentum*)»³⁶.

³⁶ Ars magna. Cap. I (Opera, IV, 222). Под «проверкой» понимается единичный пример.

За все 10 лет, с 1535 по 1545 г., Тарталья не делал никаких попыток опубликовать открытый им способ решения уравнений $x^3 + ax = b$.

Только в следующем году после появления «Великого искусства» Кардано, т.е. в 1546 г., Тарталья опубликовал в Венеции свои «Новые задачи и изобретения»³⁷. Последняя часть их посвящена истории взаимоотношений автора с Кардано, с включением писем и содержания разговоров, изложению которых Тарталья придал форму дословной записи. Автор не жалел черной краски, изображая Кардано как нарушителя клятвы.

Вся дальнейшая полемика развернулась между Тартальей и Феррари. Сам Кардано предпочел остаться в стороне и в тени. 10 февраля 1547 г. Феррари выступил со своей первой задорной листовкой (*cartello*), на которую Тарталья не замедлил ответить в том же месяце (19 февраля). Полемика велась в самых резких тонах: Тарталья не скрывал, что резкость его нападок имела целью вызвать на бой самого Кардано. Обмен листовками продолжался более года, вплоть до 10 августа 1548 г. В этот день Тарталья принял вызов Феррари и в церкви в саду dei frati zoccolanti (братьев в деревянных башмаках, т.е. францисканцев) состоялся диспут в присутствии знати, включая губернатора Милана, дона Феррате ди Гонзага, приглашенного в качестве верховного арбитра. Беспристрастного отчета о диспуте не сохранилось. Достоверно известно, что Кардано на диспуте не присутствовал. Известно также, что на диспуте был предложен с той и другой стороны 31 вопрос для решения. И столь же хорошо известно, что Тарталья потерпел на диспуте решительное поражение. Это поражение имело для него самые печальные последствия: в его родном городе Брешии ему было отказано в должности публичного лектора, на которую его ранее приглашали. Тарталье пришлось вернуться в Венецию к своим скромным занятиям в качестве учителя абака. В 1556 г., незадолго до смерти (в декабре 1557 г.), он опубликовал первую часть своего «Генерального трактата о числах и мерах»³⁸ — прекрасного учебника элементарной

³⁷ Quesiti ed invenzioni diverse. Venezia, 1546.

³⁸ General trattato di numeri et misure. Venezia, 1556. 2-й том вышел посмертно там же в 1560 г.

математики, — в котором с горечью повествовал и о своих спорах с Феррари, и о своих злоключениях в Брешии, не упуская возможности всякий раз говорить с соответствующими выносками на полях о «заблуждениях и ошибках медика Кардано и его креатуры Людовико Феррари».

Тарталья неоднократно повторял, что он готовится написать большой труд по алгебре. Но даже в последнем его произведении, «Трактате», нет ничего о решении кубических уравнений. В посмертно вышедшем втором томе этого сочинения издатель указывал, что тщательно исследовал все черновые наброски: и там также не оказалось ничего по этим вопросам!

Много было написано о моральном (или вернее имморальном) поведении Кардано в его спорах с Тартальей, начиная с самого Тартальи, страстно упрекавшего Кардано в «коварстве» и «вероломстве». Не становясь ни в позу морального обличителя, ни в позу апологета или защитника, скажем только одно по долгу историка. Психология Тартальи была психологией, характерной для «секретничества» старого, отживающего цехового строя. Тарталья был уверен, что он сможет до бесконечности извлекать выгоду из своего открытия, держа его в секрете от других. Между тем наука достигала того уровня своего развития, когда уже нельзя было долго таить шило в мешке: открытие вскоре же переставало быть достоянием одного человека (мы видели это на примере Шипионе дель Ферро, Антонио Мариа Фиоре, Тонини да Кои, Тартальи). Те же самые открытия зачастую стали делаться несколькими людьми независимо в разных городах и странах, благодаря сходству исторических условий. Одновременно с этим Тарталья-самоучка чувствовал себя неспособным сделать нужные обобщения, отшлифовать то, до чего он додумался сам. Вот почему он и видел себя вынужденным до бесконечности откладывать написание своего труда, предпочитал хранить в тайне полученный им «талант», зарывать его в землю.

Что же касается Кардано, при всех отрицательных чертах его характера, его эгоцентризме, себялюбии и честолюбии, он не мог не видеть, что вместе с Феррари он сделал гораздо больше, чем Тарталья, да к тому же узнал, что открытие Тартальи не принадлежит ему одному, а уже раньше было сделано Шипионе дель Ферро. Он видел, что Тарталья ходил

вокруг да около, не находя общего решения и все откладывая не только опубликование, но и самое написание своего труда. Кардано не собирался присваивать чужое открытие: в «Великом искусстве» он упомянул и Шипионе дель Ферро, и Тарталью. Оставалось обвинение в нарушении клятвы. В этом случае факт остается фактом: Кардано действительно нарушил данное им слово.

Но посмотрим теперь внимательнее, что же именно сделал каждый из упомянутых ученых. Нужно сознаться, что здесь историк встречается со многими неизвестными. Во-первых, неизвестен метод Шипионе дель Ферро. Во-вторых, неизвестно, как решал те же задачи Антонио Мариа Фиоре. В-третьих, неизвестно, решал ли и как решал те же задачи да Кои. Неизвестно, в-четвертых, каким приемом пользовался Тарталья. Наконец, в-пятых, Кардано дал вывод формулы, уже обладая решением, и остается в значительной мере неясным тот путь, которым он шел. Во всех этих пунктах приходится прибегать к предположениям.

298

4

Тарталья в своем сочинении привел то стихотворение, которое, по его словам, он когда-то передал Кардано и которое содержало указания для решения неполных кубических уравнений (без квадратного члена). Мы рассмотрим это стихотворение по частям, приведя также итальянский подлинник, чтобы дать представление о его неясностях и двусмысленностях, которые неизбежно пропадают при переводе в наши дни, когда решение уже известно³⁹.

Прежде чем рассматривать различные способы решения, нужно напомнить некоторые технические термины того времени. Неизвестное в первой степени называлось «вещью» (*res*), по-итальянски — *cosa* (во множественном числе — *cose*), отсюда «коссисты», люди, занимавшиеся алгеброй. Свободный член уравнения назывался просто «числом» (*numerus*), коэффициенты при x^2 и x — «числами квадратов» и «числами вещей». Поэтому, например, 5 «вещей» соответствовало тому, что у нас обозначается как $5x$. Знак радикала, обозначался у Кардано R , знак плюс p , знак минус m .

³⁹ *Tartaglia. Opere... Venezia, 1606. P. 266. Цит. по: Gherardi. Op. cit. P. 266.*

Так как отрицательными числами не пользовались, то исследование уравнения в общей форме заменялось исследованием отдельных случаев, и именно там, где мы пользуемся отрицательными величинами, пользовались положительными в противоположной части уравнения. Иными словами, неполное кубическое уравнение типа $x^3 \pm bx \pm c = 0$ рассматривалось отдельно для случаев

$$1) x^3 + bx - c = 0;$$

$$2) x^3 - bx - c = 0;$$

$$3) x^3 - bx + c = 0.$$

Случай $x^3 + bx + c = 0$ естественно отпадал, так как сумма трех положительных величин не может равняться нулю.

В соответствии с этим, случаи 1–3 имели вид:

$$x^3 + bx = c \text{ (cubo + cose = numero);}$$

$$x^3 = bx + c \text{ (cubo = cose + numero);}$$

$$x^3 + c = bx \text{ (cubo + numero = cose).}$$

299

1-й случай: $x^3 + bx = c$.

Quando che'l cubo con le cose appresso,
Se agguaglia à qualche numero discreto:
Trouan dui altri, differenti in esso.
Dapoi terrai questo per consueto,
Che'l lor prodotto, sempre sia eguale
Al terzo cubo, delle cose netto.

В основном переводе: «Когда куб вместе с вещами [иксами] бывает равен какому-либо дискретному числу, нужно найти два другие, разнящиеся в нем [$u^3 - v^3 = c$]. Затем ты будешь всегда, как нечто привычное, считать, что их произведение равно третьему кубу, которое в точности отвечает [числу] вещей [$u^3 v^3 = (b/3)^3$]⁴⁰.

И Тарталья заключает:

El residue poi suo generale,
Delli lor lati cubi, ben sostratti
Verra la tua cosa principale.

⁴⁰ В прямых скобках введены наши пояснения. — Примеч. В.З.

«И далее общий его остаток от кубических их корней, вычитаемых правильно, будет главная искомая тобою вещь [$u - v = x$]».

2-й случай: $x^3 = bx + c$.

In el secondo, de cotesti alti;
Quando che'l cubo restasse lui solo,
Tu asserverai quest'altri contratti,
Del numer farai due, tal part'a volo
Che l'una in l'altra si produca schiett;
El terzo cubo delle cose in stullo;
Dell' qual poi er commun precetto,
Tovai li lati cubi, insieme gionti
Et cotal somma, sara il tuo conecto.

300

«Во втором случае подобных действий, если куб останется один, ты будешь соблюдать вот эти другие условия: из “числа” [c] ты сделаешь два на лету [$c = u^3 + v^3$], чтобы при перемножении одного на другое получился третий куб вещей, объединенных в порядке [$u^3 v^3 = (b/3)^3$]. Затем, следуя обычному правилу, ты извлечешь кубические корни (u и v), которые сложишь, и такая сумма будет то, что ты задумал ($u + v = x$)».

3-й случай: $x^3 + c = bx$.

Здесь Тарталья не словоохотлив и ограничивается тремя строчками, которые нет необходимости приводить в оригинале. В переводе они гласят: «Третий же случай из наших подсчетов решается при помощи второго, если хорошенько присмотреться, то по природе они связаны друг с другом».

Наконец, следуют заключительные строки: «Эти правила я нашел, и притом не мешкая [non con passi tardi дословно — не шагая медленно], в 1534 г., с основаниями весьма прочными и крепкими, в приморском городе у Ченты»⁴¹.

Кардано⁴², подобно Тарталье, рассматривает отдельно случаи $x^3 + bx = c$, $x^3 = bx + c$ и $x^3 + c = bx$. Сравним с общепринятой формулой правила, которые он для этих случаев дает.

⁴¹ Чента — река в северной Италии.

⁴² Ars magna. Cap. XI–XIII (Opera, IV, 249–253).

Решая уравнение $x^3 + bx + c = 0$, мы полагаем $x = u + v$. Поскольку $x^3 = (u + v)^3 = u^3 + 3u^2v + 3uv^2 + v^3 = u^3 + v^3 + 3uv(u + v) = u^3 + v^3 + 3uvx$, имеем:

$$x^3 - 3uvx - (u^3 + v^3) = 0,$$

или

$$x^3 - px - q = 0,$$

где $3uv = -b$ и $u^3 + v^3 = -c$.

Возведем $3uv = -b$ в куб и $u^3 + v^3 = -c$ в квадрат, получим

$$u^3v^3 = -\frac{b^3}{27} \quad \text{и} \quad u^6 + 2u^3v^3 + v^6 = c^2.$$

Умножим первое из этих уравнений на 4 и вычтем из второго:

$$\begin{array}{r} u^6 + 2u^3v^3 + v^6 = c^2 \\ -4u^3v^3 = -\frac{4b^3}{27} \\ \hline u^6 - 2u^3v^3 + v^6 = c^2 + \frac{4b^3}{27}. \end{array}$$

Остаток можно представить в виде

$$(u^3 - v^3)^2 = c^2 + \frac{4b^3}{27},$$

откуда

$$u^3 - v^3 = \sqrt{c^2 + \frac{4b^3}{27}},$$

так как $u^3 + v^3 = -c$, получаем

$$u^3 = -\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}};$$

$$v^3 = -\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}}.$$

Очевидно, что один из знаков, стоящих перед корнем, соответствует u^3 , а другой — v^3 .

Имеем, следовательно,

$$u = \sqrt[3]{-\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}}},$$

$$v = \sqrt[3]{-\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}}}.$$

Так как $x = u + v$, то

$$x = \sqrt[3]{-\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}}} + \sqrt[3]{-\frac{c}{2} \pm \sqrt{\frac{c^2}{4} + \frac{b^3}{27}}}.$$

302

Правило Кардано для уравнения типа $x^3 + bx = c$ гласит (если в прямых скобках ввести общепринятые алгебраические обозначения):

«Возведи третью часть “числа” вещей $[b]$ в куб $[(b/3)^3]$. Прибавь к ней квадрат половины “числа” уравнения $[(b/3)^3 + (c/2)^2]$ и из суммы извлеки квадратный корень. К одному такому корню прибавь половину “числа”, кото-

рую ты только что возводил в квадрат $\left[\sqrt{\left(\frac{b}{3}\right)^3 + \left(\frac{c}{2}\right)^2} + \frac{c}{c} \right]$,

а от другого такого корня вычти такую же половину

$\left[\sqrt{\left(\frac{b}{3}\right)^3 + \left(\frac{c}{2}\right)^2} - \frac{c}{c} \right]$. Ты будешь иметь бином и вычет (arotome).

Затем если кубический корень из вычета отнять от кубического корня из бинома, получившийся от этого остаток будет значением неизвестного (rei aestimatio)⁴³.

Для случая $x^3 = bx + c$ Кардано ограничивается следующим правилом: «Если куб третьей части “числа” вещей

⁴³ Ars magna. Cap. XI (Opera, IV, 249).

$[(b/3)^3]$ не будет больше квадрата половины “числа” уравнения $[(c/2)^2]$, отними его из этой последней и корень остатка

прибавь к половине “числа” уравнения $\left[\frac{c}{2} + \sqrt{\left(\frac{c}{2}\right)^2 - \left(\frac{b}{3}\right)^3} \right]$,

а затем отними эту же величину от той же половины

$\left[\frac{c}{2} - \sqrt{\left(\frac{c}{2}\right)^2 - \left(\frac{b}{3}\right)^3} \right]$. У тебя будет то, что называют биномом

и вычетом (apotome). Сумма их кубических корней дает неизвестное». Что же касается случая, когда $(c/2)^2 > (b/3)^3$, Кардано говорит так: «Но если куб третьей части “числа” вещи превосходит квадрат половины “числа” уравнения, что случается всякий раз когда “число” уравнения меньше $\frac{3}{4}$ его

303

куба, либо когда произведение $\frac{2}{3}$ “числа” вещей на $R \frac{1}{3}$ того же “числа” дает число, большее, чем “число” уравнения⁴⁴, тогда обратись к книге “Aliza”, здесь приложенной⁴⁵.

Переходим к третьему случаю: $x^3 + c = bx$. Кардано дает такое правило: «Найти значение неизвестного для куба, равного тому же числу неизвестных с тем же “числом” $[y^3 = by + c]$. Возведи половину этого значения $[y]$ в квадрат и утрой $[3(y/2)^2]$. Отними эту величину от числа “вещей” $[b - 3(y/2)^2]$, и R остатка, прибавленный к половине значения неизвестного для куба равного “вещам” и числу или

вычитаемый из нее $\left[\frac{y}{2} \pm \sqrt{b - 3\left(\frac{y}{2}\right)^2} \right]$, указывает значе-

ние неизвестного для куба и числа, равного “вещам”» [для $x^3 + c = bx$]⁴⁶.

⁴⁴ Нетрудно видеть, что при $(c/2)^2 = (b/3)^3$ оказывается: $c^2 = 4b^3/27$

и $c = \sqrt{\frac{4b^3}{27}} = \frac{2b}{3} \sqrt{\frac{b}{3}}$.

⁴⁵ Ars magna. Cap. XII (Opera, IV, 251).

⁴⁶ Ars magna. Cap. XIII (Opera, IV, 252).

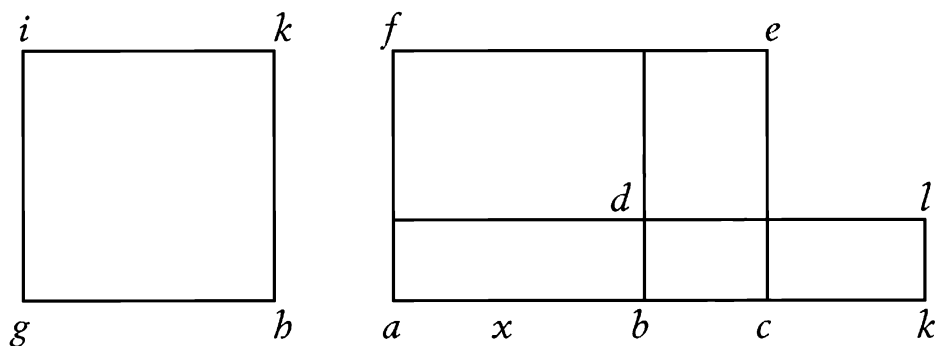

Каким путем пришел Кардано к указываемым им правилам? В одном месте своего сочинения он писал: «Когда же я понял, что формула (*capitulum*), которую мне передал Николай Тарталья, была им получена путем геометрического доказательства, то я стал думать, что это есть царский путь к открытию всех формул (*ad omnia capita venanda*)»⁴⁷.

Отчасти приоткрывают завесу в этом отношении те «доказательства» (*demonstrationes*), которыми Кардано сопровождал каждое из приведенных правил. Попробуем резюмировать их существо для каждого случая отдельно.

Вернемся к случаю $x^3 + bx = c$. Кардано берет пример $x^3 + 6x = 20$ и разбирает его подробно, к чему, в сущности, и сводится «доказательство».

Возьмем куб x^3 с основанием $gikh$, который удовлетворяет данному уравнению в сумме с $6x$ и равняется 20. Далее возьмем два других куба $(ac)^3$ и $(cl)^3$, разность которых также равняется 20, а произведение ребер ac и ck равно 2, т.е. $b/2$. На ребре ac берут отрезок $bc = ck$. Иначе говоря, $ac - bc = ab$. Кардано доказывает, что величина ab равна $gl = x$, т.е. куб, построенный на ab , удовлетворяет уравнению $x^3 + 6x = 20$.

В дальнейшем, излагая рассуждения Кардано, мы для простоты заменим обозначение отрезков ab , bc и т.д. буквенными и числовыми обозначениями x , 2 и т.д.

Итак, требуется доказать: если $x^3 + 6x = 20$ и если взять два других куба y^3 и $n^3 = (6/3)^3 = 2^3$, разность которых $y^3 - n^3$ (или $y^3 - 8^3$) также равна 20, а произведение ребер y и n равно 2 или $(6/3)$, то разность $y - n = x$. Следовательно, определив y (из $y^3 - n^3 = 20$ и $yn = 2$), мы получаем возможность узнать x .

⁴⁷ Ibid. Cap. VI (*Opera*, IV, 235).

Кардано предпосылает рассуждению четыре исходных положения (supposita):

- 1) $yn = b/3 (= 6/3 = 2)$;
- 2) $y^3 - n^3 = c (= 20)$;
- 3) $3nxy = 3ny(y - n) = 3ny^2 - 3yn^2$.

Вместе с тем, поскольку $yn = 2 : 3nxy = 6x$, следовательно, $3ny^2 - 3yn^2 = 6x$.

$$4) (y - n)^3 = (y^3 + 3yn^2) - (n^3 + 3ny^2).$$

Пусть $y^3 = \alpha$, $x^3 = \beta$, $3ny^2 = \gamma$, $3n^2y = \delta$, $\alpha - \beta = \epsilon$, $\gamma - \delta = \xi$, $\epsilon - \xi = \eta$. Тогда второе положение можно написать в виде $\alpha - \beta = \epsilon = 20$, третье положение в виде $\gamma - \delta = \xi = 6x$, а четвертое представить в виде $(y - n)^3 = (\alpha + \delta) - (\beta + \gamma) = (\alpha - \beta) - (\gamma - \delta)$. Но $\alpha - \beta = \epsilon$, а $\gamma - \delta = \xi$, а $\epsilon - \xi = \eta$. Следовательно, $(y - n)^3 = \eta$. Так как $\delta + \xi = \epsilon$, $(y - n)^3 + 6x = 20$. Сравнивая с данным уравнением $x^3 + 6x = 20$, имеем $(y - n)^3 = x^3$, т.е. $y - n = x$.

«Демонстрация» следующей, 12-й главы (случай $x^3 = bx + c$) аналогична предыдущей с той разницей, что $x = y + n$, а не $y - n$.

Итак, берут два куба y^3 и n^3 , удовлетворяющие условиям $y^3 + n^3 = c$ и $3yn = b$.

$$3xyn = bx.$$

Кардано доказывает, что $3xyn = 3yn^2 + 3ny^2$, или, что то же, $xyn = yn^2 + 3ny^2$.

$$\begin{aligned} xyn &= ynx, \\ nx &= n^2 + ny, \\ ynx &= y(n^2 + ny), \\ ynx &= y(n^2 + ny). \end{aligned}$$

Следовательно, $xyn = yn^2 + ny^2$. И таким образом $3yn^2 + 3ny^2 = bx$. Если прибавить к $3yn^2 + 3ny^2$ сумму кубов $n^3 + y^3$, получится полный куб $(y + n)^3$.

Кардано доказывает, что кубы $(m + n)^3$ и $(m - n)^3$ удовлетворяют уравнениям $(m + n)^3 + c = b(m + n)$ и $(m - n)^3 + c = b(m - n)$ при тех же значениях b и c , что и раньше.

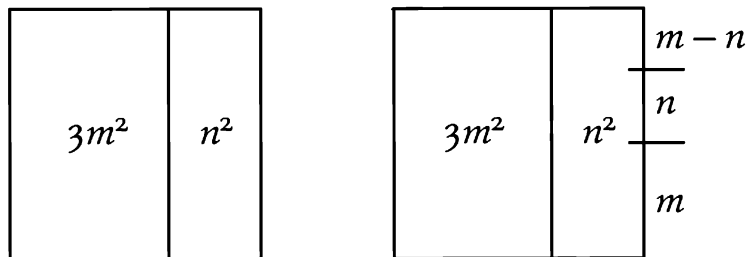
Сначала о кубе $(m + n)^3$. Как сказано, $b = 3m^2 + n^2$. Эта величина превышает квадрат $(m + n)^2 = m^2 + 2mn + n^2$ на $2m^2 - 2mn = 2m(m - n) = y(m - n)$. Таким образом, можно написать:

$$(m + n)^2 = (3m^2 + n^2) - 2m(m - n),$$

$$(m + n)^3 = (m + n)[(3m^2 + n^2) - 2m(m - n)].$$

Так как $y^3 = (4m^2)y = by + c$, то $c = [4m^2 - (3m^2 + n^2)]y$ или $c = 2m(m^2 - n^2) = 2m(m + n)(m - n)$. Складывая с $(m + n)^3$, имеем $3un^2 + 3ny^2 + n^3 + y^3$. Здесь: $3un^2 + 3ny^2 = bx$, $n^2 + y^3 = c$. Следовательно, $(y + n)^3 = bx + c$. Сравнивая с данным уравнением $x^3 = bx + c$, имеем $(y + n)^3 = x^3$. Откуда $x = y + n$.

Остается случай $x^3 + c = bx$, разбираемый в главе XIII. Кардано сначала доказывает возможность замены его $y^3 = by + c$. Берут куб с ребром $y = 2m$. Площадь его основания $(4m^2)$ делят в отношении 3:1. Площадь $3m^2$ равновелика площади ad квадрата ab , равного bx . Остальная часть площади этого квадрата ab приравнивается n^2 . Отрезок n откладывают на стороне квадрата y^2 , как показано.

$$(m + n)^3 + c = (m + n)[(3m^2 + n^2) - 2m(m - n)] + 2m(m + n)(m - n).$$

Или

$$(m + n)^3 + c = (m + n)[b - y(m - n)] + y(m + n)(m - n)$$

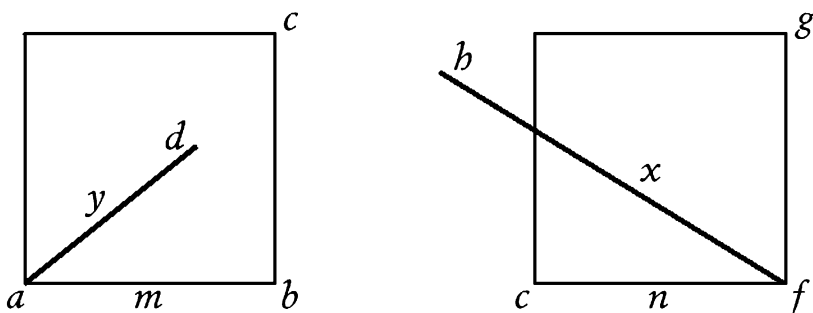
$$(m - n) = (m + n)[b - y(m - n) + y(m - n)] = (m + n)b.$$

Аналогично для $(m - n)^3$: $b = 3m^2 + n^2$. Эта величина превышает квадрат $(m - n)^2$ на $2m(m + n) = y(m + n)$.

$c = 2m(m^2 - n^2) = y(m + n)(m - n)$. Так как $(m - n)^2 = b - y(m + n)$ и, следовательно, $(m - n)^3 = b(m - n) - y(m + n)(m - n)$, и поскольку $y(m + n)(m - n) = c$, имеем $(m - n)^3 + c = b(m - n)$.

$$x^3 + c = bx.$$

Здесь же Кардано дает «демонстрацию» перехода от y к x . Пусть мы имеем параллелепипед с квадратным основанием acb и высотой ad , объем которого соответствует коэффициенту при x , т.е. b , и другой, cgf , с высотой fh , которая удовлетворяет условию $fh + (ad/2)^2 = (ab)^2$.

В дальнейшем для упрощения заменим, как и везде, обозначения отрезков ab , ad и т.д. буквами, а именно, $ab = m$, $cf = n$, $ad = y$, $fh = x$.

Выбираем m так, чтобы $m^2 y$ было равно свободному члену уравнения $y^3 + c = by$, а $(m^2 + y^2)$ — коэффициенту при y , т.е. $y^3 + m^2 y = (m^2 + y^2)y$. Для уравнения $x^3 + c = bx$ берется соответственно величина n . Поскольку коэффициент b остается одинаковым в обоих уравнениях $m^2 + y^2 = n^2 + y^2$, следовательно, n есть средняя пропорциональная: $y/n = n/(x + y)$. Раньше было показано, что $x/m = m/(x + y)$. Следовательно, $n^2 = y(x + y)$, $m^2 = x(x + y)$. Отсюда: $x/y = m^2/n^2$.

Итак, $xn^2 = ym^2$. Но ym^2 есть величина свободного члена c , а $x^2 + n^2 = y^2 + m^2$ (коэффициент b при неизвестных в обоих случаях одинаковый). Следовательно, x есть неизвестное, и от уравнения $y^3 + c = bx$ мы переходим к уравнению $x^3 + c = bx$.

Что касается отрезка fh (равного x), он отвечает условию: $(x + y/2)^2 = m^2 + (y/2)^2$. Тогда имеем: $x^2 + 2xy/2 + (y/2)^2 = m^2 + (y/2)^2$, т.е.: $m^2 = x^2 + xy = x(x + y)$. Иначе говоря, m есть средняя пропорциональная между x и $x + y$. Прибавляя к обеим частям по n^2 , имеем $m^2 + n^2 = x(x + y) + n^2 = n^2 + x^2 + xy$. Так как $m^2 + y^2 = n^2 + x^2$, можно написать $m^2 + n^2 = m^2 + y^2 + xy$ или $n^2 = y^2 + xy = y(x + y)$.

В главах XIV–XVI Кардано рассматривает неполные кубические уравнения типа $x^3 + ax + c = 0$, опять-таки исследуя порознь случаи: $x^3 = ax^2 + c$, $x^3 + ax^2 = c$ и $x^3 + c = ax^2$.

В уравнении $x^3 = ax^2 + c$ Кардано полагает $x = y + n$ (где $n = a/3$)⁴⁸. Тогда имеем:

$$(y + n)^3 = y^3 + 3ny^2 + 3n^2y + n^3,$$

$$a(y + n)^2 = ay^2 + 2any + an^2,$$

или, поскольку $a = 3n$,

$$a(y + n)^2 = 3ny^2 + 6n^2y + 3n^3.$$

Следовательно:

$$y^3 + 3ny^2 + 3n^2y + n^3 = 3ny^2 + 6n^2y + 3n^3 + c,$$

$$y^3 = 3n^2y + 2n^3 \text{ или } y^3 = 3(a/3)^2y + 2(a/3)^3 + c.$$

Иными словами, мы получаем уравнение вида $y^3 = py + q$, решив которое и прибавляя n , узнаем x , равный $y + n$.

Подставляя значения p и q в уже известную нам формулу:

$$y = \sqrt[3]{\frac{q}{2} + \sqrt{\left(\frac{q}{2}\right)^2 - \left(\frac{p}{3}\right)^3}} - \sqrt[3]{\frac{q}{2} - \sqrt{\left(\frac{q}{2}\right)^2 - \left(\frac{p}{3}\right)^3}}$$

и памятуя, что $q/2 = [2(a/3)^3 + c]/2 = (a/3)^3 + c/2$ и $p/3 = 3(a/3)^2 : c = (a/3)^2$, имеем

$$y = \sqrt[3]{\frac{2\left(\frac{a}{3}\right)^3 + c}{2} + \sqrt{\left(\frac{2\left(\frac{a}{3}\right)^3 + c}{2}\right)^2 - \left(\frac{a^2}{9}\right)^3}} -$$

$$- \sqrt[3]{\frac{2\left(\frac{a}{3}\right)^3 + c}{2} - \sqrt{\left(\frac{2\left(\frac{a}{3}\right)^3 + c}{2}\right)^2 - \left(\frac{a^2}{9}\right)^3}}.$$

⁴⁸ Кардано ведет рассуждение на частном примере $x^3 = 6x^2 + 100$ и, как и везде, оперирует отрезками.

Эту формулу Кардано пересказывает в виде «правила» словами так: «Прибавь куб третьей части “числа” квадратов к половине “числа” уравнения $[(2(a/3)^3 + c)/2 = (a/3)^3 + c/2]$ и все, что из этого получится, возведи в квадрат. От квадрата отними куб квадрата третьей части “числа” квадратов. Корень остатка прибавь и отними от половины суммы $[2(a/3)^3 + c]$, которую ты возводил в квадрат. Получишь бином и “вычет” (*apotome*). Сложи их кубические корни и прибавь третью часть “числа” квадратов и все, что получится, есть значение неизвестного».

Уравнение вида $x^3 + ax^2 = c$ решается аналогично, если принять $x = y - n$ и $n = a/3$. Кардано ведет «доказательство» на частном примере $x^3 + 6x^2 = 100$, обозначая x отрезком ab , y — отрезком ac и т.д. В переводе на алгебраические обозначения рассуждения (в обобщенном виде) сведутся к следующему.

$$y^3 = (x + n)^3 = x^3 + 3nx^2 + 3n^2x + n^3.$$

Так как $x^3 + 3nx^2 = c$ можно написать

$$y^3 = 3n^2x + n^3 + c.$$

Далее $3n^2x = 3n^2(y - n) = 3n^2y - 3n^3$.

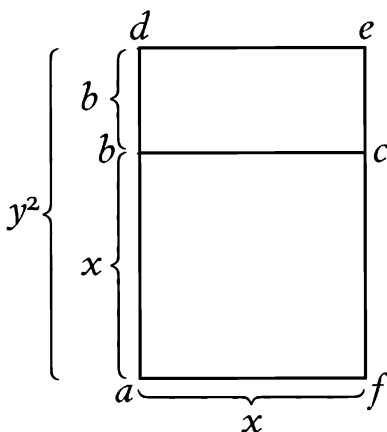
Следовательно, $y^3 + 3n^3 = 3n^2y + n^3 + c$ или $y^3 + 2n^3 = 3n^2y + c$, $y^3 = 3n^2y + c - 2n^3$.

Кардано формулирует это в виде правила так: «Возведи третью часть “числа” квадратов в куб и удвой этот куб, и возьми разность между “числом” уравнения и этой величиной. Затем утрой квадрат третьей части “числа” квадратов, и у тебя будут: либо “вещи”, которые равняются кубу и “числу” [$py = y^3 + q$], если удвоенный куб больше “числа” уравнения [$2n^3 > c$]; либо “вещи”, которые вместе с “числом” равняются кубу [$py + q = y^3$], если удвоенный куб меньше числа уравнения; либо “вещи”, равные кубу [$py = y^3$], если разность между числами равна нулю. Затем, определив значение [y], отними от него третью часть “числа” квадратов [n], а остаток будет значение неизвестного [x]»⁴⁹.

Свое «доказательство» Кардано дополняет тем, которое «изобрел Людовико Феррари» и которое, по его словам,

сходно с общим доказательством, изложенным им самим в главе VII.

Доказательство опять ведется на примере: $x^3 + 6x^2 = 100$.

310

Площадь $adef$ есть основание параллелепипеда, имеющего высоту x . Большая сторона основания равна y^2 , меньшая — x . Отрезок b соответствует коэффициенту при x^2 , т.е. равен 6. Следовательно, $x = y^2 - 6$, $x^2 = (y^2 - 6)^2 = y^4 + 36 - 12y^2$. Объем тела, имеющего основания $adef$, есть $(y^2 - 6)^2 y^2 = y^6 + 36y^2 - 12y^4 = x^2(x + 6) = y^3 + 6x^2$. Но $y^6 + 36y^2 - 12y^4 = (y^3 - 6y)^2$, а $x^3 + 6x^2 = 100$. Следовательно, $y^3 - 6y = \sqrt{100} = 10$. Определив y , узнаем отсюда $x = y^2 - 6$.

Отсюда общее правило: «Прими “число” квадратов за “число” вещей. Они с корнем квадратным из данного “числа” [уравнения] будут равны кубу. Найденное значение $[y]$ возведи в квадрат, от которого отними “число” квадратов $[x\text{-ов}]$ или “число” вещей $[y\text{-ов}]$. Остаток есть значение “вещи”».

Для случая $x^3 + c = ax^2$ Кардано дает в главе XVI⁵⁰ следующее правило: «Умножь кубический корень “числа” $\left[\sqrt[3]{c}\right]$ на “число квадратов” $[a]$, получится “число вещей” равных кубу и тому же “числу” $[py = y^3 + c]$. А найдя значение $[y]$, возведи кубичный корень числа в квадрат $\left[\left(\sqrt[3]{c}\right)^2\right]$, и произведение раздели на любое найденное значение $[y_1 \text{ и } y_2]$, получатся оба искомых значения $[x]$ ».

Далее следует такое указание: «Отними первое значение $[y]$ от числа квадратов $[a]$ и остаток умножь на сумму первого значения и одной четверти того же значения $[(a - y)$

⁵⁰ Ars magna. Cap. XVI (Opera, IV, 255–256).

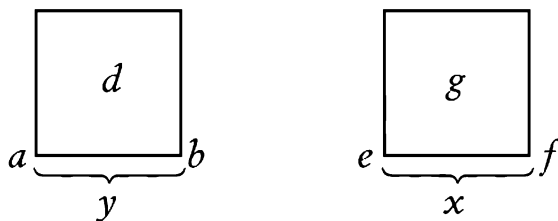
$(y + a/4)$]. Извлеки из произведения корень и прибавь половину того же остатка. Сумма есть искомое значение “вещи”».

Иначе говоря:

$$\sqrt{(a-y)\left(y+\frac{a}{4}\right)} + \frac{a-y}{2} = x.$$

«Демонстрация» сводится к проверке только что указанной формулы и иллюстрации ее чертежом. В данном случае мы сохраняем геометрические обозначения Кардано, не переводя их в алгебраические.

Берут параллелепипеды с квадратными основаниями $ab=y$ и $ef=x$. Высоты их — ad и eg .

311

Суммы высот и сторон основания в обоих случаях равны a — коэффициенту при x^2 :

$$1) \quad ab + ad = ef + eg = a.$$

Итак, если $\sqrt{ad\left(ab+\frac{ad}{4}\right)} + \frac{ad}{2} = ef$ и если дальше сокращенно обозначать квадратный корень $\sqrt{ad\left(ab+\frac{ad}{4}\right)}$ через

tetr (Кардано полностью пишет: tetragonale), то $(ef)^2 = (\text{tetr.})^2 + (\text{tetr.})ad + (ad/2)^2 = ad.ab + (ad/2)^2 + (\text{tetr.})ad = ad(\text{tetr.} + ab + ad/2)$.

Иначе говоря, ef есть средняя пропорциональная ad и $\text{tetr.} + ab + ad/2$. Так как $\text{tetr.} + ad/2 = ef$, то можно написать

$$\frac{ad}{ef} = \frac{ef}{ab+ef}.$$

Возьмем теперь равенство $ab + ad = ef + eg$ и умножим обе части его на $(ab + ef)(ab + ad)(ab + ef) = (ef + eg)(ab + ef)$.

Так как $ad(ab + ef) = ef^2$, то, следовательно, $ab(ab + ef) + (ef)^2 = (ef + eg)(ef + ab)$ или $(ab)^2 + ab.ef + (ef)^2 = (ef^2) + (ab + ef)eg + (ab.ef)$, т.е. $ab^2 = (ab + ef)eg$.

Таким образом, ab есть средняя пропорциональная между eg и $ab + ef$.

Из обеих пропорций

$$\frac{ad}{ef} = \frac{ef}{ab + ef} \quad \text{и} \quad \frac{eg}{ab} = \frac{ab}{ab + ef}$$

имеем

$$ad(ab + ef) = (ef)^2,$$

$$eg(ab + ef) = (ab)^2.$$

Откуда

$$\frac{eg}{ab} = \frac{(ab)^2}{(ef)^2},$$

312

$eg(ef)^2 = ad(ab)^2$ есть «число» уравнения, т.е. свободный член c .

В случае полного кубического уравнения $x^3 + ax^2 + bx + c = 0$ Кардано⁵¹, как и в случае неполного, не пользуясь отрицательными величинами, рассматривает отдельные виды:

$$x^3 + ax^2 + bx = c,$$

$$x^3 + bx = ax^2 + c,$$

$$x^3 + ax^2 = bx + c,$$

$$x^3 = ax^2 + bx + c,$$

$$x^3 + c = ax^2 + bx,$$

$$x^3 + bx + c = ax^2,$$

$$x^3 + ax^2 + c = bx.$$

Для каждого вида Кардано дает правило (*regula*) и доказательство (*demonstratio*). Правило сводится к указаниям, каким образом определять коэффициент p при u и величину свободного члена q в случае приведения полного уравнения

⁵¹ Ars magna. Cap. XVII–XXIII (Opera, IV, 256–264).

к виду: $y^3 + p = c + q$. Доказательство есть, в сущности, проверка путем вычислений на конкретном примере с параллельной наглядной геометрической схемой, иллюстрирующей соотношение основных величин.

Разумеется, нет никакой необходимости подробно рассматривать каждый из перечисленных видов. Достаточно ограничиться одним примером правила и одним примером доказательства.

Напомним, что при переходе от полного уравнения $x^3 + ax^2 + bx + c = 0$ к уравнению $y^3 + py + q = 0$ принимают $x = y - a/3$, в результате чего получается $p = b - a^2/3$ и $q = c - ba/3 + 2(a/3)^3$ или $q = c - [ba/3 - 2(a/3)^3]$. Поскольку у Кардано в правой части уравнения всегда находится один или несколько членов (которые нужно представлять себе, следовательно, как перенесенные из левой части с обратным знаком), во всех случаях, когда член с неизвестным в первой степени (bx) стоит в правой части уравнения, Кардано берет для p не разность $(b - a^2/3)$, а сумму $(b + a^2/3)$. Аналогично в случае, когда c находится в правой части, разность $ba/3 - 2(a/3)^3$ может быть и положительной, и отрицательной, и в свою очередь таковой же может быть разность между c и $ba/3 - 2(a/3)^3$.

Сказанное становится ясным при разборе правила главы XVII для уравнения вида $x^3 + ax^2 + bx = c$. Напомним, что «вещь» — x , «число» — свободный член c , «число» вещи — коэффициент x , «число» квадратов — коэффициент x^2 .

Вот что говорит Кардано⁵²: «Возведи в куб третью часть “числа” квадратов $[a/3]$, которую мы обозначаем знаком $\text{trquad}^{53} [a/3]$. Прибавь “число” $[c + (a/3)^3]$ ». Кардано определяет, таким образом, величину q . Вслед за тем он переходит дальше к определению коэффициента p : «Потом умножь “число” квадратов $[b]$ на третью часть этого же числа $[a^2/3]$, и тогда разность между этим произведением $[a^2/3]$ и числом “вещей” $[b]$ есть число “вещей” $[p = b - a^2/3]$, которые нужно прибавлять к кубу $[y^3 + py]$, если произведение $[a^2/3]$ меньше числа “вещей” $[b]$, либо прибавлять к “числу” $[py + c]$, если произведение $[a^2/3]$ больше числа “вещей” $[c]$ ».

⁵² Ars magna. Cap. XVII (Opera, IV, 256–258). В прямых скобках дан перевод на современную символику.

⁵³ Tertia pars quadrati — третья часть квадрата.

Иначе говоря, в переводе на современный язык, если p — положительное, то py находится в левой части уравнения, если p отрицательное, то py оказывается в правой части уравнения.

«Если, стало быть, — продолжает Кардано, — разность между произведением и числом “вещей” $[b - a^2/3]$ равна нулю, куб $[y^3]$ будет равен полученному ранее “числу” $[c + (a/3)^3]$. Тогда, извлеки кубический корень [из $c + (a/3)^3 = y^3$], вычти из этого корня $[y]$ $\text{trquad } [y - a/3]$, и остаток будет значение неизвестного $[x]$.

Если же новое неизвестное $[positiones, \text{ т.е. } py]$ вместе с кубом $[y^3 + py]$ равны “числу” $[q]$, умножь “число” неизвестных $[p = b - a^2/3]$ на $\text{trquad } [(b - a^2/3)a/3 = ba/3 - a^3/9]$ и это произведение прибавь к ранее полученному числу [т.е. $c + (a/3)^3$]. Тогда будешь иметь куб и ранее указанные неизвестные $[y^3 + py]$ равные этому “числу” $[y^3 + py = q = (c + a^3/3^3) + (b - a^2/3)a/3]$ ».

Дальше Кардано рассматривает случай, когда разность $b - a^2/3$ есть отрицательная величина и, следовательно, отнимается от $c + (a/3)^3$. Кардано говорит об этом так: «Если произведение $[a^2/3]$ будет больше числа “вещей” $[b]$, умножь разность $[b - a^2/3]$, которая есть число “вещей” $[p]$ на $\text{trquad. } [a/3]$ и произведение $[(b - a^2/3)a/3]$ вычти из раньше получившегося у тебя “числа” $[(c + (a/3)^3 - (b - a^2/3)a/3]$ ».

При таком вычитании могут оказаться три случая: $c + a/3 = (b - a^2/3)a/3$, $c + a/3 > (b - a^2/3)a/3$ (т.е. разность положительная) и $c + a/3 < (b - a^2/3)a/3$ (разность отрицательная). Об этих случаях Кардано говорит так: «Ежели ничего не останется $[q = 0]$, то у тебя будет куб $[y^3]$, равный числу “вещей” $[py]$. Вот почему по сокращении, ты получишь квадрат, равный “числу” $[y^2 = p]$. Неизвестное $[y]$ будет

квадратным R “числа” вещей $[\sqrt{p}]$. Вычти из него $\text{trquad. } [y - a/3]$, и остаток будет неизвестное $[x]$.

Если после вычитания произведения “числа” вещей $[p = b - a^2/3]$ на $\text{trquad. } [a/3]$ из получившегося “числа” $[c + (a/3)^3]$ что-нибудь останется [т.е. если разность $(c + (a/3)^3) - (b - (a^2/3)a/3$ будет положительная], то это число $[q]$ вместе с получившимся “числом” неизвестных $[py]$ будет равно кубу [т.е. $y^3 = py + q$]. Определив неизвестное

$[y]$, вычти $\text{trquad. } [a/3]$, и остаток есть искомое неизвестное $[y - a/3 = x]$. Но если произведение “числа” вещей $[p = b a^2/3]$ на $\text{trquad. } [a/3]$ оказалось бы больше, чем получившееся “число” $[c + (a/3)^3]$, то тогда разность $[c + (a/3)^3] - (b - (a^2/3)a/3]$ есть число $[q]$, которое с кубом $[y^3]$ равняется тем же неизвестным $[y^3 + q = py]$. Следовательно, определив неизвестное $[y]$, вычти $\text{trquad. } [a/3]$, и остаток есть значение неизвестного $[y - a/3 = x]$ ».

Мы постарались возможно точнее передать текст Кардано на русском языке и вместе с тем ввести возможно больше пояснений в прямых скобках, переводя словесно формулировки на язык современной символики и формул. Пусть читатель попробует теперь перечитать текст Кардано, не глядя на то, что заключено в прямые скобки, и он может составить себе довольно точное представление о том, что представлял собою язык алгебры XVI в. В приведенном отрывке встречаются только два условных сокращения: R — соответствует знаку радикала и trquad. — означает треть коэффициента при x^2 .

Посмотрим теперь на примере другой главы, что представляет собой карданово «доказательство», или «демонстрация». Разбирается случай $x^3 + bx = ax^2 + c$. Кардано берет пример $x^3 + 33x = 6x^2 + 100$ и ссылается на чертеж, «тождественный» чертежу предыдущей главы. Мы воспроизводим его на рисунке, меняя коэффициент 33 при x применительно к разбираемому случаю (в предыдущей главе разбирался случай $x^3 + 6x^2 + 20x = 100$).

куб	вещь
6 квадр.	8

a вещь b 2 c

Ребро ac куба x делят на два отрезка: $ab = y$ и $bc = 1/3$ коэффициента при x^2 , который в данном примере = 6, т.е. $bc = 2$. Для ясности изложения мы в дальнейшем вместо обозначений отрезков ab , bc и ac (как это имеет место быть у самого Кардано) будем пользоваться обозначениями y , $n (= 2)$ и x .

Итак, в уравнении $x^3 + 33x = 6x^2 + 100$ заменяем x через $y + 2$. Тогда имеем:

$$(y + 2)^3 + 33(y + 2) = 6(y + 2)^2 + 100;$$

$$(y + 2)^3 = y^3 + 6y^2 + 12y + 8;$$

$$33(y + 2) = 33y + 66;$$

$$6(y + 2)^2 = 6y^2 + 24y + 24.$$

Следовательно,

$$(y^3 + 6y^2 + 12y + 8) + (33y + 66) = (6y^2 + 24y + 24) + 100.$$

Или

$$y^3 + 6y^2 + 45y + 74 = 6y^2 + 24y + 124.$$

316

Или, наконец,

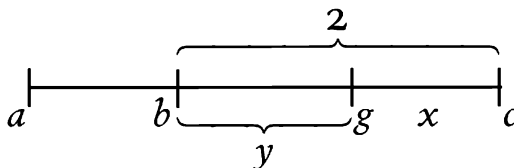
$$y^3 + 21y = 50.$$

Определив отсюда y , получают x , вычитая двойку.

Так можно было бы передать на общепринятом теперь алгебраическом языке существо пространного словесного изложения Кардано.

В той же главе приводится и другое доказательство, принадлежащее, по словам Кардано, его ученику Людовико Феррари, более ясно и наглядно, по его же словам, показывающее существо операций.

За основу берется уравнение $x^3 + 100x = 6x^2 + 10$. В тексте имеется графическая схема, воспроизведенная нами на рисунке, с введением обозначений x и y . Точно так же и в этом случае мы заменяем обозначения отрезков ab , bg и т.д., которыми пользуется Кардано, обозначениями x , y и т.д. Исследуем куб разности x и n (одной трети коэффициента при x^2 , равного 6) и сравним его с данным уравнением.

$$(x - n)^3 = (x + 3n^2x) - (3nx^2 + n^3).$$

Так как $n = 2$, имеем

$$(x - 2)^3 = (x + 12x) - (6x^2 + 8).$$

Сравниваем эту разность с уравнением

$$x^3 + 100x = 6x^2 + 10.$$

Вместо $x + 12x$ пишем $x^3 + 100x - 88x$, а вместо $6x^2 + 8$ пишем $6x^2 + 10 - 2$, или, что то же, $x^3 + 100x - 2$. Получаем $(x - 2)^3 = (x^3 + 100x - 88) - (x^3 + 100x - 2)$ или $(x - 2)^3 = 2 - 88x$.

Если положить $x = 2 - y$, получим $y^3 + 88y = 174$. Определив y , узнаем x .

5

Среди посмертно напечатанных трудов, вошедших в 10-томное лионское издание «Сочинений» Кардано, находится весьма замечательное произведение, озаглавленное «De ludo aleae», в дословном переводе «Об игре в кости», или в более свободном, но более отвечающем содержанию переводе — «Об азартных играх», так как автор касается в нем не только игры в кости, но и игры в карты. Такой перевод оправдан, тем более что самое слово «азарт» происходит от арабского *alzahr*, кость.

Сочинение, видимо, относится ко времени около 1564 г., и оно было не единственным, написанным Кардано на те же темы.

Сочинения эти до нас не дошли, возможно, они были уничтожены самим Кардано, который признается, что два раза уничтожал большое число написанных им книг: один раз в 1538 г., когда он сжег около 9 книг, которые признал пустыми, а другой раз — после ареста, в 1573 г., когда он сжег 120 книг, сохранив из них, однако, кое-что «полезное»⁵⁴.

«De ludo aleae» задумано как руководство для игрока, содержит предупреждения, касающиеся шулерских костей, крапленых карт и других подобных мошенничеств. Автор, правда, не ограничивается этим: на основании книги Челио Кальканьини «Об играх в астрагалы, тессары и камешки по

⁵⁴ Кардано Дж. Указ. соч. Гл. XLV. С. 204.

обычаям древних»⁵⁵ он анализирует игры, вышедшие из употребления в его время. Но самое главное, и это особенно важно для нас, труд Кардано — первый трактат по теории вероятностей.

Сочинение увидело свет столетием позднее после написания — в 1663 г.⁵⁶ К тому времени уже был написан дошедший до нас отрывок сочинения Галилея об игре в кости (около 1600 г.)⁵⁷. В 1654 г. Паскаль и Ферма обменялись уже своей корреспонденцией по вопросам теории вероятностей, а Христиан Гюйгенс уже напечатал свою книгу «De ratiociniis in ludo aleae» («О расчетах в азартной игре», 1657).

На сочинение Кардано обратили внимание только в XIX в. историки Тодгентер (1865) и М. Кантор (1880), но не исследовали его во всех подробностях, и многие места остались неразъясненными. Предметом специального исследования книга «De ludo aleae» стала лишь в самое последнее время⁵⁸.

Кардано очень много морализировал по поводу азартных игр. Свое сочинение он оправдывал тем, что медик должен изучать даже неизлечимые болезни, а философ не может не рассуждать о пороках. Но не менее справедливым остается, что сам Кардано в разные периоды своей жизни был азартнейшим игроком. В уже не раз цитированной автобиографии есть колоритный, очень типичный для нравов XVI в. рассказ о том, как в Венеции «под праздник Рождества Богородицы» Кардано проиграл много денег и только потом заметил, что карты были крапленые. Тогда с кинжалом в руках маститый ученый набросился на мошенника-хозяина, нанес ему рану в лицо, забрал не только свои собственные, но и его, хозяина, деньги и, угрожая слугам, приказал открыть двери на улицу. Из сочинения «De ludo aleae» выясняется, что означенный шулер был не кто иной, как знатный сенатор Томазо Лецио. В автобиографии повествуется далее,

⁵⁵ *Celio Calcagnini. De talorum ac tesserarum et calculorum ludis, ex more veterum* (вошло в «*Thesaurus graecarum antiquitatum*» Грэвия, или Гроновия).

⁵⁶ *Liber de ludo aleae — Opera. T. I. P. 262–276.*

⁵⁷ *Galileo Galilei. Considerazione sopra il gineo dei dadi — Opere. Ed. nazionale. 1898. Vol. 8. Firenze.*

⁵⁸ См.: *Ore Ø. Cardano the gambling scholar. With a translation from the Latin of Cardano's Book on games of chance, by S.H. Gould. Princeton, 1953.*

что Кардано, опасаясь преследований со стороны властей за оскорбление сенатора, решил скрыться, и что ночью в потемках он нечаянно упал в море. Ему помогли спастись, но... к крайнему своему удивлению в лодке он нашел того самого злосчастного сенатора с забинтованным лицом, с которым он недавно сражался. Видимо, и сенатор опасался огласки. Во всяком случае Кардано говорит: «Он сам предложил мне надеть матросское платье, в котором я затем и доехал вместе с ним до Падуи»⁵⁹.

В другом месте Кардано рассказывает, как он в 1542 г. играл ежедневно на деньги в шахматы с миланским патрицием Антонио Викомеркато и каждый день выигрывал у него по дукату или больше. К концу лета хозяин взмолился, прося перестать с ним играть, и взял с Кардано клятву, что тот больше не будет приходить к нему с этой целью. Что же касается самого Кардано, выигрыши, по его собственным словам, избаловали его настолько, что он «в течение нескольких месяцев не заботился ни о медицинской практике, ни об изыскании иных источников дохода, кроме только что упомянутого, пренебрегал мнением о себе других и забросил занятия наукой»⁶⁰.

В дальнейшем мы ограничимся разбором лишь некоторых глав сочинения Кардано, а именно тех, которые имеют прямое отношение к математической теории вероятности, опуская те из них, которые потребовали бы слишком много разъяснений, касающихся специальных правил карточной игры того времени или специальных правил игры в кости. Из карточных игр Кардано уделил больше всего внимания так называемой *приме* (*primero*).

Предметом нашего рассмотрения явятся, следовательно, лишь главы IX, XII, XIV, XV и XXXII.

Сначала несколько слов о терминологии. Число возможных случаев Кардано обозначает термином *circuitus* или *revolutio*, т.е. полный оборот, обращение, цикл. Другим существенным понятием для Кардано является то, что он называет *aequalitas*, дословно равенство. Имеется в виду равенство шансов, или равенство условий, в которые поставлены игроки. Такое равенство соответствует половине числа

⁵⁹ Кардано Дж. Указ. соч. Гл. XXX. С. 92–93.

⁶⁰ Там же. Гл. XXXVII. С. 136.

всех возможных случаев: если один игрок делает, например, ставку на выпадение четного, а другой — нечетного числа очков, число шансов выиграть и у того, и у другого одинаково. Кардано нередко предпочитает пользоваться понятием именно *aequalitas*, а не *circuitus*, и определять вероятность не по отношению к числу всех возможных случаев, а по отношению к вдвое меньшей величине, т.е. к числу одних лишь благоприятных случаев (при равных условиях, в которые поставлены игроки).

320 Глава IX посвящена случаям, когда бросают всего одну игральную (шестигранную) кость. Граней шесть; следовательно, при шестикратном бросании должны были бы выпадать по одному разу все шесть возможных чисел. «Однако, — говорит Кардано, — поскольку некоторые из них повторяются, постольку этого по необходимости не бывает». Половина числа 6 есть, как мы уже сказали, то, что Кардано называет *aequalitas*, равенством шансов, ибо, говорит он, одинаково вероятно, что при трех бросаниях кости выпадает определенное число, или при одном бросании выпадет одно из трех чисел (например, одно из четных или же одно из нечетных). Кардано рассуждает, очевидно, так: вероятность выпадения определенного числа очков равна $1/6$; при двух бросаниях кости она равна $2 \cdot 1/6 = 1/3$; при трех бросаниях — $3 \cdot 1/6 = 1/2$. Из рассуждения Кардано получается, что при шести бросаниях определенное число очков выпадало бы с необходимостью, а при еще большем числе бросаний вероятность превышала бы 1.

Кардано заканчивает главу замечанием, что сказанное очень важно для понимания дальнейшего, хотя в практическом отношении почти ничего еще не дает. Он, очевидно, подразумевал, что в его время не существовало игр с *одной* только костью. Примечательно, что Кардано начинает свое исследование с простейшего, чисто теоретического случая.

После отступления, посвященного Аристотелю (глава X), Кардано рассматривает в главе XI случаи с бросанием двух костей. Возможно шесть случаев, когда на обеих костях выпадает одно и то же число: единица и единица, двойка и двойка и т.д. Случаев, когда выпадают неодинаковые числа, возможно 15, или, если принять во внимание порядок, то вдвое больше, т.е. 30. Всего, следовательно, имеем 36 возможных случаев.

Исходя из такого подсчета возможных случаев, Кардано сравнивает вероятность выпадения одинакового и неодинакового числа очков на обеих костях, например, единицы и единицы или двойки и двойки. При этом он исходит из указанного выше понятия *aequalitas*, равенства шансов, ставя вопрос так: при каком числе бросаний становится одинаково вероятными *да* и *нет*. Сочетание единицы с единицей есть, по Кардано, *один* из 36 возможных случаев. Выпадение единицы и двойки вдвое чаще, так как имеет место при (1, 2) и (2, 1). Мы бы сказали, что там вероятность $p = 1/36$, а здесь $= 2/36 = 1/18$. Но Кардано формулирует это применительно к числу случаев, когда достигается *aequalitas*: для единицы и единицы оно равно 18 (*aequalitas*), для единицы и двойки — 9 (половине *aequalitas*). «Если же они выпадут чаще, или реже, — это дело удачи (*fortuna*)».

Как известно, в середине XVII в. страстный игрок кавалер де Мере поставил аналогичную задачу в обобщенном виде: определить вероятность, при которой бросая n раз две кости, получается хотя бы один раз по 6 очков на той и другой кости одновременно. Ответ определяется формулой

$$\frac{36^n - 35}{36^n}.$$

Далее Кардано переходит к вероятности выпадения одного определенного числа, например, единицы, двойки и т.д., на одной из двух костей. Единица может фигурировать в 11 различных случаях из 36 возможных. На помещенной ниже таблице таких случаев показано 12.

1 — 1	1 — 1
1 — 2	2 — 1
1 — 3	3 — 1
1 — 4	4 — 1
1 — 5	5 — 1
1 — 6	6 — 1,

но случаи в верхних строках одинаковы и считаются за один. Это, указывает Кардано, несколько уклоняется от половины *aequalitas* (11 случаев вместо 9).

При двукратном бросании двух костей возможность выпадения единицы подряд оба раза лежит в пределах между

1/4 и 1/6 от *aequalitas*. Кардано не говорит, почему. Если вспомнить, что *aequalitas* равна половине всех возможных случаев и границы вероятности p должны, следовательно, быть в данном случае 1/8 и 1/12, можно признать величину, указываемую Кардано, правильной в самом грубом приближении:

$$p = (11/36)^2 = 1/10,7.$$

Возможность выбросить единицу три раза подряд, по Кардано, лежит «весьма далеко за пределами <неразб>». Это значит, что нужно бросать кости во много большее число раз, чем 36, чтобы получилась подобная последовательность. Ибо, добавляет Кардано, «такая последовательность связана с рядом циклов, а обманчивые вариации не зависят от такого ряда (*successio illa ex ordine est, quod autem fallat praeter ordinem*)». Иначе говоря, некоторые закономерности обнаруживаются лишь при многократном повторении.

Кардано продолжает: «Следование двух одинаковых случаев одного за другим, например, повторение благоприятного числа дважды, получается при перемножении циклов (*accedit ex circuitibus invicem ductis*)». Например, если число бросаний 3600, то равенство шансов, при которых может выпасть или не выпасть определенное число очков дважды, есть 1800. Такой цикл, говорит Кардано, обманывает только потому, что в пределах одного цикла одно и то же число очков может повторяться и дважды, и трижды. «Итак, это познание предположительное (*secundum coniecturam*) и приближенное», — заключает Кардано. «И здесь нет строгого правила (*ratio recta*). Тем не менее случается, что при большом числе циклов результат получается весьма близкий к ожидаемому (*contingit quod in multis circuitibus res succedit proxima coniecturae*)». Нельзя не видеть в последних словах предвосхищение закона больших чисел.

В главе XII Кардано переходит к анализу случаев при бросании трех костей и прежде всего к их подсчету. Случаев, когда одно и то же число очков выпадает на всех трех костях, — шесть. Если на двух костях число очков одинаковое, а на третьей — другое, то таких случаев насчитывается 30. Принимая во внимание порядок по три перестановки,

имеем 90. Если, наконец, все числа очков разные, то таких случаев 20, и опять-таки, принимая во внимание перестановки, $6 \times 20 = 120$. Таким образом, для трех костей имеем в общей сложности $6 + 90 + 120 = 216$ случаев. Равенство шансов (*aequalitas*) соответствует половине, т.е. 108.

Следовательно, заключает Кардано, триплет (одинаковое число очков на всех трех костях) соответствует $1/108$ равенства (одному случаю из 108). Дублету (одинаковому числу очков на двух костях при другом числе на третьей) соответствует $1/36$ равенства. Следовательно, заключает Кардано, дублет будет появляться в три раза чаще, чем триплет.

Дальше Кардано переходит к подсчету числа случаев, когда выпадает пара каких-либо разных чисел, например, единицы и двойки. Возможны три сочетания этой пары с единицей: (1, 1, 2), (1, 2, 1), (2, 1, 1). Столько же с двойкой (2, 1, 2), (1, 2, 2), (2, 2, 1). Следовательно, всего имеем 6 случаев. Далее возможны сочетания той же пары с 4 другими числами (3, 4, 5, 6), для каждого по 6 случаев. Например, для тройки: (1, 2, 3), (1, 3, 2), (3, 1, 2), (2, 1, 3), (2, 3, 1) и (3, 2, 1). Всего получается $6 + (6 \times 4) = 30$ случаев. Следовательно, их вероятность выпадения единицы и двойки равна $30/216 = 5/36$, «почти $1/6$ »⁶¹.

В заключительной части главы XII Кардано сравнивает, с одной стороны, число вероятных случаев для определенной тройки чисел (например, 1, 2, 3) при трех костях и, с другой — число вероятных случаев выпадения определенного числа очков на одной из двух костях, приходя к выводу, что там и здесь вероятность одинаковая. Он рассуждает так: для выпадения того или иного числа очков на каждой из трех костей отдельно взятой имеем величину равную $1/3$ «равенства» (вдвое большую величины вероятности $1/6$). Следовательно, если бросать все три кости вместе, получается равенство шансов ($3 \cdot 1/3 = 1$). Такое же соотношение получается при троекратном бросании двух костей для выпадения определенного числа очков на одной из них: для одного бросания костей величина равна $12/36$ ($1/3$) равенства; при троекратном бросании она становится равной 1.

⁶¹ Кардано, как обычно, ведет расчет не применительно к числу всех возможных случаев, а к половинной величине (*aequalitas*), приходя к тому же соотношению $15 : 108 = 5 : 36$.

Глава XIV посвящена повторяемости числа очков (*de punctis geminatis*). Кардано напоминает, что при двух костях каждое из шести чисел имеет вероятность $11/36$. Дальнейшим рассуждениям предποшлем следующую таблицу.

1 — 1	2 — 2	3 — 3	4 — 4	5 — 5	6 — 6	
1 — 2	2 — 3	3 — 4	4 — 5	5 — 6		
1 — 3	2 — 4	3 — 5	4 — 6	6 — 5		
1 — 4	2 — 5	3 — 6	5 — 4			
1 — 5	2 — 6	4 — 3	6 — 4			
1 — 6	3 — 2	5 — 3				
2 — 1	4 — 2	6 — 3				
3 — 1	5 — 2					
4 — 1	6 — 2					
5 — 1						
6 — 1						
11	9	7	5	3	1	Всего 36 случаев

Как уже было сказано, имеется 11 случаев из 36, когда выпадает единица (то же для двойки, тройки и т.д.). Однако вероятность выпадения *либо единицы, либо двойки* не будет равна $2 \cdot 11/36$, а $20/36$, поскольку часть случаев, в которых фигурирует двойка, уже учтена в первом столбце. Следовательно, к 11 случаям первого столбца нужно добавлять 9 случаев второго столбца. Вероятность выпадения одного из трех чисел (*либо единицы, либо двойки, либо тройки*) будет $27/36$ или $3/4$ (т.е. $11 + 9 + 7$ случаев из 36) и т.д.

Следовательно, заключает Кардано по поводу последнего примера, при четырех бросаниях двух костей и ставке на выпадение *либо единицы, либо двойки, либо тройки*, выигрывают три раза и проигрывают 1 раз. «Вот почему, если кто-нибудь будет ставить 3 дуката на выпадение *либо единицы, либо двойки, либо тройки*, а партнер — один дукат, играя только на одно определенное число очков, то первый выиграет за три раза 3 дуката, а второй выиграет за один раз те же 3 дуката. Следовательно, при цикле из четырех бросаний всегда происходит выравнивание и, следовательно, таково правило для состязания на равных условиях. Стало

быть, если один из обоих будет ставить больше, он будет состязаться в неравных условиях и с потерей для себя, а если он будет ставить меньше, то с прибытком». Аналогично рассуждает Кардано применительно к ставкам на четыре числа, когда отношение равно $32 : 4$.

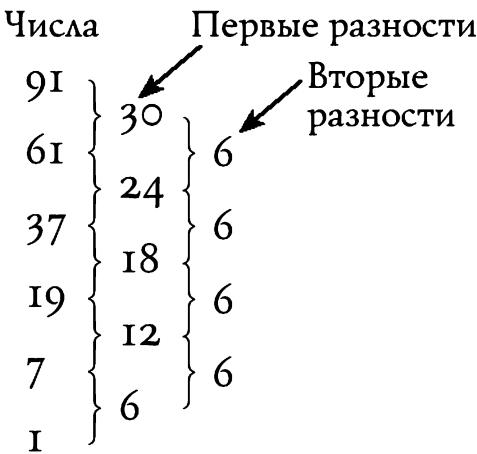
При ставке на комбинацию единицы и двойки соотношение равно $2 : 32$, при ставке на дукат (единица и единица и т.п.) оно равно $1 : 35$.

За этим следует разбор случаев при бросании трех костей. Здесь получаются следующие соотношения.

Числа очков на трех костях	Число благоприятных случаев
Единица	91
Либо единица, либо двойка	$91 + 61 = 152$
Либо единица, либо двойка, либо тройка	$152 + 37 = 189$
Либо единица, либо двойка, либо тройка, либо четверка	$189 + 19 = 208$
Либо единица, либо двойка, либо тройка, либо четверка, либо пятерка	$208 + 7 = 215$
Все шесть возможных чисел	$215 + 1 = 216$

325

При двух костях, как мы видели, числа благоприятных случаев получались путем последовательного суммирования ряда 11, 9, 7, 5, 3 и 1, образующего арифметическую прогрессию. Здесь же, как отмечает Кардано, такую прогрессию образуют разности между числами 91, 61, 37, 19, 7, 1.

Сказанное Кардано поясняет на анализе случаев, когда выбрасывается единица. Отношение между благоприятными и неблагоприятными случаями равно $91 : 125$, т.е. приблизительно $18 : 25$, несколько больше, чем $3 : 4$. Следовательно, делающий ставку на неблагоприятный случай, после 7-кратного метания трех костей выиграет дукат (ставя каждый раз, как и его противник, по дукату), а если он будет ставить каждый раз по 4 дуката, то выиграет на 3 дуката больше.

Отсюда общее правило: надо взять весь цикл (*circuitus*), число благоприятных и неблагоприятных случаев в нем и в пропорции этих благоприятных и неблагоприятных случаев делать ставки, ибо тогда состязание происходит на равных условиях.

326 После этого в той же XIV главе Кардано разбирает вероятность повторного появления подряд определенных чисел. Он несколько раз принимается за решение этой задачи. Мы проследим шаг за шагом эти попытки. Сначала Кардано говорит, что числа благоприятных и неблагоприятных случаев при одном бросании следует возводить в квадрат, в куб и т.д. Следовательно, из соотношения 91 и 125 (справедливого для появления определенного числа при одном бросании) получается для появления его же два и три раза подряд: 91^2 и 125^2 или 8281 и $15\,625$ — почти $1 : 2$; 91^3 и 125^3 или $753\,571$ и $1\,953\,125$ — приблизительно $2 : 5$. Правильные значения, как известно, будут $p_1 = 0,18$ (а не $0,33$) и $p_2 = 0,07$ (а не $0,28$).

Все это рассуждение Кардано подвергает, однако, сомнению в следующей XV главе. Ведь при равном соотношении (например, $3 : 3$) получалось бы равное соотношение и между квадратами ($3^2 : 3^2$), и между кубами ($3^3 : 3^3$), что «совершенно нелепо» (*absurdissimum*). Это значило бы также, что если для двух костей при однократном бросании соотношение между вероятностями выпадения четных и нечетных чисел $= 1 : 1$, то и при троекратном бросании оно останется равным $1 : 1$.

Пытаясь найти выход, Кардано, видимо, берет за исходную точку троекратное бросание и исследует вероятность повторения одинаково вероятных событий, а именно последовательного выпадения одних четных или нечетных

чисел. Неправильно полагая, что в этом случае соотношение числа благоприятных или неблагоприятных случаев для выпадения одних лишь четных три раза подряд равняется $1 : 8$ (вместо $1 : 7$), Кардано, видимо, на этой основе пытался вывести общую формулу, но вместо правильной $(2^n - 1) : 1$, берет формулу $(n^2 - 1) : 1$, которая дает результат одинаковый с первой, верной, лишь в случае $n = 2$.

Для двукратного повторения Кардано получает, следовательно, соотношение $3 : 1$, для троекратного — $8 : 1$, для четырехкратного — $15 : 1$, для пятикратного — $125 : 5$ и т.д. Но здесь же Кардано вводит поправку: для больших чисел формула не годится. Для 20 он берет уже формулу $(n^3 - 1) : 1$, т.е. соотношение $7999 : 1$. «Едва можно поверить, — говорит по этому поводу Кардано, — что при 7999-кратном бросании костей человек может выбросить четное число 20 раз подряд. Однако мы это доказали. Ведь если при первых 8000 правиле и может оказаться нарушенным, то при бесконечно большом числе бросаний это должно происходить почти с необходимостью. Ибо величина цикла есть продолжительность времени, которая выводит наружу все формы (*magnitudo enim circuitus est temporis longitudo quae omnes formis ostendit*)». Здесь опять Кардано подходит к идее закона больших чисел.

После всех этих попыток Кардано принимается за рассмотрение вопроса заново, выбирая в качестве примера последовательное выпадение (два раза к ряду) трех чисел (либо единицы, либо двойки, либо тройки) на двух костях. Здесь соотношение есть $3 : 1$. Для более ясной иллюстрации Кардано берет абстрактный идеальный случай: астрагал с четырьмя гранями, на трех из которых нанесены нечетные числа, а на одной — четное. Нечетные он обозначает буквами a, b, c , четное — буквой d . Получается 16 сочетаний, из которых в 9 случаях фигурируют только нечетные числа, а в 7 случаях — четное d :

aa	ba	ca	da
ab	bb	cb	db
ac	bc	cc	dc
ad	bd	cd	dd

При теле с тремя гранями, из которых одна с четным числом, имеем:

aa	ba	ca
ab	bb	cb
ac	bc	cc

т.е. в четырех случаях получаем одни нечетные числа, в пяти случаях — четное c .

При теле с пятью гранями, из которых на одной обозначено четное число, получается соотношение $16 : 9$.

Общее правило таково: число граней и число благоприятных случаев возводят в квадрат, вычитают второе число из первого и сравнивают второе число с получившимся остатком. Так, например, в случае игральной кости с шестью гранями и необходимости определить вероятность выпадения либо единицы, либо двойки, имеем $6^2 - 2^2 = 32$, т.е. соотношение $32 : 4$ или $8 : 1$.

Затем Кардано рассматривает случаи троекратного последовательного повторения чисел при бросании одной кости. В этих случаях следует возводить в куб. Для игральной кости с 6 гранями имеем, следовательно, $6^3 = 216$. Если опять требуется определить вероятность выпадения либо единицы, либо двойки, имеем $6^3 - 2^3 = 208$. Таким образом, Кардано был на пути к открытию общей формулы $p_n = p^n$.

Для двух костей рассуждение аналогичное. Пусть нужно определить вероятность троекратного последовательного выпадения либо единицы, либо двойки, либо тройки при бросании двух костей. Полный цикл (circuitus), как мы уже знаем, составляет 36 случаев, из них 27 благоприятных. $36^3 = 46\ 656$; $27^3 = 19\ 683$; $46\ 656 - 19\ 683 = 26\ 973$. Имеем, следовательно, соотношение $26\ 973 : 19\ 683$, которое $> 4 : 3$ и $< 3 : 2$. Для трех костей число возможных случаев 216 и 91 — число благоприятных случаев. $91^3 = 753\ 571$; $216^3 - 91^3 = 9\ 324\ 125$. Соотношение, следовательно, равно $9\ 324\ 125 : 753\ 571$, т.е. немногим более чем $12 : 1$.

Очень интересны, наконец, соображения Кардано в заключительной главе сочинения, где он опять подходит к закону больших чисел, рассматривая вопросы математического ожидания переменной вероятности. Кардано пишет: «Вообще же, следует заметить, что и в костях, и в астрагалах

число всех возможных случаев для одной кости или для одного астрагала определяется числом бросаний, а это последнее определяется числом поверхностей (шести — в костях, четырех — в астрагале). И точно так же обстоит дело при бросании любого числа костей или астрагалов. Следовательно, если разделить общее число очков на число граней или поверхностей, получится среднее число (*numerus mediocris*)».

Кардано берет пример с шестью костями, каждая из которых имеет пять пустых граней, а на шестой одна имеет одно очко, другая — два и т.д. вплоть до шести. Общее число очков — 21. Если разделить его на число граней, т.е. 6, получается для одного бросания среднее число $3\frac{1}{2}$. «Однако, — оговаривает Кардано, — это не есть генеральное правило, так как при большем числе бросаний среднее число оказывается даже меньше трех, по причине избытка (*excessus*) больших чисел, которые должны приниматься в расчет».

Комментатор⁶² по поводу этого места замечает, что Кардано имел полную возможность неоднократно наблюдать применение подобных костей со слепыми гранями: в его времена и даже позднее они были весьма распространены и ими пользовались на ярмарках для своего рода лотереи: выбросивший «пустышки» или какое-либо минимальное число очков терял свой взнос, при несколько более высоком числе очков он получал его обратно, а для еще больших чисел он мог получать выигрыш, достигавший (для 21 очка) иногда 90-кратной величины ставки. Вероятность такого выигрыша была, однако, практически равной нулю, а именно:

$$P = \left(\frac{1}{6}\right)^6 = \frac{1}{46656}.$$

Из настоящего изложения видно, что Кардано, вне всякого сомнения, использовал в своем трактате практические наблюдения игроков, включая собственные. Но еще более интересно, что, решая общие проблемы, Кардано производил «мысленные эксперименты»: анализировал случаи с бросанием одной лишь кости (таких игр не было), воображал тела с тремя, четырьмя и пятью гранями и т.д.

Публикация М.В. Zubовой

⁶² Ore Ø. Op. cit. P. 172.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Василий Павлович Зубов предполагал написать книгу о творчестве блистательного ученого эпохи Возрождения Джироламо Кардано, о фундаментальных открытиях, которые были сделаны в то время в области математики, и об их роли в жизни современников.

К сожалению, работа осталась незаконченной. Рукопись публикуется спустя почти полстолетия после написания. Содержание статьи ни в коей мере не устарело, она и сегодня сохраняет научно-методологическое значение.

330 В.П. Зубов знакомит читателей как с жизнью и творчеством Дж. Кардано (1501–1576), открывшего метод решения кубических уравнений, так и с жизнью другого ученого — Никколо Тарталья (1499–1557), оспаривавшего приоритет в решении таких уравнений. История науки знает много подобных споров о приоритетах и заимствованиях. Считается, что Кавальери «обокрал» Кеплера и Ферма, Ньютон — Барроу, Лейбниц — Ньютона, братья Бернулли — друг друга, Лопиталь — Бернулли и т.д. Вот и в этой работе немало страниц посвящено рассмотрению ожесточенных споров о Кардано и Тарталья, о том, кому из этих прославленных ученых принадлежит приоритет в математических открытиях.

В наши дни ученые, сделав какие-либо открытия, стремятся быстрее донести их до научного мира, тогда как в те далекие от нас времена было иначе. Сделав открытия, ученые мужи стремились как можно дольше оставаться их единственными обладателями. В частности, Тарталья знал, что дальность полета артиллерийского снаряда, выпущенного из орудия с заданной скоростью, будет максимальная при угле $\alpha = 45^\circ$. Открытие это он хранил в тайне и решил поведать о нем под большим секретом только герцогу Урбинскому, чтобы он мог им воспользоваться для эффективного ведения огня при возможном нападении турецкого флота на Венецию.

Работа Зубова о Кардано может рассматриваться как одна из первых обстоятельных попыток рассказать о том, как рождался метод решения кубических уравнений. До ее написания (1958) имелись, конечно, отдельные статьи, связанные с творчеством Кардано, с научной жизнью того вре-

мени¹. Но они с большей или меньшей подробностью исследовали жизнь Кардано, его отношения с ближайшим научным окружением, различные аспекты его творчества, не всегда связанные с математикой. Из зарубежных изданий отмечу книгу Øystein Ore «Cardano the Gambling Scholar» (1953), хранящуюся в обширной личной библиотеке Зубова. Однако и в ней нет анализа математических работ Кардано, автор рассматривает лишь его роль в разработке теории азартных игр.

Спустя почти 20 лет после смерти Зубова в издательстве «Знание» вышла книга Гутера Р.С. и Полунова Ю.Л. «Джироламо Кардано» (1980), в которой Кардано представлен как разносторонний ученый — математик, физик, механик, изобретатель, естествоиспытатель и врач. Однако основной алгебраической проблеме, занимавшей ученого, а именно изысканию способов решения уравнений третьей и четвертой степеней, посвящено из почти двухсот всего лишь несколько страниц.

Работа Зубова построена иначе, и в этом ее значимость. На протяжении многих страниц сам Кардано рассказывает о рождении метода решения кубических уравнений в контексте современной тому времени математики. Василий Павлович излагает ход мыслей математика эпохи Возрождения, не прибегая к модернизации его языка. Автор дорожит своеобразием стиля Кардано и старается познакомить с ним современного читателя. Достигается это короткими риторическими цитатами из подлинника, содержащими иногда трудные места с непонятными для нас рассуждениями. В таких случаях делаются необходимые комментарии или подстрочные примечания, позволяющие правильно понять написанное.

Многочисленные цитаты из трактата Кардано помогают читателю лучше понять зависимость алгебры того времени от словесных описаний. Тем самым наглядно показано, то огромное значение, которое имела в деле развития математики удачная символика, сократившая и облегчившая работу ученых. Сейчас очень легко вместо слов «от перемены

¹ Гариш Г.Э. Спор Тарталья и Кардано о кубических уравнениях и его общественные основы // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 67–104; Он же. Статика Кардано и Тарталья // Архив истории науки и техники. Вып. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 23–68.

мест слагаемых сумма не меняется» записать «экономное» символическое выражение $a + b = b + a$, а в те времена этого делать еще не умели.

Отсутствие общепринятой системы символов превращало алгебру XVI в. в громоздкий набор правил для решения конкретно записанных уравнений с положительными коэффициентами. Это наглядно показано Зубовым, и с этой точки зрения его методологически безупречно построенная работа ценна для любого историка математики.

Использование алгебраической символики явилось ударом по касте замыкавшихся в себе математиков-виртуозов и сделала математические занятия доступными более широкому кругу людей. Но это произошло лишь в конце XVII — первой половине XVIII вв. Словесные описания заменялись знаками, символами. Это рассматривалось как гарантия от двусмысленности, неясности рассуждений, а значит, и как необходимое условие математической строгости.

Проникнуть в ход мыслей человека того времени очень трудно. И любой историк науки в большей или меньшей степени проецирует настоящее в прошлое. У Зубова такая проекция минимальна. Текст его статьи проливает свет на работу математика эпохи Возрождения, показывает всю сложность и тонкость анализа алгебраических уравнений.

Математическому творчеству Кардано суждена удивительная жизнь. Из XVI в. его слова и размышления благодаря работе Зубова пришли в XXI в. Работа позволяет лучше понять не математические достижения Кардано, об этом известно давно, а ход его мыслей, его размышления, которые, естественно, отличаются от логики выстраивания доказательств любого современного математика.

Безусловный интерес для читателя представляет заключительная глава этой композиционно удачной работы. В ней приведена интересная информация об увлечении Кардано азартными играми (кости и карты) и использовании этого порока во благо науки. Ему как активному игроку принадлежат содержательные наблюдения над психологией игроков. Помимо этого Кардано с полным правом можно считать одним из первых ученых, стоящим у истоков комбинаторики и теории вероятностей.

Работа Зубова написана легким, живым языком, так характерным для этого ученого. Яркое изложение событий

«О МОЕЙ ЖИЗНИ»
ДЖИРОЛАМО КАРДАНО

многовековой давности представлено столь реально, что читатель невольно чувствует себя его участником. При этом в ней имеются длинные математические выкладки, которые могут вызвать некоторое отторжение у гуманитарно-образованного читателя. Но они снабжены подробными комментариями, показывающими умение автора делать отчетливыми и ясными даже весьма запутанные математические рассуждения того времени.

Многое из жизни Джироламо Кардано вряд ли бы стало известно русскому читателю, если бы не мудрое умение В.П. Зубова выбирать главное. У каждого прочитавшего эту интересную статью остается чувство глубокого сожаления о том, что автору не суждено было завершить работу.

Ведущий научный сотрудник
НИЦ «Курчатовский институт»,
канд. техн. наук В.С. Беянин

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Кардано Дж. О моей жизни. М.: ГИХЛ, 1938.

Бонатти Г. Anima Astrologia, или Руководство для астрологов: 146 рассуждений Гвидо Бонатти, 7 сегментов Джироламо Кардано. М.: Мир Урании, 2005.

Бонатти Г., Кардано Дж. Душа Астрологии. М.: Акад. мировой астрологии и метаинформации, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

Бернстайн П. Против богов. Укрощение риска. М.: ЗАО «Олимп—Бизнес», 2000.

Болгарский Б.В. Очерки по истории математики. 2-е изд. Минск: Вышэйшая школа, 1979.

334 Брагина Л.М. Гуманистические традиции в этико-философской концепции Джироламо Кардано // Культура Возрождения XVI века. М., 1997.

Брагина Л.М. Кардано // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007.

Бурбаки Н. Архитектура математики. Очерки по истории математики. М.: Иностранная литература, 1963.

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996.

Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.

Гиндикин С.Г. Рассказы о физиках и математиках. 2-е изд. М.: МЦНМО, 2001.

Гурев Г.А. История одного заблуждения: Астрология перед судом науки. Л.: Наука, 1970.

Гутер Р., Полунов Ю. Джироламо Кардано. Гений времени и места. 2-е изд. М.: Энас, 2010.

Дмитриев И.С. Творчество и чудотворство: природознание в придворной культуре Западной Европы в эпоху интеллектуальной революции XVI—XVII веков // НЛО. 2007. № 87.

Зубов В.П. Джироламо Кардано и его книга «О моей жизни» // Кардано Дж. О моей жизни. М.: ГИХЛ, 1938.

- Зубов В.П. Заметки о Джироламо Кардано // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 3. С. 3–40.
- Коллинз Р., Рестиво С. Пираты и политики в математике // Отечественные записки. 2002. № 7.
- Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.
- Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Республика, 1995.
- Майстров Л.Е. Развитие понятия вероятности. М.: Наука, 1980.
- Майстров Л.Е. Теория вероятностей: исторический очерк. М.: Наука, 1967.
- Никифоровский В.А. Вероятностный мир. М.: Наука, 1992.
- Никифоровский В.А. Из истории алгебры XVI–XVII вв. М.: Наука, 1979.
- Пензенский А.А. Нострадамус: эпоха великого прорицателя. М.: Олма-Пресс, 2005.
- Перах М. Взлет и падение библейских кодов // Континент. 2010. №103.
- Рабинович В. «Ласточка в моем гербе...». 400 лет со дня смерти [итал. мыслителя] Джироламо Кардано // Наука и религия. 1976. № 9.
- Рыбников К.И. История математики. М.: МГУ, 1974.
- Смышляев В.К. О математике и математиках. Йошкар-Ола: Наука, 1977.
- Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики. М.: Наука, 1969.
- Фишер К. Итальянская натурфилософия. Д. Кардано. Б. Телезио. Ф. Патрици // История новой философии. М.: АСТ, Ермак, 2003.
- Хондариан Г. Забытые имена: Джироламо Кардано // Наука и жизнь. 2009. № 12.
- Чикин С.Я. Врачи-философы. М.: Наука, 1990.
- Юшкевич А.П. История математики. Т. I. М.: Наука, 1970.

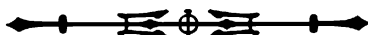

О-11 «О моей жизни» Джироламо Кардано [Текст] / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий ; пер. на рус. яз. Ф. А. Петровского, С. Бартеневой, В. Бернард, Р. Броля, Т. Быковой, Е. Волоконцева ; вступит. ст. Г. Г. Аванян, М. Ю. Вагиной, Ю. П. Зарецкого ; коммент. В. П. Зубова, Г. Г. Аванян, М. Ю. Вагиной ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 335, [1] с. + 8 с. цв. вкл. — (История от первого лица: Итальянское Возрождение). — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-0931-9 (в пер.)

Автобиография итальянского ученого XVI в. Джироламо Кардано «О моей жизни» — уникальный и до сих пор во многом недооцененный документ ренессансной эпохи. В ней удивительны не только рассказы автора о драматических перипетиях своей жизни, но и детальное описание им собственной персоны: внешности, характера, пороков, привычек, болезней, чудесных способностей. Она также погружает читателя в причудливый мир человека науки эпохи Возрождения, в котором странным образом переплетаются медицина, философия, астрология, механика, криптография.

Издание предназначено в первую очередь для студентов и преподавателей вузов — историков, философов, культурологов, психологов, историков науки. Оно также адресовано и самому широкому кругу читателей, интересующихся культурой и повседневной жизнью Италии эпохи Возрождения.

УДК 929Кардано
ББК 72.3

Научное издание

Серия «История от первого лица: Итальянское Возрождение»

«О моей жизни» Джироламо Кардано

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Н.Л. Архипова*

Дизайн серии *В.П. Коршунов*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Технические редакторы *Г.Г. Аванян, М.Ю. Вагина*

Компьютерная верстка *С.В. Родионова*

Корректор *С.М. Хорошкина*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 04.12.2012. Формат 60×90/16

Гарнитура Lazurski. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 16,5

Тираж 500 экз. Изд. № 1466. Заказ №

Автобиографическое сочинение итальянского ученого XVI в. Джироламо Кардано «О моей жизни» — уникальный и до сих пор во многом недооцененный документ ренессансной эпохи. В нем удивительны не только рассказы автора о драматических поворотах его жизни, но и детальное описание им собственной персоны: внешности, характера, пороков, привычек, болезней, чудесных способностей. Оно также погружает читателя в причудливый мир человека науки эпохи Возрождения, в котором странным образом переплетаются медицина, философия, астрология, механика, криптография.

